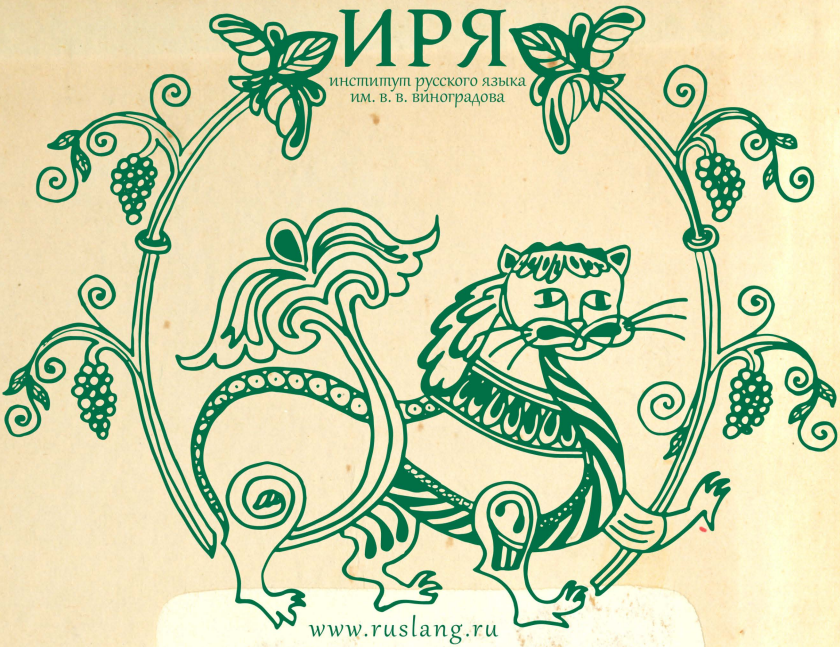
4
Г-16

Е. М. ГАЛКИНА-ФЕДОРУК

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Издательство
Московского Университета
1958

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

А
Г16

БИБЛИОТЕКА
Института
Языкознания
А. Н. СССР

53120

Е. М. ГАЛКИНА-ФЕДОРУК

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1 9 5 8

ВВЕДЕНИЕ

В предлагаемой читателю работе ставится вопрос о сущности безличных предложений в языке, их грамматической структуре и лексико-семантической природе.

В этой работе автор стремится выявить продуктивность и непродуктивность различных типов безличных предложений, их употребляемость в разных стилях, их функциональную соотнесенность с личными предложениями.

Чтобы решить вопрос о том, что такое безличное предложение и какова его специфика в типологии синтаксиса русского языка, необходимо было поставить вопрос вообще о сущности предложения, как основной единице языка, о его соотношении с суждением, выявив их связь и различия.

Только определив свою позицию в общей теории предложения, можно было приступить и к выяснению природы одного из видов односоставных предложений.

Изучение материалов современного русского языка доказало нам несостоятельность только синхронического рассмотрения этого сложнейшего вопроса и заставило нас обратиться к материалам древнерусского языка, чтобы выявить в общих чертах различие и сходство в структурном отношении типов безличных предложений в современном русском языке и в древнерусском. Для исследования поэтому привлекались не только художественные произведения современного русского языка, но и древнерусского и материалы народных диалектов, хотя и не ставилась задача исчерпывающего обзора материалов древнерусской письменности и их анализа. Однако обильный материал из древнерусских памятников дал возможность сопоставить факты древнерусского языка с фактами современного русского литературного языка, позволил выяснить некоторые исторические моменты развития безличных предложений в русском языке.

Раздельное рассмотрение достижений русских и западноевропейских ученых в области изучения природы безличных предложений обусловлено самим языковым материалом. Мно-

гие типы, встречающиеся в западных языках, например: es regnet, несвойственны структуре русского языка, а безличные предложения русского языка по структуре не соответствуют безличным предложениям в языках других народов.

Можно было бы более подробно изложить историю вопроса, не только отмечая то, что говорилось отдельными учеными о данном типе предложений, но и характеризуя те общие концепции, которых придерживался или которые создавал тот или иной ученый. Но такой подробный анализ лингвистических взглядов как русских, так и зарубежных ученых отвлек бы нас в сторону истории лингвистических учений, что, естественно, не входило в нашу задачу; нам важно было проследить: 1) с какой точки зрения — идеалистической или материалистической — рассматривался исследуемый вопрос и 2) к каким общим выводам пришел тот или иной лингвист.

Поэтому, анализируя то, что дано в решении данного вопроса отдельными учеными, мы обращаем внимание на их мировоззренческую позицию и прослеживаем общую линию развития науки о синтаксисе русского языка применительно к интересующей нас проблеме безличных предложений.

В соответствии с поставленными задачами нами было изучено до 500 отдельных прозаических и стихотворных произведений художественной литературы, начиная от Карамзина и до писателей наших дней, большое количество фольклорных и диалектологических материалов, текстов древнерусской письменности, основные лингвистические словари. Для истории вопроса и выяснения того, что было сделано предшествующими исследователями, помимо работ известных ученых, были изучены также диссертации молодых исследователей.

При выяснении природы безличных предложений были отграничены безличные предложения от других видов предложений, в которых некоторые признаки как бы совпадают с признаками безличных предложений. Только после изучения общей проблемы предложения, истории вопроса о безличных предложениях, после отграничения типов предложений, которые, по нашему мнению, неправильно включаются в безличные, мы приступаем к выявлению природы безличных предложений, к их анализу со стороны значения и формы.

Вопрос о безличных предложениях, целое столетие являющийся предметом суждения как философов, так и лингвистов, заставляет нас дать краткий очерк истории изучения этого крайне сложного и интересного вопроса, но не по лингвистическим школам, а хронологически, чтобы видеть, как развивались идеи в данной области, как постепенно все глубже и правильнее осознавался вопрос о характере безличных предложений.

ГЛАВА I

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СУЖДЕНИЯ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ИХ ЕДИНСТВЕ И РАЗЛИЧИИ

ПОНЯТИЕ СУЖДЕНИЯ

Чтобы понять, что такое безличное предложение, необходимо выяснить, в каком отношении стоит язык к мышлению и предложение к суждению.

Связь языка и мышления для лингвистов, стоящих на материалистических позициях в языкознании, не вызывает никакого сомнения. Мышление не может протекать без языка, так же как язык не может быть оторван от мышления.

Философы и языковеды-идеалисты или разрывали язык и мышление, полагая, что мышление может быть и без языка, т. е. без материальной оболочки, или же отождествляли язык и мышление. Вульгарные материалисты, механисты отождествляли язык и мышление, путем эксперимента пытались доказать ложное положение о тождестве языка и мышления. Из обзора литературы мы потом убедимся, что в философской литературе нередко утверждалась мысль о неразрывности языка и мышления, но постановка вопроса о единстве была чисто идеалистическая: язык и мысль объяснялись божественным даром творца, доказывалась первичность идеи и непознаваемость мира [1].

Современная зарубежная идеалистическая лингвистика фальсифицирует взаимоотношения мышления и бытия, утверждая, что дух господствует и первенствует над природой, а в соотношении языка и мышления первенство утверждается за языком.

[1] См. работы В. Гумбольдта, М. Мюллера, Вундта и др.

Классики марксизма установили, что «язык — непосредственная действительность мысли» (Маркс), «язык — средство общения» (Ленин).

Язык закрепляет и регистрирует успехи познания мышления, язык способен выражать и формировать мысли, в силу чего появляется возможность обмена мыслями. Идеи не могут существовать оторванно от языковой материи и не могут передаваться другим людям без форм выявления.

Связь языка и мышления, обоснованная классиками марксизма и подтвержденная экспериментами психологов и физиологов, заставляет полагать взаимосвязь, взаимопроникновение логики и грамматики, как наук, изучающих закономерности процессов и форм мышления и закономерности в развитии форм языка.

Две отрасли науки — как логика, так и грамматика — имеют каждая свою область исследования. Логика изучает законы и способы отражения объективной действительности в различных формах мысли. Грамматика изучает законы построения речи, сочетания слов в предложении и изменения слов в речи. Грамматика как наука изучает грамматику самого языка, точно так же логика как наука изучает самоё логику мышления.

В каких взаимоотношениях находятся логика и грамматика? Как у нас в России, так и на Западе в прошлом многие филологи отождествляли логику и грамматику. Из более ранних лингвистов этого направления на Западе можно указать на Беккера, который в своих книгах «Organism der Sprache als Einleitung zur deutschen Grammatik» (1827, второе издание 1841) и «Ausführliche deutsche Grammatik» (1836) отождествлял логику и грамматику.

Особенно ярким выразителем отождествления логики и грамматики был на Западе Bise (Бизе), который в работе «Psychologische Satz und Denklehre» писал, что предложение равно суждению говорящего, безразлично, выражено ли оно в форме высказывания, восклицания, вопроса, желания или приказа.

Против ошибочного отождествления грамматики и логики выступил H. Steinthal в своей работе «Grammatik, Logik und Psychologie, ihre Prinzipien und ihr Verhältniss zu einander» (Берлин, 1855). Однако Штейнталь, правильно критикуя Беккера за отождествление логики и грамматики, так категорично отграничил их друг от друга, что впал в не менее грубую ошибку — разорвал язык и мышление (см. стр. 164 и 216 назв. раб.).

На Западе большинство ученых следовало за Штейналем. Но некоторые лингвисты, как например Есперсен в своей ра-

боте «Spragets Logik», выступили против разрыва логики и грамматики.

В нашей русской лингвистической науке вопрос о соотношении логики и грамматики решался по-разному: Буслаев, Перевлесский и другие сводили категории языка к категориям логики, отождествляя их и не видя различия между ними.

Другие русские филологи, как например Белинский, Потебня, Кудрявский и другие, говоря о необходимости четкого отграничения логики от грамматики, в то же время не отрицают некоей взаимосвязи и взаимовлияния логики и грамматики. Белинский писал: «Мысль относится к слову, как душа к телу, а слово к мысли, как тело к душе, т. е. слово есть покров, одежда, форма, выражение мысли» [1]. Здесь же в примечании он еще более решительно заявляет: «Так как слово тесно связано с мыслью, то грамматика находится в тесных отношениях с логикою и должна быть основана на ней».

«Сопоставления грамматических и философских понятий могут казаться праздными лишь тому, кто полагает, что качество нашей мысли для нас самих не зависит от выражения. Если же о нашей мысли мы узнаем по слову, то для нас самих (а не для слушателей только) она рождается и изменяется вместе с словесным выражением» [2],— пишет Потебня. Но в другом месте Потебня говорит совершенно обратное: «Языкознание и в частности грамматика ничуть не ближе к логике, чем какая-либо из прочих наук» [3].

В. В. Зеньковский в статье «К вопросу о функции сказуемого» точно так же отмечал, что разрывать логику и грамматику не следует. «Принципиально вполне допустимо, что несмотря на констатированное различие, грамматика опирается в основных синтаксических понятиях на логику... Лишь с помощью логических понятий она в состоянии охватить свой материал...» [4]. «Раз речь обслуживает мышление,— то невозможно, чтобы структура речи не имела никакого отношения к структуре суждения. Она может отличаться, уклоняться...» [5].

Д. Н. Кудрявский в статье «О вундтовской психологии» пишет, что логику от грамматики нельзя отделить: «Было бы удивительно, если бы между строем речи и логическими формами мышления не существовало самых живых ассоциаций.

---

[1] В. Г. Белинский. Основания русской грамматики, М., 1837, стр. 3—4.

[2] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III, Харьков, 1899, стр. 4—5.

[3] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, Харьков, 1888, стр. 63.

[4] Известия Киевского университета, № 9, 1908, стр. 12.

[5] Там же, стр. 17.

Но это обстоятельство, конечно, нисколько не смягчает разницы между категориями логическими и грамматическими» [1].

Отмечая тесную связь логических и грамматических категорий, он указывает и на их различие: «Логическая форма мысли не совпадает с грамматической формой, т. е. с той формой мысли, в которую ее облекает язык» [2]. В другом месте он пишет: «Мне думается, что исторически неправильно говорить о том, что логические категории облекаются в форму слова; скорее наоборот: логические категории выделялись в особую систему лишь с течением времени из грамматических. Поэтому, мне кажется, что скорее грамматика может объяснять логику, а никак не обратно. Возврат к логике в объяснении грамматических категорий обозначает, таким образом, возвращение назад по крайней мере на пятьдесят лет и восстановление тех препятствий, с которыми грамматика за этот период упорно и довольно успешно боролась» [3].

Однако Кудрявский, как мы видим, считает ошибочным утверждение, что в содержании логических и грамматических понятий нет ничего общего, хотя предостерегает от их отождествления.

Особенно резко отрицательно был настроен не только против какой-либо связи логики и грамматики, но и грамматики и психологии Е. Ф. Будде. Он безоговорочно отрицал связь грамматики и логики, говоря: «Грамматике же нет никакого дела до психологической основы языковых образований, до психологической основы «предложения», равно как и до логического смысла, до значения таких образований» [4].

Не вызывает никаких сомнений в правильности такое утверждение В. А. Богородицкого: «Но, решительно разграничивая области грамматики и логики, я должен еще раз подчеркнуть, что грамматика никоим образом не может игнорировать логического момента в речи, разумея под ним элементы естественной диалектики» [5].

Богородицкий считает ошибкой, когда люди «упускают из виду тот естественно-логический момент мысли, которым необходимо направляется процесс речи. Иному читателю может показаться, что этим утверждением мы возвращаемся к той же старой логической грамматике, которую сами же

---

[1] Д. Н. Кудрявский. Психология и языкознание. Юрьев, 1905, стр. 61.

[2] Д. Н. Кудрявский. Введение в языкознание, изд. 2-е, 1913, стр. 23.

[3] Д. Н. Кудрявский. Психология и язык. СПб., 1904, стр. 68.

[4] Е. Ф. Будде. Основы синтаксиса русского языка, изд. 3-е, стр. 9.

[5] В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики, изд. 5-е, 1935, стр. 205.

отрицаем. Но в этом случае будет недоразумение: под логическим моментом мы разумеем здесь не науку логики, а естественную логику ума, которую строго должно отличать от первой» [1].

Другие ученые, как Д. Н. Овсянико-Куликовский, А. А. Шахматов, разграничивали логику и грамматику и в основу языковых категорий клали психологические факторы, что приводило их к пониманию языка как индивидуального явления.

Даже самые яркие представители формально-морфологического направления, как М. Н. Петерсон, и те не отрицали того, что в основе предложения лежит какая-то мыслительная единица: «Функция предложения — выражение психического суждения» [2].

И. И. Мещанинов, пытавшийся решить вопрос о взаимосвязи, единстве языка и мышления, выдвинул «понятийные категории». Он полагал, что понятийные категории, лежащие в основе грамматических категорий, семантически выделяются в языке. «Таким образом, грамматические категории не отождествляются с общим представлением о понятийных категориях. В грамматических категориях отображаются вовсе не все выявляемые в языке понятия, а только те, которые получают в языке свое формальное выражение средствами морфологии или синтаксиса» [3],— писал И. И. Мещанинов. Эти понятийные категории могут выступать и в семантике слова. «Субъект» и «предикат» (логические) не являются понятийными категориями, по утверждению акад. Мещанинова. Следовательно, понятийные категории не логические и не грамматические, а какое-то средостение между языком и мышлением, что ведет к разрыву языка и мышления.

Советские лингвисты, следующие марксистско-ленинской теории, исходят из того, что изучать формы языка в полном отрыве от форм мышления незакономерно, так как в языке проявляется реальность мысли; язык, будучи непосредственно связан с мышлением, регистрирует и закрепляет в словах, в соединении слов в предложениях результат работы мышления. Между логикой и грамматикой существует тесное органическое единство, включающее черты тождества и различия. К такому решению пришли не только языковеды, но и философы.

---

[1] В. А. Богородицкий. Лекции по общему языковедению, изд 2-е, Казань, 1915, стр. 173.

[2] М. Н. Петерсон. Очерк синтаксиса русского языка, М., 1923, стр. 124.

[3] И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи, Изд-во АН СССР, 1945, стр. 195.

«Если мышление и речь не могут быть разобщены, то и грамматика не может существовать изолированно от логики. Логика учит тому, как нужно мыслить, чтобы мышление было правильным, но она учит также точной передаче результатов мышления. Отсюда следует, что логика и грамматика — науки смежные. Тот, кто изучает логику, должен очень часто обращаться к грамматике. Тот, кто изучает грамматику, должен очень часто обращаться к логике...» — писал Б. Кедров в одной из своих статей [1].

Еще более решительно высказываются за органичность связи грамматики и логики Д. Н. Горский и Н. Г. Комлев в своей статье «К вопросу о соотношении логики и грамматики». «Вопрос о соотношении логики и грамматики имеет большое значение не только для языкознания и для логики, но и для теории познания диалектического материализма» [2],— пишут авторы. Для языковедов-грамматистов необходимо установить, каким же образом формы узыка взаимосвязаны с формами мысли.

Логика изучает разные формы мысли: представление, понятие, суждение, умозаключение. Предметом данной главы является установление связи одной из форм языка — предложения с одной из форм мысли — суждением.

Правильное понимание отношения языка и мышления может быть только в том случае, если правильно понято отношение человеческого сознания к бытию.

Классики марксизма создали диалектико-материалистическую теорию об отношении сознания к бытию. Ленин в своем непревзойденном по глубине мысли произведении «Материализм и эмпириокритицизм» и в своих «Философских тетрадях» дает прямой ответ на этот вопрос, устанавливая, что человеческое познание является не чем иным, как процессом отражения в сознании объективного мира, существующего вне нас и независимо от нас.

Познание объективной действительности происходит посредством наших органов чувств через ощущения в представлениях, в понятиях и суждениях. Следовательно, ощущение и мышление — только лишь качественно различные ступени единого процесса познания, ощущение и мышление — только лишь различные формы познания.

«Перед человеком *сеть* явлений природы. Инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы. Сознательный человек выделяет, категории суть ступеньки выделения, т. е.

---

[1] Б. Кедров. Против талмудизма и вульгаризации марксизма в учебнике логики для средней школы. «Вопросы философии» № 3, 1952, стр. 229.

[2] См. «Вопросы философии» № 6, 1953, стр. 63.

познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею»[1],— говорит Ленин.

Чувственное познание посредством ощущений и восприятий перерастает в представление. Хотя в представлении еще нет полной абстракции, т. е. отвлечения от предмета, так как в нем наличествует наглядность, однако представления не просто конкретные образы действительности. В представлении уже в известной мере обобщаются явления действительности.

И. П. Павлов понимал представления как процесс, протекающий по законам условно-рефлекторной деятельности в первой сигнальной системе, но связанный по законам торможения и индукции со второй сигнальной системой.

«Представление ближе стоит к действительности, чем понятие, оно живее, ярче, оно отражает разнообразные признаки... Представление всегда индивидуально»[2].

Очень интересные мысли о том, может ли представление выражаться словом, мы встречаем у И. М. Сеченова: «Если бы человек запоминал каждое из впечатлений в отдельности, то от предметов, наиболее обыденных, каковы, например, человеческие лица, стулья, деревья, дома и пр., составляющих повседневную обстановку нашей жизни, в голове его оставалось бы такое громадное количество следов, что мышление ими, по крайней мере в словесной форме, стало бы невозможным, потому что где же найти десятки или сотни тысяч разных имен для суммы всех виденных берез, человеческих лиц, стульев, и как совладать мысли с таким материалом? По счастью дело происходит не так. Все повторяющиеся, близко сходные впечатления зарегистрировываются в памяти не отдельными экземплярами, а слитно, хотя и с сохранением некоторых особенностей частных впечатлений. Благодаря этому в памяти человека десятки тысяч сходных образований сливаются в единицы, и вообще становится возможным сумму всего действительно запоминаемого в отношении ко всему виденному, слышанному и испытанному выражать сотнями, если все перечувствованное мерить миллионами»[3].

Если в настоящее время всеми логиками и языковедами признается, что понятие выражается словом и словосочетанием, а суждение выражается предложением, то вопрос о том, выражается ли представление в слове, остается открытым. Нам представляется верной точка зрения, что представление — это переход от ощущения к логической форме мысли. Академик Тодор Павлов-Досев, на наш взгляд, совершенно верно

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, 1947, стр. 67.
[2] К. Бакрадзе. Логика. Тбилиси, 1951, стр. 104.
[3] И. М. Сеченов. Элементы мысли. Сб. избр. статей, 1947, стр. 439—440.

утверждает, что «представление-воспоминание не может перерасти... в логическое понятие без помощи языка...» [1].

Совершенно иной точки зрения придерживается проф. К. Бакрадзе: «В повседневной жизни люди пользуются большею частью не понятиями, а представлениями. Люди говорят друг с другом, сообщают друг другу мысли, рассказывают о событиях и т. д., вовсе не мысля понятиями» [2].

Понятие — форма мышления, обобщенно отражающая явления действительности и закрепляющая это обобщение в слове. В понятиях отражается сущность, а не внешние свойства предметов. Оно отличается от представления бо́льшим обобщением. Понятие реализуется в слове. Слово — форма существования понятия. «Слово есть средство образования понятия» [3]. «Язык есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее» [4],— писал Потебня. Современные философы и психологи высказывают такую же точку зрения; например, Б. Г. Ананьев указывает, что в обобщении представления большую роль «играет вербализация, словесная форма, в которую облекается и в которой фиксируется представление» [5].

Представление еще не логическая форма, а психологическая, складывающаяся на основе чувств зрения, осязания, слуха, вкуса, обоняния. Представление — воспроизведение нашим мышлением образа воспринятого предмета, явления, качества, количества и т. д. Представление может образоваться мышлением и без слов, на основе воспринятого нашими органами чувств. Но «представления не просто наглядные образы действительности, они всегда в известной мере обобщенные образы действительности. И в этом их близость к понятиям» [6].

Обычно логики традиционно после представления рассматривали понятие, считая понятие более простой логической формой, чем суждение. Но уместно вспомнить слова К. Д. Ушинского, который писал: «Суждение есть не более как то же понятие, но еще в процессе своего образования. Окончательное суждение превращается в понятие» [7].

Некоторые логики делили понятия на два типа: одни понятия — простые, образующиеся с помощью слова при познании

---

[1] Т. Павлов-Досев. Теория отражения, изд. 2, 1949, стр. 104.
[2] К. Бакрадзе, назв. раб., стр. 104.
[3] А. А. Потебня. Мысль и язык, изд. 5. Госизд. Украины. 1926, стр. 125.
[4] Там же, стр. 130.
[5] Б. Г. Ананьев. Проблема представления в советской психологии и науке. Философ. зап., т. V, 1950, стр. 87.
[6] Там же, стр. 89.
[7] К. Д. Ушинский. Собр. соч., т. 8, 1950, стр. 477.

конкретных явлений действительности: «дом», «лес», «поле», «сосна»; другие понятия (понятия в точном значении слова) образуются как результат научного обобщения: «диктатура», «класс», «общество» и др. «В широком смысле под понятием мы разумеем смысл любого знаменательного слова, т. е. такого слова, которое обладает самостоятельным значением. Но это еще не есть понятие в точном смысле слова, как результат научного обобщения»,— пишет П. С. Попов [1].

«...всякое понятие является формой, которую приобретает мысль, содержащая ответ на вопрос «что это такое?» или просто «что это?» [2]. Если нам ответят «квадрат», то этим словом выразят понятие о квадрате. Если на вопрос «что такое квадрат?» нам ответят «квадрат — равносторонний прямоугольник», то «здесь понятие выступает как суждение о предмете» [3]. Здесь уже получилось понятие как «результат научного обобщения». «Разница лишь в том, что суждением как познавательным актом мы истину добываем,— в понятии же мы истиной обладаем»,— пишет П. С. Попов [4].

Таким образом, элементарные понятия, которые появились в результате познания и потребностей общения, были оформлены в словах — названиях предметов и явлений.

Название вещи, предмета, процесса и т. д. первоначально составляло примитивное предложение, или, как пишет П. С. Попов, «в первоначальном виде всякое слово представляло собой предложение, так что в основе развития языка лежат слова-предложения, обозначавшие орудия труда, которые нужно было научиться называть в процессе общения людей между собой и по их связи в трудовых процессах» [5].

Понятия различны: они могут быть примитивны, и они могут быть обобщением длительного общественного опыта. Но каким бы ни было понятие, простым или сложным, оно является формой мысли, отражающей предметы и явления действительности [6] в их существенных необходимых признаках и отношениях. Понятие не содержит утверждения или отрицания.

---

[1] П. С. Попов. Суждение и его строение. Философ. зап., VI, 1953, стр. 72.

[2] А. С. Ахманов. Логические формы и их выражение в языке. Сб. «Мышление и язык», 1957, стр. 206.

[3] Там же, стр. 208.

[4] П. С. Попов. Суждение и его строение, стр. 73.

[5] Там же, стр. 72.

[6] Совершенно нельзя согласиться с идеалистической интерпретацией понятия у Потебни: «С ясностью мысли, характеризующей понятие, связано другое его свойство, именно то, что оно только понятие (а вместе с тем и слово, как необходимое его условие), вносит идею законности, необходимости, порядка в тот мир, которым человек окружает себя и который ему суждено принимать за действительный» (А. А. Потебня. Мысль и язык, стр. 122).

Но без понятия не может быть суждений, как без слов не может быть предложения. Понятие может переходить в суждение, если в нем вскрываются какие-либо стороны: *Квадрат — равносторонний прямоугольник.*. Значит, суждение — более сложная только по структуре форма мышления, словесной оболочкой которой является предложение, также структурно более сложная языковая единица, чем слово. Сложные понятия образуются путем целого ряда суждений. К таким понятиям относятся «класс», «партия», «диктатура пролетариата», «наука» и др.

«Само собой разумеется, что понятие отдельного слова связано прежде всего с понятием отдельного предмета, которое появляется в результате анализа действительности и под влиянием нашего активного к ней отношения»,— писал еще Л. В. Щерба [1].

«В понятиях человека своеобразно отражается природа» [2]. Понятия раскрывают и обобщают существенные или основные черты предмета-явления.

Кратко можно представить такой ход познания. Посредством органов чувств мы ощущаем окружающее: видим, слышим, обоняем, ощущаем. Через органы чувств мы воспринимаем мир посредством о щ у щ е н и й. Это — чувственная ступень познания мира. Далее, увидав какую-либо вещь, предмет, явление, восприняв их через наше зрение, мы можем вспомнить, представить этот предмет или вещь и не созерцая ее. Это будет п р е д с т а в л е н и е, но еще без знания сущности явления. Но на основе различия этой вещи с другими вещами, путем обобщения ее признаков мы выделяем ее из мира других вещей, осознаем, что, например, это — лес, река, поле и т. д. Таким образом, мы уже судим. Это будет первичное суждение, в результате которого получается п о н я т и е, обобщенное и выраженное в слове. «Понятие как форма рационального познания качественно отличается от представления: оно глубже, полнее отражает действительность» [3]. «Такое первоначальное, самое примитивное суждение есть суждение восприятия» [4].

Что же такое суждение? Не вдаваясь в историю этого вопроса, решенного еще Аристотелем, а затем много раз пересматривавшегося то с идеалистической, то с материалистической точки зрения, укажем, что говорил Аристотель: «Всякая

[1] Л. В. Щ е р б а. Преподавание иностранных языков в средней школе, 1947, стр. 76. Здесь следует внести уточнение: отдельное слово может выражать понятия и о множестве отдельных предметов.

[2] В. И. Л е н и н. Философские тетради, стр. 266.

[3] Ф. И. Г е о р г и е в. Пролема чувственного и рационального в познании. «Вопросы философии» № 1, 1955, стр. 37.

[4] П. С. П о п о в, назв. раб., стр. 75.

речь имеет значение... но не всякая речь заключает в себе суждение, а лишь та, в которой заключается или истинность или ложность чего-либо» [1].

О суждении Аристотель говорит следующее: «Суждение, составляя единство, прежде всего есть утверждение, затем отрицание» [2]. Все логики идеалистического направления старались истолковать суждение как сочетание или отношение двух понятий или представлений. Так, например, Кант прямо указывал, что суждение есть «соединение представлений в сознании». Последователи Канта — В. Виндельбанд, Х. Зигварт и М. Мюллер также указывали, что суждение — это связь между двумя отдельными содержаниями представлений (см., например: В. Виндельбанд. «Прелюдии», 1904, стр. 337).

Зигварт в «Логике» (1908) писал, что каждое положительное суждение является двучленным и состоит из синтеза двух представлений в сознании. Те, которые лежат в основе, называются субъектом, другие, которые их определяют,— предикатом. Суждение как сочетание представлений понимали и Лотце и Виндельбанд.

В настоящее время М. С. Строгович стоит на такой же точке зрения в определении суждения. «В суждении выражается связь двух понятий — подлежащего (S) и сказуемого (P), т. е. отношение между ними» [3]. Гербарт и Тренделенбург также объясняли суждение как связь двух понятий.

Представители математической логики отказались от термина «суждение».

П. В. Таванец, уделяющий много внимания теории суждения, полагает, что аристотелевская теория суждения, материалистическая по своей сущности, давала правильное решение проблемы утвердительных и отрицательных суждений. Утвердительное суждение — это такое суждение, в котором идет речь о соединении вещей; в отрицательном — идет речь о разделении вещей. Как то, так и другое может быть истинным, если оно соответствует действительности.

П. В. Таванец в своей статье «Идеалистическая критика аристотелевской теории суждения» определяет суждение так: «Суждение есть (истинное или ложное) отображение связей и отношений, существующих между познаваемыми объектами, а не между понятиями или представлениями об этих объектах» [4]. В книге «Суждение и его виды» он дает такое опре-

[1] Аристотель Об истолковании, перевод Радлова, 1891, стр. 25—26.

[2] Аристотель. Первая аналитика, ч. I, гл. 1, СПб., 1894.

[3] М. С. Строгович. Логика, 1949, стр. 150.

[4] П. В. Таванец. Об идеалистической критике аристотелевской теории суждения, Изв. АН СССР, сер. ист. и философ., т. IV, № 4, 1947, стр. 325.

деление простому суждению: «Простым суждением называется такое суждение, которое состоит только из двух понятий; в одном из этих понятий выражается то, о чем мы нечто утверждаем или отрицаем, в другом из этих понятий выражается то, что утверждается или отрицается» [1]. Дальше он дает примеры простых суждений: «Жучка — собака, Иван — человек, лилия — растение» [2].

Другие современные логики несколько иначе определяют суждение. П. С. Попов дает очень развернутое определение суждения: «Суждение есть единый познавательный акт, при помощи которого, посредством утверждения или отрицания для человеческого ума раскрывается наличие или отсутствие того или иного признака или признаков у предмета, явления» [3].

Принимая в основном приведенное определение суждения, отметим, что оно нам кажется не вполне точным. П. С. Попов видит в суждении «единый познавательный акт, при помощи которого... для человеческого ума раскрывается наличие или отсутствие того или иного признака предмета...». Но ведь суждения не все одинаковы. Потом совершенно непонятным является, как же происходит «познавательный акт».

Но как бы ни определяли суждение, мы видим, что суждение, как более сложная по структуре форма мышления, облекается в более сложную по структуре, чем слово, языковую форму речи, в предложение. Однако суждение и предложение, являясь двумя сторонами единства, не тождественны друг другу. Следовательно, нельзя говорить и о тождестве логических и грамматических категорий. Предложение, будучи плотью суждения и будучи с ним в органическом единстве, остается предложением, т. е. формой языка, так же как и суждение, будучи смыслом предложения, не перестает быть суждением, т. е. формой мышления. Следовательно, язык и мышление, являясь единством, сохраняют каждый свою специфику природы и специфику развития.

Как суждение является основной «клеточкой» мышления, так и предложение является основной формой языка как орудия общения. Соотнесенность и соответствие суждения и предложения можно вывести из замечания В. И. Ленина в его блестящем философском фрагменте «К вопросу о диалектике»: «Начать с самого простого, обычного, массовидного etc., *предложения* [4] **любого**: листья дерева зелены; Иван есть чело-

---

[1] П. В. Таванец. Суждение и его виды, 1953, стр. 30.

[2] Там же.

[3] Сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., Учпедгиз, 1950, стр. 16.

[4] В. И. Ленин, как и многие другие философы, для понятия «суждение» употребил название «предложение».

век; Жучка есть собака и т. п. Уже здесь... есть *диалектика:* **отдельное** ЕСТЬ *о б щ е е...»* [1].

Мы здесь убеждаемся, что суждение выражается предложением: «Листья дерева зелены». Процесс образования суждения является в то же время процессом образования предложения. Суждение существовать вне предложения не может. Но не каждое предложение заключает в себе суждение, т. е. такую форму мысли о чем-либо, в которой что-то отрицается или утверждается. Специфика языка и мышления различна, вследствие чего суждение и предложение также различны по своей структуре.

Относительно структуры суждений среди философов существуют различные точки зрения. Одни философы считают, что суждение может быть одночленным, другие полагают, что суждение состоит из двух членов, а третьи утверждают, что суждение состоит из трех членов, считая третьим членом связку.

Наиболее распространенным является мнение, что суждение всегда двучленно, состоит из субъекта и предиката и связки, которую членом не считают. Мнение, что суждение двучленно, обосновано еще Аристотелем, который указывал, что всякое суждение состоит из двух элементов: того, о чем ведется суждение, и того, что судится о нем. Классическая философия не подвергла критике это положение. В работах В. И. Ленина, например в статье «К вопросу о диалектике», говорится только о двучленном суждении и приводятся примеры двучленных суждений.

53120

Многие советские логики также склонны видеть в суждении два члена (П. В. Таванец [2], Е. В. Войшвилло [3] и др.). В ряде работ и диссертаций на тему «Суждение и предложение» [4] высказывается мысль о том, что форма мышления — понятие и форма мышления — суждение неотделимы друг от друга, как отражение диалектической связи моментов развития самой объективной действительности. Как только в поня-

---

[1] В. И. Ленин. Философские тетради. Госполитиздат, 1947, стр. 328—329.

[2] П. В. Таванец. Суждение и предложение. Изв. АН СССР, вып. 2, 1951.

[3] Е. В. Войшвилло. Критики логики отношения, Философ. зап., VI, 1953.

[4] См. диссертации М. П. Алексеева, Г. В. Колшанского, А. М. Корчагина. См. П. В. Таванец. К вопросу о классификации суждений, Философ. зап., VI, 1953; П. С. Попов. Суждение и его строение, Философ. зап., VI, 1953 (в статье высказывается мысль о двучленности суждения, однако П. С. Попов допускает возможность бессубъектного суждения). В диссертации В. А. Кирилловой «Суждение и предложение» уже прямо ставится вопрос о возможности одночленного суждения (МГУ, 1954, филолог. ф-т).

БИБЛИОТЕКА
Института
Языкознания
А.Н. СССР

www.rustang.ru

тии раскрываем его признаки, его природу, свойства и качества,— получается суждение, формулой которого принимается: субъект — связка — предикат.

Каждое суждение, каким бы оно ни было по своему характеру, выражается предложением, т. е. облекается в словесную оболочку.

По характеру и сущности суждения многообразны[1].

Вопрос о составе суждения решался и раньше логиками по-разному. Тренделенбург в «Логических исследованиях»[2], Франц Брентано в «Психологии с опытной точки зрения»[3], Марти в «Исследованиях оснований общей грамматики и философии языка»[4], Бозанкет в «Основаниях логики» (1914) — все они утверждают, что суждение первичное и примитивное может быть одночленным, т. е. содержать или субъект или только предикат. Нам кажется, что названные философы рассматривают суждение сквозь призму односоставных предложений, в которых действительно бывает только один член предложения; например, в немецком языке: Feuer! Das Gewitter; в английском (с формальным местоимением it): it freezes, it snows, it lightens; во французском: la Presse, le froid; в славянских языках: чешском Požár! Hrom! в русском: *Гроза! Пожар!* Все эти предложения могут быть и с одним глагольным членом; например, в латинском языке: lucit, pluit, fulget; во французском (с формальным членом): il gèle; в немецком: es grault mir, es gibt, es regnet, es friert; в русском: *моросит, дождит, морозит* и др. Как показывают примеры, односоставные предложения свойственны многим языкам.

Но как объяснить отсутствие словесно выраженного одного члена суждения? В данном случае необходимо вспомнить М. И. Каринского, который еще свыше полувека тому назад обращал внимание читателей на то, что нельзя смешивать субъект суждения и предмет суждения. Ни одно суждение не может быть без предмета суждения, так как нельзя судить, когда не о чем судить; следовательно, предмет суждения должен быть обязательно. Но этот предмет суждения при обоюдном понимании говорящих может быть не обозначен словом. Он может быть мыслимым представлением о вещи, о предмете, качестве, но словесно не названным.

Восприятие и представление складываются на основе ощущений и у нормальных людей. Чувственная ступень познания

---

[1] См. П. В. Таванец. Суждение и его виды. Изв. АН СССР, 1953.

[2] Trendelenburg. Logische Untersuchungen, II, 1862.

[3] Franz Brentano. Psychologie vom empirischen Standpunkt, 1. Aufl., 1874.

[4] A. Marty. Untersuchungen zur Grundlegung... Halle, 1908.

свойственна всем людям, но у людей, обладающих даром речи, кроме образного, предметного мышления, имеется еще мышление на базе языкового материала, так как человек обладает и первой, чувственной стороной познания и второй, логической. Из этого следует, что может быть предмет суждения, не оформленный в слово, вследствие чего формально-логический субъект в таких суждениях может отсутствовать, так как он может быть не выражен в слове, однако в суждении имеется то, о чем судим, и то, что о нем судим.

Исходя из вышеизложенного, под суждением мы будем понимать одну из основных форм мышления, которая отражает свойства вещей объективного мира в их связи и взаимоотношениях, утверждая эту связь, как истинную, либо отрицая ее, как ложную.

Если нет выраженного формальнологического субъекта суждения, то всегда имеется предмет суждения, т. е. то, о чем мы судим. Такой предмет суждения, словесно не выраженный, и является особым субъектом суждения. «Без предмета суждения не может быть никакого предицирования, т. е., иначе говоря, никакого суждения, но это и значит, что имеется предмет, не получивший словесного выражения. Мы и настаиваем на том, что предмет суждения может порою не получать выражения. Если же предмет получил свое выражение в суждении, то имеется субъект в формальнологическом смысле слова»,— пишет П. С. Попов в упомянутой выше статье «Суждение и его строение»[1].

П. С. Попов и предполагает, что первичными суждениями были суждения-наименования, в которых не было различения признаков от предмета, не было членения S и P и в которых не было субъекта в логическом смысле, а был только предмет суждения, скрывающийся за словом *это* или выявляемый ситуативно, и был предикат, определяющий его: *это — море, это — поле, это — река.*

Впервые выдвинул идею предмета суждения и различие его с субъектом суждения М. И. Каринский. Эту мысль он высказал в своей капитальной работе «Классификация выводов», где он писал следующее: «Легко можно подумать в таком случае, как это часто и бывает, что субъектом суждения служит то понятие или представление, которое с совершенно определенными чертами выступает перед нашим сознанием, когда мы слышим термин, обозначающий субъект. На самом деле далеко не так. Истинным субъектом суждения всегда служит неопределенно мыслимый предмет, который ставится в суждении нашей мыслью в качестве некоторого *X*, чего-то

[1] Философские записки, т. VI, 1953, стр. 79.

такого, что в пределах этого суждения остается неисчерпанным с многих сторон и что может быть исчерпано сполна в своем содержании лишь в целом ряде суждений. Определенное представление, которое непосредственно соединяется с термином подлежащего, имеет своей целью только указать на этот предмет, только сделать, так сказать, намек на то, на что направлена мысль, чему намереваются приписать известное определение»[1]. Поэтому формальнологическим субъектом суждения является понятие о каком-либо предмете суждения. Понятие о признаках предмета суждения есть предикат.

На основе сказанного можно дать такое определение простого суждения: суждение — это форма или акт мышления, отражающий вещи или явления в их связях и взаимоотношениях путем утверждения или отрицания наличия или принадлежности признака у предмета суждения[2].

Формальнологический субъект суждения — понятие о каком-либо предмете суждения. Необходимо помнить, что, каков бы ни был характер суждения, в нем все же основой является предмет суждения и признак предмета суждения. Признак, относящийся к предмету суждения, должен всегда соответствовать ему, должен принадлежать его бытию, а не только быть связанным с субъектом. Только в суждении предмет суждения и его признак определяются именно как субъект и предикат. Но даже некоторые философы не различают предмет суждения и субъект суждения, поэтому они и утверждают, что предикат существует только в связи и при наличии субъекта, тем самым они не признают бессубъектных одночленных суждений[3]. Такое понимание обязательной двучленности суждений ведет к тому, что и в предложении не может быть одного подлежащего или одного сказуемого; так же как соотносительны субъект и предикат, так соотносительны подлежащее и сказуемое.

Связка является третьим элементом суждения. Но связка, по выражению П. С. Попова, играет двоякую роль: связка связывает субъект и предикат, соотносит их и согласует и сама

---

[1] М. И. Каринский. Классификация выводов, 1880, стр. 88—89.

[2] В основу определения мы берем атрибутивное суждение, так как «наличие признака существования того, о чем идет речь, есть необходимая составная часть всякого суждения» (П. С. Попов. Суждение и его строение, стр. 38). Это во-первых, а во-вторых, нам кажется совершенно верной мысль П. С. Попова, что «универсальным определением... является атрибутивное его осмысление, причем надо принять во внимание, что под признаком можно разуметь и отношение...» (см. там же, стр. 92).

[3] См. Н. И. Кондаков. Логика, 1954, стр. 161.

является выражением экзистенциональности, служит средством утверждения или отрицания признака предмета суждения.

Суждение может быть различно по модальности, т. е. по отношению говорящего к высказываемой мысли о действительности. Говорящий может облекать свою мысль о каком-либо явлении в форму утверждения или отрицания явлений действительности, мысля их как достоверные, действительные, или только возможные, или же необходимые. Модальность суждения может облечься в форму предложения односоставного или двусоставного, иначе говоря, суждение с модальным оттенком может облечься в любую структуру предложения.

Итак, суждение — это форма мысли, заключающая в себе отражение предметов в их связях и отношениях. В суждении утверждается и отрицается что-либо о чем-либо. Система отражения предметов и явлений — это логичность мышления. Системе мышления соответствует и система языка. Система языка закрепляет факты отражения предметов, явлений, процессов и их признаков путем обозначения, называния, делая идеальные образы предметов и явлений реальностью мысли. Формой существования, формирования и закрепления этой формы мысли-суждения является предложение.

ПОНЯТИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Установив, что такое суждение в его отношении к предложению, мы должны выяснить, что представляет собой и вторая сторона этого единства — предложение.

Вопрос о предложении не менее труден, и недаром у нас все еще нет единого мнения о сущности предложения, о его соотношении и соответствии с формами мышления, о его грамматической структуре.

Наша речь делится на известные отрезки: предложения, словосочетания и слова, имеющие значение. Это членение обусловлено членением содержания мысли. Что же такое предложение в речи? Понимая связь форм мышления и форм языка, можем полагать, что предложение — это форма языковой системы, выражающая какую-либо форму мысли, являющейся отражением явлений действительности, и служащая средством общения.

Если суждение — одна из форм мышления, то предложение — одна из форм языка. Мы уже говорили, что понятия вне суждения не обнаруживают своей сущности. Точно так же и слова, не организованные в предложении, не могут выразить полностью наших мыслей. Язык, как средство и орудие человеческого общения, начинается только с предложения, т. е.

с грамматически организованной конструкции языка. Отдельные слова, вырванные из состава предложения, или словосочетания, не соединенные в предложение,— это существенные элементы языка, но не язык как средство общения.

Предложение и суждение, будучи соотносимы, связаны, соответствуют одно другому (правда, не всегда), но не тождественны. Предложение, будучи плотью суждения или какой-либо иной формы мысли, остается предложением, т. е. единицей общения. Суждение, будучи основой предложения, является формой мышления, т. е. формой отражения мыслью явлений действительности. Следовательно, язык и мышление, будучи в органической связи, сохраняют каждый и свою специфику природы и свою специфику развития.

Лингвисты на протяжении многих десятилетий предлагают сотни формулировок в определении предложения, но ни на одном определении не могут остановиться, как на более или менее приемлемом для всех. Нет надобности повторять то, что сделано в работах Риса и Лерха [1], и вновь перечислять различные определения предложения. Однако наиболее яркие определения предложения виднейшими зарубежными и русскими учеными считаем необходимым привести.

К. Бругман в «Kurze Vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen» (Strassburg, 1904, стр. 624—625) указывал на разные типы предложений по структуре: «Во всех индоевропейских языках мы находим слова-предложения, которые можно рассматривать либо как сокращение, либо как конденсацию многочленного предложения. Наряду с ними, однако, еще с индоевропейских времен существуют одночленные предложения, которые мы не вправе возводить к многочленным».

Вундт в «Die Sprache» давал следующее определение: «Предложение есть языковое выражение произвольного расчленения целого сложного представления на составные части, поставленные в логические отношения друг к другу» [2]. Однословные предложения, как, например: *Пожар. Мороз. Зима,*— Вундт считает простыми словами, выражающими отдельные представления.

Г. Пауль определял предложение так: «Предложение есть языковое выражение, символ того, что в душе говорящего совершилось сочетание нескольких представлений или несколь-

---

[1] Рис в своей книге «Was ist Syntax» (Praga, 1931, стр. 208—224) приводит свыше 150 определений предложения; Е. Лерх констатирует свыше 200 определений предложения в своей работе «Vom Wesen der Satzes und von der Bedeutung...», Arch. für die gesammte Psychologie, 1938, стр. 133—197.

[2] W. Wundt. Die Sprache, Bd. II, 3, 240.

ких групп представлений, а также средство для того, чтобы вызвать в душе слушающего то же сочетание тех же представлений» [1]. О грамматической природе предложения он не говорит.

У Дельбрюка в «Сравнительном синтаксисе индоевропейских языков» дается такое определение: «Предложение есть осуществляющееся в членораздельной речи изъявление (Außerung), которое представляется говорящему и слушающему как связное и замкнутое целое» [2].

В русской лингвистике определение предложения давалось с трех точек зрения: логической, психологической и формально-грамматической.

Буслаев полагал, что в основе предложения заключается суждение. «Суждение, выраженное словами, есть предложение»,— писал он, смешивая суждение и предложение [3].

Потебня считал, что определение предложению дать нельзя, так как понимание его субъективно. Он, отрицая тождество суждения и предложения, отрицал и параллелизм одного другому: «Грамматическое предложение вовсе не тождественно и не параллельно с логическим суждением» [4],— писал Потебня, с чем мы вполне можем согласиться.

Основным грамматическим признаком предложения, по мнению Потебни, является предикативность. При установлении же Потебней соответствия между частями речи и членами предложения получалось, что отличительным признаком предложения будет глагольность, так как наиболее частой и совершенной формой выражения сказуемого выступает глагол. С обязательным признаком предикативности связывалось представление о двусоставности предложения.

Потебня, отказавшись дать определение предложения, полагал, что каждая эпоха, каждый язык имеет свою форму выражения мысли. Он писал, что «с изменением грамматических категорий неизбежно изменяется и то целое, в котором они возникают и изменяются, именно предложение...» [5]. Он приходит к выводу, что в течение истории языка нужно давать целый ряд определений предложения. «Для нас предложение немыслимо без подлежащего и сказуемого; определяемое с определительным, дополняемое с дополнительным не состав-

---

[1] H. Paul. Prinzipien der Sprachgeschichte, Halle, 1880, стр. 16.

[2] B. Delbrück. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen, Strassburg, 1893—1900.

[3] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, изд. 2-е, М., 1863, § 110.

[4] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. I—II, Харьков, 1888, стр. 61.

[5] Там же, стр. 76.

ляют для нас предложения. Но подлежащее может быть только в именительном падеже, а сказуемое невозможно без глагола (verbum finitum), мы можем не выражать этого глагола, но мы чувствуем его присутствие» [1].

Идеи Потебни относительно определения и понимания предложения, не нашедшие четкого выражения в его собственных работах, были выражены Овсянико-Куликовским, который понимает предложение как «слово или такое упорядоченное сочетание слов, которое сопряжено с особым движением мысли, известным под именем «предицирования» («сказуемости»)» [2].

Академик Ф. Ф. Фортунатов в основу языковых категорий ставил психологические факторы. Он полагал, что предложение есть психологическое суждение в речи. «Подлежащим в суждении становится то представление, от которого отправляется процесс суждения. Сказуемым суждения является то представление, которое в процессе суждения осознается или как объединяющееся с представлением, данным в подлежащем, или как отделяющееся от него» [3].

Ф. Ф. Фортунатов, кладя в основу предложения психологическое суждение, в таких предложениях, как *Пожар!*, подлежащим считает представление того пламени, дыма, которые мы только что видели, а психологическим сказуемым — имя существительное в именительном падеже, в основе которого также лежит представление. Фортунатов в основе предложения видел не форму логического суждения, а психологическое суждение, резко разграничивая его от грамматического предложения. «Грамматический анализ грамматических предложений должен быть строго отличаем нами от психологического анализа тех суждений или предложений мысли, какие выражаются в речи в грамматических предложениях» [4].

Понимание синтаксиса Фортунатовым не приводило его к необходимости искать в предложении соответствие с логическим суждением и выявлять состав предложения в соответствии с составом заключенного в предложении логического суждения. Не уделял Фортунатов внимания изучению и установлению типов предложения со стороны содержания и структуры, направляя все внимание на анализ форм словосочетаний для выражения мысли. Таким образом, основным предметом при изучении синтаксиса у Ф. Ф. Фортунатова было словосо-

---

[1] А. А. Потебня. Мысль и язык, стр. 110.

[2] Д. Н. Овсянико-Куликовский. Синтаксис русского языка, 1912, стр. 50.

[3] Ф. Ф. Фортунатов. Сравнительное языковедение, стеногр. курс лекций 1899/1900 г., стр. 178.

[4] Там же.

четание; предложение же он рассматривал как разновидность словосочетания, не видя существенной разницы между тем и другим.

Фортунатовская школа не была монолитной в своих взглядах на синтаксис. Если такие ученые, как Е. Ф. Будде, Д. Н. Ушаков, М. Н. Петерсон большое внимание уделяли видам словосочетания, то другие его ученики и последователи, как, например, А. М. Пешковский [1], не остановились только на этой стороне анализа речи, но интересовались и составом предложений и их типами.

А. М. Пешковский протестовал против установления каких-либо соответствий предложения с суждением: «Обычное сведение предложения к суждению должно быть оставлено, так как понятие самого «суждения» (и логического и психологического) выросло на анализе языкового предложения, и наука впадает здесь всегда в порочный круг» [2].

Вскрытие и выяснение типов словосочетаний и их законов важно и необходимо при изучении языка, однако исходной точкой должно быть не словосочетание (которое также является существенной синтаксической единицей), а предложение, как основная ячейка речи, выражающая суждение. Например, А. И. Томсон дает такое определение предложения: «Предложение есть о б ы к н о в е н н о ряд слов, вылитый, так сказать, в одну из обычных в данном языке формальных рамок синтаксического сочетания слов в предложении и представляющий в значениях этих слов суждение в широком психологическом смысле» [3].

Если большинство логиков считает, что предикат — суть суждения, то А. И. Томсон полагал, что сказуемое — суть предложения. «Вся суть, из-за которой образуется предложение, заключается в сказуемом, а подлежащее указывает лишь, к чему относится сказуемое» [4].

Очень много сделал для уточнения и установления основных положений русского синтаксиса А. А. Шахматов. В основу синтаксиса он положил предложение, так как, по его мнению, именно предложение является единственным способом обнаружения мышления в слове.

Шахматов протестовал против психологических определений предложения, возражал также против узкограмматиче-

---

[1] Пешковский определял и предложение иначе: «Предложение есть слово или сочетание слов, выражающее мысль», см. «Синтаксис», изд. 1, стр. 113.

[2] А. М. П е ш к о в с к и й. Предложение. «Литературная энциклопедия» в двух томах, т. II, 1925, стр. 640.

[3] А. И. Т о м с о н. Общее языковедение, изд. 2-е, 1910, стр. 302—303.

[4] Там же.

ского подхода к определению предложения. Сам Шахматов давал определение предложения, положив в основу логико-психологическую сторону речи: «Предложение — это единица речи, воспринимаемая говорящим и слушающим как грамматическое целое и служащая для словесного выражения единицы мышления» [1].

В другом месте Шахматов писал, что «предложение это словесное, облеченное в грамматическое целое (посредством согласования составных его частей или соответствующей интонации) выражение психологической коммуникации» [2]. Вводя понятие психологической коммуникации, он хотел найти такую единицу мышления, которая бы являлась основой всех типов высказывания: предложений односоставных, двусоставных и даже отдельных выкриков.

Что за единица мышления имеется в виду у Шахматова? Видимо, психологическое суждение, так как он говорит, что основой предложения он считает «сочетание представлений в том особом акте мышления, который имеет целью сообщение другим людям состоявшегося в мышлении сочетания представлений» [3]. Именно этот акт мышления Шахматов и называет психологической коммуникацией.

Шахматов дает и более развернутое определение предложения: «Простейшая единица человеческой речи, которая в отношении формы является одним грамматическим целым, а в отношении значения соответствует двум вошедшим в нарочитое сочетание представлениям, простым или сложным» [4]. Представление же, как уже отмечалось выше, категория психологическая, а не логическая.

При анализе и классификации членов предложения Шахматов переходит на логическую основу, так как подлежащее он сопоставляет с субъектом, а сказуемое с предикатом, определение с атрибутом, дополнение с объектом, обстоятельство с релятивом. Различия логических и психологических категорий он не объясняет.

«...Простейшая коммуникация состоит из сочетания двух представлений, приведенных движением воли в предикативную ...связь» [5], суждение же — это акт или форма мысли, содержащая в себе утверждение или отрицание чего-либо о чем-либо и состоящая из единства понятий. Однако Шахматов считает, что все предложения построены на основе формальнологического суждения.

---

[1] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, 1941, стр. 19.
[2] Там же, стр. 29.
[3] Там же, стр. 19.
[4] Там же, стр. 29.
[5] Там же, стр. 19.

Психологическое истолкование категорий языка ведет к индивидуализации явлений, а не к обобщению, не к абстракции. В. А. Богородицкий подходит к определению предложений с других позиций. Он определяет предложение как «каждое сочетание слов (а иногда и одно слово), служащее для выражения цельной мысли и известным образом грамматически организованное» [1]. Это определение с небольшими вариациями вошло в обиход в грамматических трудах.

Нельзя обойти молчанием некоторых высказываний о сущности предложения у Л. В. Щербы. Во многих статьях он высказывал свои соображения с необыкновенным скептицизмом в отношении определения и выделения предложений. «Смешно спрашивать: «что такое предложение?» Надо установить прежде всего, что имеется в языковой действительности в этой области, а затем давать наблюденным явлениям те или другие наименования» [2]. Л. В. Щерба в своих дальнейших рассуждениях указывает, что в речи встречаются высказывания с большей или меньшей законченностью, с различными типами интонации: повествовательной, вопросительной, повелительной и выражающей эмоции.

Такие отрезки речи, в которых что-либо утверждается или отрицается, Л. В. Щерба соотносит с логическими суждениями с вполне дифференцированными субъектом и предикатом и иллюстрирует примерами: *мой дядя — генерал; хороший врач должен быть прежде всего хорошим диагностом* и др. Затем он приводит высказывания, отрезки речи, которые можно подвести под имеющиеся в данном языке общие п о н я т и я, например: *светает; горит; солнышко пригревает; воробышки чирикают; на проталинке травка зеленеет; мы вошли в комнату, где жила целая семья.* И в заключение Щерба говорит: «При таких обстоятельствах оказывается совершенно неясным, что же имеется в виду, когда мы говорим о предложении» [3].

Но Л. В. Щерба очень своеобразно понимает логические категории суждения и особенно понятие. В примерах языковых единиц он подводит под понятие настоящие двучленные суждения. В другой, более ранней, работе [4] он склоняется к тому, что предложением можно называть только высказы-

---

[1] В. А. Б о г о р о д и ц к и й. Общий курс русской грамматики, 1935, стр. 201.

[2] Л. В. Щ е р б а. Очередные проблемы языковедения. Изв. АН СССР, ОЛЯ, т. IV, вып. 5, 1945, стр. 176.

[3] Там же.

[4] Л. В. Щ е р б а. Восточнолужицкое наречие, докторская диссертация.

вания с наличием субъекта и предиката, т. е. логическое суждение.

И. И. Мещанинов в книге «Члены предложения и части речи» не дал четкого определения предложения, смешивая логику, психологию и грамматику. Он пытался обосновать положение, что предложение есть единство грамматического и смыслового в языке, но каким образом организуется это единство, остается нераскрытым.

Об абстракции, которая свойственна грамматике, о логическом содержании предложения у И. И. Мещанинова ничего не сказано. Он оперирует терминами «субъект» и «предикат», но называет их членами коммуникации, оговариваясь, что коммуникацию он понимает не в шахматовском смысле. Употребляя эти термины, он не указывает, какой они природы — логической или психологической.

«Субъект и предикат, эти необходимые элементы высказывания, оказываются, таким образом, основными элементами его содержания. Они наличествуют в каждом высказывании, потому что ими достигается законченность выражения мысли» [1]. Следовательно, в основе предложения лежит какая-то единица мышления. Акад. Мещанинов употребляет не термин «суждение», а «высказывание» [2]. Однако «высказывание» не грамматический термин, оно может быть и шире предложения, и уже предложения. А какая форма мысли лежит в основе высказывания? Эта неопределенность, нечеткость понятий и выражений встречается и в других местах книги.

В книге «Общее языкознание» И. И. Мещанинов совершенно неправильно определяет предложение, расширяя его значение до значения языка. Он считает, что предложение — это «цельная грамматически оформленная единица, выражающая непосредственную действительность мысли» [3]. Однако, как мы знаем, Маркс и Энгельс такими словами определяли язык в целом, и нельзя переносить определения языка на определение предложения, так как предложение — только единица языка.

Н. Я. Марр дает такое определение предложения: «Предложение — это выражение словами, сигнализирующими понятия и представления, определенной мысли, отражающей во взаимоотношениях слов данной фразы взаимоотношения предметов, и когда эти взаимоотношения находят свое выражение в специальных для этой цели производившихся изменениях слов,— это то, что в грамматике называется скло-

[1] И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945, стр. 7.

[2] См там же, стр. 168—169.

[3] И. И. Мещанинов. Общее языкознание. Учпедгиз, 1940, стр. 27.

нением, и оно достигается не только выражением взаимоотношений предметов, но и согласованностью обозначающих эти предметы слов, как согласованы в жизни члены любой производственной организации»[1]. В этом определении, нечетком и громоздком, имеются серьезные ошибки — грубое механическое перенесение значений категорий действительности на значение грамматических категорий, или отождествление явлений общественной жизни и грамматических форм.

Акад. В. В. Виноградов предложение, его построение считает одним из самых важных, самых существенных элементов грамматического строя языка.

«Предложение — это грамматически оформленная по законам данного языка, целостная (т. е. неделимая далее на речевые единицы с теми же основными структурными признаками) единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли»[2],— таково определение предложения, данное В. В. Виноградовым.

СУЖДЕНИЕ И ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Определения предложений, которые мы встречаем у различных ученых, дают известное представление об общей сущности этой важнейшей единицы языка. Но обычно все языковеды говорят вообще о сущности предложения и подходят к определению, кладя в основу либо тот, либо другой признак, не касаясь структуры отдельных типов предложений и их состава. Типология же предложений различна, как, видимо, различны и структура и характер форм мысли, лежащей в основе каждого отдельного типа предложения.

Ни у кого не возникает сомнения, что в основу двусоставного предложения положено двучленное суждение, однако субъект не всегда может совпадать с подлежащим, а предикат со сказуемым, потому что субъектом суждения может быть любой предмет мысли, выраженный любой частью речи, а подлежащим может быть только имя существительное в именительном падеже или субстантивированная часть речи в той же форме, или же словосочетание, равное по смыслу одному слову в независимой форме, как неразложимое грамматическое единство.

Двучленные суждения наиболее типичны, что и привело некоторых лингвистов к мысли об обязательной двусоставно-

---

[1] Н. Я. Марр. Избр. соч., т. II, 1934, стр. 49.

[2] В. В. Виноградов. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения. «Вопросы языкознания», 1954, № 1, стр. 3.

сти предложения, а поэтому односоставные предложения эти ученые пытались объяснить «эллипсисом» речи, «опущением», «пропуском» и т. д. Такой взгляд обусловлен типичностью двучленного суждения, которое всегда находит выражение в двусоставном предложении, например: *ночь темна, отец — рабочий, солнце греет.*

Важнейшим понятием в логике является понятие модуса. В настоящее время почти во всех грамматиках и грамматических статьях употребляется термин «модальность», которому придают различные значения. Большинством ученых указывается на модальное значение слов, говорится о модальных глаголах, оттеняется модальная окраска предложений и выделяются особые модальные частицы и слова.

У одних ученых понятие модальности сводится к грамматическому понятию наклонений, другие понятие модальности трактуют очень широко, полагая, что модальность формирует и определяет смысловое единство всех целостных синтаксических выражений мысли, чувства и волеизъявлений и в зависимости от этого дифференцирует предложения на разные типы.

В. И. Ленин в «Философских тетрадях» пишет следующее: «Кант ввел категорию *модальности* (возможность, действительность, необходимость), и Гегель замечает, что у Канта: «Значение этой категории состоит в том, что она указывает на отношение предмета к мышлению. В смысле этого идеализма мышление вообще есть нечто по существу внешнее относительно вещи в себе... [380] объективность, свойственная прочим категориям, несвойственна категориям модальности» [380]» [1].

Следовательно, В. И. Ленин категорически возражает против идеалистического понимания Кантом категории модальности как категории субъективной. В нашем же языкознании нет столь определенного суждения о природе модальности. У нас в лингвистике еще очень сильны идеи Канта и неокантианцев, в частности Виндельбанда, который различает «конститутивные категории», определяющие сущность мыслимого как сущее: вещь, свойство, событие, пространство, время, причинные отношения, и «рефлективные категории», кои коренятся в субъективном отношении друг к другу этих содержаний — это главным образом модальные различия [2].

Эта релятивная точка зрения просачивается во многие лингвистические труды. По-ленински, субъективное в сознании неопровержимо существует, хотя в известных границах, а если существует в сознании, то, следовательно, и в языке, но в

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 94.

[2] См. Виндельбанд. Прелюдии (система категорий), пер. Франка, СПб. 1904, стр. 340—350.

диалектической связи с объективным. «Превратно рассматривать субъективность и объективность как некую прочную и абстрактную противоположность. Обе вполне диалектичны»[1],— подчеркивает В. И. Ленин.

В. И. Ленин, работая над «Логикой» Гегеля, размышляет о категориях модальности. Прочитав у Гегеля «объективность видимости», В. И. Ленин замечает: «Неясно, вернуться», и тут же пишет: «Не та ли мысль, что объективна и кажимость, ибо в ней есть *одна из сторон* объективного мира? Не только Wesen (сущность.— *Ред.*), но и Schein (кажимость, видимость.— *Ред.*) объективны. Различие субъективного от объективного есть, но и оно имеет свои границы»[2].

Модальность в логике определяется как категория, выражающая степень достоверности суждения, т. е. модальность логикой относится к категориям интеллектуальным, к категории мышления. Категория модальности устанавливает достоверность или недостоверность связи фактов действительности и выражает отношение человека к ним. Вследствие этого никак нельзя считать, что модальность в речи — категория только субъективная.

«Каждое понятие находится в известном *отношении,* в известной связи со *всеми* остальными»[3], а понятия — это копии, образы с объективно существующих предметов и явлений действительности, следовательно, и отношения, связи между ними, как отношения между субъектом и предикатом, субъектом и атрибутом, субъектом и объектом, реальные, объективно существующие отношения, вскрываемые, познаваемые нашим сознанием и выражаемые в языке, а не приписываемые и не устанавливаемые только мышлением. Хотя субъективный элемент в отражении связей предметов объективного мира несомненно наличествует, однако наличествует только в известных границах.

Таким образом, модальность — это логическое понятие, отражающее отношение говорящего к действительности, устанавливающее достоверность или недостоверность связей фактов, обозначаемых и выражаемых в предложении. Поэтому не только суждению, но и предложению свойственна модальность. На основе сказанного можно понимать предложение как живую единицу речевого общения, в которой через сознание говорящего отражается объективная действительность. Предложение — целостное, стройное соединение слов по законам грамматики, являющееся основным средством формирования и выражения мысли, чувства и воли.

---

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 158.
[2] Там же, стр. 72.
[3] Там же, стр. 170.

Из сказанного вытекает следующее определение предложения: предложение — это целостное, грамматически оформленное словесное выражение мысли, чувства и воли с целью сообщения другим людям.

Какую же связь можно установить между предложением и суждением? Если отрезок речи оформлен в наиболее четко отработанную типическую конструкцию двучленного, или двусоставного, предложения, то в последнем оба члена суждения выражены разными словами, разными членами предложения: подлежащим и сказуемым.

Такое предложение по составу адекватно составу суждения. Оно состоит из подлежащего, совпадающего с субъектом, и сказуемого, совпадающего с предикатом. Эти члены предложения, совпадающие с членами суждения, соотносительные с ними, называются главными членами предложения, потому что они являются главными структурными элементами и носителями основных понятий, включенных в высказывание.

По значению субъект и предикат суждения связаны, но могут быть различно оформлены грамматически. В русском языке субъект и предикат, выражаясь подлежащим и сказуемым, подчинены, во-первых, смысловому соответствию, и, во-вторых, подчинены общей форме числа, рода [1]. Но связанность предиката и субъекта вытекает не только из формальной общности смысла,— содержание предиката-сказуемого обусловлено содержанием предмета суждения, так как природа вещи обусловливает природу признака.

Главные члены предложения являются самостоятельными и достаточными для выражения самой простой мысли, или, как говорил В. И. Ленин, «самого простого, массовидного». Более развернутая мысль требует и более сложного выражения, т. е. распространенного предложения. Тогда в предложении выступают второстепенные члены предложения, раскрывающие, уточняющие значение главных членов предложения.

Итак, структура двусоставного предложения часто совпадает со структурой двучленного суждения, причем субъект выражается подлежащим, а предикат — сказуемым, хотя и не всегда.

Такие предложения выражают суждение. Многие ученые расширяли понятия суждения и полагали, что каждое предложение выражает суждение. «Не трудно показать, что подобное определение суждения является слишком широким и потому несостоятельным с точки зрения логики. Под такое определение, наряду с суждением, подпадут и те предложения, в ко-

[1] В сказуемых, выраженных глаголом.

торых речь идет о пожелании, повелении или вопросе (например: *Закройте дверь. Куда ты идешь?* и т. п.)»[1],— писал по этому поводу П. В. Таванец.

П. В. Таванец полагает, что в таких предложениях мы высказываем сочетание представлений (или понятий), но они вряд ли могут быть причислены к суждению, так как нельзя поставить вопрос, истинны они или ложны. Однако критерий истинности или ложности может быть применен и к понятию. Ведь и понятия могут быть и истинными и ложными, поскольку понятие — копия, снимок действительности, правильность которого проверяется практикой.

Что же лежит в основе односоставных предложений, какая форма мысли? Суждение с опущенным субъектом, т. е. неполное суждение? Или суждение особой одночленной структуры? Или обычное суждение, в котором один из членов — субъект, существуя в мысли как представление, не выражен словесно? Или, быть может, такие односоставные типы предложения являются и оформлением и выражением более простых по структуре, чем суждение, форм мышления, которые не выявлены и не названы логиками? Быть может, в некоторых предложениях выражено только понятие или представление?

П. С. Попов полагает, что в односоставных предложениях суждение имплицитное, т. е. неразвернутое, но этот латинский термин все же не объясняет сущности самого явления.

Если встать на ту точку зрения, что мышление протекает путем образования как двучленных, так и одночленных суждений, то вопрос решался бы гораздо проще: односоставные предложения являются оформлением и выражением одночленного суждения, а двусоставные предложения — форма выявления двучленных суждений. Однако, как уже было отмечено, многие наши логики придерживаются мнения, что суждение всегда двучленно[2].

Иногда, объясняя наличие односоставных предложений, исходят из признания наличия особых суждений в процессе мышления,— суждений, в которых предмет суждения не получил словесного выражения, т. е. суждений без субъекта суждения, что фактически ведет к признанию возможности одночленного суждения.

Как уже было отмечено, суждение осуществляется в пред-

---

[1] П. В. Таванец. Об идеалистической критике аристотелевской теории суждения. Изв. АН СССР, сер. ист. и философии, 1947, т. IV, № 4, стр. 325.

[2] Работы западных философов — Тренделенбурга, Марти, Брентано и др., стоящих на точке зрения, что суждения могут быть и одночленны, не пользуются признанием, так как эти работы в основе своей идеалистические.

ложении. Но до сих пор не выяснено, всякое ли предложение выражает суждение.

Классическое решение этого вопроса, данное Аристотелем, было таковым: «Всякое суждение выражается в предложении, но не всякое предложение выражает суждение».

За последние годы многие наши логики стали разделять точку зрения М. И. Каринского на то, что в суждении субъекта суждения как формальнологического понятия может и не быть, а если суждение может быть бессубъектным, то, следовательно логически оно одночленно. Если принять такую точку зрения на состав суждения, можно более ясно себе представить структуру односоставного предложения и определить характер его состава с синтаксической стороны, а также яснее представить и определить типологию предложений.

Отдельные элементы формы мысли, как структурные части суждения, в силу тех или иных причин могут не быть облечены в звуковую оболочку, так как мысль говорящего понятна и без того. Такие явления в языке возможны при определенной ситуации или будучи обусловлены особыми контекстуальными причинами. К таким явлениям можно отнести односоставные предложения, которые возникают при особых условиях речи.

О том, что односоставные предложения имеют особую структуру и особую грамматическо-логическую оформленность, говорилось много в литературе у нас и на Западе, о чем будет сказано дальше в главе, посвященной истории вопроса о безличных предложениях.

В свое время Шухардт высказал предположение, что образование слова-вещи вытекает из слова-процесса, а субъект вычленился из предиката. Шухардт стоит на той точке зрения, что одночленное, изначальное предложение, являющееся словом-процессом, является вместе с тем предикатом и, таким образом, представляет собой высказывание [1].

«Изначальные предложения, так сказать, прапредложения, одночленны; они дошли до нашего времени, и мы находим их либо в выражениях требования (императив, междометие), либо в безличных высказываниях (безличные предложения, оклики)...». «...нам надлежит рассматривать предложение как изначальную составную часть человеческой речи; слово выросло из предложения, как понятие из мысли. Два объединившихся друг с другом предложения стали двумя словами одного и того же предложения» [2]. И дальше: «Недостающий в одночленных предложениях психологический субъект пыта-

[1] См. Шухардт. Избранные статьи по языкознанию, 1950, стр. 99.
[2] Там же, стр. 80.

лись отыскать в ситуации или в окружающем пространстве, для чего в коммуникативное предложение вносили нечто, лежащее вне этого предложения...» [1].

Почему-то забылось интересное высказывание А. А. Потебни, который очень хорошо объяснил такой вид предложений: «Представление есть известное содержание нашей мысли, но оно имеет значение не само по себе, а только как форма, в какой чувственный образ входит в сознание; оно — только указание на этот образ, и вне связи с ним, т. е. вне суждения, не имеет смысла. Но представление возможно только в слове, а потому слово, независимо от своего сочетания с другими, взятое отдельно в живой речи, есть выражение суждения, двучленная величина, состоящая из образа и его представления. Если, например, при восприятии движения воздуха человек скажет: «ветер!», то это одно слово может быть объяснено целым предложением: это (чувственное восприятие ветра) есть то (т. е. тот прежний чувственный образ), что мне представляется веющим (представление прежнего чувственного образа). Новое апперципируемое восприятие будет субъектом, а представление, которое одно только выражается словом,— будет заменою действительного предиката» [2].

Шухардт выдвигает положения: 1) «предложение является не чем иным, как сообщением», и 2) «изначальное предложение одночленно» [3].

Интересны рассуждения наших русских лингвистов. А. В. Попов в «Синтаксических исследованиях» [4], возражая А. А. Потебне, что глагол исключительно предикативен [5],

---

[1] Шухардт. Избранные статьи по языкознанию, стр. 86.

[2] А. А. Потебня. Мысль и язык, изд. 5, Госизд. Украины, 1926, стр. 109.

[3] Шухардт. Избранные статьи по языкознанию, стр. 96.

[4] А. В. Попов. Синтаксические исследования, Воронеж, 1881, стр. 31. См. об этом у Потебни в книге «Из записок по русской грамматике», т. I—II, 1888, стр. 79.

[5] Главная основа предложения — предикативность. Предикативность понимается очень различно разными учеными.

Потебня под предикативностью понимал свойство сказуемого соединяться с подлежащим для образования предложения. Предикативность выражается глаголами и другими частями речи. Пешковский предикативностью называл «оттенок в слове, показывающий, что слово соответствует не представлению только, а целой мысли. Сказуемость — это грамматическая категория и притом важнейшая из категорий, т. к. в ней тесно сцепляется речь с мыслью» (А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 6-е, стр. 172).

В. В. Виноградов считает, что «значение и назначение общей категории предикативности, формирующей предложение, заключается в отнесении содержания предложения к действительности» (Грамматика русского языка, т. II, ч. I, М., 1954, стр. 80). Нам представляется такое понимание предикативности очень широким, так как и слово, не обладающее преди-

ссылался на то, что в «ариоевропейских языках» много предложений, состоящих из одного имени, как *пожар, пора, стыд, хорошо, хожено, убито* и т. п., куда относятся перечисления, заглавия и т. п. На это ему очень обстоятельно отвечает Потебня: «В том-то и вопрос, состоят ли искони эти предложения из одного имени? Насколько они первообразны? Они не первообразны, ибо находятся в зависимости от строя нынешнего языка, объясняются этим строем, как его части, вместе с ним предполагают продолжительное развитие языка.

В *хорошо* даже нет налицо имени, а есть наречие, предполагающее между прочим столь продолжительные процессы, как образование противоположности имени и глагола, образование среднего рода, разделение имени на существительное и прилагательное, переход согласуемого прилагательного, тяготевшего к подлежащему, в наречие, тяготеющее ко глаголу. Если самое образование такого наречия, как я думаю, было возможно только при глаголе, то опущение глагола при нем предполагается само собою» [1].

А. А. Шахматов, собрав огромный материал односоставных предложений, не дал четкой их классификации, а также дифференцированного описания их грамматической структуры, кладя в основание деления предложений то синтаксическую, то морфологическую природу главных членов предложения.

Однако Шахматов свой синтаксис построил как учение о предложении, а главный член односоставного предложения объяснял в большинстве случаев, исходя из характеристики синтаксической его природы: то как подлежащее, то как сказуемое.

Касаясь этого вопроса, в статье „«Синтаксис русского языка» акад. А. А. Шахматова“ В. В. Виноградов пишет: «Подведение этого главного члена предложения во многих односоставных предложениях под грамматические понятия подлежащего и сказуемого лишено всяких синтаксических оснований. В самом деле, ни в значении, ни в грамматической форме имени существительного, образующего одночленное предложение (*Огонь!; Внимание!; Терпение!; Папа!* и т. п.),

---

кативностью, своим содержанием также соотносится с действительностью.

Нам представляется, что под предикативностью следует понимать модальное утверждение или отрицание связи признаков подлежащего, обозначенных в сказуемом различными средствами. И лучше эти отношения называть сказуемостными, а утверждение или отрицание обозначенных признаков подлежащего называть сказуемостью. Предикативностью же следует называть утвердительную или отрицательную связь логического предиката с логическим субъектом.

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. I—II, 1888, стр. 79.

нет никаких указаний на его синтаксическую функцию подлежащего или сказуемого»[1].

Утверждение акад. В. В. Виноградова вызывает вопрос, почему главный член односоставного предложения не может быть анализирован как синтаксическое понятие? Ведь односоставные предложения, как и двусоставные, являются также объектом изучения синтаксиса. Кроме того, в качестве примеров приведены одни побудительно-императивные, восклицательные предложения, в то время как в односоставные Шахматов включал и неопределенно-личные, и обобщенно-личные, и безличные, и номинативные. Наконец, не указано, почему именительный падеж существительного в номинативных предложениях не имеет никаких указаний на его синтаксическую функцию подлежащего или сказуемого.

Правда, сам Шахматов писал: «Член предложения, соответствующий по своему значению сочетанию субъекта с предикатом, мы назовем главным членом, главным членом односоставного предложения; в односоставных предложениях таким образом не нашло себе словесного выражения то расчленение, которое с несомненностью обнаруживается в самой коммуникации»[2].

В. В. Виноградов в названной статье, критикуя акад. Шахматова за непоследовательность в делении предложений то по синтаксическому принципу, то по морфологическому, пишет: «Понятно, что в односоставном предложении, чуждом расчлененности, не может быть, с точки зрения А. А. Шахматова, ни подлежащего, ни сказуемого (особенно при своеобразном понимании сказуемого как согласованного с подлежащим и зависимого от него второго главного члена). Казалось бы по этой причине, что классификация или деление односоставных предложений на виды или типы должны основываться на морфологической природе главного члена или на значениях этих предложений, на их конструктивно-синтаксических признаках, на их синтаксических функциях и на сфере их употребления»[3].

В. В. Виноградов дальше указывает, что такое намерение пойти по формально-грамматическому пути исследования односоставных предложений и было у Шахматова, но, признав двусоставные предложения за норму, за типические, Шахматов стал рассматривать односоставные предложения по

---

[1] Сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», Учпедгиз, 1950, стр. 82.

[2] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 30.

[3] Сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», 1950, стр. 107.

аналогии со строем двусоставных предложений и сближать главный член их то с подлежащим, то со сказуемым.

На самом деле Шахматов синтаксис односоставных предложений построил на основе учения о предложении, вскрывая в них синтаксические категории (то подлежащее, то сказуемое), а не на выяснении морфологического состава предложений. «В основание дальнейших делений... кладем природу главного члена. Сравнительно со способами словесного выражения главных членов в двусоставных предложениях, главный член односоставного предложения может быть отождествлен формально или с подлежащим или со сказуемым... Сообразно с этим и имея в виду двусоставные предложения, мы делим односоставные на подлежащные, бесподлежащные, вокативные и безличные»[1].

И во многих параграфах «Синтаксиса» (§ 36, 37, 39, 41 и др.) Шахматов следует синтаксическому принципу анализа предложений, а не морфологическому, при котором в односоставных предложениях главный член анализируется только с точки зрения выяснения, какой частью речи он выражен — именем или глаголом. Ведь морфологический принцип анализа односоставных предложений проводил еще Миклошич в «Vergleichende Syntax der slavischen Srachen» и в работе «Subjektlose Sätze» (1883), находясь под сильнейшим влиянием работ Марти.

Шахматова следует критиковать за непоследовательность в анализе различных типов предложений, но вовсе не за то, что он отказался от классификации предложений по морфологической природе главного члена.

Отказываясь от определения синтаксической природы главного члена предложения, мы, во-первых, не можем различать синтаксически односоставные неопределенно-личные и обобщенно-личные, безличные, номинативные предложения, так как в них только один главный член, а во-вторых, мы не сможем различать и природу второстепенных членов предложения и вынуждены будем перейти полностью на синтаксис как учение о словосочетании, т. е. к узкоморфологическому принципу анализа языковых единиц, тем самым подменяя синтаксис морфологией.

В. В. Виноградов сам совершенно справедливо подчеркивает, что «вообще «морфологизм» в чистом виде, как принцип построения теории предложения, не может привести к пониманию всего разнообразия структурных типов предложения. Дело в том, что со структурой предложения связаны свои

---

[1] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 50.

особые синтаксические категории, базирующиеся на морфологических категориях, но далеко выходящие за их пределы»[1].

Вряд ли можно ограничиваться только описательным синтаксисом и только структурно-грамматическим анализом различных не только по строению, но и по значению видов предложений. Общая теория синтаксиса, основанная на диалектико-материалистической теории, предопределяющей единство и связь языка и мышления, не может отбрасывать вопроса связи, соответствия и вместе с тем действительного различия грамматических и логических категорий. Как было уже сказано, не всякое предложение выражает суждение.

Выработанные и осознанные члены предложения не тождественны, не аналогичны членам суждения. Количество членов предложения и количество членов суждения не одинаковы. Однако всякое суждение формулируется, формируется и выражается предложением. Поэтому необходимо выявить различные виды односоставных предложений, так как их различие в структуре сопровождается и обусловливается различием строя логических форм, лежащих в основе односоставных предложений.

В настоящей работе мы постараемся вскрыть природу односоставных безличных предложений как со стороны их форм, так и со стороны лексико-семантических значений и выявить их место в различных жанрах речи, а также выяснить, какая форма мысли соотносительна с этим типом предложения. Необходимо отметить, что безличные предложения, состоящие из одного сказуемого, являются формой грамматического выражения особого суждения, в котором словесно обозначен только логический предикат, а логический субъект не получил своего словесного выражения, так как в этих суждениях имеется только представление о предмете суждения, не прошедшее процесса вербализации, т. е. это представление о предмете или явлении не перешло посредством слова в логическое понятие.

---

[1] Грамматика русского языка, т. II, ч. I, Изд-во АН СССР, 1954, стр. 78—79.

ГЛАВА II

К ИСТОРИИ ВОПРОСА О БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ НАУКЕ

Одним из видов односоставных предложений в современном русском языке являются безличные предложения.

Свыше ста лет философы и лингвисты пытались решить, что же такое безличное предложение, когда и почему безличные предложения образовались в речи.

Философы-психологи, как Гербарт, Тренделенбург, Брентано, Вундт, Марти, Иованович, Бозанкет, пришли к мысли, что бессубъектные предложения [1] возникли в ту далекую пору, когда у человека был еще примитивный тип мышления, т. е. когда человек целиком, нерасчлененно воспринимал предмет с его деятельностью и качеством. Это нерасчлененное восприятие оформлялось в его сознании в одночленное суждение, выразившееся в языке особым видом предложения.

Другие философы — Лотце, Липп, Эрдман, Зигварт, и др.— утверждали, что суждение обязательно должно быть двучленно, имея в своем составе субъект и предикат.

«Всякое суждение высказывает отношение между содержанием двух представлений»,— писал Лотце в своей «Логике» [2].

«Суждение есть разложение целостного представления на составные части — понятия и установление между ними отношения»,— учил В. Вундт в «Логике» [3].

---

[1] В зарубежной литературе безличные предложения чаще называют бессубъектными (Subjektlose Sätze).

[2] Lotze. Logik, Leipzig, 1880, S. 57.

[3] W. Wundt. Logik, Stuttgart, Bd. I, 1924, S. 147.

Гербарт в «Введении в философию» [1] указывает, что в предложениях friert, regnet содержание понятия субъекта исчезает и не обозначается, в предложении имеются только неограниченные, безусловные предикаты. В своей «Учебной книге по психологии» [2] он обращает внимание на то, какое большое место на фоне личных предложений занимают безличные. Он утверждает, что вначале люди образовывали односоставные предложения — es scheint, а потом стали думать и говорить Die Sonne scheint, прикрепляя субъект к предикату. Таким образом, Гербарт склонен думать, что безличные предложения — выражение первичных нерасчлененных одночленных суждений.

В 60-х годах прошлого века психолог Тренделенбург приходит к выводу, что первые представления людей глагольны и деятельность была понятна человеку без отношения к деятелю [3]. Признавая одночленность суждений, он полагает, что в современном языке одночленное предложение, а в логике — одночленное суждение есть рудимент первичных суждений: «Мы мыслим собственно сказуемыми» [4].

Наиболее категорично обосновывал учение о возможности одночленного суждения Франц Брентано [5].

Исследуя психологию первобытного человека, он полагал, что первобытный человек не мог мыслить сложными категориями-суждениями и его первичные предложения были не что иное, как названия представлений. Все одночленные суждения Брентано сводил к предложениям бытия (Existentialsätze), указывая, что они различны не только внешне, но и внутренне. Решительно осуждая тысячелетнюю традицию, установившую, что суждение имеет только категориальную форму из субъекта и предиката, Брентано осмеивает бесплодные, по его мнению, попытки ученых обязательно отыскать субъект в предложениях типа es regnet. Не удовлетворяет Брентано и попытка некоторых ученых видеть за неопределенным es regnet — Zeus regnet, так как вряд ли можно думать, что в es rauscht — Zeus rauscht. Карикатурой научного объяснения считал Брентано и объяснение появления es rauscht, es regnet путем эллипсиса из das Rauschen rauscht, das Regen regnet.

---

[1] Gerbart. Lehrbuch zur Einleitung in die Philosophie, Königsberg, 1813, SS. 104—106.

[2] Gerbart. Lehrbuch zur Psychologie, Königsberg und Leipzig, 1816.

[3] Trendelenburg. Logische Untersuchungen, Bd. II, 1862, S. 205—216.

[4] Тренделенбург. Логические исследования. Русский перевод, ч. II, 1868, стр. 224.

[5] Franz Brentano. Psychologie vom empirischen Standpunkt, Leipzig, 1874 (см. изд. 1925 г.).

А. Марти, последователь Брентано, причину неудачных объяснений природы безличных предложений видит в том, что ученые или не разграничивают категории логики и грамматики, или рассматривают суждения независимо от их выражения.

Очень сжато написана, но ярко выражает психологическое направление глава о безличных предложениях в работе Вундта «Die Sprache». Impersonalien, по мнению Вундта, являются в основе двучленными конструкциями, в которых названа деятельность, причина или носитель которой неизвестен. Непосредственным содержанием Impersonalien являются простые повествовательные предложения о явлениях природы. Отличаются Impersonalien от простых повествовательных предложений тем, что предмет или субъект, присоединяющийся к представлению, содержащемуся в глаголе, имеет неопределенное свойство, про которое, однако, нельзя сказать, что оно отсутствует. Это неопределенное свойство находится в понятии, возникшем путем последующей рефлексии в окончании глагола: pluit, tonat; в наших новых языках, например, в местоимении es в обороте es regnet, es donnert оно выражено недвусмысленно.

Вундт этим утверждает, что Impersonalien есть неопределенное суждение как в логическом, так и в психологическом смысле. В логическом смысле оно обозначает понятие предмета встречающегося, но не могущего быть определимым из-за неустойчивого содержания. В психологическом смысле оно обозначает весь комплекс более компактного содержания восприятия, которое дается одновременно с действием или состоянием, содержащимся в глаголе. Impersonalien, заключает Вундт, представляется куском обрывочного аббревиатурного языка, который когда-то был более полным. Указывая, что суждения в безличных предложениях неопределенны, все предложения, по мнению Вундта, все же личны, так как в основе слова-глагола он видит подлежащее, а в форме глагола — сказуемое [1]. Вряд ли можно с этим согласиться, хотя у Вундта есть и отдельные правильные мысли, которые тонут в общей волюнтаристической системе его психологии, реакционной и идеалистической по своей сущности.

Б. Бозанкет, говоря о безличных суждениях, указывает: существуют суждения, не имеющие непосредственного субъекта. Эти суждения, по его мнению, выражаются безличными предложениями типа: *Как жарко! Плохо. Вредно. Моросит. Тает* и др. [2].

[1] См. W. Wundt. Die Sprache, Bd. 1. Impersonalien. Zweite ungearbeitete Auflage, 1904, SS. 223—231.

[2] См. Б. Бозанкет. Основания логики. М., 1914. стр. 64 и след.

Зигварт[1] пытается установить отношения между категориями логики и грамматики. Суждение для Зигварта всегда двучленно: оно состоит из субъекта и предиката, а предложение — из грамматического подлежащего и сказуемого. Зигварт приходит к следующим выводам: 1) Каждое высказывание, как истинное, так и ложное, содержит две различные части: каждое положительное суждение является двучленным и состоит из синтеза двух представлений в осознании действительности; то, которое лежит в основе, называется субъектом; с точки зрения логики, бессубъектных суждений не существует. 2) Единство субъекта и предиката в положительном суждении обусловлено: а) соединением двух представлений в целое, б) единством предмета и его качества или деятельности, в) единством определенных отношений данного объекта с другими объектами. 3) Слово субъект употребляется в узком и широком смысле. В узком смысле — это предметный, в е щ е в о й субъект (Dingsubjekt). В широком смысле под субъектом понимается объект мышления. В таких предложения, как pluit, отсутствует предмет-субъект. Предложения грамматически не бессубъектны, так как в окончаний глагола -t имеется знак субъекта. 4) В предложении с -t существующий предметный субъект не обозначен из-за его неопределенности.

В класс Impersonalien Зигварт зачисляет только экзистенциальные предложения, так как в es rauscht видеть в es логический субъект и придать ему определенное обозначение было бы невозможно. Зигварт предполагает, что безличные предложения — образование очень древнего периода, когда были образованы только главные корни, послужившие материалом для такого типа предложений. Как es brennt, так и Feuer лишены психологического подлежащего, так как в них выражено представление.

В книге «Логика» Зигварт представляет процесс появления безличных предложений таким образом: «Движение мышления в суждениях, выражающих свойство или деятельность вещи, развивается отчасти так, что в сознании впервые появляется вещь (грамматический субъект), отчасти так, что впервые в сознании появляются свойства или деятельность (грамматический предикат). В первом случае свойство или деятельность сперва различаются как составная часть данного сложного представления, а затем они наименовываются. Во втором же случае — слово или деятельность сперва воспринимаются сами по себе и наименовываются, а затем относятся к вещи. Последнего акта — отношения к вещи при определенных усло-

[1] Christ. Sigwart. Die Impersonalien, eine logische Untersuchung, Freiburg, 1888.

виях — может и не быть. Этим объясняются так называемые безличные предложения» [1].

И в этом случае, когда второго акта не происходит в силу каких-либо причин, получаются безличные предложения. Однако вряд ли можно думать, что сначала познавался процесс, а затем предмет.

По мнению Зигварта, слово может обозначать «определенное содержание представления» или же только «отдельное единичное», которое не выражено словом. «В последнем случае и не необходимо, чтобы представление субъекта обозначалось или могло обозначаться каким-либо словом» [2].

Книга Зигварта имеет несомненные достоинства, но и серьезные недостатки. К достоинствам необходимо отнести наличие языкового материала и попытку сгруппировать все безличные предложения в немецком языке. Но эта группировка (10 групп) недостаточно продумана, в нее внесены и номинативные предложения, совершенно отличные по своей природе от безличных, например: Ostern (пасха); Mitternacht (полночь); Sommer (лето); Winter (зима).

Отдельной книгой вышла работа философа-психолога Иовановича «Die Impersonalien» [3]. Иованович полагает, что если признать обязательной двучленность суждения, то ученым и спорить не о чем. Но если думать, что первобытный человек осмыслял процесс безотносительно к деятелю, то это, по его мнению, стоит в резком противоречии со всеми психологическими свойствами первобытного человека, с его воззрениями, ощущениями и фантазиями. Словом, оно противоречит его миро- и жизнепониманию. Иованович против утверждения других философов, что безличные предложения основаны на неопределенности субъекта.

«Неопределенность была совершенно чужда человеку при рассмотрении природы... Небо и земля с их живой сущностью были именно тем, из чего проистекают все явления» [4].

«Если мы в уста первобытного человека вложим суждение es blitzt am Himmel, то нужно предположить, что der Himmel уже у него было осознано как деятель, как виновник явления» [5].

Следовательно, по мнению Иовановича, безличные предложения — плод истории развития языка, когда устранялась первобытная персонификация и из Der Himmel blitzt остава-

---

[1] Хр. Зигварт. Логика, 1908, стр. 66.
[2] Там же, стр. 70—71.
[3] Iowanovich. Die Impersonalien, Belgrad, 1896.
[4] Там же, стр. 3—24.
[5] Там же, стр. 25.

лось es blitzt, а произносить название Iupiter, Zeus, Indra запрещалось.

Вообще Иованович считает, что Impersonalien возникли в языке сами по себе, как выражение особого простого акта суждения, и вовсе не потому, что примитивному человеку оставался неясным деятель того или иного деяния. По мере своего развития он мог наблюдать, что деятельность возникает от какой-либо вещи, а не видел только одну деятельность, безотносительную к какому-нибудь деятелю. Он начинал понимать, что *дождит* и *гремит* не что иное, как небо и туча, что шумит или светит какая-то ближайшая среда. Поэтому-то Иованович утверждает, что «с логической точки зрения предикат сам по себе быть не может,— он должен быть предикатом чего-нибудь» [1], так как «субъект и предикат — два представления, необходимо требующие один другого» [2].

Многое в суждениях Иовановича заслуживает серьезного внимания и кажется правильным. Однако многое бездоказательно и остается только гипотезой; немало у него противоречий. После рассуждений о том, что первобытный человек не мог мыслить только о действии без деятеля, мы встречаем утверждение, что бессубъектные предложения — продукт более трезвого периода воззрений на мир. Однако в этих оборотах в обоих случаях он видит одноактное суждение.

Так решали философы-психологи вопрос о безличных предложениях с точки зрения логики и психологии. Многие языковеды, занимавшиеся безличными предложениями, так или иначе подпадали под влияние философов. Так, например, Гейзе, автор наиболее распространенной в свое время немецкой грамматики [3], исходит из психологических изысканий Гербарта в объяснении безличных предложений. Гейзе думает, что действительными безличными предложениями могут быть такие, у которых на место es нельзя примыслить никакого определенного деятеля. Безличные предложения он делит на два типа: бессубъектные по форме и бессубъектные по содержанию. Предложение hungert mich по форме бессубъектно, но наличие косвенного падежа говорит о субъекте. Посредством обезличивания возникают простейшие, несовершенные типы предложений. Следовательно, обезличивание — вторичный процесс, ведущий к порче языка.

С такой точкой зрения согласиться никак нельзя, так как мы, изучая историю языка, видим, что язык, развиваясь, улучшается и совершенствуется.

---

[1] Iowanovich. Die Impersonalien, S. 42.

[2] Там же, стр. 43.

[3] S. A. Heyse. Ausführliches Lehrbuch der deutschen Sprache, 5. Aufl., 1899.

В полном почти согласии с таким толкованием происхождения и образования безличных предложений высказывался и Бенфей в своей работе «Gelehrte Anzeigen» [1]. Он, видимо, предполагал, что в древнейший период конструкции были личные, но уже в греческом языке появляются бессубъектные предложения; в германских и славянских языках усиление безличности объясняется влиянием классической литературы. Говоря о формах мышления, Бенфей допускает, что для первобытного мышления человека свойственно было иметь суждение без логического субъекта. Тем самым Бенфей доказывает возможность бессубъектных одночленных суждений. Бенфей в своих философских основаниях ближе к Тренделенбургу.

Не мог правильно решить вопрос о бессубъектных предложениях и Штейнталь, так как он, отрицая связь между логикой и грамматикой, считал, что «логическое суждение есть отражение реальных связей; предложение отражает не суждение, а тот психологический процесс, в котором осуществляется суждение» [2].

Штейнталь указывал, что Impersonalien нужно рассматривать прежде всего как выражение экзистенции. В своей другой работе, «System der Sprachwissenchaft», Штейнталь высказывает мнение о том, что Impersonalien лучше называть «Subjektlose Sätze» и в предложении es regnet нельзя считать es субъектом, так как оно занимает лишь вакантное место субъекта. В своих суждениях и анализе языковых фактов Штейнталь исходил из ассоциативной психологии Гербарта и, разрывая язык и мышление, не мог найти правильного решения вопроса о безличных предложениях.

Под влиянием идей Зигварта была написана небольшая статья Фр. Шредера «Die Subjektlose Sätze» [3]. Новых мыслей в ней нет. Как и Зигварт, Шредер полагает, что безличными можно назвать только такие предложения, которые не содержат вещного субъекта.

Большое влияние оказал Зигварт и на Пауля и Бругмана. Пауль полагает также, что суждение двучленно, а в выражении всякого конкретного явления «есть психологический субъект».

В предложениях типа pluit, tonat субъект выражается личным окончанием глагола, а в предложениях es regnet, es blitzt формальное, грамматическое подлежащее и будет субъектом. Кроме того, Пауль считает, что «в человеческой речи

---

[1] Th. Benfey. Gelehrte Anzeigen, Göttingen, 1865.

[2] Steinthal. Grammatik, Logik und Psychologie, Berlin, 1855, S. 195.

[3] Fr. Schreder. Beilage zum Programm des gimnasium zu Gebweiter, 1889, S. 4—5.

есть такие суждения, в которых как для говорящего, так и для слушающего высказывание является субъектом, а положение, ситуация — предикатом. Например: некто видит, что ребенку угрожает опасность. К тому лицу, которому доверено наблюдение за ребенком, он обращается в таком случае с восклицанием: «Дитя!» Этим указывается только предмет... следовательно, указывается логический субъект. Предикат же выясняется для лица, к которому обращено восклицание, из того, что оно видит, когда обращает внимание на указанное»[1]. Значит, указанное является субъектом, а ситуация — предикатом. Однако ситуацию включать в состав предложения нельзя. Поэтому Пауль впадает здесь в ошибку.

В том же аспекте рассматривает состав безличных предложений Оскар Эрдман[2].

Не отличается новыми мыслями в данном вопросе и грандиозный труд Бругмана «Vergleichende Grammatik». Бругман различает настоящие Impersonalien и кажущиеся, свободные и связанные конструкции: es regnet, pluit — предложения свободные, а es scheint mir, dass...— связанные. Es в связанных Impersonalien, по мнению Бругмана, служит причиной возникновения мнимого субъекта, который возникает по аналогии с местоимением связанных конструкций.

В «Die Syntax des einfachen Sätzes in indogermanischen Sprachen» Бругман снова касается безличных предложений, соотнося их с предложениями, выражающими приказание и призыв, так как в безличных предложениях содержится выражение значений физических и душевных аффектов, с чем, конечно, нельзя согласиться, так как и значение и структура их иная. Он высказывает предположение, что il, it в смысле der, die, das были первоначальными субъектами в предложении. Бругман думает, что у первобытных людей было восприятие вместе и деятеля и действия, а поэтому и предложения первоначальные были с подлежащим: Wetter leichtet (зарница сверкает). Поэтому в современном языке встречается и es donnert и der Donner donnert (*гремит* и *гром гремит*). Таким образом, Бругман приходит к выводу, что в языке существует искони именной и глагольный вид предложений, и ход развития может быть совершенно различный: в одних языках из субъектных предложений развивались бессубъектные, а в других наоборот. В латинском языке сначала было pluit, а затем Iupiter pluit, а в верхненемецком — сначала ich hungere, затем mich hungert.

---

[1] H. Paul. Prinzipien der Sprachgeschichte, 2. Aufl., 1880, S. 116.

[2] См. O. Erdmann. Grundzüge der Deutschen Syntax nach ihren geschichtlichen Entwicklung. Stuttgart, 1898, S. 57.

Так решался вопрос о безличных предложениях в эпоху расцвета сравнительного языкознания, т. е. во второй половине XIX века. Сравнительно-исторический метод поднял технику самого исследования, был собран большой материал, расширилась сфера изучения разных языков, вследствие чего углубилось понимание языковых фактов. Стали привлекаться и факты живого народного языка.

Однако философы и лингвисты, оставаясь на позициях идеалистического мировоззрения, не могли правильно понять соотношения объективного мира, форм мышления и форм языка, вследствие чего разработка языковых проблем плохо подвигалась вперед.

В XX в. проблема безличных предложений не забывалась лингвистами. Дейчбейн в своей книге «Satz und Urtheil» высказывает мысль, что безличные предложения образовались в период еще нечеткого членения категорий мысли, когда деятель не отграничивался, не выделялся из общего комплекса действия и деятеля-субъекта. Примитивное номинативное мышление этот комплекс осознавало как существительное. Но существительное сначала было обозначением всякого предмета вместе с признаками. Когда существительное осозналось как носитель признаков, оно стало субъектом, но неодушевленные предметы, вещи не могли функционировать в качестве субстанции, и винительный падеж стал функционировать в качестве именительного, а глагол безличный стал заменяться личным[1].

Субъективно-психологическое понимание процессов развития языковых форм не обосновывается материалом, а заявления, что понятие субстанциональности коренится прежде всего в человеческом самосознании, в «я», явно идеалистичны. Пытаясь примирить психологию и логику, Дейчбейн разъединяет их, относя психологию к области вообще сознания, а логику к самосознанию.

Дейчбейн считает, что номинативные предложения, образуемые из слов, обозначающих предмет и его признак,— это достояние и удел примитивного мышления, а предложения, образованные из названия предмета и названия его действия, т. е. вербальные предложения,— достояние и продукт высшей ступени мышления. Его анализ предложения «Der Jäger tötet den Zöwen» доказывает, что Дейчбейн спутал все ряды: объективную действительность, логику, психологию и язык.

С большим и интересным языковым материалом выступил

---

[1] См. Deutschbein. Sätze und Urtheil, 1919, S. 10—17.

Г. Корроди в статье «Das Subjekt der sogenannten impersonlischen Verben» [1].

Корроди, принадлежа к логико-психологическому направлению в объяснении языковых фактов, считал, что дискуссия о безличных предложениях, длящаяся свыше 50 лет, потому бесплодна, что нет ясности в соотношении категорий языка и категорий логики. Стараясь доказать, что каждое суждение двучленно, Г. Корроди и требует объяснения: почему же язык имеет односоставные предложения? Анализируя взгляды Прантла, Шуппе на es в безличных предложениях, Корроди полемизирует с Гриммом, Вундтом, Паулем и особенно с Бругманом.

Он критикует Бругмана, учившего, что es развилось из указательных местоимений в придаточных предложениях, а потом стало «пустым» словом, совершенно бессодержательным, задача которого состояла в том, чтобы отличать повествовательные предложения от других типов [2]. Когда наступило такое превращение и как это превращение происходило — Бругманом не указано. Корроди не согласен с Бругманом, что es заполняет место субъекта в повествовательных предложениях. Такую же функцию, по мнению Корроди, может выполнять das. Вместо es genugt das вполне можно сказать: das genugt das. Поэтому Корроди вообще решительно возражает против того, что в повествовательных предложениях обязательно должно быть es. Обязательным es является в предложениях с метеорологическим содержанием, в предложениях, где es образовалось из указательного местоимения и стало «пустым» словом.

Корроди в своей статье правильно упрекает лингвистов, что они для объяснения природы безличных предложений оперируют материалом только литературного языка и главным образом берут для анализа изолированные немногие типические формы безличных (es regnet), стараясь по этим примерам объяснить все типы безличных предложений. Этим самым языковеды, как правильно указывает Корроди, неисторически подходят к явлениям, так как надо изучать не только типическое, но и вновь возникающее. Возникновение каких-либо новых образований наиболее отчетливо объяснит ход развития языковых явлений.

В дальнейшем изложении Корроди классифицирует глаголы по семантическим признакам по обычной, установившейся традиции и дает перечисление различных по семантике es и употребления их в речи.

Корроди намечены следующие типы es: 1) es, заменяю-

[1] Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung, 1925, S. 36.

[2] См. K. Brugmann. Der Ausdruck des Scheinsubjekts «es» in den germanischen und romanischen Sprachen. Gesellschaft der Wissenschaften, 1917, Bd. 69.

щее вещный субъект, например: Es blitzt, 2) es препаративное, которое раскрывается в придаточном зависимом предложении, например: Es scheint, 3) объективно неопределенное es-etwas, например: Es senkt unter,— говорит человек, подходя к людям, наблюдающим что-то неясное на море, 4) субъективно-неопределенное es, когда человек намеренно не называет субъект, оставляя его в области недостоверного, например: Es geht nicht (не выходит). Иногда это es употребляется при обозначении чего-то странного, 5) употребляется es при явлении, причины которого многообразны, например: Es duftet herrlich (*пахнет восхитительно*), 6) es формальное, которое появляется в таких предложениях, когда оно ничего не выражает (то, что Бругман, Вильманс и другие называют «кажущимся» субъектом), например: Es sitzt sich hier (*Здесь хорошо сидеть*), 7) и, наконец, es синтаксическое, появляющееся при инверсиях, так как глагол в немецком языке не может стоять на первом месте, например: Es ritten drei Reiter zum Tore hinaus (*Три всадника выехали из ворот*).

В заключение Корроди призывает различать логический, психологический и грамматический субъекты. В логическом и психологическом смысле безличных предложений нет.

В статье много интересного материала и много новых мыслей. Однако смешение внеязыковых средств и языковых в объяснении безличных предложений не дает правильного разрешения вопроса о природе безличных предложений. Ситуация, т. е. окружающая действительность, явления, элементы действительности дают материал для мысли, но не заменяют мышления и не заменяют языка. Статья посвящена исключительно фактам немецкого языка и главным образом форме с es.

Немецкий ученый Калепки совершенно отказывается от признания наличия безличных предложений [1]. Он полагает, что это проблема логическая, а не грамматическая. Он указывает, что Хр. Вольф повернул изучение грамматики на путь логики и до сих пор многие понимают предложения как «языковое отображение логического суждения» (sprachliches Abbild des logischen Urtheils). При объяснении, что такое субъект предложения, он исходит из психологических обоснований. «Субъект будет то, что является исходным пунктом речи» [2]. Калепки против принятых обозначений im, los + personalien, предлагая называть их вербальными формами, выражающими отношения, процесс или состояние с неясным носителем действия. Однако дело не в названии, а в содержании и

---

[1] См. T. Kalepky. Sind die Verba Impersonalia ein grammatisches Problem? «Die neuen Sprachen», 1927, Bd. XXXV, S. 161 und weit.

[2] См. там же, стр. 164—165.

форме конструкций, которых Калепки не сумел ни понять, ни объединить.

Небезынтересна статья Сибса [1], который указывает, что безличные предложения есть «простое обозначение» без всяких мифологических или религиозных влияний. Сибс не разъясняет, что он понимает под простым обозначением.

Решить вопрос о генезисе, специфике безличных предложений никому не удалось. Споры о безличных предложениях продолжались. Каждый ученый начинал свою работу с критики своих предшественников, но сам мало вносил в трактовку исследуемой проблемы.

Так, Вильгельм Бранденштейн в статье «Das Problem der Impersonalien» критикует Корроди, Бругмана, но сам ставит все те же три задачи, которые ставились и до него, и останавливает свое внимание на следующем: 1) на исследовании отдельных примеров с точки зрения психологических явлений, лежащих в основе безличных предложений; 2) на классификации всех типов предложения; 3) на истории образования безличных предложений.

В безличных предложениях он различает две группы типа: 1) Es regnet и 2) Es ritten drei Reiter zum Tore hinaus.

Но Бранденштейн даже примеры берет те же самые, которые уже не раз анализировались другими учеными. Объяснение Бранденштейна также не оригинально, так как в первом типе он видит es как пустое слово, а по поводу второго типа он говорит, что в этих предложениях главное внимание устремлено не на трех всадников, а на их действия.

Бранденштейн выступает против термина «безличные предложения». Он полагает, что гораздо правильнее называть их одночленными предложениями, выражающими одночленные суждения, как когда-то утверждал Марти, мысли которого не нашли отклика в свое время. Опираясь на Марти, Бранденштейн объясняет безличное предложение как такую конструкцию, при которой событие мыслится само по себе. Критикуя многих ученых за неправильное понимание субъекта, сам Бранденштейн говорит, что «субъектом может быть само действие или понятие о самом действии» [2]. Однако он говорит о логическом субъекте, а не о грамматическом, хотя сам же резко критикует других лингвистов за смешение логических, грамматических и психологических категорий.

О неясности границ между логикой и грамматикой говорит и Бехагель в своей книге «Немецкий синтаксис». Неясность в отношении безличных предложений Бехагель объяс-

[1] Th. Siebs. Die sogenannten subjektlosen. Sätze. K.—L., 1910.

[2] См. B. Brandenstein. Das Problem der Impersonalien, I. F., XVII, 1928, S. 15.

няет недостаточно установленной связью логики и истории языка. Он склонен считать, что безличные предложения являются не выражением суждения, а только наименованием представления. Он возражает тем ученым, которые глагольное окончание 3-го лица -t считают выражением действующего лица. Особенно горячо Бехагель осуждает филологов за смешение безличных глаголов и безличных конструкций.

Нельзя пройти мимо фундаментальных работ датского лингвиста Есперсена: «Logik and Grammar» и «The Philosophy of Grammar» (1924 г.). Есперсен старался найти общие законы языка, уделяя внимание соотношениям логических и грамматических категорий в языке. Разделяя логику на формальную и практическую, он видел соотнесенность практической логики с категориями грамматики, но очень своеобразно понимал их отношение. В предложении *Человек смертен* (Man is mortal), полагал Есперсен грамматически — настоящее время, в то время как логически выражены все три времени: настоящее, прошедшее и будущее. Однако в русском языке в таких предложениях, как *земля вертится, птица летает,* выражено не действие земли или птицы, а существенно присущий ей признак безотносительно ко времени, хотя форма глагола и совпадает с формой настоящего времени. О безличных предложениях у Есперсена ничего оригинального не сказано.

Е. Герман в своей статье[1] подводит итог всем спорам о безличных предложениях, происходившим в первую четверть XX в. Анализируя синтаксис Гомера, он кратко излагает точку зрения на безличные предложения Шухардта, Неккеля, Эркрайха. Сам Герман полагает, что первоначально были лишь личные предложения, так как мышление первобытного человека антропоморфично. «Поэтому,— говорит он,— я целиком примыкаю к Шредеру в его положениях, что индогерманцы получили свою веру в высшее существо с древнейших времен, а отражение этого мы наблюдаем в языковом выражении явлений природы. Разве случайно, что у Гомера, в противовес Ζεύς ὔει не встречается безличных предложений в выражении явлений природы»[2]. Он утверждает, что в древнейших памятниках безличных предложений нет, потому что субъектом в этих предложениях всегда выступает бог. Автор сочувственно относится к идее Шухардта, который утверждает, что такие слова, как blitzt, regnet, не являлись сначала ни словом, обозначающим предмет, ни словом, обозначающим процесс, явление. Стремление к обобщению побудило первобытных людей снабдить слово blitzt указательным жестом на

[1] E. Hermann. Die subjektlosen Sätze bei Homer und der Ausdruck der Tägikeit, des Vorgangs und des Zustandes, Göttingen, 1926.

[2] См. там же, стр. 107.

небо. Сочетание звукового комплекса и жеста образовало, по мнению Шухардта и Германа, двучленное предложение. Это указание на неопределенное место сменилось у логически мыслящего человека определенным представлением творца, деятеля в этом месте, так как человек, обладающий каузальным мышлением, пришел к идее причины света и молнии. Затем эти двучленные предложения вновь потеряли субъект и стали бессубъектными. Мы вряд ли можем согласиться с такой теорией мифологического и антропоморфического объяснения языковых явлений.

Во второй четверти XIX века вышла работа Шлепермахера, где говорится много интересного об одночленных или безличных суждениях [1]. Нельзя не обратить внимания и на работу Аммана, которая по своему материалу менее богата, чем работа Корроди [2]. О единстве языковых форм в индоевропейских языках говорит М. И. Стеблин-Каменский. В книге «Древнеисландский язык» показано, как много общих черт в языках в выражении безличности. «Подлежащее всегда отсутствует в предложении, когда сказуемое — безличный глагол, то есть глагол, который выражает либо действие, не связываемое ни с каким производителем или носителем, либо действие, носитель которого выражен дополнением в косвенном падеже». М. И. Стеблин-Каменский приводит примеры предложений, в которых явления природы, ощущения и переживания, выражаются безличными глаголами, например, Rignir — идет дождь, Snjovar — идет снег, Várar — наступает весна или Kerl mik — мне холодно, Dregmir mir — мне снится и др. [3].

В. Г. Адмони в книге «Введение в синтаксис современного немецкого языка» очень мало уделяет внимания безличным конструкциям, утверждая, что «безличные конструкции имеют все же в немецком языке меньший удельный вес с точки зрения выражения состояния, чем в русском языке...» [4]. Но автор указывает, что в немецком «возможно построение предложения без номинативного подлежащего (формального es), при условии замещения первого места в предложении каким-либо другим членом предложения. Например, Allein auch diesen sekundären Erscheinungen mußte unachsichtig zu Liebe gegangen werden (T. Mann)». По мнению В. Г. Адмони, в немецком «широко распространены конструкции типа Hier wird nicht geraucht и т. д.» [5]. Приходится сожалеть, что В. Г. Ад-

---

[1] Schlepermacher. Dialektik, S. 304.
[2] H. Amman. Zum Deutschen Impersonalien.
[3] Изд-во лит-ры на иностр. яз., М., 1955, стр. 139—140.
[4] См. В. Г. Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка. Изд-во лит-ры на иностр. яз., М., 1955, стр. 154.
[5] Там же, стр. 153—154.

мони не использовал интересных материалов и тонких наблюдений Корроди и других над безличными конструкциями.

В книге Э. Бурсье «Основы романского языкознания» даются только краткие замечания о безличных предложениях. Так, говоря об обычных типах предложения личного характера: Puer currit (ребенок бежит) и Puer bonus est (ребенок (есть) хороший), указывается и на существование безличных предложений типа pluit [1]. Бурсье пишет, что «глагол habere начиная с конца латинской эпохи стал употребляться в безличных оборотах в сопровождении существительного в винительном падеже» [2]. Говоря о безличных предложениях в романских языках, Бурсье указывает, что в старофранцузском и провансальских языках в предложениях «вначале в роли ...подлежащего выступало местоимение среднего рода el(=*ĭllum вместо ĭllud), перешедшее на западе в ol, которое вскоре смешалось с местоимением м. р. il. В новой форме им пользовались сначала в оборотах il est, il i a «есть, имеется», также il a или просто a=habet; см. § 233, а затем, начиная с XII в., вместе с существительным, сведенным к роли сказуемого... и с безличными формами глаголов: il me plaist «мне нравится», il apert «кажется», il ajorne «светает» и др.» [3]. Таким образом, хотя эти конструкции были безличны по значению, но они двусоставны по конструкции, так как il стояло на месте подлежащего. В последней главе Бурсье подтверждает, что употребление il в безличном обороте потом становится обязательным. Но для того чтобы яснее представить процесс обезличивания конструкций; необходимо более основательное и последовательное исследование материала.

Таким образом, западная лингвистика, несмотря на большое внимание, которое она уделяла вопросу о безличных предложениях, так и не могла его разрешить и объяснить, что же такое безличные предложения, когда они появились в речи — раньше или позже личных, чем являются безличные предложения — выражением одночленного суждения или выражением какой-то иной единицы мысли.

Правильному решению вопроса о безличных предложениях мешало следующее:

1) идеалистическая трактовка фактов языка и мышления;

2) недиалектический метод, применяемый для решения этой проблемы;

---

[1] Э. Бурсье. Основы романского языкознания, ИЛ, 1952, стр. 13—14.

[2] Там же, стр. 213.

[3] Там же, стр. 307—308.

3) смешение психологии, логики и грамматики или же их абсолютное разграничение;

4) неправильное понимание взаимоотношений умственного и чувственного познания явлений;

5) неправильное понимание сущности и явления, формы и содержания.

Все это вместе взятое поставило западную лингвистику перед неразрешимыми трудностями в осознании тех или иных грамматических конструкций и их значений и функций в языке. Поэтому и наличие безличных предложений объяснялось каждым ученым по-своему: одни объясняли появление безличных предложений исчезновением субъекта, другие — особенностью первобытного мышления, существованием «табу» на имена божеств или обожествляемых сил природы; третьи полагали, что опускался субъект при неясности, неопределенности причины действия или если деятель ясен без слов.

Не меньшая роль в объяснении исчезновения субъекта отводилась и грамматическим факторам. Так, например, безличность объяснялась тем, что подлежащее не нужно, потому что грамматическое подлежащее выражено каким-либо другим способом: а) формой 3-го лица глагола, б) мыслимым субъектом — es, il, it, *оно, воно* и т. п. В немецкой литературе все изыскания лингвистов направлены были главным образом на выяснение безличного es в предложениях типа es blitzt, es donnert. Отсутствие субъекта в отдельных предложениях объяснялось наличием его в предыдущей или последующей речи. Некоторые ученые объясняли исчезновение субъекта стремлением избежать тавтологии: Regnen regnet — Es regnet. Другие ученые объясняли наличие безличных предложений как результат влияния другого языка. Наконец, отмечали, что безличные предложения возникали вследствие нарушения согласования при наличии нескольких подлежащих.

Не способствовали правильному решению проблемы безличных предложений и методические погрешности в работе:

1) привлекался к исследованию только литературный язык, народный язык не затрагивался;

2) брались предложения определенного типа: es blitzt или же es ist schade, das du nicht gekommen bist и т. п.;

3) вопрос рассматривался чаще генетически, без достаточно полного описания картины безличности в том или ином современном языке;

4) при построении различных догадок о генезисе безличных предложений не прослеживалось историческое развитие категории безличности;

5) у многих лингвистов не было четкого разграничения безличных глаголов и безличных предложений.

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ТРУДАХ СЛАВЯНСКИХ УЧЕНЫХ

Все западные ученые рассматривали языковые категории с точки зрения общего языкознания и в сравнительно-генетическом плане. Однако нельзя сделать те или иные теоретические выводы без работ, описывающих грамматические типы безличных предложений в различных конкретных языках.

Таким описательно-сравнительным типам работ положил начало крупнейший ученый-славист словинец Франц Миклошич. Работа Миклошича на данную тему в то время была самой обширной и обстоятельной. Она называлась в первом издании «Die Verben Impersonalischen im Slavischen Sprachen» и во втором издании «Subjektlose Sätze». Изменение названия не только явилось результатом уточнения, но и показателем известного пересмотра материала. Работа Франца Миклошича очень богата фактическим материалом, хотя и не произвела переворота в установившихся традиционных взглядах. Но по интересным наблюдениям и замечаниям эта книга и до сих пор имеет большую ценность.

В первой части своей работы Миклошич дал обзор литературы по синтаксису с древнейших пор, освещая непоследовательность учения о безличных предложениях у разных философов и языковедов. Во второй части он представил большой материал из многих славянских, индоевропейских и античных языков.

Миклошич дает следующее определение «Subjektlose Sätze»: «Бессубъектные предложения суть предложения, состоящие только из сказуемого, из того, что в большом числе предложений при естественном образовании мыслей должно рассматриваться как первое (prius — предшествующее во времени), к чему можно, но не обязательно должно подыскиваться подлежащее. В бессубъектном предложении выражается событие, т. е. состояние, без обозначения действующего предмета» [1].

По вопросу о соотношении между суждением и предложением Миклошич стоит на такой точке зрения, что «взаимную связь между суждением и предложением нельзя переоценивать, но, однако, ее не должно и отрицать».

Из полемики его с другими лингвистами видно, что сам Миклошич склоняется к мысли, что безличные предложения представляют более позднее образование и деформировались из личных, затем, укрепившись как категория, распространялись все шире и шире.

---

[1] Fr. Miklosich. Subjektlose Sätze, Wien, 1883, S. 25.

Миклошич считает распространение безличных предложений достоинством языка.

Приступая к классификации бессубъектных предложений, Миклошич осуждает термин «Impersonalien», считая это понятие «в высшей степени неопределенным, зыбким, оттого что это научно непригодное выражение» [1].

Миклошич дает классификацию, покоящуюся на двоякой основе — формальной и материальной, т. е. по форме и значению, находя восемь типов бессубъектных предложений, выделяя из всех типов экзистенциальные с глаголами esse, habere и dare, например: Im diesem Garten gibt es jetzt viele Rosen. Миклошич полагает, что глаголы *быть, пребывать, состоять* способны и к субъектной и к бессубъектной конструкции. Такие предложения, как Es ist kalt или Hier ist kalt, Миклошич разбирает как предложения, выражающие состояние. В предложениях же Nelěpo mi est mlьčati или в украинском: Volno Bohu ščo chotiti, to čynyti; Panom trudno pravdu kazaty — Миклошич считает подлежащими *молчать, хотеть, сказать*, а *нелепо, трудно, вольно* — предикатами, выраженными предикативными словами на *-о*.

Работа Миклошича, имеющая несомненные положительные стороны, страдает классификационной нечеткостью. Многие конструкции не учтены, формальная сторона многих оборотов не выяснена. Экзистенциальные предложения никакому анализу Миклошич не подверг. Примыкая к мнению Ф. Брентано, что суждения не обязательно должны быть двучленны, Миклошич не показал и не доказал, чем являются бессубъектные предложения современной формы. Однако отдельные недочеты искупаются богатством фактического материала и серьезным обзором всей предыдущей литературы, посвященной этому вопросу. Работа Миклошича и до сих пор представляет несомненный интерес.

Нельзя не упомянуть о работе другого видного славянского ученого И. В. Ягича, который шел совершенно иным путем в своих изысканиях по синтаксису славянских языков [2].

В работе Ягича предложения со словами *надо, должно, следует, подобает* к бессубъектным предложениям не причислены. Подобные слова он считает составной частью сказуемого, особыми вспомогательными словами, требующими инфинитива. Центром предложения Ягич ставит личный глагол, а в односоставных предложениях он видит сокращение прежде полных предложений. Особенно большое внимание уделяет Ягич отрицательным предложениям, в которых существитель-

---

[1] Fr. Miklosich. Subjektlose Sätze, Wien, 1883, S. 30.
[2] I. Jagić, Beitrage zur slavischen Syntax, Wien, 1899.

ное, выступая в именительном падеже утвердительных предложений, здесь выступает в генитиве или аккузативе, например: «Отъ плъти не(сть) пользе никосяже», «Не бе има чада», «Не бе има места в обители» [1].

На основании анализа подобных предложений Ягич полагает, что значение недостатка и избытка в языке выражается бессубъектными оборотами с генитивом, например, в русском языке: *на это у него ума хватит;* или do sklepu naciekto wody; wody przybylo — в польском. Но каким образом возникли такие предложения, Ягич не объясняет. Обращает внимание Ягич на особенность русских оборотов бессубъектных с творительным падежом, например: *пахнет дымом, дымом пахнуло.* Недостатком работы И. В. Ягича является то, что он неопределенно-личные, обобщенно-личные предложения переводит в безличные.

Работа Вондрака [2] оригинальностью не отличается. В синтаксисе славянского языка Вондрак дает обычную классификацию видов безличных предложений, не анализируя их. О работе Иовановича как психолога-философа мы говорили раньше. Много интересного в понятие безличных предложений внесла русская лингвистическая мысль. Многие русские логики также уделяли внимание безличным предложениям в связи с анализом бессубъектных суждений.

За последние годы в лингвистических работах много уделялось внимания безличным предложениям, но ученые анализировали явления безличности в своих языках, как, например: Šmilauer. Novočeská skladba, Praga, 1947; или Fr. Trávníček. Neslovesné věty v češtine, т. I—II, Brno, 1930—1931.

В 1956 году вышла статья Р. Мразека с сопоставительным материалом безличных предложений русского и чешского языков, которая представляет несомненный интерес. Эта статья Р. Мразека, озаглавленная «K jednočlennym větam slovesnym», помещена в книге «Kapitoly ze srovnávaci mluvnice ruské a české», изданной Чехословацкой Академией наук. В статье больше всего уделено внимания безличным предложениям, хотя и говорится об одночленных, а к одночленным относятся не только номинативные, но и неопределенно- и обобщенно-личные предложения. В статье выясняется, что понятие «односоставный» в русском языке не совпадает с термином одночленный (jednočlenný), и указывается автором, какие предложения безличны и какие безличными считать не следует. Большинство указанных типов безличных предложений, приведен-

---

[1] По техническим причинам в графике некоторых текстов допускаются неточности.

[2] W. Wondrak. Vergleichende slavische Grammatik, Gottingen, 1908.

ных из русского языка, действительно являются безличными, например: *вечереет, на дворе холодно, цветами пахнет, как вас на это станет, морозит, светает, уж темно, сеном пахнет, мне холодно, нам понравилось, уже капельку в голову ударило, нам весело, жаль его* и др. Однако считаем невозможным признать безличными предложения *была зима, сегодня понедельник, нас было пятеро детей* и под. Очень многим группам безличных предложений в русском языке как по форме выражения, так и по значению соответствуют безличные предложения в чешском языке, хотя имеются и несомненные расхождения, особенно с точки зрения модальной (см. § 54—57). Не имея серьезных возражений автору статьи, мы не можем согласиться с ним в следующем: вряд ли рационально отказываться от синтаксического определения единого члена в безличных предложениях, называя его «единый главный член». Если Шахматов и назвал его «главным членом», не характеризуя его синтаксически, то все же предложения он называл или односоставными — сказуемо-бесподлежащими, или бессказуемо-подлежащными, предложениями, так как главный член односоставного предложения может быть отождествлен формально или с подлежащим, или со сказуемым. (См. § 35 в «Синтаксисе русского языка» Шахматова). Главный, или «sákladni», член все же имеет какую-то синтаксическую природу. Р. Мразеку удалось охватить почти все основные типы как по форме, так и по значению и выявить их модальную и эмоциональную сторону. В конце статьи дан список работ, посвященных анализируемому вопросу, среди которых имеются и такие материалы, которыми, к сожалению, мы не располагали во время написания нашей работы (1942—1949 гг.).

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РАБОТАХ РУССКИХ ЛИНГВИСТОВ

Очень длительное время развитие грамматической теории в России шло под влиянием греческих и римских источников в приложении их к системе церковнославянского языка[1].

Настоящий научный анализ грамматических явлений системы русского языка впервые находим у М. В. Ломоносова. Однако некоторые замечания, соображения и истолкования безличных предложений как синтаксических конструкций или безличных глаголов, лежащих в основе этих конструкций, мы наблюдаем и в более ранних трудах русских лингвистов.

---

[1] См. С. П. Обнорский. Разработка русского языка за 25 лет. Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1944, т. III, вып. 1, стр. 16.

В наиболее полной и наиболее самостоятельной грамматике Мелетия Смотрицкого[1] автор в отделе морфологии из обычных личных глаголов выделяет особую группу безличных и затем дает их парадигмы.

В синтаксисе в главе «О сочинении безличных страдательных глаголов» Смотрицкий пишет, что некоторые безличные глаголы употребляются самостоятельно как предложение.

Дальше идет сообщение о сочетании именительного с безличными глаголами: *гримитъ, дождитъ, снежитъ* и др.

Затем даются примеры на то, как безличные глаголы употребляются с личными формами. Даются сочетания слова *несть* с родительным падежом, затем приводятся примеры сочетания с дательным падежом безличных глаголов: *достоитъ, подобаетъ, леть, есть, оуншекость, явъ есть вредитъ, довлеетъ, лепо есть* и др.

Смотрицкий указывает на употребление глаголов безличных страдательных в таких примерах: «Живется ими благочéсть ѡ. Спитъ ми ся сладце. Строитъ ся ѡ мне вещь. и проч.».

Дальше идут примеры на безличные конструкции с наречиями: «довольне иметь смиреня, мáло целомудрія» и проч. Затем Мелетий Смотрицкий говорит, что безличные глаголы «образъ оубо имуть третьего лица», и приводит пример страдательного залога 3-го лица: *случается, мнится, глаголется, можется, снится* и др.

М. Смотрицкий также указывает, что каждое 3-е лицо может быть употреблено безлично. Таким образом, в его работе уже говорится о сущности безличных конструкций, о форме безличных глаголов и их употреблении в речи.

У Юлия Крыжанича[2] глаголы безличные названы «неосóбние», о которых он пишет следующее: «Неособна ричина есть кој а лúше трêју особу единúчного числá имајет: и та јесть двојака»; затем он дает примеры: «болит, сербит, гърмит, жал јесть, мúло есть».

Приводит Крыжанич примеры «неособна терпильного знаменования: *печется, сидится, спится*» и др.

Иного толкования безличных конструкций в других грамматиках того времени мы больше ни у кого не встречаем.

В «Российской грамматике» Ломоносова (1755) имеется деление глаголов на личные и безличные, с указанием, что

---

[1] М. Смотрицкий. Грамматика славенския правильное синтагма, 1618, III.

[2] Ю. Крыжанич. Грамматично изказаније об русску језику, писано в Тобольске, 1666, раздел 5 «Об ричúнах».

безличные глаголы имеют только 3-е лицо, например: *надлежит, кажется, говорят* [1].

Интересные соображения высказываются Ломоносовым в § 521:

«Безличные российские глаголы почти все от личных заемлются, как *случается, приключается, надлежит* от *случаюсь, приключаюсь, надлежу;* кроме одного почти *пристоит*» [2].

С Ломоносовым можно не согласиться, когда он в безличные глаголы зачисляет глаголы с неопределенно-личным значением в предложении: *меня хвалят, тебя хвалят* и *его хвалят.* Приводя примеры предложений с краткой формой страдательных причастий, Ломоносов называет их также безличными глаголами в среднем роде: *думано было, бывало сажено, тебе велено* и под. (§ 523).

Включает он в категорию безличных и сомнительное неокончательное наклонение с приложением частицы *ли,* изображающее неизвестное следствие: *бывать ли мне в отечестве, видать ли мне своих родителей.* Сюда же он относит такие же предложения с отрицательной частицей *не* (см. § 523—528).

В работе А. А. Барсова «Краткие правила российской грамматики» (1771) отводится уже большее внимание безличным оборотам. Автор пишет о заменах одного оборота другим и устанавливает два ряда безличных глаголов:

1-я группа — прямые, их немного, они по происхождению славянские заимствования,

2-я группа — российские безличные глаголы, произведенные от личных, т. е. позднейшего происхождения.

К безличным относит Барсов и предложения со словами *льзя, жаль* и др., а также и прилагательные в среднем роде.

В статье «О частях предложения в связи с этимологическими формами» Барсов пишет, что безличные предложения отличаются от личных тем, что не имеют объяснительного слова к окончанию [3]. В таких безличных предложениях, где вместо субъекта употребляется объект в творительном падеже орудийном, по мнению Барсова, безличность развилась при переходе винительного в творительный: *бросить камень — бросить камнем.*

Некоторые соображения Н. И. Греча о безличных предложениях имеются в его «Чтениях» (ч. 1), где сказано: «Есть некоторые глаголы, в которых не означается предмет действующий и существо заключается в самом действии, напри-

---

[1] М. В. Ломоносов. Российская грамматика, § 282. Соч., т. IV, изд. Акад. наук, СПб., 1898, стр. 112.

[2] Там же, § 521, стр. 206.

[3] См. А. А. Барсов. Краткие правила российской грамматики, 1771.

мер: *светает, морозит;* такие глаголы называются безличными. Но не имея подлежащего, они не имеют и предмета, на который бы действие их обращалось, а все относятся к глаголам средним, как сказано будет ниже» [1].

Несколько шире освещен вопрос о безличных глаголах в грамматике А. Х. Востокова [2]. В § 88 сказано следующее: «Личными называются глаголы, во всех лицах и родах употребляемые; безличными называются глаголы, употребляемые только в 3-м лице без местоимения личного или без существительного, означающего предмет действующий, и принимающие в прошедшем времени только средний род, например: *подобает, подобало; рассветает, рассветет, рассвело; свербит, засвербит, свербело, засвербело; тошнит, тошнило; хворается, хворалось* и проч.».

Востоков говорит дальше, что глаголы, во всех лицах употребляемые, могут принимать вид безличных, когда при них не показан предмет действующий, например: в единственном числе: *шумит — зашумело; гремит — гремело; сверкает — сверкнуло* (подразумевается нечто или что-то); во множественном числе: *говорят, говорили; сказывают, сказывали* и т. д.

Ошибочность данного утверждения несомненна, так как эти глаголы имеют лицо и это лицо легко восстанавливается.

Востоков полагает, что если присоединить к глаголу частицу *-ся,* то некоторые глаголы делаются от этого безличными, и приводит примеры: *думается, можется, хворается, снится, хочется, спрашивается.* Но указав на чисто формальное изменение глагола, он ничего не говорит об изменении смысла в глаголе и не видит разницы между глаголами *хочется* и *спрашивается,* которые наделены совершенно различными свойствами, хотя и имеют одинаковую возвратную форму на *-ся.*

Таким образом, у Востокова нет четкого понимания природы безличных предложений и далеко не все их виды, употреблявшиеся в то время в языке, приведены и систематизированы.

Наиболее серьезно к этому вопросу и с бо́льшим охватом всех явлений в данной области подошел Ф. И. Буслаев [3].

С именем Буслаева связано начало разработки истории русского языка и логико-грамматического направления в изучении форм русского языка. Буслаев заявлял, что научное пре-

---

[1] Н. И. Греч. Чтения о русском языке, ч. I, 1840.

[2] А. Х. Востоков. Грамматика русского языка, 1831.

[3] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, изд. 2-е, переработанное, 1863.

подавание отечественного синтаксиса может быть только сравнительно-историческое на основании логических начал [1].

Но в другой книге он же пишет, что синтаксис — такая наука, в которой исследуются «законы сочетания слов» [2]. Несомненно, в этом утверждении сказывается и влияние александрийских грамматик и влияние Востокова.

Буслаев много внимания уделяет безличным предложениям, хотя теоретически он не признает безличности, так как в глагольных окончаниях и неопределенном местоимении он видит «лицо».

Буслаев не только приводит примеры безличных предложений в литературном языке, но извлекает массу примеров из народной речи и сравнивает способы выражения бессубъектности в русском языке с выражением ее в других языках [3].

Буслаев указывает на целый ряд глаголов, употребляемых в нашем языке для обозначения безличности, главным образом в 3-м лице, причем эти безличные глаголы чаще всего означают явления природы или явления, непонятные примитивному человеку. Так, например, многие заклятия выражаются безлично: *чтоб тя прострело, чтоб тя язвило.*

Ошибочно Буслаев считает безличным предложение *Люди белить, а мы места делить;* по аналогии с безличными предложениями в немецком с es, во французском с on, он относит к безличным глаголам и такие обобщенно-личные и неопределенно-личные глаголы, как *говорят, думают, полагают,* а также конструкции с вспомогательными *было, бывало,* например: *она было с ума сошла.* К безличным же формам относит Буслаев глаголы со страдательным значением на *-ся* и, подчеркивая большую распространенность безличных форм возвратного залога, сопоставляет эти формы с формами западноевропейских языков; затем Буслаев приводит примеры конструкций из причастий и имен прилагательных с вспомогательным глаголом в 3-м лице, например: *можно, должно* или *сижено, хожено, пито,* и относит сюда такие слова, как *вероятно, верно* и др.

Буслаев, как и многие другие ученые, образование безличных форм связывает с средним родом, подтверждая свое мнение примерами из немецкого языка, где местоимение в безличных предложениях всегда среднего рода, например: es tagt,

---

[1] Ф. И. Буслаев. О преподавании отечественного языка, М., 1884, стр. 141.

[2] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, ч. II, изд. 2-е, М., 1863, стр. 3.

[3] См. там же, стр. 153—161.

es schneit, а также указывает, что и во французском языке местоимение должно принимать за средний род: il pleut, il fait chaud, il me faut, il neige, il gele и др. [1].

Буслаев приводит многочисленные примеры из народных пословиц, песен, где безличные глаголы преобразуются из личных, а также предложения со страдательными причастиями вроде: *И жито забыто и пито не в честь. В девках сижено, горе мыкано.*

Слова *жаль, досуг, пора* он считает существительными и наречиями, однако предложения с этими словами включает в безличные, например: *лень работать.*

Собственно безличными называет Буслаев только такие глаголы, как *довлеет, подобает, нет.* Буслаев отмечает особую природу «речений» (как он называет) *надо, не надо,* которые не согласуются и не употребляются как самостоятельные безличные глаголы и от которых зависят имена; например, в древнерусском стихотворении: *Не надо мне твоя золота казна.*

Буслаев пишет, что «формы безличного глагола выражают мысль более или менее отвлеченно; потому-то пользуются или 3-м лицом глагола, означающим указание на неизвестного действователя, или средним родом, или неопределенным наклонением и существительным, выражающим понятие не столь наглядно, как выражает самый глагол, или наконец наречиями, т. е. словами, произведенными от имен» [2].

Буслаеву кажется, что «замена личного оборота безличным составляет одну из особенностей нашего языка. Мы обращаемся к безличной форме даже тогда, когда нельзя миновать лица действующего, которое и обозначается тогда различными косвенными падежами, заменившими первоначальный именительный падеж подлежащего» [3].

В доказательство Буслаев приводит примеры важнейших случаев замены безличными оборотами личных вроде: *я хочу — мне хочется, я думал — мне думается,* т. е. указывает замену дательным именительного или замену именительного творительным вроде: *его гром убил — его громом убило;* замену именительного родительным количества или глаголом с отрицанием, например: *наехало гостей, набралось народу, не было денег.*

Выражение «видно город» или у Пушкина: «И слышно в тишине степной лишь лай собак да коней ржанье» Буслаев считает также заменой безличным глаголом сочетания, состоя-

---

[1] См. Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика, ч. II, М., 1863, стр. 155.

[2] Там же, стр. 158.

[3] Там же.

щего из прилагательных или причастий среднего рода с вспомогательным глаголом.

Однако вряд ли эти формы выражения являются заменой, а не особыми специфическими способами выражения мысли в иной синтаксической форме. Следует отметить как положительное в работах Ф. И. Буслаева привлечение им материалов из народного языка.

В 1869 году была опубликована статья Новаковского «Некоторые выводы из анализа русской речи», в которой отведен раздел безличным предложениям. Рассматривая категории языка с логической точки зрения, Новаковский подвергает сомнению правомерность существования безличных предложений, так как он считает возможным существование предложения без подлежащего так же, как субъекта без предмета суждения. «Присутствие в каждом безличном предложении смысла, который для нас понятен,— говорит он,— самым наглядным образом доказывает и присутствие в нем того логического закона, по которому строятся все суждения» [1].

Однако, признавая, что в языке безличные предложения имеются, Новаковский их наличие и появление объясняет «дипломатией жизни». «Логике нет дела до того, как выражены два ее понятия, составляющие суждения, одним ли словом или двумя» [2],— говорит Новаковский, и дальше он развивает такую мысль, что когда два члена суждения выражаются одним словом, тогда появляются безличные обороты: *есть возможность — возможно; есть надобность — надобно; есть приказание — приказано; хотение было — хотелось; гром убил — громом убило; я хочу — хочется.* Следовательно, по его мнению, в логическом суждении безличности быть не может. Логический субъект всегда есть.

Нельзя не упомянуть работы Классовского «Нерешенные вопросы в грамматике», где уделено большое внимание безличным предложениям. Классовский, малоизвестный лингвист второй половины XIX века, в своих работах проявляет глубокую вдумчивость, тонкую наблюдательность и уменье сопоставлять языковые формы. В своей работе Классовский в первую очередь пытается решить вопрос, что такое подлежащее с логико-грамматической точки зрения. Признавая двучленность суждения, он полагает, что понятие, данное в суждении, это подлежащее, понятие же выведенное — сказуемое. Подлежащее и сказуемое соотносительны; если нет подлежащего, то нет и сказуемого. Появление безличных пред-

[1] В. Новаковский. Некоторые выводы из анализа русской речи, стр. 2 (Извлеч. из «Журнала Министерства народного просвещения», 1869, CXLXIX, июль, стр. 8—23).

[2] Там же.

ложений объясняется тем, что суждение, переведенное на язык, иногда выражается и одним словом: *думается, рассветает.* Это безличные усеченные формы обыкновенных суждений.

Предложение, в котором подлежащее — название предмета выражено именительным падежом существительного, Классовский называет прямым; если же подлежащее выражено косвенным падежом существительного, то предложение будет косвенное. Таким образом, теорию об исключительной связанности подлежащего с формой именительного падежа Классовский считает несостоятельной. В предложениях *Григорий оскорбил Якова* и *Григорием оскорблен Яков* для Классовского слова *Григорий* и *Григорием* одинаково являются подлежащими, так же как в *я не сплю* и *мне не спится — я* и *мне* идентичны как члены предложения.

О таких предложениях, как *рассветает, тошнит, его убило громом,* Классовский пишет, что их трудно считать бесподлежащными [1].

В объяснении безличных предложений, выражающих явления природы, автор данной работы пишет: «Здесь зависимость свою от природы мы высказываем преимущественно посредством подлежащих неопределенных или заслоненных, так сказать, веществом предиката» [2].

На основании таких взглядов Классовский и дает совершенно особую классификацию предложений по типу подлежащего:

1) открытые (субъект как действующие лицо господствует над предикатом) с подлежащим в именительном падеже: *птица летает, эту книгу многие читают,* или в творительном падеже — при глаголах страдательной формы;

2) заслоненные (предикатом):

а) с подразумеваемым именительным падежом: *его убило громом, угораздило меня, холодом меня обдало, пробило девять часов, дымом пахнуло* (в этих предложениях подразумевается «нечто»);

б) с подлежащим в родительном падеже: *будет с тебя этого, помощи не приходило, только на словах тебя не стало, хлеба хватило ровно на пять дней;*

в) с подлежащим, выраженным наличным или возможным дательным падежом: *мне хочется, верится, плачется, легко, можно, мне пора;*

г) с подлежащим — предполагаемым творительным падежом: *хожено, граблено, бито, едено;*

---

[1] М. В. Классовский. Нерешенные вопросы в грамматике, СПб., 1870, стр. 27.

[2] Там же, стр. 28—29.

д) скрытые, в которых подлежащее заключено в глагольных сказуемых: *рассветает* (рассвет происходит), *тошнит* (тошнота пронимает), *морозит* (мороз действует).

Нельзя отказать Классовскому в продуманности и обоснованности такой классификации. И тем не менее классификация порочна, так как основана на понятии подлежащего как логической категории, а не грамматической. Понимая подлежащее так, Классовский не вскрывает грамматических законов языка, а синонимичность выражений, которую он устанавливает, не считая ее простой перелицовкой, на самом деле свидетельствует о различных формах языка. Точка зрения Классовского не принимается теперь никем.

Очень большое внимание анализу бессубъектных предложений и вообще проблемам синтаксиса уделил известный русский ученый-филолог А. А. Потебня. Но прежде чем перейти к анализу его работ, необходимо рассмотреть хотя бы очень кратко работы русских логиков и объяснение ими безличности.

Мы считаем, что вопросы языкознания нельзя рассматривать в совершенном отрыве от вопросов философии, логики, психологии, а некоторые лингвистические вопросы — в отрыве от физиологии, так как взаимосвязь и взаимовлияние здесь безусловно существуют.

Выше было указано, что Марти оказал большое влияние на Ф. Миклошича, а Ф. Миклошич в свою очередь серьезно повлиял на русского ученого Н. Н. Ланге. Поэтому, анализируя решение вопроса о безличных предложениях, мы очень кратко изложим трактовку этого вопроса некоторыми логиками. Сознательно ограничиваем себя рассмотрением небольшого количества работ по логике, так как в более ранних трудах слишком мало материала по интересующему нас вопросу. Кроме того, и в лингвистических работах вопрос о соотношении логики и грамматики не ставился кардинально, так как не было еще осознано единство и различие категорий логики и категорий грамматики. Они или совершенно не сопоставлялись или смешивались, или отождествлялись, как мы видели это в работах Греча, Новаковского, Классовского, Буслаева и др.

А. А. Потебня, языковед-мыслитель, не мог не учитывать работ логиков. Ему были хорошо известны работы В. Вундта, М. Мюллера, работа Штейнталя «Grammatik, Logik und Psychologie», а труды В. Гумбольдта имели на него большое влияние. Вряд ли не известны были Потебне и работы русских логиков того времени, тем более что в этих работах вопрос о суждении всегда так или иначе связывался с вопросом о предложении. Так, М. Владиславлев в книге под

названием «Логика. Обозрение индуктивных и дедуктивных приемов мышления и исторические очерки: логики Аристотеля, схоластической диалектики, логики формальной и индуктивной» (1872) впервые в русской литературе выдвинул понятие о «безличных суждениях» как одном из видов простого суждения.

«Безличность суждения» он объяснял неизвестностью причины, производящей явление. По функции он их называл «наблюдательными суждениями», которые возникают при определенных условиях; например: «Мы видим неожиданно свет, не знаем, происходит ли он от пожара или от других случайных причин» [1].

Мысль о наличии своеобразных «бессубъектных суждений» несомненно заслуживала внимания. Но совершенно неверно утверждение Владиславлева, что эти суждения выражаются такими единицами речи, которые не следует считать предложениями.

Другой логик, М. Троицкий, впал в не менее серьезную ошибку: в безличных предложениях, как, например, *Душно, Гремит* и подобных им, он не видел логических суждений (которые он называл «логические предложения»), так как «они не содержат не только утверждения или отрицания, но и истины или лжи» [2].

А. А. Потебня не мог, конечно, принять этих неверных точек зрения, и в своем труде «Из записок по русской грамматике» (т. III, гл. 12) он специально ставит вопрос о причине бессубъектности предложений.

Категория бессубъектности, по Потебне,— результат эволюции языка, постепенной потери субстанциональности. Потебня прослеживает особенности образования категории безличности, классифицирует безличные предложения, указывает, какими грамматическими формами выражена безличность не только в русском языке, но и в других славянских, а также западных и классических языках.

В своих изысканиях Потебня не только идет в ногу с европейскими учеными, но гораздо раньше их ставит вопрос о единстве языка и мышления.

Обладая огромными сведениями из области сравнительного языкознания, хорошо зная памятники древнерусского, старославянского и других славянских языков, Потебня пытается объяснить генезис отдельных видов безличных предло-

---

[1] См. М. Владиславлев. Логика.., СПб., 1872, стр. 102.

[2] М. Троицкий. Учебник логики с подробными указаниями на историю и современное состояние этой науки в России и других странах, кн. I, М., 1885, стр. 113 и след.

жений, подкрепляя свои гипотезы языковыми фактами. Несомненно, многого не удалось доказать Потебне, многое получило субъективное освещение, часто и неубедительное, однако положения Потебни толкают лингвистическую мысль на дальнейшие изыскания, и многие его гипотезы потом в других работах получают фактическую обоснованность. О характере данной работы сам Потебня в автобиографии, данной им для журнала «История русской этнографии», пишет следующее: «На очереди у меня грамматическая работа, связанная с этим курсом, носящая два заглавия: для публики — «Об изменении значения и заменах существительных»; для меня — «Об устранении в мышлении субстанций, ставших мнимыми» или «О борьбе мифического мышления с относительно-научным в области грамматических категорий» (по данным преимущественно русского языка)»[1]. А. А. Потебня думает, что предикативность и атрибутивность имени, иначе — именной характер предложения, увеличивается по направлению к древности; вместе с этим увеличивается и конкретность языка. Безличными называет он такие предложения, у которых при сказуемом нет определенного известного субъекта.

Очень интересно объяснил Потебня появление es, il, *воно, оно*. Такие предложения, которые выражают ощущения, восприятия, различные внутренние и внешние явления, по его мнению, возникли в силу мифологического мышления. «Мифическое на наш взгляд существо производит известное действие в природе или человеке, овладевает человеком, берет его, схватывает...»[2].

«Архаичность оборотов с существительным сказывается и в том, что употребление в них имени, которое мы с позднейшей точки считаем именем действия в качестве подлежащего, есть тем самым представление этого имени именем действователя, с позднейшей точки мифического»[3]. «*Тебя завидки берут* — мифично; *ты завидуешь* — нет»[4]. Затем Потебня делает вывод, что не ко всякому бессубъектному выражению этого рода можно подобрать соответственное субъектное; тем не менее более чем вероятно, что последние предполагаются первыми, что по направлению от древности число бессубъектных увеличивается за счет субъектных[5].

Потебня указывает на то, когда, при каких условиях

---

[1] А. Н. Пыпин. Этнография старорусская. История русской этнографии, т. III, 1891, стр. 423.

[2] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III, Харьков, 1899, стр. 408.

[3] Там же, стр. 357.

[4] Там же, стр. 358.

[5] См. там же, стр. 410.

устранение мифического субъекта или по крайней мере его определенности может происходить, а именно:

а) частью потому, что при веровании в силу слова известных враждебных человеку демонических существ не следует называть (bei, es packt ihn wie mit Krallen, es rüttelt, reitet mich, denkt man sich an demonische Krankheiten, deren Name lieber ungenannt bleibt, Grimm, Wb. «es») [1].

б) частью потому, что действующее лицо, при таинственных действиях как внутренних (болезненные ощущения), так и внешних (*там водит* — coś straszy, es spuckt), geisterhafte, gespenstige, unsichtbare, ungeheuere, Grimm, Wb. «es» представляется до исследования неизвестным: nicht über zwei Stunden kam **etwas** an die Thür, steckte einen Schlüssel ein... Grimm ib. [2].

Так, хотя Потебня не так категорично утверждает, что бессубъектному обороту предшествовал оборот с субъектом, однако он предполагает, что некоторые разряды бессубъектных глагольных (простых) сказуемых, образованных от имен, предполагают эти самые имена как субъекты, т. е. что на вопрос «кто светает?» язык ближайшим образом предполагает ответ: «свет светает»; например, украинское «Став божиї свит світати» [3].

Анализирует Потебня и глаголы непереходные без объекта, сравнивая выражения в различных языках, например, русские: *морозит, моросит, спорит, зорит, жарит, холодает, вечереет, теплеет, рассвело, обвеснело* и др., в том числе и народные формы, а также примеры из других языков: из латинского — vitam vivere; или из литовского — mẽgą mẽgoti, sapną sapnõti; из немецкого — es abendet, es donnert, es blitzt, es regnet; из латинского — rorat, fulminat, sonat и др.; из санскритского — видjôтатê, станajáти и др. [4].

Потебня полагает, что эти предложения образовались из субъектных, в чем его убеждают формы народного языка, например:

А не туця то, да не туця туцатсе
Да не теменьё, да не темень темнитсе!..

(Киреев. IV)

Что не бель во полях забелелася,
что не синь засинелася,
что не крась закраснелася.

(Киреев. IV) [5].

---

[1] См. А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III, 1899, стр. 410.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 420.
[4] Там же, стр. 422—423.
[5] Там же, стр. 422.

Таким образом, по мнению Потебни, такие выражения, как *туманится,* произошли из *туман туманится, чудится* из *чудо чудится,* как например в литовском языке: mẽgą mẽgoti, в болгарском: «Горок сон сама сонила».

Потебня очень остроумно объясняет изменение субъектного предиката в бессубъектный и исчезновение «внешнего», затем внутреннего объекта в выражениях *снится, думается* и др. «Как устранение субъекта, ставшего мнимым, превращает сказуемое в бессубъектное, так исподволь устанавливается разница между объектами действительными и мнимыми, и последние устраняются, вместе с тем часть сказуемых превращается в интранзитивные, хотя самое образование их может указывать на первоначальное их безразличие с транзитивными: сначала «шутки шутить», потом «шутить» — без возможности прямого дополнения» [1].

«А затем,— указывает Потебня,— установляется различие между объектом, означающим внешний результат действия (а), и таким, который исчерпывается самим действием (б). Последний или остается единственным дополнением, возможным при глаголе... или в случае тавтологичности субъекта и объекта заменяется возвратным *-ся,* первоначальное значение коего забывается, так что возвратный оборот сводится на бессубъектный...» [2], т. е., по мнению Потебни, происходит такой процесс в языке, в результате которого из *туман туманится, туча тучится, погода распогодилась* получаются безличные *туманится, тучится, распогодилось.*

К безличным Потебня относит предложения:

1) выражающие явления природы: *светает, хмурится, туманится;*

2) конструкции с дательным: *мне снилось, нам пришлось, зевается, спится;*

3) при страдательном сказуемом с дополнением в родительном падеже: *у дородного добра молодца много было на службе послужено;*

4) при бессубъектном сказуемом сочетание числительного с родительным падежом существительного, например: *тех пять голубей прилетело;*

5) предложения типа *холодно, мне холодно;*

6) предложения со словами *жаль, стыд, грех* при инфинитиве;

7) конструкции с инфинитивом типа *весело было ехать, нельзя было ехать, нужно было ехать;*

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III, стр. 424.

[2] Там же, стр. 426.

8) предложения отрицательные, например: *нет у молодца молодой жены.*

Пути изменения личного оборота в безличный представляются Потебне различными в соответствии с характером и структурой предложения. Ход трансформации в безличную конструкцию у Потебни представлен весьма глубоко и интересно. Так, например, для одних типов предложений Потебня намечает следующий способ:

«Устранение субстанциональности предикативного существительного происходит или посредством изменения субъектных оборотов в бессубъектные по образцу: «страх был» — в «страх было смотреть», или посредством образования прилагательных из этих существительных. Прилагательные выставленного образца затем переходят в наречия в бессубъектных оборотах «мучительно страшно видеть, что...» [1].

Если же устраняется субъект, устраняется подлежащее, а, по мнению Потебни, «понятия «подлежащее» и «сказуемое» относительны, т. е. предполагают друг друга; в сказуемом мыслится действие, производимое действователем; в подлежащем — определенный известный действователь, как производящий действие» [2].

Для возникновения другого вида безличных типа *шумело, тошнило, язвило* Потебня предполагает следующий путь развития по ступеням безличных оборотов: *язва язвила* — 1-я ступень; *язва язвило* — 2-я ступень; *язвило* — 3-я ступень [3]. Но почему теряется согласование на 2-й ступени, Потебня не указывает.

В обороте *жаль мне* Потебня видит устранение мнимой субъектности; *жаль* он считает подлежащим.

Ход развития безличности он представляет себе таким образом: «Безличность (неопределенность субъекта) сначала появляется в сказуемом, оставляя нетронутым подлежащее, потом подчиняет себе и все предложение, так что устраняется подлежащее или понимается таким образом, что оно не противоречит безличности сказуемого» [4].

В конце развития такие слова понимаются как винительные дополнения при бессубъектном сказуемом (*дать ссуда — навек остуда*) [5].

Потебня считает, что на пути от первого состояния языка

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III, стр. 390.

[2] Там же, стр. 403.

[3] См. там же, стр. 462.

[4] Там же, стр. 463.

[5] См. там же, стр. 464.

ко второму лежал момент, когда сказуемое уже было бессубъектно и несогласуемо с подлежащим, а подлежащее не чувствовалось как дополнение, например, в современных *жаль было покинуть, страх было сказать, пора было начинать*. «Прежде чем в этих выражениях именительные стали чувствоваться лишь как определения безличного сказуемого, как наречия, они должны были еще чувствоваться как подлежащие...» [1].

Несомненно, мысли, изложенные в 12-й главе III тома «Из записок по русской грамматике»,— самое интересное, что высказывалось в русской лингвистике о бессубъектных предложениях.

Потебня пытается на наличии бессубъектных предложений доказать, что в языке идет все время активный процесс, следствием которого является потеря субстанциональности и усиление глагольности. Бессубъектные предложения и есть конечный результат происходящего процесса в языке. Первичная стадия языка субъектна. В дальнейшем в силу тех или иных причин субъект бледнел в сознании человека, затем исчезал или устранялся. Причиной исчезновения субъекта в языке служило: 1) тотемистическое представление, т. е. умалчивание имени тотема, 2) неизвестность действующей причины из-за недостаточной осведомленности в законах природы. Исчезало представление о деятеле — исчезало и слово, его обозначающее.

Исследование такой трансформации предложений Потебня проводит только применительно к бессубъектным предложениям метеорологического характера или предложениям, выражающим стихийные явления. Возникновение же других видов предложений Потебня видит в нарушении конструкции согласования или же объясняет законами аналогии, либо эллипсисом в языке.

Но если Потебне удалось установить и проследить путь развития некоторых бессубъектных предложений, то этот путь нельзя отнести ко всем видам предложений.

Отрицая неправильную теорию приоритета глагольности у Потебни и убывания номинативности речи, ведущую к идеалистическому философскому положению о приоритете энергии перед материей, мы, однако, должны признать, что он глубоко и интересно осветил вопрос бессубъектности предложения вообще, и в частности в русском языке.

Нам представляется верным такое обобщение взглядов А. А. Потебни, которое дано Н. Соколовым.

«1) Понятие предложения у него выводится путем синте-

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III, стр. 464.

тическим, а не аналитическим, как и полагается по основным принципам Гербартовой школы.

2) Грамматическое предложение есть грамматическое, то есть формальное целое и ничего, кроме формы, в себе не заключает.

3) В определении частей предложения должно входить понятие частей речи, ибо одни другими взаимно предполагаются.

4) Подлежащее и сказуемое — понятия соотносительные и взаимно предполагают друг друга. Так называемые бессубъектные предложения — понятия отрицательные и непервообразные, ибо они так или иначе происходят из предложений субъектных. Таким образом, устанавливается минимум состава предложения.

5) Главнейшая и необходимейшая принадлежность предложения — присутствие в нем предикативности. В ней заключается вся суть предложения. Из частей предложения главным носителем предложения является сказуемое, а из частей речи — глагол.

6) Таким образом, только сказуемое в предложении и глагол из всех частей речи определяются самостоятельно. Остальные части предложения определяются по связи их со сказуемым, а остальные части речи — по их связи с глаголом» [1].

Многое из наследства, оставленного Потебней, следует пересмотреть. Однако учение о безличности до сих пор остается интересным, и в теоретической части современное языкознание не так далеко ушло от мыслей Потебни.

Обстоятельную работу по синтаксису написал талантливый, но рано умерший ученик Потебни А. В. Попов. В понимании синтаксиса он не пошел по стопам своего учителя, что станет очевидным при изложении отдельных положений Попова.

«Элементарным видом предложения я считаю одночленное предложение, состоящее из одного глагола или имени» [2],— писал А. В. Попов. По его мнению, не только предложение, но и суждение может быть одночленным. При анализе и определении безличных предложений Попов отступает от принятого им положения, что одночленное предложение есть выражение одночленного суждения. Тезис, что «безличность есть такой частный случай отношения между членами предложения, когда сказуемое по своему значению не нуждается в под-

[1] Н. Н. Соколов. Синтаксис русского языка в исследованиях Потебни. Изложил И. Белоруссов. Изв. II отд. И. А. Н., т. VIII (1903), кн. 2, стр. 356.

[2] А. В. Попов. Сравнительный синтаксис..., Филолог. зап., вып. II, 1879—1881, стр. 305.

www.ruslang.ru

лежащем»[1], не нарушает положения о соответствии одночленного предложения одночленному суждению. Дальнейшие объяснения свидетельствуют, что Попов нередко высказывает и иную точку зрения, что суждение должно быть двучленно; он пишет: «Это бывает в тех случаях, когда главным предметом речи является само действие, а предмет, который д о л ж е н б ы б ы т ь (разрядка моя.— *Е. Г.*) подлежащим, или не указывается вовсе, или представляется как нечто второстепенное. Относящиеся сюда глаголы означают обыкновенно физическое, физиологическое или психическое действие, производитель которого неизвестен. Сообразно с этим такие глаголы указывают лишь на действие, не вызывая вопроса о производителе действия: *темнеет, шумит, зудит* и т. п. просто значит *«является темнота», «происходит шум», «зуд»*[2].

Противоречивость основных положений объясняется разными влияниями, под воздействием которых был Попов.

Совершенно обнаженно выступает идеалистическая основа в трактовке языковых вопросов у Д. Н. Овсянико-Куликовского, ученика и последователя Потебни.

Овсянико-Куликовский пытается решить в одной своей статье[3] вопрос, какие предложения субъектны и какие бессубъектны и по какому признаку можно отнести то или иное предложение к этим двум основным конструкциям в русском языке. Его статья является наиболее солидной отдельной работой о безличных предложениях.

Овсянико-Куликовский старается установить синтаксические принципы классификации бессубъектных предложений и выяснить, каким образом получаются в языке обороты абсолютно бессубъектные и относительно бессубъектные. Он считает, что главным объектом исследования в этих предложениях должно быть подлежащее, а не сказуемое и не материальное значение предложений.

Овсянико-Куликовский очень высоко оценивает трактат Миклошича «Subjektlose Sätze», называя его «образцом ясной, отчетливой, стройной систематизации материала» и отмечая, что работа «в этом смысле надолго останется незаменимой»[4].

При попытке установить синтаксический признак класси-

---

[1] А. В. П о п о в. Сравнительный синтаксис..., Филолог. зап., вып. IV, V, стр. 305.

[2] Там же.

[3] Эта статья помещена в «Изв. импер. Акад. наук, Отд. русского языка и словесности» за 1900 г., т. V, кн. 4, под названием «Из синтаксических наблюдений. К вопросу о классификации бессубъектных предложений».

[4] Д. Н. О в с я н и к о - К у л и к о в с к и й. Из синтаксических наблюдений. К вопросу о классификации бессубъектных предложений. Изв. импер. Акад. наук, Отд. русск. яз. и словесн., т. V, кн. 4, 1900, стр. 1151.

фикации бессубъектных предложений Овсянико-Куликовский исходит из анализа соответствующих предложений в рассказе И. С. Тургенева «Собака» с целью показать, что в этих бессубъектных оборотах «апперципированы только сказуемые, что они-то прежде всего и проявились в сознании, а та точка в грамматической мысли, где должно было бы явиться подлежащее, осталась темной, непроявленной.

Этот процесс — обход подлежащего и движение мысли прямо к сказуемому — и есть основной синтаксический признак бессубъектности... Если эта точка до конца остается темной, а тем более, если она совсем исчезает из обихода данного процесса мысли, то процесс становится абсолютно бессубъектным» [1].

По мнению Овсянико-Куликовского, в таких выражениях, как *морозит, светает,* «пропало не только само подлежащее, но и то место в грамматической мысли, где оно должно было бы находиться и где некогда оно действительно находилось» [2]. Следовательно, Овсянико-Куликовский считает, что сначала были субъектные предложения, а потом субъекты в силу каких-то психологических причин опускались.

В статье выражена мысль об эволюционном убывании субъектности. Автор работы различает обороты абсолютно бессубъектные и относительно бессубъектные. Поэтому он и говорит: «В сознании (и именно в грамматическом), можно сказать, подлежащее уже есть в возможности, но только как форма без содержания, как вопрос: к т о? ч т о?» [3].

Чтобы правильно понять ход мыслей Овсянико-Куликовского, необходимо обратиться и к его синтаксису, в котором указывается следующее: «Предложение есть такое слово или такое упорядоченное сочетание слов, которое сопряжено с особым движением мысли, известным под именем «предицирования» («сказуемости»)» [4]. Если нет предицирования, то нет и предложения. Следовательно, предложение предполагает и подлежащее и сказуемое. «Подлежащее есть часть предложения, воспроизводящая в форме имени существительного... то грамматическое лицо, которое выражается личной формой глагола-сказуемого» [5].

В формах глагола Овсянико-Куликовский различает пять синтаксических лиц: 1-е — лицо говорящее; 2-е — лицо слу-

---

[1] Д. Н. Овсянико-Куликовский. Из синтаксических наблюдений, стр. 1152.

[2] Там же, стр. 1153.

[3] Там же, стр. 1154—1155.

[4] Д. Н. Овсянико-Куликовский. Синтаксис русского языка, 1912, стр. 50.

[5] Там же, стр. 175.

шающее (адресат); 3-е — то, о ком говорят; 4-е — лицо неопределенное, выраженное глагольным окончанием 3-го лица множественного числа и 2-го лица единственного числа; в некоторых языках это лицо выражается местоимением: man (man sagt) — в немецком; on (on dit, on écrit) — во французском; 5-е лицо — лицо мнимое, представляет грамматическую фикцию, не выражающую никакого лица; у нас нет местоимения для выражения этого значения, но во французском языке имеется il, в немецком es в бессубъектных предложениях. «Так как эта форма (es, il) не является заменой имени, то на нее следует смотреть как на местоимение мнимое, ее можно назвать псевдоместоимением (ложным местоимением)» [1].

Исходя из значения употребленного лица, все предложения Овсянико-Куликовский делит по разным ступеням относительной бессубъектности.

Так, например, у него имеются очень интересные соображения относительно немецкого es, французского il, которые он не считает местоимениями, так как их функция, по его мнению, совершенно другая, а именно функция, указывающая на то, что в грамматике мысли как бы еще чувствуются те точки, где должно было бы быть подлежащее; однако вместе с тем говорящий в нем как будто и не нуждается.

Овсянико-Куликовский называет es, il псевдоместоимениями, или мнимыми синтаксическими величинами. Это, конечно, неверно. Нет в языке каких-то мнимых величин. Язык есть реальное практическое сознание, а не система каких-то знаков, которые могут быть ирреальны.

Вся теория Овсянико-Куликовского о мнимых величинах и о каком-то особом «грамматическом» мышлении, которое он строго отмежевывает от логического мышления, совершенно неверна и построена на идеалистической концепции.

Особенно ярко эта идеалистическая точка зрения выражена Овсянико-Куликовским в положениях, что общее развитие грамматической мысли идет в направлении от мышления грамматическими категориями субстанции к мышлению грамматическими категориями действия, деятельности, процесса, т. е. от имени к глагольности. Эта идеалистическая концепция об убывании имен и развитии глагольности в языке была провозглашена эпигонами философской мысли в конце XIX века и опиралась на положения физиков-идеалистов, которые провозгласили тезис: «материя исчезла, осталась только энергия».

---

[1] Д. Н. Овсянико-Куликовский. Синтаксис русского языка, стр. 100.

Овсянико-Куликовский прямо говорит: «Эта грамматическая эволюция, совершающаяся в языках со времен незапамятных, служит естественным психологическим основанием для аналогичной эволюции высшего надграмматического мышления, где мы явственно наблюдаем постепенный, веками совершающийся переход от категории «субстанции» к категории процесса, от идеи материи к идее силы» [1].

Это неверное положение сопровождается другим, не менее ошибочным: языковые процессы, происходящие в жизни языка, объясняются как сохранение, сбережение умственной силы. Появление грамматических функций и мнимых величин, устранение некоторых грамматических категорий объясняется Овсянико-Куликовским доведением до известного минимума траты сил. Конечно, неправдоподобно, что обороты *морозит, светает,* gelat, rorat есть результат сбережения энергии и сил по сравнению с оборотами il pluit; il gèle; es regnet, где даны мнимые величины il, es, т. е. где нет сохранения энергии.

«Эти «псевдоместоимения» своей формой среднего рода решительно отрицают подлежащее как деятеля, и, наконец, становясь на его место, так сказать, обрывают нить традиции, восходящей к мифическому деятелю, более решительно, чем это делает оборот без псевдоместоимения простым устранением подлежащего» [2].

В славянских языках употребление *воно, оно* является, по мнению Овсянико-Куликовского, попыткой ввести это псевдоместоимение под влиянием немецкого языка [3].

В истории русского языка Овсянико-Куликовский видит четыре случая употребления бессубъектных оборотов:

1) ненадобность обозначения определенного деятеля (например: «Том же лете заложиша церковь»);

2) умолчание о деятеле, оттеняющее мысль, что он неизвестен, скрыт, таинственен;

3) умолчание о деятеле в силу того, что он достаточно ясен из материального значения сказуемого;

4) обход подлежащего связан с оттенками общераспространенной необходимости того, что выражено сказуемым: «По платью встречают, по уму провожают».

Овсянико-Куликовский считает, что в древнее время было значительно меньше бессубъектных оборотов. Следовательно,

---

[1] Д. Н. Овсянико-Куликовский. Из синтаксических наблюдений. К вопросу о классификации бессубъектных предложений. Изв. АН, ОЛЯ, т. V, кн. 4, 1900, стр. 1166.

[2] Там же, стр. 1167.

[3] Так ли это? Этот оборот больше распространен в народных диалектах, которые вряд ли подвергались влиянию немецкого.

бессубъектные предложения — результат более позднего развития. Желая понять связь между явлениями бессубъектности и общим развитием грамматического мышления, Овсянико-Куликовский ставит такой вопрос: «Не есть ли бессубъектность только частный случай или крайнее выражение общей эволюции грамматической мысли в направлении, характерные черты которого — перенесение центра тяжести грамматического предложения в сказуемое, пышное развитие глагольности, перемены в общей постановке имен в языке, особенно — существительных, превращение идеи или грамматической роли подлежащего, как производителя признака, в грамматическую фикцию, появление псевдоместоимения и т. д.?»[1].

В связи с теорией возможности перехода факта реальности в факт мнимый Овсянико-Куликовский иначе решает вопрос и о пассивной форме глагола — *книга, читаемая всеми.* В подлежащем страдательного оборота *книга,* по мнению Потебни, еще виден производитель действия; она делает так, что все ее читают. Такое объяснение более чем наивно.

Овсянико-Куликовский ставит следующую программу изысканий в области бессубъектных предложений:

1) определение степени бессубъектности;

2) изучение исторического развития предложения, его постепенного преобразования из субъектного в бессубъектное;

3) исследование формы сказуемого;

4) убыль грамматической апперцепции подлежащего;

5) нарушение согласования и переход в бессубъектные предложения.

Мы можем не колеблясь сказать, что многих поставленных вопросов Овсянико-Куликовскому решить не удалось, так как, оставаясь на идеалистической точке зрения, он не смог правильно решить вопроса о соотношении языка и мышления и пришел к неверным выводам, что субъектность в языке заменяется глагольностью на основании исчезновения материи и приоритета энергии и что предложения без подлежащего развиваются как результат устранения именных элементов. Но в разрешении отдельных положений из вопроса о безличных у Овсянико-Куликовского немало свежих мыслей, подкрепленных фактическим материалом[2].

---

[1] Д. Н. Овсянико-Куликовский. Из синтаксических наблюдений..., стр. 1178.

[2] Ф. Ржига, разбирая «Синтаксис» Овсянико-Куликовского, находит в книге очень много противоречий и для их устранения предлагает признать систему трехчленного предложения: подлежащее, сказуемое и дополнение. «Тогда отпадает вопрос о безличных предложениях, так как может в предложении, кроме личного предмета, существовать предмет речи вообще, что согласует форму предложения с логикой». См. «Русский филологический вестник», № 1—2, 1904, стр. 17. Педагог. отд.

В 1895 году была опубликована богатая фактическим материалом статья Э. Андерсена, которая называлась «К вопросу о безличном предложении»[1]. В ней автор разбирает некоторые случаи безличных предложений, главным образом типа *есть люди*, и сравнивает это выражение с выражением в других языках. В русском языке Андерсен эти выражения считает безличными. Он пишет, что в личных предложениях для выражения законченной мысли достаточно сказуемого и прономинального подлежащего, заключающегося implicite в личном окончании глагола, лишь бы подлежащее это выражало само по себе законченное понятие. Автор утверждает, что многие субъектные предложения развились исторически из бессубъектных, например: *по́ бокам видны города царские, прошли целые 3 года* и др. И в этой статье нового решения вопросов, связанных с безличностью, мы не находим.

Не приходится останавливаться на трактовке безличных предложений в школьно-педагогической практике во второй половине XIX века. Несомненно то, что отдельные составители учебников подпадали под влияние того или иного ученого и проводили его точку зрения или же компилятивно соединяли различные взгляды в своих высказываниях. Такие составители учебников и авторы статей, как Говоров, Антонов, Кирпичников, с некоторыми изменениями в определении следовали Буслаеву, полагая, что в предложении должны быть два главных члена предложения — подлежащее и сказуемое, но бывают предложения, которые состоят из одного сказуемого: *светает, смеркается;* в них подлежащее обозначено неявно.

Некоторые учебники, как, например, Красногорского[2], совершенно иначе объясняют наличие безличных предложений, полагая, что это не безличные предложения, а предложения, не имеющие только грамматического подлежащего в именительном падеже. У других словесников-педагогов — Дмитревского, Баталина, Преображенского, Белоруссова, хотя они подвергались сильному влиянию идей Потебни, нет ничего оригинального и нового в решении данного вопроса.

А. М. Пешковский не создал оригинальной языковедческой концепции, следуя в понимании и толковании предложений или Фортунатову, или Потебне. Идея усиления глагольности в русском языке за счет номинативных элементов проповедуется и Пешковским во всех его лингвистических работах. Видя в синтаксисе науку, изучающую словосочетания, Пешковский определяет предложение как один из видов словосочетания: «Словосочетания, имеющие в своем составе с к а-

[1] «Русский филологический вестник», т. 34, № 3—4, 1895.
[2] Красногорский. Синтаксис русского языка, § 22. СПб., 1903.

зуемое, или указывающие своим формальным составом на опущенное сказуемое, или, наконец, состоящие из одного сказуемого»[1].

Пешковский пытался подвести однословные предложения под понятие словосочетаний, но это самое и опровергло его определение синтаксиса как учения о словосочетании. Несомненно, цель синтаксиса состоит в том, чтобы изучить и объяснить, какими способами тот или иной язык выражает смысл, какими средствами связи и каким способом построения предложений располагает язык. Словосочетание же — только тот материал, из которого строится предложение. Нельзя понять строй речи, анализируя только формы слов и словосочетаний. Необходимо изучать и состав предложения и его качественные особенности и определять его тип. Поэтому-то анализ структуры предложения со стороны состава и со стороны типологии должен стоять в центре исследования синтаксиса, хотя нельзя упускать из виду рассмотрения и различных форм связи слов, так как за ними выявляются и разные типы отношений между понятиями.

Пешковский все предложения делит по формально-грамматическому признаку, т. е. по наличию или отсутствию сказуемого и по способам выражения сказуемого, на глагольные, номинативные, инфинитивные. Затем он различает предложения с простым сказуемым и с составным сказуемым. По отношению к субъекту он различает предложения личные, безличные, неопределенно-личные и обобщенно-личные. Потом Пешковский дает отличительные признаки тех или иных предложений по интонационным признакам: повествовательные, вопросительные, восклицательные, повелительные. Таким образом, у Пешковского принципы деления предложений различны.

Что нового внес Пешковский в понимание безличного предложения? В первую очередь он полагает, что для понимания безличных предложений необходимо знакомство с понятием безличных глаголов, которые и морфологически образуют совершенно особую группу: они не изменяются по родам и числам.

Эти безличные глаголы изображают «деятельность без деятеля или деятельность, оторванную от своего деятеля»[2].

Пешковский, как и многие синтаксисты, думает, что такие предложения не только не могут иметь при себе никакого подлежащего, но не могут и намекать на какое-либо определенное

---

[1] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 6-е, 1938, стр. 185.

[2] А. М. Пешковский, назв. раб., стр. 316.

подлежащее, так как намек этот делается при помощи формы согласования, а этих форм у безличных глаголов нет. «Очевидно, это будет особый «бесподлежащный» тип предложений, в которых «бесподлежащность» — не случайное явление, а составляет самую их сущность»[1]. Это «предложения, в которых подлежащее устранено не только из речи, но и из мысли»[2].

С внешней стороны — это несогласуемый глагол, один или с зависящими от него второстепенными членами. Несогласуемый глагол — это особая формальная категория русского языка. Именно по глаголам и названы предложения безличными. Пешковский считает термин «безличные» условным, так как полной безличности в сказуемом вообще быть не может. «Три лица — это три основные точки языкового сознания, как три времени — три основные точки внутреннего восприятия»[3],— говорит Пешковский. И дальше: «Безличность» в собственном смысле слова есть то же, что «внеличность», т. е. понятие метафизическое (как вневременность и внепространственность)»[4].

Пешковский предлагает новый термин: «предложения с устраненным третьим лицом», так как термин «бессубъектные» также условен, но, уступая привычке, он пользуется старым термином.

Пешковский, подобно Овсянико-Куликовскому, мыслит, что полная бесподлежащность так же невозможна, как и полная безличность. Употребляя термин «предложения с устраненными подлежащими», Пешковский пишет: «Мы не хотели этим сказать, что подлежащее в них было когда-то устранено, а только что оно сейчас сознается как устраненное»[5]. Пешковский все же предполагает, что безличные предложения возникли из личных.

«Доязыковая мысль основана на ассоциации двух представлений и поэтому всегда двучленна»[6],— говорит Пешковский. В более поздних предложениях — *его громом убило* — подлежащее устраняется как неизвестная причина того явления, которое выражено в глаголе. Даже бывает и так, что ближайшая причина и налицо, но ее язык изображает как орудие какой-то другой, отдаленной причины: *градом побило* — это значит: *бил кто-то посредством града.*

«Вот это-то искание истинной причины явления и

---

[1] А. М. Пешковский, назв. раб., стр. 316.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 317.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же.

признание ее неизвестной и лежит, по-видимому, в основе всех безличных предложений»[1]. На основании этого Пешковский считает, что безличные предложения не первичны. Наоборот, первичны: *гром гремит, тьма тмит, туча тучится, свет светит, чудо чудится.* Устранение этих подлежащих и могло создать безличные предложения. Несомненно, в этих рассуждениях сказывается влияние Потебни. Пешковский указывает, что безличные предложения все больше развиваются. «Можно прямо сказать, что история новых языков есть история вытеснения личного предложения безличным. И это стоит в связи с общим вытеснением имени глаголом»[2].

Пешковский делит безличные глаголы в русском языке на две неравные группы:

1) типа *светает, вечереет*, возникшие очень рано, так как подобные глаголы наблюдаются в индоевропейском языке;

2) типа *дремлется, читается;* эта группа развивается в русском языке, но не образуется от возвратных глаголов типа *снится*, в которых возвратного значения совсем нет, а частица *-ся* создает самую безличность. Кроме того, он выделяет третью группу, в которую помещает личные глаголы, могущие употребляться в безличных конструкциях, например: *тошнит, сосет, рвет, жжет, подмывает* и др. Эти глаголы могут употребляться то лично, то безлично, например: *голова трещит — в голове трещит; ветер дует — откуда-то дует.*

Итак, для Пешковского безличность является категорией грамматического мышления. Однако вряд ли можно согласиться с утверждением, что имеется какое-то особое грамматическое мышление и что имя вытесняется глаголом.

Установив сущность безличности, Пешковский показывает, как личные глаголы становятся безличными.

На основе классификации безличных глаголов Пешковский определяет и характер безличных предложений, но классификация безличных предложений у него не оригинальна.

Много внимания уделяет Пешковский выяснению разницы между предложениями *мне было холодно* и *мне было свойственно краснеть.* Первое он считает абсолютно безличным, а во втором видит подлежащее в слове *краснеть* и считает такие предложения личными. Вместе с тем он говорит о колебании в определении подобных предложений, что зависит, по его мнению, от трудности разграничения формы прилагательного от наречия.

Классифицируя безличные предложения со словами

---

[1] А. М. Пешковский, назв. раб., стр. 317—318.
[2] Там же, стр. 318.

мóжно, должно, надобно, надо, нужно или со словами с побудительным значением — *полно, довольно, жаль, пора, время* и др., Пешковский называет эти слова бесформенными словами. Он пишет: «Безлично-предикативные члены эти произошли из именительного падежа существительного и утратили свою существительность именно благодаря соединению с безличным глаголом» [1], а «по мере того, как именительный падеж переходил в безлично-предикативный член, глагол превращался в связку» [2].

В отношении образования предложений безличных из связки и краткой формы страдательного причастия Пешковский дает такое объяснение: «В результате причастие слилось здесь со связкой теснее, чем в обычных причастных составных сказуемых, и вследствие безличности связки получилась как бы составная безличная форма страдательного залога, параллельная глаголам *говорится, считается, предполагается, думается* и т. д. (*было говорено — говорилось, было предположено — предполагалось*)» [3].

«Форма на *-о* потеряла свое значение согласования со средним родом существительного, и вследствие этого стали возможны страдательные сочетания и от непереходных глаголов в качестве специальной безличной формы: *было сижено, хожено, езжено, плакано, спано* и т. д.; здесь именительный подлежащего уже невозможен. В исключительных случаях здесь возможен даже винительный падеж того слова, которое по смыслу должно быть подлежащим (*советов тысячу надавано полезных* — Крылов), что уже совершенно отрывает эти формы от личного страдательного залога» [4].

В конце XIX и начале XX века русские логики в своем большинстве считали, что в безличных предложениях выражено суждение с неопределенным субъектом, как, например, об этом сказано в логике Г. М. Челпанова [5]. Но после работы М. И. Каринского, который различал предмет и субъект суждения и материалистически определял субъект суждения как понятие о предмете суждения, о каком-либо явлении действительности, Н. Лосский в своей «Логике» также стал признавать наличие предмета и субъекта в суждении. Видя в языке безличные предложения, он писал: «Из этого вовсе не следует, будто выраженные ими суждения беспредметны и бессубъект-

---

[1] А. М. Пешковский, назв. раб., стр. 330.
[2] Там же, стр. 331.
[3] Там же, стр. 332.
[4] Там же.
[5] Г. М. Челпанов. Учебник логики, 1946.

ны»[1]. У Лосского совершенно по-иному объясняется соотношение субъекта суждения и предмета суждения: субъект суждения — не понятие как слепок явления действительности, а часть предмета суждения, его ядро, как основание предиката. Все же его понимание суждения ближе к традиционному толкованию. Он указывал, что безличные предложения получаются при первичных актах познания, когда предмет знания еще не обозначен определенными словами, потому что он точно не определен и в мыслях[2].

Нельзя не упомянуть о «Логике» А. И. Введенского, которая имела непосредственное влияние на синтаксис, на учение о предложении у А. А. Шахматова. А. И. Введенский различал две формы суждений: суждения не расчлененные на субъект и предикат, «суждения непознавательной формы», и суждения расчлененные, с субъектом и предикатом.

Учение о предложении у Шахматова, как было уже сказано, построено на основе психологической коммуникации. Психологической коммуникацией он называет сочетание двух представлений, приведенных силой воли в предикативную связь. Выражение коммуникации словами — это предложение. Коммуникация состоит из двух членов, но может быть выражена в одном словесном составе.

В основе предложения, по Шахматову, лежат психологические факторы — психологические представления. Он считает, что при определении синтаксических явлений и категорий в современном языке нет необходимости всякий раз ставить вопрос об их происхождении: они должны быть прежде всего определены с точки зрения современного их употребления и значения.

Шахматов заключает, что между коммуникацией и предложением наблюдается прямая связь, что предложение является воспроизведением коммуникации средствами языка. Вместе с тем он указывает на несовпадение членов коммуникации с членами суждения. Но Шахматов не согласен с взглядами тех лингвистов[3], которые понимают психологический субъект как комплекс представлений, появляющийся в сознании первым, а психологический предикат — как второе по порядку представление, примыкающее к первому.

Если в предложении оба члена коммуникации выражены одним членом, предикатом, то такие предложения Шахматов называет безличными, односоставными: «...их главный член

---

[1] Н. О. Лосский. Логика, ч. I, Птг., 1922, стр. 67.

[2] См. там же, § 9, 10, 25, стр. 24 и др.

[3] Например, со взглядами Пауля, выраженными в его «Prinzipien der Sprachgeschichte».

соответствует сочетанию представления о признаке с представлением о бытии, существовании»[1].

Шахматов условно сохраняет название «безличные», так как «их главный член не вызывает представления ни о лице, ни о предмете»[2]. По его мнению, эти предложения экзистенциальные, так как они содержат представление о бытии, о существовании явления.

Безличные предложения Шахматов делит на: а) спрягаемо-глагольные, б) инфинитивные, в) причастные, г) наречные и д) междометные.

Вопрос о происхождении безличных предложений не представляется Шахматову разъясненным в достаточной степени. Теоретически он допускает, что некоторые безличные предложения развились из недостаточных личных предложений, например, безличные предложения, обозначающие явления природы, развились из личных предложений с подлежащими *бог, богиня, божество* и т. п., но доказать такое положение для индоевропейских языков он считает невозможным, ибо такие предложения восходят во всяком случае к «индоевропейскому праязыку», как это видно из согласных данных всех индоевропейских языков[3].

Шахматов утверждает, что (кроме явлений природы) безличные формы глагола употреблялись уже в «индоевропейском праязыке» для выражения переживаний человека — физических и нравственных. «Правда,— пишет Шахматов,— в греческом языке такие обороты совсем не известны, в древнеиндейском они редки и сомнительны, но согласные показания латинск., германск., литовск. и славянск. языков убеждают в исконности этих оборотов и в наличности их в индоевропейском праязыке»[4].

Судя по другому его высказыванию, Шахматов полагает, что вообще безличные предложения образовались из личных. «Одним из главных оснований для признания безличных оборотов происшедшими из личных является самая форма безличных глаголов; во всех индоевропейских языках она тождественна с личной формой глагола в 3-м лице единств. числа; отсюда возможность заключения, что безличные глаголы имели некогда при себе подлежащее»[5],— говорит Шахматов и подкрепляет это положение примерами из многих индоевропейских языков.

Многие предложения Шахматов считает безличными

---

[1] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, 1941, стр. 87.
[2] Там же.
[3] См. там же, стр. 88.
[4] Там же.
[5] Там же, стр. 89.

исключительно на основе их значения, например: *дело уж идет к рассвету, меня уже дрема клонит, тоска взяла меня.* Нам кажется, здесь Шахматов находится под влиянием психологических посылок. *Тоска меня взяла,* несомненно, соотносительно с *мне стало тоскливо,* но тем не менее первое в языковом отношении личное предложение, второе — безличное, хотя по значению они и выражают одно и то же.

Огромный интерес представляет классификация предложений у Шахматова. Шахматов, определив синтаксис как учение «о способах обнаружения мышления в слове», построил свою классификацию на семасиологической основе, хотя в синтаксических его рассуждениях чувствуется психологический индивидуализм.

Шахматов свободен от традиционного взгляда, что глагол — необходимый элемент каждого предложения. Его классификация предложений построена на соотношении предложения и коммуникации. Все предложения он делит на две разновидности: к первой он относит предложения, в которых сочетание субъекта и предиката находит себе соответствие в одном члене предложения, выраженном большей частью одним словом или словосочетанием; это предложения односоставные, как *вчера морозило.* Ко второй разновидности, по его мнению, принадлежат предложения, в которых субъект и предикат находят себе выражение каждый в особом члене (особом слове) предложения; это предложения двусоставные, причем главный член одного из обоих составов соответствует субъекту, а главный член другого состава — предикату [1]. Дальнейшее деление основывается на обнаружении различной природы главных членов односоставных и двусоставных предложений,— у Шахматова дана двойная классификация: с одной стороны, по формам и конструкциям глагола, с другой — по лексическому значению. Оставляя в стороне классы двусоставных предложений, мы обращаем внимание на классификацию односоставных предложений, их деление на следующие виды: подлежащные, бесподлежащные, вокативные, безличные (последние делятся еще по форме глагола).

«Новое учение» о языке не продвинуло разработку теории безличных предложений. Возникновение безличных предложений объясняется Н. Я. Марром непосредственной зависимостью от материальных форм бытия. В небольшой статье «Verba impersonalia, defectiva, substantiva und auxiliaria» даны положения о безличных предложениях.

«Естественно, что основы глаголов, спрягаемых согласно объективному строю, оказываются собственно именами, что

[1] См. А. А. Шахматов, назв. раб., стр. 30—31.

они первоначально, в зависимости от мировоззрения тех времен, являются тотемами или духами, или предметами культа различного рода»[1],— говорит Марр. Он считал, что безличные глаголы личны при учете стадии их возникновения. Безличные глаголы объясняют возникновение номинативного строя. По мнению Марра, в безличной конструкции даны в зародыше различные анимистические и культовые представления.

И. И. Мещанинов, следуя в основном за акад. Марром, утверждает, что изменения общественных отношений непосредственно изменяли форму сознания, а вместе с тем несомненно влияли и на практическое сознание, т. е. на язык.

«Действие, конечно, было и воспринималось мышлением человека, но еще слитно с действующим лицом»[2]. «Получается слитный комплекс, пережиточное состояние которого нетрудно усмотреть хотя бы в многочисленных примерах инкорпорирования»[3]. «В таких «однословных» комплексных фразах нет ни сказуемого, ни подлежащего в их определении действующих грамматик. Объект слит в них же как определитель действия... Субъект же... все же наличествует, если не в формальном его выражении в речи, то в самом осознании его общественным коллективом»[4]. Явления общественной жизни, структура общества переносились и на структуру языка.

В своих изысканиях последователи Н. Я. Марра пришли к выводу, что безличные предложения есть реликты дономинативной стадии.

За последние годы возросший интерес к синтаксису толкнул многих исследователей к изысканиям в области синтаксиса и в диалектах и в письменных памятниках древнерусского языка.

Безличным предложениям посвящен раздел в работе В. И. Борковского «О синтаксических явлениях новгородских грамот XIII—XIV вв.»[5]. В работе дано следующее определение безличных предложений: «Под безличными предложениями понимаем такие предложения, которые не содержат подлежащего и в которых это подлежащее не восстанавливается на основании контекста речи». Понимая условность термина «безличные предложения», проф. В. И. Борковский все же им пользуется, так как второй термин, «бессубъектные предложения», по его мнению, стирает грани между беспод-

---

[1] Н. Я. Марр. Verba impersonalia... Избр. раб., т. II, стр. 315.

[2] И. И. Мещанинов. Новое учение о языке. Соцэкгиз, 1936, стр. 34.

[3] Там же, стр. 34.

[4] Там же, стр. 34—35.

[5] Изв. Крымск. пединститута им. М. В. Фрунзе. Языкознание, т. IX, 1940.

лежащными (безличными) и неполными бесподлежащными предложениями.

Проф. Борковский в новгородских грамотах находит следующие типы безличных предложений:

1) Безличные предложения с непереходным глаголом *поиду — поити* в форме прошедшего времени среднего рода: *тако пошло.*

2) Безличные предложения с прошедшим временем (средн. рода) вспомогательного глагола *есть — быти.*

3) Безличные предложения с глаголом *есть — быти* (в настоящем времени опускается) и родительным количественным имени существительного. В. И. Борковский указывает, что этот оборот сохранился и в живой речи многих диалектов.

4) Безличные предложения со сказуемым, в состав которого входит наречие или краткая форма прилагательного и причастия: *куда кому угодно, сапоги куплено* и др. Автор указывает на широкое распространение этого типа предложений не только в русском, но и в украинском и польском языках. Отмечаются особые конструкции и с родительным падежом: *у отца на другой женено́сь.* Указывает автор на бытование этих конструкций в разных диалектах, подтвержденное различными диалектологами, и ставит вопрос: «Не говорит ли такое распространение этого оборота о том, что данный безличный оборот — новгородская особенность?» [1].

5) Отмечая безличные предложения с отрицанием при глаголе: *Без хлеба нет обеда,*— В. И. Борковский снова указывает на их употребляемость и распространение в украинском, белорусском, сербском, чешском и польском языках.

6) Безличные предложения с инфинитивом в качестве сказуемого и с дательным субъекта; в них хотя и не всегда, отмечается оттенок долженствования.

В статье В. И. Борковского «Безличные предложения в древнерусских грамотах XIV—XV вв. южного происхождения» [2] даны безличные предложения в более расширенном толковании, но разницы в трактовке нет. Как в первой, так и во второй работе объяснение безличных предложений не вызывает возражений.

В 1940 году в Ученых записках Белорусского государственного университета была помещена большая статья проф. Т. П. Ломтева «Выражение главных членов предложения в белорусском языке». В 1-й главе, посвященной двусоставным конструкциям, проф. Ломтев совершенно правильно

---

[1] В. И. Борковский, назв. раб., стр. 24.

[2] Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1950, т. IX, вып. 5.

относит к двусоставным конструкциям предложения, в которых подлежащее выражено количественно-именным сочетанием: «Двое рабочих разбівалі на кавалкі даўжазны прэкт» (К. Чорны); «Сотні людзей працуюць лапатамі» (З. Бядуля); «Вышла трое чалавек» (Шейн); «На агонь выехала некалькі конных чырвонаармейцаў» (К. Чорны); «Некалькі чалавек пускаюцца за імі удагонку» (З. Бядуля).

Т. П. Ломтев, следуя за Шахматовым, полагает, что неразложимые сочетания типа *несколько человек* могут быть подлежащими. Данное положение не вызывает сомнений. Следует согласиться и с критикой проф. Ломтевым утверждения Е. Ф. Карского, который считал, что несогласованные двусоставные конструкции в белорусском языке — результат польского влияния. Материалы древнерусского языка показывают, что и в русском языке несогласованные конструкции имели место. Вполне резонна критика Т. П. Ломтева и в том пункте, где он говорит, что Овсянико-Куликовский и Шахматов неправильно объясняют *я* в сочетании *я говорю* как составную часть глагола. «Личные же местоимения прямо выражают действующий субъект (предмет), непосредственно определяя одновременно и его лицо» [1],— утверждает проф. Ломтев. Вспомнив историю развития глагольных форм в русском языке, мы не можем прийти к другим выводам.

В связи с этим вопросом проф. Ломтев очень убедительно вскрывает зыбкую основу в различении Шахматовым служебных и знаменательных подлежащих, выраженных личными местоимениями [2].

Представляет интерес, как автор понимает безличные предложения и что нового вносит он в освещение столь сложного явления.

В состав бессубъектных предложений он включает: безличные, обобщенно-личные и неопределенно-личные. Следовательно, бессубъектными предложениями он считает все бесподлежащные, с чем согласиться, конечно, нельзя.

Нам кажется непонятным утверждение Т. П. Ломтева, что обобщенно-личные и неопределенно-личные предложения «имеют чисто семасиологический смысл». Возникает вопрос: какие же факты языка не имеют смысла и почему «безличные» предложения отмечаемого типа имеют чисто семасиологический смысл? Разве грамматического смысла в них нет? Ведь всякое слово, словосочетание, предложение грамматически оформлено. Впрочем, тут же автор сам говорит

---

[1] Т. П. Ломтев. Выражение главных членов предложения в белорусском языке, Уч. зап. Белор. гос. ун-та, 1940, стр. 15.

[2] См. там же, стр. 18.

о грамматическом характере этих предложений: «Под безличными предложениями обычно разумеют те предложения, которые не имеют в своей грамматической структуре субъекта, не предполагают никакого общественно значимого субъекта и не имеют никаких указаний на его существование. Например: *светает, смеркается, мне кажется, мне снится* и т. п.» [1].

Здесь необходимо отметить смешение грамматического подлежащего и реального деятеля, т. е. «общественно значимого субъекта». Классификация безличных предложений дана в статье очень сжато, выделяются четыре типа в зависимости от части речи, служащей сказуемым.

Уделено внимание безличным предложениям и в статье Л. В. Жирецкого [2] об отрицательных и количественных предложениях в русском языке, хотя он касается лишь некоторых типов безличных предложений, которые связаны с отрицанием. Так, например, автор указывает на обращение утвердительного личного предложения в отрицательное безличное. Объясняет этот процесс Л. В. Жирецкий тем, что в тех случаях, когда говорится об определенном предмете или лице, употребляется именительный падеж, который, по мнению автора статьи, «выражает большую силу или большую определенность отрицания», например: «Городской шум здесь не был слышен» [3]. В том случае, когда говорится о каком-то количестве из общего количества или массы, то употребляется родительный: *не слышно было городского шума.*

В той части статьи, где говорится о предложениях с количественно-именным сочетанием, много интересного, но вместе с тем и много спорного. Мы вполне согласны с Л. В. Жирецким, что предложения, в которых подлежащее выражено числительным, обозначающим совокупность людей или предметов, нужно считать личными. Но совершенно непонятны мотивы, по которым такое предложение, как *полгорода занемогло от ужаса,* отнесено к безличным. Совершенно неубедительны такие рассуждения Жирецкого: «*На столе стояло два самовара с позеленелой кое-где медью,* но если прибавить слово *по-прежнему,* или *все еще,* или *знакомые нам,* то возможна постановка множественного числа, делающая предложение чисто личным: *Как и вчера, на столе стояли знакомые нам два самовара...*» [4].

Докторская диссертация А. Б. Шапиро посвящена строе-

---

[1] Т. П. Ломтев, назв. раб., стр. 125.

[2] Л. В. Жирецкий. Отрицательные и количественные предложения в русском языке. Изв. Крымск. пединститута. Языкознание, т. IX, 1940.

[3] Там же, стр. 53.

[4] Там же, стр. 71.

нию предложения в народных говорах. Касаясь интересующего нас вопроса, следует отметить, что автор дал четкое описание закономерностей и особенностей синтаксиса безличных предложений в говорах.

В разделе односоставных предложений А. Б. Шапиро рассматривает и безличные предложения: «Общей чертой безличных предложений является то, что главный член их не вызывает представления об отнесении действия или признака, о которых утверждается в предложении, к предмету как его производителю или носителю»[1]. Дальше А. Б. Шапиро дает классификацию безличных предложений по способу выражения главного члена.

Работа А. Б. Шапиро восполняет очень большой пробел в грамматике русского языка. Но широкий охват темы, естественно, не позволил автору уделить много внимания вопросу о безличных предложениях, который изложен в книге коротко, без вскрытия семасиологической природы и функции безличных предложений.

Основным признаком для различения безличных предложений по типам А. Б. Шапиро считает способ выражения главного члена предложения — сказуемого. Выделяются следующие группы[2]:

1) Главный член выражается глаголом в форме 3-го лица единственного числа в настоящем или прошедшем времени.

2) Главный член выражен глаголом на *-ся*. Указывается, что «большей частью это глаголы связочного типа, при которых для полноты выражения мысли стоит второй глагол в форме инфинитива».

3) Главный член выражен инфинитивом. Отмечены оттенки возможности, невозможности и необходимости в этих инфинитивных предложениях.

4) Главный член предложения выражен наречием на *-о* с разновидностью сравнительной формы наречий[3].

5) Главный член предложения выражен отрицательным словом: для настоящего времени словом *нет*, для прошедшего — *не было*.

6) Главный член предложения выражен словом *надо*.

7) Главный член — *можно, нельзя* с примыкающим обычно инфинитивом.

---

[1] См. А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров, Изд-во АН СССР, 1953, стр. 136.

[2] См. там же, стр. 136—146.

[3] А. Б. Шапиро не признает категории состояния как части речи и все слова категории состояния относит к наречиям.

8) Главный член «выражен различными другими словами, обозначающими внутреннее состояние: *нужда, охота, жаль, жалко*».

9) Главный член выражен местоимением, существительным или наречием с отрицанием *не*. «Характерной особенностью данной конструкции является то, что местоимение одновременно выполняет в ней двоякую функцию: утверждающего элемента главного члена и второстепенного члена предложения, зависящего от инфинитива».

10) Главным членом этого типа предложений является краткое страдательное причастие в форме среднего рода единственного числа, причем указывается, что «эта конструкция свойственна почти исключительно северновеликорусским говорам».

11) Главный член «выражен кратким страдательным причастием в форме среднего рода единственного числа, к которому примыкает конструкция предлога *у* с существительным в родительном падеже».

12) Главный член предложения выражен словами *много, мало* со связкой *было, стало, будет, станет*. «Слова *много, мало* вместе с тем связаны с родительным падежом существительного, обозначающего тот предмет, о значительном или незначительном количестве которого идет речь».

13) Главный член предложения выражен глаголами *хватит, хватает* и *достанет* с примыкающим существительным в родительном падеже.

14) Главный член предложения выражен глаголом изъявительного или сослагательного наклонения в форме 3-го лица единственного числа (или прошедшего времени среднего рода), к которому примыкает существительное в родительном падеже, обозначающее фактического производителя действия, выраженного глаголом.

К каждому отдельному виду предложения даны многочисленные примеры из диалектной речи.

Порядок следования типов предложения нам кажется не вполне последовательным: не лучше ли было бы сначала дать безличные предложения глагольного образования, потом именного и затем наречного. Нет смысла делить 6-й и 7-й типы, так как и *надо* и *можно* — модальные слова одного порядка. Вряд ли также следовало делить 10-й и 11-й типы предложений, так как главный член и у того и у другого выражен страдательным причастием в краткой форме. 12-й тип мы не можем считать безличным предложением, так как в предложении *Мало грибов уродилось в этом году* слова *мало грибов*, как целостное сочетание, выражающее некую совокупность предметов, по нашему мнению, являются подлежащим.

Синтаксического анализа в работе, строго говоря, нет, так как все предложения характеризуются только морфологической природой главного члена, в котором А. Б. Шапиро не хочет признать даже сказуемое, хотя и называет безличные предложения бесподлежащными, а в бессказуемные предложения относит номинативные, главный член которых он все же называет главным членом, соответствующим по форме подлежащему. Таким образом, в приведенном толковании оказались противоречия. Однако в целом работа представляет несомненный интерес по своему материалу.

В 1947 году была защищена докторская диссертация П. С. Кузнецовым на тему «Из истории сказуемостного употребления страдательных причастий в русском языке». Хотя диссертация посвящена другому вопросу, она интересна в том отношении, что помогает различать более детально временные и видовые значения в формах страдательных оборотов, выражающих безличное сказуемое.

П. С. Кузнецов полагает, что в таких сказуемых, как *есть писано — было писано, бе писано* и просто *писано,* выражается не значение действия, а значения состояния. Эта мысль совершенно правильна, однако она не доказана, так как можно думать, что *писано* есть действие в прошлом.

Представляет интерес высказывание П. С. Кузнецова о временных оттенках кратких форм страдательных причастий в сочетании с различными связками — *есть, бе, бысть, было* и связкой нулевой и указание на их соотносительность с временными значениями глаголов в языке древней Руси.

Не лишено интереса и прослеживание смешения значений аориста и перфекта у отдельных писателей.

П. С. Кузнецов утверждает, что формы времени страдательных оборотов в современном языке ближе к древнерусским формам, чем к формам времени начала XIX и конца XVIII века. Мысль интересна, но доказательства, по нашему мнению, не вполне убедительны.

Рассмотрев изыскания русских филологов по вопросу о безличных предложениях в русском языке, мы убеждаемся, что сделано немало в объяснении этого типа предложений. Однако полного описания этой языковой категории мы не находим. Даже глубокая по содержанию работа Потебни дала только сравнительно-историческую схему возникновения и развития этих предложений. У него, как и у всех других лингвистов, не выявлены все типы безличных предложений как по их семантике, так и по их грамматической структуре. Лишь очень суммарно выявлены семантические ряды и намечены причины их возникновения, хотя развитие значений и форм исторически не прослежено. Следовательно, остались нерешенными

задачи: 1) выявить с наибольшей полнотой семантические типы безличных предложений в современном русском языке; 2) определить структурно-грамматическое оформление этих предложений; 3) сравнить качество и количество безличных оборотов в разные периоды и сопоставить их употребительность.

Только таким образом, выявив семантику данных предложений, их функцию и грамматическое оформление, представив в известной классификации их богатое разнообразие, можно будет сделать те или иные выводы о сущности этой грамматической конструкции и ее возникновении и развитии на базе сравнения форм и значений безличных предложений в современном русском языке.

ГЛАВА III

ОТГРАНИЧЕНИЕ ДРУГИХ ТИПОВ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, НЕПРАВИЛЬНО ВКЛЮЧАЕМЫХ В БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Рассматривая труды русских и зарубежных ученых, посвященных безличным предложениям, мы убедились в том, что разные ученые различно понимают сущность безличных предложений и при классификации включают в состав безличных предложений и определенно-личные, и неопределенно-личные, и обобщенно-личные.

Почему же происходит такое смешение? Потому что не всегда четко оформляется предложение в языке и суждение в мышлении. Кроме того, предложения не всегда соотносительны с суждениями. «Они только выражают суждения, но, выражая суждения, предложения следуют собственным законам и категориям,— именно законам грамматическим. Суждение же подчиняется своим — именно логическим» [1], поэтому отступление строя предложения от строя суждения — частое явление.

Одна и та же мысль может быть выражена разными грамматическими конструкциями, например: *я написал книгу, мною написана книга, книга писалась мною.* Или одна и та же мысль может быть выражена разными типами предложений в разных языках, так как каждый язык следует своим собственным языковым законам, например: *У меня нет денег;* J have no money; Ich habe kein Geld; Je n'ai pas d'argent.

В русском языке, как и во многих других языках, в законченном, оформленном ненарушенном высказывании обычно

---

[1] Steinthal. Grammatik, Logik und Psychologie. Berlin, 1855, S. 168.

имеется подлежащее и сказуемое. Но в современном русском языке мы находим огромное количество таких предложений, в которых подлежащего нет или оно выражено таким образом, что его трудно выявить.

В выделении безличных предложений критерием является форма выражения подлежащего, что главным образом и обусловливает отграничение личных предложений от безличных. Если безличным предложением считать конструкцию высказывания, в которой нет грамматического подлежащего, стоящего в именительном падеже, а по форме связи его нельзя и подразумевать, то многие предложения с обветшавшими и неясными формами выражения лица необходимо считать личными несмотря на то, что значение лица выражено только формой глагола, а не отдельным словом-подлежащим. Несомненно, для каждой системы языка существует свой строй предложений.

Мейе был уверен, что «с точки зрения современного человека такой «безличный» глагол, как греческий ὄμβρος «дождь идет», означает, что «дождь падает»; но древнее значение было другое; так как каждое явление природы считалось результатом деятельности какого-то существа, подобного живому существу, то ὄμβρος означало «божество, дух дождит» [1].

На основе нашего понимания безличности в современном русском языке предложение может считаться личным, если в нем есть независимое слово-подлежащее, обозначающее субъекта-деятеля, который подвергается предицированию. Этот субъект может быть представлен названием живого лица, живого существа, неодушевленного предмета, какого-либо явления или какого-либо понятия.

Но как бы ни назван был субъект-подлежащее, в нем обязательно должна быть заключена грамматическая предметность, в силу чего могут выступать подлежащим только слова с определенной грамматической формой, отвечающие на вопрос к т о? ч т о?, т. е. в форме именительного падежа.

В современном русском языке подлежащим могут быть: 1) имя существительное, 2) предметные местоимения, 3) субстантивированные прилагательные, причастия, числительные количественные и порядковые в именительном падеже и количественное числительное в сочетании с существительным в родительном падеже, 4) слова количественно-местоименного значения в сочетании с существительным в родительном падеже, 5) существительное в именительном падеже в сочетании с творительным падежом существительного или местоимения,

[1] А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 256.

6) инфинитив, 7) любое неизменяемое, но субстантивированное слово, 8) целое фразеологическое сочетание, 9) целое предложение.

Но встречаются и такие предложения, в которых нет налицо ни одной из указанных форм, тем не менее предложение считается личным, хотя подлежащего в нем нет.

I. В первую очередь к таким личным предложениям нужно отнести бесподлежащные, но определенно-личные предложения типа: *пойду сегодня в театр.* С устранением *я,* подлежащего-местоимения, в этом предложении смысловая сторона высказывания остается полноценной, значение лица не исчезает, потому что формой сказуемого-глагола дается указание на то, какое подлежащее могло бы быть.

Поэтому нужно считать личными все предложения, в которых хотя подлежащего и нет, но в самой форме сказуемого заключено значение и выражение лица. В подобных предложениях опущены местоимения как выразители подлежащего.

1) Опущено 1-е лицо единственного числа: «*Еду, еду* в чистом поле...» (Пушкин); «*Сижу* за решеткой в темнице сырой...» (он же); «*Молчу,* а дума лютая покоя не дает» (Некрасов).

2) Опущено 1-е лицо множественного числа: «*Шумим,* братец, *шумим*» (Грибоедов); «Садись со мной, *поговорим*» (Симонов); «Ну, что,— спросил он Дебу,— *получаем* деньги?» (Сергеев-Ценский).

3) Опущено 2-е лицо единственного числа: «Нет, Андрей, меня не *надуешь*» (Гончаров); «Нехорошо, Илька, много слез *прольешь,* скоро пить *захочешь*» (Чехов); «Знаю, *выйдешь* к вечеру за кольцо дорог, сядем в копны свежие, под душистый стог» (Есенин).

4) Опущено 2-е лицо множественного числа: «*Смотрите,* не *забывайте* нас» (Тургенев); «*Отворите, сделайте* милость,— обратилась Акулина, по-видимому, ко мне» (Успенский); «Больше к нему не *заходите,* а то *испортите* всю музыку» (Гладков).

Такие предложения безусловно личные. Очень распространена такая синтетическая форма глагола в поговорках и пословицах, например: «*Запьем,* так избу *запрем,* а что в избе, в кабак *снесем*» (Даль); «Что *имеем,* не *храним,* потерявши— *плачем*» (поговорка); «*Жнем* рано, а *сеем* поздно» (Даль); «*Еду, еду* — следу нету, *режу, режу* — крови нету» (загадка).

Случаи пропуска местоимения встречаются не только в поэтической речи, но и в речи повествовательного стиля. Однако нормой в современном русском языке считается употребление глагола в аналитической форме. Об этом упоминает акад. В. В. Виноградов. «Не подлежит сомнению, что в системе

современного книжного языка формы настоящего времени 1-го и 2-го лица в сочетании с личными местоимениями являются более «нормальными» и нейтральными, чем соответствующие простые формы глагола без личных местоимений. Нарочитое устранение местоимений выражает разнообразные экспрессивные оттенки» [1].

Пропуск местоимений в современном языке А. М. Пешковский объясняет стилистическими мотивами. «Самое большее, если мы заметим здесь некоторую энергичность, быстроту и взволнованность речи, но именно с этой-то точки зрения слова: *я, ты, мы* и *вы* оказываются прямо неуместными: вставляя их, мы получим речь более вялую, разжиженную, спокойную, но ничем не более ясную (например: *я люблю тебя, Петра творенье...*)»,— говорит Пешковский [2].

Однако вряд ли это так. Данное явление связано, видимо, с различием строя языка. Древнерусский язык глагольную форму лица выражал окончанием личного глагола. С течением времени в сочетаниях *есмь писалъ, еси писалъ, есть писалъ* формы глагола в настоящем времени *есмь, еси...* стали вытесняться. Процесс изменения формы выражения лица особенно усилился в связи с изживанием сложных форм прошедшего времени. В тексте, где имеется имперфект и перфект, мы местоимений при глаголах почти не встречаем, например, в переписке А. Курбского с Иваном Грозным:

«Коего зла и гонения от тебе не претерпехъ и коихъ бедъ и напастей на мя не воздвиглъ еси, коихъ лжеплетеній презлыхъ на мя не возвелъ еси...

Но вкупе все реку конечне: всего лишенъ быхъ, и отъ земли Божія туне отогнанъ быхъ, аки тобою понужденъ. Не испросихъ усиленными глаголы, ни умолихъ тя многослезнымъ рыданіем, и не исходатайствовахъ от тебя никоеяжь милости архіерейскими чинами; и воздахъ еси мне злыя за благія...

...искахъ и зрехъ мысленне и обращаяся, и не вемь себя, и не найдохъ ни въ чемъ же предъ тобою согрешивша: перед войском твоим хождахъ и не исхождахъ, и никоего же тебе безчестия приведохъ» [3].

Те же формы без местоимений встречаем и в более ранних памятниках: «Хочю на вы ити» (Пов. врем. лет, Ипат.

---

[1] В. В. Виноградов. Современный русский язык, вып. II, Учпедгиз, 1938, стр. 361. См. также В. В. Виноградов. Русский язык, 1947, стр. 454 (с небольшими изменениями).

[2] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, 1938, стр. 188.

[3] Переписка князя А. М. Курбского с царем Иваном Васильевичем Грозным. Эпистолия 1-я, Русская классная библиотека, под ред. Чудинова, вып. XXVIII, СПб., 1902.

список, 6472 г., стр. 48); «И налезе вятичи и рече имъ, кому дань даете» (там же); «Хочу жити в Переяславци» (там же, 6477 г.).

В «Повести временных лет» употребления при глаголе местоимений 1-го и 2-го лица мы почти не встречаем. Здесь, несомненно, имеет значение и повествовательный стиль, где местоимения 1-го и 2-го лица без диалогической речи не требуются, например: «Не едемъ на конихъ, ни на возехъ, ни пеши идемъ, понесете ны в лодьи» (Пов. врем. лет, Лавр. список, 6453 г.); «А оуже не хощю мьщати, но хощу дань имати помалу» (там же, 6454 г.).

«...Индоевропейская глагольная форма выражает и лицо без прибавки местоимения»,— писал Мейе [1].

Итак, источники древнерусской письменности с несомненностью доказывают, что древнерусский язык имел синтетические формы выражения лица глагола во всех временах: настоящем, имперфекте, аористе, прошедшем сложном и давнопрошедшем [2]. Распадение сложных форм перфекта было вызвано потерей вспомогательного глагола, начавшейся очень рано. В памятниках XI в. пропуск вспомогательного глагола встречается довольно часто, сначала при глаголах 3-го лица: вместо *писал есть* — только *писал*. Затем вспомогательный глагол стал опускаться и при глаголах 1-го и 2-го лица, и вместо *писал есмь, писал еси* стали употреблять только *писал*. В результате этого процесса все формы совпали и потребовалась подстановка личного местоимения *я, ты* к глаголам 1-го и 2-го лица. Видимо, на основании этого Потебня и в современном русском языке формы *я хожу, ты ходишь* без акцента на местоимении считает только формой глагола, а не целого предложения с подлежащим *я* и сказуемым *хожу*.

Однако вряд ли можно согласиться с Потебней, что в предложениях *я хожу, ты ходишь* местоимения *я* и *ты* без ударения не являются подлежащими, а включаются в структуру аналитической формы глагола и, следовательно, *я хожу*— однословное предложение, имеющее в своем составе только сказуемое [3].

Проф. Е. С. Истрина в своем обстоятельном исследовании «Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгород-

---

[1] А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938, стр. 256.

[2] В данном случае говорится о синтаксической форме выражения лица, так как форма лица выражалась самой формой глагола и не требовались местоимения *я, ты, мы, вы* и т. д. См. об этом Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка, Госиздат, 1924, стр. 310.

[3] См. об этом у А. А. Шахматова (Синтаксис русского языка, 1941, стр. 65)

ской летописи» такие предложения, как *иду на вы,* называет односоставными определенно-личными, в которых нет подлежащего в именительном падеже, а сказуемое выражено личной формой глагола 1-го и 2-го лица, так как в самой форме сказуемого заключается определенное указание на подлежащее. Эта форма указывает на то, что она м о ж е т являться, но не является выразителем подлежащего и не заменяет этого последнего, поэтому *иду* — бесподлежащное предложение, а *аз иду* — подлежащное.

Мы полагаем, что, хотя субъект в таких предложениях, как *иду,* не назван, но присутствие его, наличие вытекает из личной формы глагола, а поэтому эти предложения мы считаем личными с нулевым подлежащим.

Отсутствие местоимения не является какой-то особенностью русского языка. Аналогичный процесс был и в немецком языке. Бранденштейн, исследуя готский язык, пришел к выводу, что местоимение es rignida swibla отсутствует по той же причине, что и у нас в русском: в синтетическом строе нет необходимости в личном местоимении, так как лицо глагола выражается флексией.

При наблюдении над формой выражения лица в других языках встречаем различные случаи употребления местоимений.

В древненемецком языке iz уже ставится, как правило, а в средневерхненемецком ez в глагольных формах почти всегда налицо.

II. К личным бесподлежащным предложениям относим мы и конструкции с глаголами 2-го лица, но с обобщающим значением, типа: *шила в мешке не утаишь; поспешишь — людей насмешишь; скажешь — не воротишь; выпустишь — не поймаешь; отрубишь — не приставишь;* «В себя ли *заглянешь,* там прошлого нет и следа» (Лермонтов).

Ср. также: «Наскучило идти — *берешь* извозчика, а не *хочешь* заплатить ему — изволь...» (Гоголь); «Разговор близкий сердцу пойдет, ну и *согрешишь, рассердишься,* никому не *закажешь* говорить...» (А. Н. Островский); «*Поглупеешь,* как вот эдакие письма получать будешь» (А. Н. Островский).

Здесь подлежащее не просто опущено, а намеренно устранено, представлено как обобщенное и вместе с тем как неопределенное, в силу того что под данным лицом в глаголе мыслится не только слушающий, но вообще всякий, кто может быть в таком положении.

Например: «Прошу посмотреть на него, когда он сидит среди своих подчиненных,— да просто от страха и слова не *выговоришь*» (Гоголь); «Никогда так не *любишь* близких, как в то время, когда *рискуешь* потерять их» (Чехов); «Близ-

кого человека только тогда и *поймешь* вполне, когда с ним *расстанешься*» (Тургенев).

В. В. Виноградов пишет, что формы 2-го лица потенциально обладают гораздо большей субъектной растяжимостью. «Они абстрактнее форм 1-го лица. Теряя прямое отношение к данному конкретному собеседнику, они получают обобщенное значение» [1].

Шахматов глаголы неопределенно-личные 2-го лица делит на две группы: к 1-й он относит собственно неопределенно-личные глаголы, которые вызывают представление о человеке или людях вообще, например: «Тяжело нагребешь, домой не донесешь» (Даль); ко 2-й группе причисляет такие глаголы 2-го лица, которые близки по значению к 1-му лицу единственного числа, например; «Идешь по улице, все на тебя смотрят» (А. Н. Островский); «А то велишь заложить беговые дрожки и поедешь в лес на рябчиков» (Тургенев). Здесь говорящий рассказывает о себе, но в форме 2-го лица.

Несомненно, семантическо-морфологическая разница здесь налицо, но по синтаксической отнесенности эти предложения обоих типов обобщенно-личные.

III. В том же обобщенно-личном значении употребляются и глаголы 3-го лица множественного числа. Эти глагольные формы легко относятся к неопределенному лицу, которое не обозначено ни предметным словом, ни местоимением 3-го лица. Однако это лицо мыслится как производитель действия, а формальное выражение его дано во флексии *-т* глагола настоящего времени или старой причастной формой на *-л* (теперь формой прошедшего времени) [2].

В русском языке обороты с глаголами 3-го лица, но без местоимения и без именного подлежащего представлены очень богато, они несут функцию не только выражения действия, но и функцию обобщения действия. Особенно часты такие выражения в пословицах, поговорках, например: *Дураков ни орут, ни сеют, сами родятся; Любят взять, но не любят дать.* Не менее часты подобные формы и в литературном языке, например: «Ворон ни жарят, ни варят» (Крылов); «Не очень-то нынче старших уважают» (А. Н. Островский); «Мне перед тобой таить нечего; живут не больно авантажно» (А. Н. Островский).

Глаголы 3-го лица имеют специфические отличия от глаголов 1-го и 2-го лица, что подчеркивается почти всеми уче-

---

[1] В. В. Виноградов. Современный русский язык, вып. II, стр. 365—366. В книге «Русский язык» см. стр. 495.

[2] В немецком языке обычно это значение выражается в словечке *man*, во французском — *on*.

ными. 3-го лица, собственно, как лица нет. Оно заменяет лицо так же, как заменяет и предмет. *Я, ты* — только живое, мыслящее; *они* — всё, что не *я* и не *ты*.

Формы глаголов 3-го лица множественного числа несут на себе функцию замены предмета и лица и выражают неопределенность и обобщение. В тех предложениях, где выражается неопределенность лица действия, все же четко мыслится кто-то или что-то, хотя не обозначенное ни именем, ни местоимением.

Другая группа глаголов 3-го лица множественного числа с обобщающим значением выражает действия не кого-то, кто не назван, а всех вообще, способных к данному действию.

Пословицы, как обобщение народной мудрости, обычно построены такими конструкциями: «Спустя лето в лес за грибами не *ходят*», «Где мертвых *погребают,* там и *рыдают*», «Грибов *ищут* — по лесу *рыщут*», «О том не *тужат,* что долго *служат*», «Снявши голову, по волосам не *плачут*», «И без золота в радости *живут*» [1].

Следовательно, неопределенно-личные, обобщенно-личные предложения являются какой-то переходной ступенью к потере и затушевыванию лица, но тем не менее безличными их еще назвать нельзя, хотя оба типа предложения бесподлежащные.

IV. Формы повелительного наклонения совпадают с основой 2-го лица единственного числа. Повелительное наклонение со всеми семантическими оттенками — желания, просьбы, мольбы, увещевания и чистого императива — связывается со 2-м лицом. Но значение лица повелительного наклонения гораздо шире, особенно при других семасиологических оттенках. Однако никакого другого лица, ни 1-го, ни 3-го, подставить грамматически нельзя: *ходи* предполагает *ты,* но не *он*. Лишь в особых стилистических целях возможна подстановка к форме повелительного наклонения 1-го лица, например: «И *будь* не *я,* коптел бы ты в Твери» (Грибоедов). В подобных предложениях выражено условное, а не императивное значение.

V. Употребляется повелительная форма глагола в значении 1-го лица при выражении значения долженствования: «Девица платок уронила — ты *поднимай;* она входит — ты *вставай* и *давай* ей стул, уходит — ты *провожай*» (Чехов).

Такая форма «обозначает действие, навязанное субъекту против его воли, предписанное ему, как его обязанность»,— объясняет В. В. Виноградов употребление повелительного наклонения в указанном значении.

Шахматов предложения этого вида считает односостав-

---

[1] Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок XVII—XIX вв., собр. Симони, 1899.

ными, сказуемо-подлежащными, неопределенно-личными [1]. Он их делит на следующие группы, в которых повелительная форма:

а) означает приказание, совет или содержит предоставление кому-нибудь возможности сделать что-нибудь;

б) выражает иронически то или иное действие, производимое самим говорящим или кем-либо другим;

в) употребляется в уступительных придаточных предложениях, нередко с союзами *хоть* и наречиями *как ни, куда ни, что ни;*

г) употребляется в условных предложениях или только в протазисе, или в протазисе и аподозисе. Например: «А случись пистолеты, его бы давно уже не было на свете» (Гоголь).

Ни Шахматов, ни Пешковский эти предложения безличными не считают. Только Богородицкий предложения с повелительным наклонением включает в собственно глагольные безличные [2]. Однако лишь некоторые предложения со сказуемым в повелительном наклонении могут быть безличными в том случае, если эта повелительная форма является средством выражения воли безотносительно к лицу.

Этот характер высказывания в древнерусском выражается одним императивом или инфинитивом с отрицанием, что совершенно соответствует категорическому императиву глагола, или особыми модальными словами *можно, нужно, должно* в соединении с инфинитивом. Но об этих предложениях мы будем говорить ниже, так как мы относим их к бессубъектным предложениям.

Несомненный интерес представляют высказывания Н. П. Некрасова о повелительной форме. Некрасов считает, что повелительная форма глагола есть форма личная, так как к ней легко подставляются все личные местоимения — *я, ты, он* и форма остается неизменной при сочетании с любым лицом, числом и родом: *я читай, ты читай, он читай, она читай.*

На основании этого Некрасов делает вывод: «Стало быть, она есть общая личная форма глагола» [3], и в этом, по его мнению, ее существенное грамматическое значение.

Мы полагаем, что точка зрения Некрасова неправильна, так как формы глагола *пиши, читай, сядь; уймись* несомненно выражают императивность в той или иной степени, т. е. побуждение лица говорящего к слушающему, который только и может быть 2-м лицом, потому что говорящий не может

---

[1] См. А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, 1941, стр. 75.

[2] См. В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики, 1935, стр. 219.

[3] Н. П. Некрасов. О значении форм русского глагола, СПб., 1865, стр. 105.

употребить эту форму по отношению к самому себе, к 1-му лицу, ибо для побуждения самого себя к действию достаточно внутреннего импульса воли, без слов.

Точно так же и для выражения воли говорящего к 3-му лицу эта форма не может быть употреблена, потому что непосредственного отношения говорящего к 3-му лицу быть не может. Форма *пусть он идет* (*пускай, нехай*) — это форма глагола 2-го лица, через которое передается повеление. На основании этого мы полагаем, что самым существенным в данных формах является выражение значения побуждения в разной степени: чистого императива, увещевания, мольбы, просьбы, допущения и желания, направленного к слушающему (т. е. ко 2-му лицу как в единственном, так и во множественном числе). Если же повелительная форма сочетается с 1-м и 3-м лицом, то значение таких конструкций совершенно другое: *Я работай — а ты будешь гулять; Он и сходи, и принеси, и приготовь, а ты спать будешь.* В таких предложениях выражается не императивность и не побуждение, а долженствование (часто в ироническом аспекте).

И то, что, по мнению самого Некрасова, эта форма глагола «относится ко всякому постороннему лицу, как ко второму лицу, потому что иначе она относиться не может»[1], и обусловливает ее непосредственное отношение ко 2-му лицу. Следовательно, конструкция предложений с повелительной формой глагола, как личная, отграничивается от группы безличных предложений. И безотносительные формы, в которых действие не соотносится ни с одним в частности лицом, а может быть отнесено к любому из них, мы также к бессубъектным не относим, например: «*Глядь,* он подлинно ушел и сети им оставил» (Крылов).

VI. Нельзя считать безличными предложениями и такие, в которых подлежащее выражено количественным словом с относящимся к нему родительным падежом, например: *Пять человек прошло в сад.* Сочетания числительного с родительным падежом единственного и множественного числа синтаксически едины, в мышлении тоже неразложимы, а поэтому такие сочетания составляют единое грамматическое целое. Русский язык обозначает число и в форме существительного, при котором исчисляемые предметы выражены в родительном падеже, например, *десяток лиц, сотня домов, тысяча деревьев.*

Таким образом, мы полагаем, что надо считать личными те предложения, у которых подлежащее выражено количественным словом в сочетании с существительным (именем исчисляемых или сочтенных предметов) в родительном падеже

[1] Н. П. Некрасов, назв. раб., стр. 109.

единственного (*два человека*) или множественного (*пять человек*) числа, безотносительно к согласуемой или несогласуемой форме глагола: *шли пять студентов* или *вошло пять студентов*. Предложения с подобным подлежащим одинаково личные, так же как и такие предложения, у которых подлежащее состоит из количественного обобщенного слова *мало, много* в сочетании с родительным падежом существительного: *мало народу явилось на лекцию, много женщин пошло на фронт*. В этих предложениях *мало, много* — количественное неопределенно-обобщенное слово, которое подчиняет своей неопределенности и сказуемое, а, как известно, в случае неопределенности сказуемого оно, как правило, ставится в среднем роде.

Личными мы считаем также такие предложения, в которых числительное в сочетании с родительным падежом существительного заменено местоименным словом количественного значения, например: *столько, сколько, несколько*[1] (*человек, деревьев*).

В предложениях типа *Сколько летело гусей?* грамматическая конструкция такова, что многие лингвисты считают их безличными. Но никто не включает в безличные следующие предложения: «Все три всадника ехали молчаливо» (Гоголь), *Несколько плотников явились с топорами в руках*. Шахматов предложения *Было много народу, Фарфора было еще много наставлено на столах* считает безличными, а *Сюда налетело много грачей, У него куплено много безделушек* — личными. Какой критерий положен здесь для различения? Е. С. Истрина в своей работе «Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи» пишет следующее:

«Предложения, в которых личная форма глагола, субъектного по значению, соединяется с количественным словом, признаются субъектными, или переходными, или бессубъектными в зависимости от двух обстоятельств: во-первых, от формы самого количественного слова и, во-вторых, от наличности согласования личной глагольной формы как сказуемого с данным количественным словом. В первом отношении для признания предложения субъектным требуется выражение количественного слова существительной формой в именительном падеже, которая и признается подлежащим; во втором отношении требуется наличность согласования сказуемого с данным количественным словом, что является выражением их взаимоотношения как сказуемого с подлежащим. При отсутствии этих условий предложения с количественными словами

---

[1] Эти слова уже давно многими лингвистами относятся к числительным; ср. у Павского (Филологические наблюдения над составом русского языка, Рассуждение II, изд. 2-е, 1850, стр. 311).

не признаются субъектными, а следовательно, и двусоставными, но — или бессубъектными или переходными» [1].

Проф. Истрина полагает, что порядок слов в данном случае может повлиять на характер предложения; она говорит, что существуют «примеры с порядком слов, более свойственным субъектным предложениям, хотя и не всегда с этим значением: «и неколико головъ сгоре» [2].

«Такой порядок слов указывает на то, что в предложениях с единственным числом сказуемого при именительном падеже количественных имен эти последние выступают не с значением субстанции и не в синтаксическом положении подлежащего, а обозначают отвлеченное количество на вопрос с к о л ь к о? Именительный падеж не воспринимается уже как производитель действия сказуемого, т. е. как подлежащее; фактический производитель действия, выраженный родительным падежом, не может в силу своей формы выступить в качестве подлежащего и перетягивается к глаголу-сказуемому, как его дополнение,— предложение становится бессубъектным. Это относится как к предложениям с именительным падежом числительных, так и к предложениям с именительным падежом таких количественных слов, как *колико, толико, много, мало*» [3].

Однако не только порядок слов влияет на то, как воспринимаются сознанием данные сочетания [4]. Основную роль в различении предложений играет в данном случае лексическое значение самого глагола и отнесенность действия к реальному предмету. *Двенадцать церквей сгорело* или *сгорело двенадцать церквей* — одинаковы по своему синтаксическому характеру, и субъект и предикат в них один и тот же, так как процесс происходит в обоих случаях с тем же предметом. От перемены мест в предложениях *пять человек пришло — пришло пять человек* по своему значению члены предложения не изменяются. В последнем предложении *пять человек* — субъект, а не объект, так как глагол *пришло* — непереходный и дополнения не требует, и ясно, что это именительный независимый падеж, а не винительный.

Другое дело, если глаголы переходные: *убило много людей, разрушило много церквей.* В этих предложениях *много церквей* и *много людей* не являются производителями дей-

---

[1] Е. С. И с т р и н а. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи, Росс. Акад. наук. Отд. русск. яз. и словесн., т. XXIV, 2-я кн., 1919, стр. 16.

[2] Там же, стр. 24.

[3] Там же, стр. 25.

[4] Мы отнюдь не умаляем свойств порядка слов выражать грамматические значения, но в данном случае порядок слов не имеет ни смысловой, ни конструктивной функции.

ствия, т. е. они не являются предметом, о котором что-то говорится, и в данных предложениях являются объектами, а глаголы *убило, разрушило* являются названиями действия какой-то неизвестной, а поэтому и неназванной силы, которая и производит действия над объектами. В подобных предложениях иногда указывается эта действующая сила, но только в виде орудия: *громом убило, бревном придавило* и т. д. Такая конструкция все же не может мыслиться личной, потому что нет подлежащего, поскольку подлежащее — или независимое слово, обозначающее непосредственного производителя признака, или слово, обозначающее носителя признака, обозначаемого сказуемым. Следовательно, само лексическое значение глагола, его транзитивность или интранзитивность могут быть определяющими факторами типа предложения.

Проф. Истрина утверждает, что «если глагол в субъектной форме требует выражения субстанции-подлежащего в именительном падеже по вопросу к т о? ч т о, то этот же глагол в бессубъектной форме требует дополнения по вопросу к о г о? ч е г о? Такое соотношение легко возникало и в конструкции с количественными словами и сочетаниями, т. е. в них возникала синтаксическая связь между глаголом, становившимся бессубъектным, и родительным падежом, который как бы отрывался от количественного имени и становился в зависимость от бессубъектного сказуемого: «паде их», как «убыло воды», а количественное имя в именительном падеже тем самым теряло свою связь с родительным падежом и свое прямое соотношение с глаголом-сказуемым; оно становилось независимым выражением количества на вопрос с к о л ь к о?» [1].

Однако при любом порядке слов *много студентов пришло,* или *пришло много студентов,* или *пришло студентов много* — предложения будут различны только с логико-семантической стороны, так как в первых двух случаях логически подчеркивается, что пришло много с т у д е н т о в, а не других каких-либо категорий людей, а в последнем предложении подчеркивается, что их м н о г о пришло, а ожидалось меньше. Однако изменение порядка слов не изменяет предложение по его составу. «Порядковое ударение» [2] выполняет функцию логического ударения. Но само выражение живых субъектов, активное действие, выраженное конкретным глаголом движения, не могут в результате изменения порядка слов потерять свое значение и препятствуют тому, чтобы предложение осмысливалось как безличная конструкция. Таким образом, многие

---

[1] Е. С. И с т р и н а, назв. раб., стр. 22—23.

[2] Порядковым ударением мы называем вынесение слова на первый план.

другие языковые факты, а не только порядок слов обусловливают переход личной конструкции в безличную, а именно:

1) конкретность существительных,
2) интонационно-логическое ударение,
3) лексическое значение глагола,
4) переходность или непереходность глагола.

Так, например, *хватает, не хватает, достанет, не достанет; станет* сами по себе безличны и не могут сочетаться с именительным падежом.

Но главное, что различает безличную конструкцию от личной,— это степень субстанциональности имени, т. е. его способность быть названием носителя или производителя признаков.

Если в имени нет яркой субстанциональности, то подлежащее выражено менее четко, и вполне обоснованно следующее утверждение Е. С. Истриной: «Однако это не значит, что все подобные предложения... не имеющие явных формальных признаков субъектности, должны быть признаны бессубъектными. Эти предложения могут восприниматься и как субъектные и как бессубъектные... почему они и определяются здесь как переходно-бессубъектные. Переходность понимается в данном случае как возможность колебания между двумя конструкциями на основе внутренних значений при одних и тех же внешне формальных признаках...» [1].

Проф. Истрина полагает, что переход в безличную конструкцию из личной связан с наличием винительного падежа. Но еще Гримм говорил, что «винительный падеж есть собственно спутник действительного глагола» [2], а действительный залог предполагает всегда действователя, следовательно, лицо. Поэтому не винительный падеж делает личный оборот безличным, а то сохранившееся с т а р о е значение винительного падежа, когда этот винительный образовывал также личную конструкцию, так как всего было еще два падежа с одинаковой функцией, и «различие в употреблении обоих падежей, очевидно, устанавливалось только постепенно» [3].

На первых порах происходило смешение в употреблении падежей при одинаковой функции, что потом и создало неясность в определении предложений. Возникает немало сомнений в определении предложений и при нарушении согласования.

Проф. Истрина считает отсутствие согласования или наличие согласования вторым критерием для определения видов

---

[1] Е. С. И с т р и н а, назв. раб., стр. 26—27.

[2] G r i m m. Deutsche Grammatik, Bd. 4, 1837, S. 594.

[3] См. А. В. П о п о в. Сравнительный синтаксис именительного, звательного и винительного падежей..., Филолог. зап., 1879, вып. 5, стр. 25, где дается ссылка на Гримма.

предложения. На этой же точке зрения стоял и А. В. Попов, который полагал, что обстоятельственные слова, оставаясь в винительном падеже, являются на месте подлежащего и образуют безличные предложения.

Нарушение согласования наблюдается и в других славянских языках, например, в сербском: «Ни је прошло ни недјељу дана» (не прошло и недели дней).

По мнению же Е. С. Истриной, такие предложения различны; например, *пять человек пришло* и *пять человек пришли:* первое бессубъектно, второе субъектно.

Числительные количественные в древнерусском языке одни восходили к количественным существительным, другие к количественным прилагательным. Поэтому одни согласовывались с существительным, другие управляли ими. Например: «Тіи бо два храбрая Святъславичя» (Слово о полку Игореве), «И рекоша ему два светлая мужа» (Сказание о Петре Ордынском), «Платили... за две голове» (Договорная грамота Александра Невского), «В субботу придоша две жене видетъ гроба» (Кирилл Туровский), «По дву [1] же лету Синеусъ оумре» (Лавр. лет., 20).

Согласующиеся числительные *два, две, три, четыре, оба, обе* служат определением существительных.

К XV веку начинаются нарушения согласования, и к XVII веку вырабатывается новая система согласования, которая представляется в следующей схеме: «в именительном и винительном неодушевленном числительные *два, оба, три, четыре* управляют родительным падежом существительного (единственного числа), а в остальных падежах и в винительном одушевленном они сами согласуются с ними» [2], т. е. форма согласования исчезла, а форма управления расширялась. Поэтому все сочетания числительных количественных с существительными становились единой группой, способной стать подлежащим. Вследствие этого предложения, образованные из таких сочетаний количественных числительных + родительный падеж существительного в функции подлежащего, признаем за личные предложения.

Не можем мы согласиться с проф. Истриной и в ее утверждении, что слова *много, мало, несколько, толико* потеряли свое прежнее значение существительного в именительном падеже и застыли в данной форме как наречия, что вело также к бессубъектности. В предложениях типа *много* (*мало*)

---

[1] См. Егоров. Согласование числительных с существительным в великорусских городских памятниках XV—XVII вв., Филолог. зап., вып. II—III, 1916.

[2] См. Егоров, назв. раб.

хлеба погорело слова *много, мало* никогда наречием не были, многие из этих слов не были и существительными: например, *колико, толико* — исконные местоимения количества, и лишь *мало* хранит следы своего существительного происхождения (ср.: *мал-мала меньше*).

Вообще наречие — такая часть речи и, синтаксически, такой член предложения, что создавать безличность не может. Однако мнение, что наречие способствовало возникновению безличности очень распространено. Потебня стоит на той же точке зрения, когда пишет: «От употребления в качестве подлежащего в субъектных предложениях («баранів тьма було») через именительный при бессубъектном сказуемом («их было сила») слова подобного значения переходят в наречия» [1].

Такое мнение объясняется тем, что от наречия не отграничивалась категория состояния. Не наречия, а именно категория состояния образует безличные предложения, выражающие состояние человека, природы, окружающей среды: *тепло, холодно, стыдно.*

Потебня в III томе «Из записок по русской грамматике» уделяет очень много внимания конструкциям из количественных слов, но колеблется в решении вопроса, куда их отнести. Он пишет, что числительные *пять — десять* суть первоначально существительные единственного числа женского рода, которые обычно служат подлежащим [2].

Миклошич считает, что можно было бы склониться к тому, что *пять* в предложениях pet hiš je zgorělo есть винительный падеж, а все предложение бессубъектно. Однако этой теории противоречат такие предложения, как чешское Hromada jich tu bylo, из коих следует, что если подлежащее означает множество (eine menge), то сказуемое независимо от рода этого подлежащего ставится в среднем роде [3].

Эти предложения Миклошич считает субъектными. Потебня полагает, что числительные от *пяти* до *десяти* рано становятся существительными собирательными и согласуются, как и вообще собирательные (например: «Дружина смеятися начьнуть»), с множественным числом сказуемого.

Потебня видит в этом влияние греческого языка, так как в том месте, где в греческом употреблено числительное с членом, там в церковнославянском употребляется множественное число сказуемого; там же, где в греческом члена нет, там ска-

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III, Харьков, 1899, стр. 445.

[2] См. там же, стр. 447.

[3] См. Miklosich. Vergleichende Grammatik, Bd. IV. Syntax, S. 53—59 и у него же в книге Subjektlose Sätze.

зуемое ставится в церковнославянском языке в единственном числе.

Однако, несмотря на то, что сказуемое ставилось во множественном числе, определение при подлежащем употреблялось в единственном числе до конца XVII века, например, в предложении: «Чтобы тая девять летъ Коровеннаго мору издержаша крепко» (Псков., I, 225).

Появление атрибута во множественном числе Потебня объясняет также влиянием греческого языка.

Следовательно, Потебня больше склонен считать эти предложения за бессубъектные, так как сказуемое в *пять их шло* бессубъектно. Особенно ярка бессубъектность, по мнению Потебни, в тех случаях, когда в предложении прибавляется к родительному падежу указательное местоимение, например: *Тех целых три летних дня прошло, Тех два голубя прилетело.* Но, с другой стороны, родительный ощущается очень самостоятельным при повторении в предложении числительного, например: *проходят два лета, два теплых.*

Относительно таких сочетаний, как в украинском «Купалося ти два голубоньки», «Пило воду та два соколи», или таких, как «Три взрослых юноши соседних рассуждали», Потебня считает, что они «вполне совместимы с субъектностью сказуемого, но, кажется, более располагают мысль к бессубъектности» [1].

П. Лавровский же полагает, что такое подлежащее надо понимать как собирательное, а предложение считать безличным в украинском языке [2].

Однако при всех колебаниях Потебня верным критерием для расчленения на личные и безличные конструкции с числительным + родительный считает постановку вопроса: к т о? или с к о л ь к о? Предложения, отвечающие на первый вопрос, являются личными, отвечающие на второй вопрос — безличными. Несогласуемое сказуемое в сочетании с конструкцией числительного + родительный является для Потебни признаком бессубъектности [3], так как количественные слова в именительном, но не согласуемые с формой глагола, Потебня считает за бывшее подлежащее, но уже утерявшее теперь субстанциональность.

Ученик Потебни А. В. Попов видит причину перехода из личных предложений в безличные в следующем: числительные становятся в отношение определяемых к именам исчисляемых

[1] А. А. П о т е б н я, назв. раб., стр. 454.

[2] См. П. Л а в р о в с к и й. Обзор особенностей наречия малорусского, ЖМНП, 1859, апрель, ч. II, стр. 261.

[3] См. А. А. П о т е б н я. Из записок по русской грамматике, т. III, 1899, стр. 446—452.

предметов. Такой способ сочетания в славянских языках является преобладающим. Ввиду того, что имя исчисляемых предметов должно стоять в родительном падеже, а числительное, означающее совокупность,— в винительном, то вследствие этого и развиваются безличные обороты, как и с винительным времени. Например: *прошло тысячу лет, прожито пять лет* и т. д.[1]. Овсянико-Куликовский видит в этих предложениях переходные формы от личности к безличности, видимо, под влиянием Потебни. «В них первой (т. е. субъектности) уже нанесен большой ущерб через нарушение согласования сказуемого с подлежащим. Это — переходные формы, зачатки новых бессубъектных оборотов»[2],— пишет Овсянико-Куликовский. К таким переходным типам предложения он относит и предложения, где нарушено согласование глагола-сказуемого с подлежащим, в котором находится числительное: *прошло три года, пять лет минуло.* А раз нет согласования, то сочетание типа *три года, пять лет* Овсянико-Куликовский не рассматривает как настоящее подлежащее, так как оно отвечает на вопрос сколько?, а все предложение, в котором сказуемое не согласовано, так же как и конструкции *прошло много лет,* где *много лет* обстоятельство, Овсянико-Куликовский считает бессубъектным. Он доказывает, что такие конструкции, как *пять лет, три года,* являются «ложными» или «мнимыми» подлежащими[3]. Если же такое «мнимое» подлежащее находится в согласовании со сказуемым, например, *первые десять минут прошли довольно скоро,* то такое предложение субъектно.

Следовательно, Овсянико-Куликовский нарушение согласования, т. е. признак чисто формальный, кладет в основу разграничения предложений на личные и безличные. Обороты же типа *прошло много лет* он считает возможным отнести к бессубъектным предложениям, так как их бессубъектность яснее выражена, хотя в конечном итоге он и эти сочетания относит к переходным. Развитие бессубъектности в подобных предложениях он объясняет проявлением тенденции в сторону развития глагольности и перевеса сказуемого над подлежащим при посредстве нарушения их согласования. Но ведь согласование в русском языке допускается двух видов: по форме и по смыслу (ср. *Большинство девушек ушли на фронт,* где согласование дано по смыслу). Однако при таких сочетаниях,

---

[1] См. А. В. Попов. Синтаксические изыскания, Филолог. зап., 1880, стр. 102—103.

[2] Д. Н. Овсянико-Куликовский. Синтаксис русского языка, СПб., 1912, стр. 202—203.

[3] Акад. Е. Ф. Карский в книге «Белорусы» (т. II, вып. 2—3, М., 1956, стр. 344) указывает, что в предложении *Два вепры меж собою бьюцца* слова *два вепры* являются подлежащим.

как *большинство девушек, масса студентов* сказуемое-глагол может и не быть во множественном числе, если согласование носит формальный характер: *масса студентов ушла на фронт.* Сказуемое ставится во множественном числе тогда, когда форма глагола соотносится с реальным производителем действия [1], если игнорировать согласование со словесным субъектом действия, т. е. по форме. Об этих типах предложения высказывался и Пешковский: «Такие предложения можно было бы назвать безличными предложениями с именительными количества» [2]. Подобные предложения Пешковский считает «плодом смешения личных и безличных оборотов в такую эпоху языка, когда оба типа предложений были уже вполне развиты» (337 стр.).

А. А. Шахматов о генезисе безличных утвердительных предложений думает следующее: 1) сначала *был народ;* 2) затем потеря согласования: *было народ*; 3) когда в предложениях *было народ, было деньги* именительный падеж не оказывался в согласовании с формой сказуемого, когда при нем не оказывалось сказуемого, он уступал место родительному падежу под влиянием предложений типа *было много денег* [3].

Ссылается акад. Шахматов и на народные говоры, где подобных предложений очень много. Особенно распространен оборот с родительным от существительных собирательного значения с вспомогательным глаголом в настоящем времени: *Всякого сброда есть среди народа.* Такие предложения Шахматов считает двучленными безличными предложениями, так же как и предложение «Фарфора было еще много наставлено на столах» (Л. Н. Толстой) [4]. К односоставным предложениям относит Шахматов и следующие предложения: *У него наготовлено всякого товару*; «Возле того забора навалено на сорок телег всякого сору» (Гоголь). «Такое сочетание соответствует сочетанию представления о субъекте с представлением о предикате в соответствующей коммуникации, причем ближайшим образом представление о субъекте выражено формой родительного падежа, а представление о предикате формой глагола» [5].

Шахматов относит к субъектным предложения такого типа: *Сюда налетело много грачей; У него куплено много безделушек,* но предложение *У него наготовлено всякого то-*

[1] См. об этом у В. В. Виноградова (Современный русский язык, 1937, стр. 475).

[2] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 6, стр. 336.

[3] См. А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 119.

[4] См. там же, стр. 119—121.

[5] Там же, стр. 119.

вару он считает безличным. Видимо, Шахматов делит эти предложения на две разные группы. В последнем предложении, по его мнению, пропущено количественное слово *много,* которое, будучи в именительном падеже, сочеталось с родительным *всякого товару.* Этот пропуск слова *много* и делает оборот более бессубъектным, так как сочетание *всякого товару,* как форма родительного, не может стать господствующим составом подлежащего. А сочетание *много безделушек* в первом предложении выступает в роли подлежащего, что и делает предложение личным, хотя и вступившим на путь к переходу в безличные.

Что же способствует развитию бессубъектности в таких предложениях? Е. С. Истрина считает, что «толчком к развитию бессубъектности в этих типах предложений послужило несоответствие между действительным производителем действия (родительный дополнения) и именительным падежом существительного, обозначающего количество; в связи с этим субстанциальное значение числительных, развившееся в праславянском языке, оказалось в дальнейшей истории отдельных языков недостаточно устойчивым; это и выразилось прежде всего в ослаблении субъектного значения предложений, а затем и в морфологических изменениях числительных существительных» [1].

В последних замечаниях проф. Е. С. Истрина совершенно правильно указывает иные причины перехода к бессубъекности, а не только потерю согласования. Ведь потеря согласования начинается тогда, когда в согласующихся компонентах произойдут какие-то более глубокие семантико-грамматические изменения. По нашему мнению, очень большую роль в переходе к бессубъектности играет: 1) затемнение значения действительного производителя признаков, 2) утеря лексического значения глагола и переход глагола в связочную часть сказуемого или же 3) употребление сочетаний: количественное слово + родительный + глагол экзистенциальный, т. е. глагол бытия, существования, например, *много яблок было.*

В том случае, когда глагол выражает конкретное действие действователя, облеченного в форму сочетания количественного слова с родительным падежом, предложения с такими сочетаниями считаем личными, например: *На трех участках росло 467 кочанов капусты; В первый час работало семь человек; В коробках помещается девяносто шесть карандашей; В экскурсию отправилось тридцать три мальчика;* «Набежало тут девять разбойников» (Русские былины); «Человек пять мужиков сидело по лавкам» (Демидов).

---

[1] Е. С. Истрина, назв. раб., стр. 31.

Исходя из ранее сказанного, к личным предложениям относим все предложения с подлежащим, образованным из числительного с родительным падежом и несогласуемым глаголом, но глаголом конкретного значения. Здесь количественное слово в связи с наименованием предметов в родительном выражает активных действователей, конкретно обозначенных, производящих тот или иной процесс. Но название этого процесса выражено глаголом, потерявшим согласование с таким количественным словом, числовое значение которого с течением времени затемняется. Так, например, если числительные *пять — десять* в древнем русском языке считались именем существительным и, будучи женского рода, согласовывались с единственным числом, то потом это значение стало заменяться значением собирательности [1].

Е. Ф. Карский в «Наблюдениях в области синтаксиса Лаврентьевского списка» [2] говорит, что значение числительных, как собирательных слов, было причиной того, что при тех же словах сказуемое, изменяемое по родам, ставилось в среднем роде единственного числа, например, «Кыянь динехъ изгыбло на полку том ·і· тысяч».

Иногда с единственным числом сказуемого и само числительное, 20, видимо, рассматривалось как слово единственного числа, например: «Рече имъ С[вя]тослав есть насъ ·к· тысящь». Поэтому сказуемое ставилось в единственном числе, хотя следовало бы употребить не *есть*, а *суть*.

Карский относит эти предложения к безличным. И действительно, последнее предложение ближе к безличным, так как глагол *есть* менее конкретен, чем *сказал, бежал,* однако *есть* — глагол бытия (предложение экзистенциальное).

Как видно, большинство лингвистов в основу различения личных и безличных предложений кладут формально-грамматический принцип, не учитывая смысловой стороны речи и соотносительности с реальными вещами. Так, например, нельзя согласиться с тем, что порядок слов всегда играет такую роль в предложениях, что от него зависит субъектность или бессубъектность предложения.

Не всегда изменяется предложение по составу, если главные члены предложения меняют свои места, потому что порядок слов в русском языке далеко не всегда несет формально-

---

[1] Не лишено основания соображение Е. С. Истриной, что здесь не собирательное значение, а количественное, и «вернее предположить, что в языке различались собирательность и количество» (см. «Синтаксические явления Синодального списка», стр. 21).

[2] См. «Известия Отделения русского языка и словесности АН СССР», 1926, т. I—II.

грамматическую функцию, а чаще или несет только стилистическо-ритмическую или акцентно-логическую функцию: *Года три прошло с тех пор* и *Прошло с тех пор года три* по составу абсолютно адекватны.

Сдвиг в значении предложений происходит при употреблении других по характеру глаголов. Если субъект выражен количественным числовым словом + родительный падеж, а сказуемое выражено несогласуемым глаголом *быть* в настоящем или прошедшем времени, причем глагол *быть* (сюда же *стать, становиться*), выражая значение экзистенции, бытия, абстрагируется, то предложение становится безличным, выражающим существование, бытие.

Поэтому, если предложения типа *Пять студентов вошло в помещение* языковому чутью представляются личными, то предложение *В комнате было пять студентов* кажется скорее безличным, хотя таковым его считать нельзя, ввиду того что глагол *было* в данном случае не является связкой.

Подобные предложения образуют особую группу предложений экзистенциальных, которые в силу особого специфического содержания и функции выражают не активное действие, а состояние, бытие, наличие и стоят на пути к безличным, несмотря на то, что подлежащее в них имеется, например: *Пять студентов было в группе.* Однако считать их безличными все же не следует.

VII. Считаем субъектно-личными и такие предложения, в которых числовое выражение в субстантиве заменено местоименно-количественным или неопределенно-количественным словом + родительный падеж, а сказуемое выражено несогласованным, но активно действенным по значению глаголом, например: «Много слуг и казны под замками лежит» (Кольцов); «Много мыслей перебродило в его голове» (Тургенев); «Набежало тут много разбойников» (А. И. Соболевский, Сборник великорусских песен); *Сколько всего человек шло на демонстрацию? Сколько избирателей голосовало в этом участке?*

VIII. Очень часто подлежащее выражается или фразеологическим сращением, или эмоционально-образным словом, или существительным с предлогом. Например: «Со всех дворов собак сбежалось с полсотни» (Крылов).

В таких сочетаниях количество дается с приближением к обозначенному, почему и употребляются предлоги *до, за, с, на* и т. д. Наличие предлога при косвенном падеже как будто отрицает возможность видеть в этом сочетании подлежащее, так как только именительный падеж способен его выражать. Но здесь именно и выражается целым сочетанием подлежащее, адекватное по значению именительному падежу и отвечающее на вопрос к т о? ч т о? В этом проявляется слож-

ный путь развития языка для выражения форм мышления[1].

Если в предложении имеется глагол активно действенного значения, то мыслится и действующее лицо, которое может быть выражено в языке различными конструкциями. Но как только глагол начинает терять конкретное лексическое значение и приближаться к значению вспомогательного глагола или начинает выражать только существование, бытие, состояние, то значение всей конструкции изменяется и предложение становится на путь перехода в односоставное номинативное предложение или в экзистенциальные предложения.

«Экзистенциальные суждения становятся родственными имперсоналиям, а отчасти и внешним образом принимают форму безличных предложений»,— писал Зигварт[2]. И действительно, предложение такого рода, как «Ей уже тогда было за тридцать» (Тургенев), приняло форму безличного предложения, так как в значении выражается бытие. Точно так же предложение *Если в вас осталось на каплю чувства* несомненно на пути трансформации в безличные предложения.

Предложения подобного типа Шахматов считает двусоставными несогласованными. Они субъектны, так как один состав будет подлежащим, другой сказуемым. Сказуемое выражено большей частью личными глаголами в простой или возвратной форме. Но подлежащее дано в такой форме, что его трудно принять за подлежащее, поставить вопрос к т о? и ч т о? часто невозможно и легче поставить вопрос с к о л ь к о?

Однако в предложении *Кавалеров-то у нас один, другой — и обчелся* глагол в сказуемом нулевой, а поговорочное выражение стоит на месте количественного слова *мало* и может считаться подлежащим. В предложении же *Ему казалось лет за семьдесят* сочетание *лет за семьдесят* соответствует субъекту коммуникации, утверждает Шахматов. Однако здесь Шахматов переходит в область психологии. С точки зрения грамматики *за семьдесят лет* трудно считать подлежащим, так как это словосочетание не именительного падежа и не может мыслиться как производитель признака, средством же, создающим безличность, является здесь безличный глагол *казалось*.

В приведенных выше предложениях четкая логическая соотносительность с понятием с у б ъ е к т н о - п р е д м е т н ы м заставляет нас видеть несогласуемые, но двусоставные конструкции, хотя на первый взгляд они очень близки к безличным. Вспоминаются слова Потебни: «Существительное, т. е. слово, способное быть определяемым (посредством прила-

[1] В. Н. С и д о р о в и И. С. И л ь и н с к а я. К вопросу о выражении субъекта и объекта действия в современном русском литературном языке. Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и языка, 1949, т. VIII, вып. 4.

[2] З и г в а р т. Логика, т. I, 1908, стр. 87.

гательного), подлежащим и дополнением, есть грамматическое название вещи — субстанции, субъекта и объекта»[1]. «Субъектом называем вещь как познающую и действующую, т. е. прежде всего себя, наше *я*, потом всякую вещь, уподобляемую в этом отношении нашему *я*»[2]. Эта «действующая субъектная предметность» и мешает признать их безличными.

Гораздо больше чувствуется бессубъектность в предложениях, в которых количественно-именное сочетание выражено существительным количественного значения и образует часто эмоционально окрашенную образную форму выражения. Сказуемое же в этих предложениях выражено или безлично-несогласуемой формой активного глагола, или 3-м лицом прошедшего времени в среднем роде, или единственным числом 3-го лица настоящего времени, причем *есть* чаще опущено, например: «Рыбы в Мсте бездна, особенно головлей» (Тургенев); *Студентов собралось полным-полно* (разговорная речь).

Потебня еще раньше обратил внимание на такой процесс в языке, по которому имя существительное, переходя в форму родительного падежа, обезличивает глагол, который ставится в среднем роде и теряет согласование в роде и числе: *народ набрался — набралось народу*. Здесь наличие количественного значения *набралось народу* (быть может из *много народу*) заставляет Шахматова относить такие предложения к двусоставным, что, несомненно, противоречит одно другому.

Следовательно, сочетания количественных слов с родительным падежом существительного, согласующиеся со сказуемым, не вызывают сомнения в их субъектности, например: *Девять девочек вошли в школу; Много хлеба лежит на прилавках; На столе стоят два подсвечника; В углу валялись пять кусков мыла* (Шахматов *два куска, две тряпки* в таких предложениях признает за подлежащее).

Безличность особенно начинает ощущаться при нарушении согласования, после чего и именительный падеж, потеряв форму связи, начинает видоизменяться, приспособляясь к новой форме глагола. Нарушение согласования — явление очень давнее. Примеры из древнерусского как раз и показывают этот процесс: «В торжку туча на одномь часу ровъ учинило» (Пов. врем. лет, Лавр. список, 6808, 171 л. об); «А по Великой реке лед идучи христианом сильно много подрало и запасов снесло» (Псков., I, 234); «А как же стало заря заниматца и Степка де Разин пошел к Царицыну» («Материалы для истории возмущения Степана Разина», № 9); «Как учинилося

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III, Харьков, 1899, стр. 2.

[2] Там же, стр. 3.

у Московского царя с польским Яном Казимиром кролем недружба и война» (Котошихин, «О царствовании Алексея Михайловича», 99).

В народном языке эти нарушения согласования также довольно часты, например: «Прошло месяц, два или три — он опять просится» (М. Колосов, Белозерские сказки, 76); «И у меня осталось от трех копеек — одна копейка» (Б. и Ю. Соколовы, Сказки и песни Белозерского края, стр. 160); «И осталось только отец кресной, да куцер» (там же, стр. 51).

Все эти примеры подтверждают факт, что согласование происходит не с единственным числом существительного, а со всей совокупностью предметов в целом, вследствие чего сказуемое и приняло форму среднего рода.

В литературном языке XIX века эти несогласованные предложения — частое явление: «Ему больше известно все тамошние заводы» (Архив Раевского, 1, 519); «Знатность фамилии не упущено из виду» (там же, стр. 450); «Любовь послано ей свыше» (Лажечников, «Ледяной дом»); «Не знаю почему, не упомянуто в нем некоторые подробности» (Пушкин, Письмо Вяземскому, 1831 г., Акад. изд., т. II, стр. 242) [1].

Шахматов эти предложения считает личными. «Многие предложения только внешним образом сходятся с безличными, заключая в себе личную форму глагола, зависимую от опущенного или совсем не выраженного подлежащего, а в некоторых случаях также от опущенного предложения, господствующего над глагольным сказуемым» [2].

Л. А. Булаховский видит в этих и подобных им предложениях проявление простой нечувствительности древнерусских авторов к слиянию конструкций безличных с личными [3].

Однако это объяснение не может нас удовлетворить, так как такое несогласованное предложение мы встречаем и у Пушкина. Не приходится сомневаться, что переход от личной к безличной конструкции предложения вызван не только чисто внешним нарушением формы согласования,— само нарушение есть результат каких-то внутренних переосмыслений, что и было причиной изменения внешней конструкции.

Таким образом, увеличение количества безличных предложений вызывается разрушением согласования именительного падежа имени существительного с глаголом-сказуемым, так как именительный подлежащего, не поддержанный формой

---

[1] Последние примеры заимствованы у Лобова («Из истории русского языка», Сб. Общ. истор.-философ. и соц. наук при Пермском ун-те, вып. III, 1929).

[2] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 99.

[3] См. Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к литературному русскому языку, изд. 3-е, 1930, стр. 285.

согласования сказуемого, осмысляется в другом каком-либо падеже, хотя по значению все еще является независимым. Всего скорей разрушение согласования начиналось в языке в силу иного осмысления количественных слов, а по аналогии с этими сочетаниями и конкретное существительное в именительном падеже стало сочетаться с глаголом среднего рода вроде *туча ров учинило.*

Итак, к личным конструкциям мы относим все однословные предложения, у которых в форме личного сказуемого выражено лицо. Эти предложения — остаток чисто синтетической формы глагола, по своей структуре и значению равной аналитической форме глагола: *иду — я иду, идешь — ты идешь, идет — он идет,* хотя первые предложения — личные бесподлежащные, вторые — личные подлежащные. В *иду* субъект мыслится, и лицо его выражено личной формой сказуемого.

К личным конструкциям относим на том же основании и конструкции с 2-м и 3-м лицом обобщенно-личного и неопределенно-личного значения. Повелительная форма сугубо лична, и конструкции с формой императива, сослагательного наклонения в 3-м лице считаем личными конструкциями.

К личным относим предложения со сказуемым, выраженным формой прошедшего времени на *-л* без личного местоимения; например: *Метил в ворону, а попал в корову; Ходил, молил, но ничего не вымолил.* К личным конструкциям относим и такие, в которых сказуемое выражено только именной частью составного сказуемого, например: *Рады* и *веселы.*

Считаем личными предложения со сказуемым, выраженным причастием без связки: *Разбиты и уничтожены,* хотя эти предложения без местоимения ощущаются как неполные, но определенно-личные, так как подстановка любого лица местоимения возможна и в мышлении и в языке.

К личным же несогласованным предложениям относим сочетания, состоящие из количественного слова + родительный падеж и несогласуемый глагол-сказуемое, например: *Пять человек сидело на завалинке;* из местоимения или неопределенно-количественного слова + родительный падеж и несогласуемый глагол-сказуемое, например: *Мало сказок распространилось среди детей; Столько горя выпало на ее долю;* из количественного слова с предлогом + родительный падеж и несогласуемый глагол-сказуемое, например: *С десяток груш слетело с дерева от сильного ветра;* из подлежащего, выраженного образно-художественным оборотом с количественным значением + несогласуемый активный глагол-сказуемое, например: *народу съехалось пропасть.*

ГЛАВА IV

ЗНАЧЕНИЕ И ФОРМЫ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ. ОБЩАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Богатство типов безличных предложений, их широкая употребляемость в современном русском языке наряду с личными предложениями заставляют синтаксиста задуматься о причинах и времени появления безличных предложений, о путях и способах их развития, об их типах по значению и по структуре. Перед исследователем встают в первую очередь следующие задачи:

1) выяснить семантические разряды безличных предложений;

2) определить их структурно-грамматическую форму;

3) определить сферу их наиболее частого употребления;

4) выяснить, какие функции несут безличные предложения в общей системе языка;

5) выяснить, в каких взаимоотношениях стоят безличные предложения с личными;

6) проследить возникновение и образование новых типов безличных предложений, их развитие в русском языке.

Наблюдая разнообразие безличных предложений как по их значению, так и по форме, можно сказать, что с течением времени не только увеличивается количество прежних типов, но изменяется их качество и возникают новые их типы.

С точки зрения логико-семантического содержания, безличные предложения мы должны рассматривать как суждение особого рода, независимо от того, назовем ли мы это суждение имплицитным, неразвернутым, которое является остатком первичных суждений, или назовем его суждением,

в котором представление о предмете суждения не выражено словом. Оно все же отличается своей структурой от типичного суждения, которое можно выразить формулой: S (не) есть P.

В безличных предложениях обычно названа только деятельность, а причина или прямой производитель действия остаются неизвестными, неопределенными.

Главным отличительным признаком безличных предложений является то, что в них нет грамматического подлежащего в форме существительного или другой, субстантивированной части речи в именительном падеже, а в форме сказуемого не выражено значение лица и по форме связи его нельзя определить [1].

Значит, безличное предложение — это бесподлежащная конструкция с одним главным членом — сказуемым, в форме которого не выражено значение лица и нет указания на него в данном контексте.

Правда, в безличном предложении сказуемое может быть выражено глаголом в форме, аналогичной форме 3-го лица. Однако эта форма 3-го лица не соотносительна с формами 1-го и 2-го лица, поэтому ее нельзя считать формой 3-го лица, например: *нездоровится, тошнит, светает, разведрилось.*

Полагаем, что был глубоко прав ученик А. А. Потебни А. В. Попов, считавший безличные предложения особым видом предложений, в которых сказуемое по своему значению не нуждается в подлежащем, так как главным предметом речи является само действие, а предмет, который должен быть подлежащим, или не указывается вовсе, или представляется как нечто второстепенное [2].

Маргулис в своей книге пишет: «Мне кажется, что двучленность Impersonalien подтверждается тем, что все эти глаголы могут выступать как в личной, так и в безличной форме, и это указывает на то, что безличная конструкция является в основе личной, хотя субъект и не выражен, но в какой-то мере все же мыслится» [3].

Вряд ли можно встать на такую точку зрения. Безличность предложений гораздо шире безличности глагола. Безличность в глаголе — это более узкое понятие, чем безличность в предложении.

Глагольное лицо — категория синтаксическая, присущая

---

[1] См. А. В. Попов. Сравнительный синтаксис именительного, звательного и винительного падежей, Филолог. зап., 1879—1881, стр. 305.

[2] См. А. В. Попов, назв. раб.

[3] Margulies. Die Verba reflexiva in den slavischen Sprachen, Heidelberg, 1924, S. 215.

глаголу и указывающая на отношение глагола к лицу речи, т. е. субъекту действия или возбудителю состояния [1]. Категория лица глагола в русском языке выражается двумя способами: аналитически, т. е. присоединением предметно-личных местоимений при глаголах прошедшего времени, и синтаксически, т. е. флексиями, которые генетически, по мнению некоторых ученых, восходят к постпозитивным местоимениям.

Как аналитически выраженные значения лица, так и синтаксические формы лица у глагола резко различаются между собой, раскалываясь на обозначение живых деятелей — *я, ты* — и на обозначение вещей-предметов и существ живого мира — *он,* которое может быть заместителем и лица и предмета.

Многие глаголы не терпят прибавления местоимений *я, ты,* так как эти глаголы выражают не действие лиц, а процессы и состояние, поэтому они не имеют трехчленной парадигмы спряжения по лицам. В русском языке имеются глаголы трехличные, в которых осознаются и выражаются все 3 лица: *я пишу, ты пишешь, он пишет.* У некоторых глаголов возможна только форма одного 3-го лица [2], например: *светает день.* И, наконец, имеются безличные глаголы, у которых нет никакой формы лица, например: *смеркается, нездоровится,* которым не свойственно сочетаться ни с 1-м, ни со 2-м, ни с 3-м лицом. Именно о таких глаголах говорил Фортунатов: «В индоевропейском языке в эпоху его распадения были некоторые глаголы, называемые в грамматике безличными глаголами... В них вовсе нет формы лица. И то, что мы называем в них формой 3-го лица, есть такое образование, которое произошло из образования формы 3-го лица, так как всякий безличный глагол был некогда глаголом не безличным, но которое в безличных глаголах уже не имеет формы лица» [3].

Противопоставление личных и неличных форм очень тонко было подмечено еще Ф. И. Буслаевым. «1-е и 2-е лицо, означая отношение между говорящим и слушающим, принадлежат собственно одушевленным предметам и преимущественно лицам. Что же касается до 3-го лица, то им можно означать и лицо, и неодушевленные предметы» [4].

В обычном употреблении понятие «лицо» имеет не одно

---

[1] См. статью акад. С. П. Обнорского «Образование форм 3-го лица» (Изв. АН СССР, № 1, 1944).

[2] Термин «одноличный» введен Пешковским в русскую лингвистику, а употреблен впервые был Н. И. Гречем в примечании 139 «Пространной русской грамматики» (ч. I, СПб., 1830, стр. 261).

[3] Ф. Ф. Фортунатов. Сравнительная морфология, литографированный курс лекций, 1891—1892, стр. 12.

[4] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика, т. II. М., 1863, стр. 167.

значение. В предложении *Я сегодня иду в театр* субъект суждения, обозначающий действователя и являющийся предметом суждения, выражен местоимением *я,* которое является грамматическим подлежащим. Местоимение *я* выражает смысловую категорию лица, а в глаголе эта же категория лица выражена окончанием формы 1-го лица: *ид-у*. Таким образом, предложение *Я сегодня иду в театр* является предложением личным, подлежащным, а суждение, выражаемое в нем, является субъектным. Если мы возьмем такое предложение, как *Сегодня иду в театр,* то подлежащего в нем нет, но предложение личное, так как лицо выражено формой глагола *ид-у*. Суждение, выраженное этим предложением, не обычное, так как предмет мысли, деятель, не обозначен словом, вследствие чего и предложение бесподлежащное.

В предложении *Изучать чужой язык в раннем детстве гораздо легче* совсем нет выражения лица, так как сказуемое именное, с нулевой связкой, а присвязочному слову — сравнительной форме прилагательного — не свойственна категория лица. В этом предложении нет субъекта-деятеля, но есть предмет мысли и предмет речи, подлежащее, т. е. то, что определяем, чему даем характеристику. Слово *изучать* в данном суждении выступает субъектом суждения; таким образом, в этом предложении есть подлежащее, и само предложение в традиционном понимании не безлично, так как подлежащее здесь выражено инфинитивом.

В предложениях *Светает, Темнеет* подлежащего нет, деятеля-субъекта или предмета речи тоже нет, и хотя форма у этих глаголов — форма 3-го лица, однако она не соотносительна с формами 1—2-го лица. А раз нет соотношения с другими формами лица, значит, значения лица у названных глаголов нет, поэтому предложения эти бесподлежащные, бессубъектные и безличные. Очень часто безличность не разграничивается с бессубъектностью, а бессубъектность с бесподлежащностью. Мы будем рассматривать бесподлежащные «безличные» предложения, относя термин «бессубъектные» к суждениям.

В западноевропейской терминологии в качестве термина, синонимичного нашему «безличные предложения», употребляются термины Impersonalien, Subjektlose Sätze. Как в западной, так и в русской лингвистике иногда смешивают понятие «безличные глаголы» и «безличные предложения», несмотря на то, что безличные глаголы — явление морфологическое, а безличные предложения — явление синтаксическое.

Бехагель, предостерегая от этого смешения, писал:

«Разница между личными и безличными глаголами покоится на их разнообразных отношениях к безличным конструк-

циям. Личные глаголы — такие глаголы, которые могут встречаться как в личных, так и безличных конструкциях. Если личные глаголы в безличных конструкциях употребляются, то они могут быть обозначены как случайные безличные конструкции. Безличные же глаголы — такие, которые чаще или почти исключительно только употребляются в безличных конструкциях» [1].

Материал со всей очевидностью показывает, что многие глаголы, вещественное значение которых позволяет им быть личными глаголами, в синтаксическом употреблении становятся безличными. Разные семантико-синтаксические функции ставят слово в разные ряды бессубъектности. И те глаголы, которые все время употребляются в безличных конструкциях, теряют значение лица и становятся безличными. Эти безличные глаголы и стали одним из главных компонентов, из которых строятся безличные предложения.

В русском языке структура безличных глаголов очень различна. Все безличные глаголы делятся на многие группы.

А. А. Шахматов сначала нашел 3 группы, но потом на полях своей работы сделал пометку: «наверное, гораздо больше». И действительно, их гораздо больше.

В. В. Виноградов находит 8 групп безличных глаголов по значению. Но и в этой, самой широкой классификации русских безличных глаголов не дана исчерпывающая их характеристика. Автор делит безличные глаголы таким образом: 1) глаголы бытия, существования, состояния; 2) глаголы, обозначающие явления природы; 3) глаголы, означающие стихийные явления; 4) глаголы, связанные с представлением о судьбе, о роке; 5) глаголы, означающие внутренние физические ощущения; 6) глаголы, означающие ощущения от внешних явлений; 7) глаголы, означающие психические переживания; 8) глаголы, означающие присущую кому-нибудь предрасположенность к действию [2].

Эта классификация представляет типы безличных глаголов по значению, но В. В. Виноградов не указывает, какие из них лексикализуются. В одном плане даны и абсолютно безличные глаголы и те, которые только синтаксически употребляются безлично, например: *Нам везет*. При такой классификации нельзя выявить разницу между глаголами в предложениях *Лес шумит* и *В голове шумит:* одно ли это слово, только лишь употребляемое то лично, то безлично, как считал Пешковский, или это омонимы, т. е. разные слова.

А. А. Потебня и его ученик А. В. Попов полагали, что

[1] O. Behaghel. Deutsche Syntax, Bd. II, Heidelberg, 1923—1932, S. 122.

[2] См. В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 466—467.

это разные слова, так как если сказать *Лес шумит,* то это значит: *Лес производит шум;* а если сказать *В голове шумит,* то это значит *Шум происходит сам собой.* Такая аргументация явно неубедительна. Лексически это одно и то же слово, но разные семантико-синтаксические функции ставят его в разные ряды по отношению к субъекту-лицу. Значит, в таком глаголе бессубъектность, или безличность[1], не заключается в самом глаголе, а создается синтаксически.

В русском языке безличные предложения многообразны по значению и по форме.

Выделяются следующие основные типы безличных предложений по значению: 1) предложения, выражающие интеллектуальное восприятие действительности, и 2) предложения, выражающие волю и эмоцию человека. В безличных предложениях первого типа выражается состояние природы и среды, физическое состояние живого мира и психическое состояние человека, а в предложениях второго типа выражается воля человека, его стремления, эмоции разного характера.

Все эти предложения, различные по содержанию, различны и по форме. Одни из них имеют сказуемое глагольного образования, другие именного. Следовательно, грамматически безличные предложения по своему морфологическому составу разбиваются на 2 группы:

I. Безличные предложения с глагольным сказуемым.

II. Безличные предложения с именным сказуемым и именным сказуемым в сопровождении инфинитива.

В первую группу мы относим:

1. Безличные предложения, сказуемое которых выражено невозвратным глаголом в форме 3-го лица настоящего, прошедшего и будущего времени: *светает, тошнило, заметет, дует.*

2. Безличные предложения со сказуемым, выраженным возвратным глаголом: *смеркается, нездоровится, хочется, не спится.*

3. Безличные предложения утвердительного и отрицательного характера, сказуемое которых выражено глаголами бытия, существования в сочетании с родительным падежом: *не хватает силы, хватает денег, нет воды, не было времени, не будет войны.*

4. Безличные предложения, сказуемое которых выражено формой инфинитива, в котором выявляются различные модальные значения: *не видать бы тебе злого горюшка, не догнать тебе бешеной тройки, не сметь ходить.*

---

[1] См. об этом у Miklosich'a в его «Subjektlose Sätze» и совершенно отрицательно отношение к этой мысли у Соболевского в его рецензии на эту книгу Миклошича.

5. Безличные предложения, сказуемое которых выражено краткой формой страдательных причастий: *сказано — сделано, куплено.*

В разряд именных безличных предложений относятся следующие типы:

1. Безличные предложения, сказуемое которых выражено безлично-предикативными словами на *-о* без инфинитива и с примыкающим инфинитивом.

2. Безличные предложения, сказуемое которых выражено безлично-предикативными словами с формами существительного без инфинитива и с примыкающим инфинитивом: *грех обижать, стыд молчать.*

Уже простое перечисление типов безличных предложений показывает, что предложений с глагольным сказуемым несравненно больше. К этому следует добавить, что предложения, образованные со сказуемым из тех или иных форм глагола, очень разнообразны по своему значению.

ГЛАВА V

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО СКАЗУЕМЫМ ИЗ БЕЗЛИЧНЫХ ГЛАГОЛОВ 3-го ЛИЦА НЕВОЗВРАТНОЙ ФОРМЫ

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО СКАЗУЕМЫМ, ВЫРАЖЕННЫМ СОБСТВЕННО-БЕЗЛИЧНЫМ ГЛАГОЛОМ

В современном русском языке нет простой полярности личных и безличных предложений. Между этими двумя грамматическими типами предложений находятся промежуточные типы, образующиеся в силу различных причин. Вновь возникающие безличные предложения еще более обогащают сложный и богатый рисунок конструкций русского синтаксиса, давая неисчислимые возможности выражения тонких оттенков значений.

Разряд предложений, образованных со сказуемым из безличных глаголов, по своему значению распадается на три группы:

1) безличные предложения, выражающие физические явления природы, связанные с разными моментами дня, а также атмосферно-метеорологические явления;

2) безличные предложения, выражающие психофизическое состояние живых существ;

3) безличные предложения, выражающие модально-волевые значения (долженствование).

Безличные предложения, выражающие физические и атмосферно-метеорологические явления

Эта группа предложений немногочисленна в русском языке. Такое явление, видимо, можно объяснить тем, что в русском языке нет дробного, лексического обозначения отдельных

моментов времени дня; ср. *светает, вечереет, меркнет* и др. Соответствующая группа глаголов вообще непродуктивна в русском языке.

В эту группу можно включить только глаголы: *светает,* с различными формами вида и времени: *светает, светало, будет светать, станет светать, начнет светать; рассветает, рассветало, рассвело, рассветет; брезжит, забрезжит, забрезжило*[1], *начинает, начинало брезжить;* вечереет, *вечерело, завечереет; прояснило; вызвездило.*

Меркнет, смеркает в безличном значении почти неупотребительны. Эти глаголы употребляются в личных конструкциях, например: «Звезды *меркнут* и гаснут» (Никитин); «День *меркнет,* приходит ночная пора» (А. Н. Толстой).

В областных диалектах безличные глаголы этого разряда представлены гораздо богаче, например: *ободняет, ободняло* (Тверская и Псковская обл.); *обутриет, обутренеет* (Тверская, Псковская, Онежская обл.); *свенет, рассвенет* (Тверская и Псковская обл.) и др.

В русском литературном языке XIX—XX вв. предложения, образованные из глаголов указанного типа, немногочисленны, но довольно употребительны, например: «И рассветает уж давно» (Баратынский); «Ах, в самом деле рассвело» (Грибоедов); «В самом деле, уж рассвело» (Пушкин); «На дворе еще чуть брезжило» (Тургенев); «Чуть брезжилось, когда нас разбудили» (Аксаков); «Чуть забрезжило на востоке, я поднялся» (Златовартский); «На небе чуть брезжило» (Чехов). *Вечереет* употребляется и при подлежащем предметного значения: «Но день багряный вечереет» (Пушкин). Безлично: «Уже вечерело» (Фадеев); «На дворе вечерело» (Лесков); «Уже сильно завечерело» (Горький); «Вечерело» (Горький); «Вечереет. В окно смотрит голубая весна» (Пришвин); «Милый брат, завечерело, чуть слышны колокола» (Блок).

В художественной литературе иногда встречаются те же глаголы в личном употреблении[2], например: *Светает день;* «Брезжит в поле огонек» (Жуковский); «И звездочки в дали небесной брезжут» (Жуковский); «Темно: луна зашла в туманы, чуть брезжит звезд неверный свет» (Пушкин).

В языке художественной литературы, особенно в языке

[1] Интересно отметить, что в более старых словарях — в «Словаре Академии Российской» 1806 г. и в «Словаре русского языка Академии наук» 1847 г. дана только возвратная форма *брезжится,* в то время как в академическом словаре под ред. Грота и в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова отмечены обе формы — *брезжит* и *брезжится;* также обе формы отмечены и в академическом «Словаре современного русского литературного языка», 1948 г.

[2] В. Маяковский, допускавший большую свободу употребления грамматических форм, писал: «Вдруг я во всю светаю мочь...».

действующих лиц, употребляются и некоторые диалектные безличные глаголы этого типа, например: «А дай срок, *ободняет*» (Л. Н. Толстой); «С ночевкой ежели, то проваливай, пока не *затемнело*» (Ряховский); «Уж достаточно *ободняло*» (Достоевский); «Еще не *ободняло*, как мы уже были на ногах» (Даль); «Летом *ободняет* рано» (Даль).

В эту же группу можно включить немногочисленные безличные глаголы, в которых говорится об атмосферно-метеорологических явлениях, например: *дождит, дождило, задождит, задождило; снежит, снежило; крапает, накрапывает, накрапывало; парит, парило; моросит, моросило, заморосит, заморосило; вызвездело* и *вызвездило; вьюжит, вьюжило.*

Материалы великорусского областного словаря значительно пополняют количество этих глаголов, например: *замолаживает* — «переменяется погода» (Владимирская, Тверская обл.); *замурганило* (Сибирь); *мельтесит* (Сибирь); *распогодилось* (Тверь); *заненастилось* (Тверь); *буранит* (Оренбургская обл.); *бухмарится* (Костромская обл.).

Как правило, указанные глаголы употребляются безлично, и лишь иногда они встречаются с предметным субъектом, например: «Нам камень лил воды потоки, *дождили* манной небеса» (Хомяков); «Обходили луга и поля с хоругвями; *дождили* попы с кропилами» («Максим Бродячая Русь»). В безличном же значении эти глаголы встречаются чаще, например: «Здесь он отряхнулся, присел к столу и добавил весело: ну и *дождило*» (А. Толстой); «*Снежит* нежно, *снежит* дружно, ветерком хрусталит лед» (Игорь Северянин); «После вчерашнего дождя сильно *парило*» (Ряховский); «То *дождит*, то *снежит*» («Толковый словарь» под ред. Ушакова); «После дождя *вызвездило*» (Акад. Словарь совр. русск. лит. языка, 1948 г.) [1]; «Буран угомонился. *Просветлело.* Лишь слегка *вьюжило*» (Костылев).

Безличные предложения, выражающие психофизическое состояние живых существ

К этой группе безличных предложений относятся такие, в которых безличные глаголы выражают состояния или ощущения, возникающие в результате действия какой-то неизвестной причины, например: «*Тошнит*,— сказал и *стошнило* меня» (Салтыков-Щедрин). Часто многие из них употребляются только с 3-м лицом.

---

[1] В личной форме с предметным подлежащим: «Небо уже *вызвездило*» (Б. Полевой).

В эту группу входят такие глаголы: *болит, болело* и производные с приставками: *заболит, заболело, отболело, переболело; заживает, зажило, заживало; дерет, драло; саднит, саднило, засаднило, засаднит; зудит, зудело, зазудит, зазудело; свербит, свербило; знобит, знобило, зазнобит, зазнобило; накипит, накипело, закипит, закипело; пучит, пучило, вспучило, вспучит; сводит, сводило, сведет; спирает, сперло, расперло, распирает; мозжит, мозжило, замозжило; мерзит; тошнит, подташнивает, затошнит, стошнило; подпирает, подперло, подопрет.*

В словаре под ред. Ушакова указаны ко многим из этих глаголов 1-е и 2-е лицо. Однако в живом литературном языке нам таких форм не встретилось. Иногда эти глаголы употребляются с предметным субъектом, например: «Говори смело, отчего спина *засвербела*»; «Рука руку чешет», обе *свербят*» (Даль); «Ох, мой бог, *болит* мой бок девятый год, не знаю которое место» (он же); «Чужая шкура не *болит*» (он же); «Потерпи, родная, старики твердят, милого побои недолго *болят*» (Некрасов).

В литературном языке глаголы подобного типа употребляются по большей части безлично. Например: «Вещуньина с похвал вскружилась голова. От радости в зобу дыханье *сперло*» (Крылов); «Как молотком стучит в ушах упрек, и все *тошнит*, и голова кружится» (Пушкин); «У него *отлегло* от сердца» (Гончаров); «*Накипело* у ней на сердце... Ах, *накипело*» (Салтыков-Щедрин); «Он как-то вдруг съежился, как будто *знобить* его *начало*» (Салтыков-Щедрин); «В горле *саднит*» (Слепцов); «Ты, Никита, не вереди, где *наболело*» (Л. Н. Толстой); «Меня опять *зазнобило*» (Мстиславский).

При этих глаголах часто указывается место действия, что способствует переходу глагола в безличный, например: *ухо болит — в ухе болит, голова зудит — в голове зудит.* Только глагол *тошнит*[1] не употребляется с указанием места действия, а требует винительного падежа: *тошнит меня, тебя* и т. д.

Все глаголы этой группы выражают процессы организма, его физическое состояние, не зависящее от воли живого существа.

Безличные предложения, выражающие модальное значение долженствования

Особой по значению группой безличных предложений является группа, выражающая модальное значение долженство-

[1] Нам встретился один пример, в котором глагол *тошнит* употреблен в личном значении: «Белопольский наконец поднялся, но упал на руки и *стошнил*» (А. Н. Толстой).

вания. Эта группа очень бедна лексически. Некоторые из безличных слов с этим значением устарели, например: *надлежит, подобает* и др. Чаще всего эти безличные глаголы употребляются в сочетании с инфинитивами: *надлежит сказать, следует сказать* и др. Вообще эти глаголы — книжного образования и бытуют только в книжной речи.

В эту группу можно отнести глаголы: *надлежит, надлежало; следует, следовало; стоит, стоило; подобает, подобало* (устарелое); *достоит* (устарелое).

Такие глаголы, как *достоит, подобает,* явно архаические, употребляются только в целях стилизации.

В современном русском языке для выражения долженствования чаще употребляется глагол *следует, следовало,* который, видимо, распространился из канцелярского языка (так же как и *надлежит*).

В значении долженствования этот глагол стал применяться довольно поздно. Ни в «Материалах для словаря...» Срезневского, ни в «Словаре Акад. Российской» (1-е изд.), ни в ранних грамматиках и в литературных текстах нам этот глагол не встретился. Но в «Словаре» 1847 г., составленном Вторым отделением имп. Акад. наук (2-м изд. вышел в 1867 г.), уже указано безличное употребление в том же значении, в каком этот глагол употребляется в современном русском языке.

Особенно же употребителен глагол *следует* в сложных предложениях типа *отсюда следует, что...* О. В. Потокова в своей статье «Наблюдения над языком научной прозы» [1] тоже указывает на частое употребление глагола *следует.*

В научной прозе безличные предложения с глаголом *следует* для выражения долженствования — очень частый оборот.

«Разве не говорили славянофилы: «*следует...* доказывать, что корень всякого добра — жизнь по старинке» (Добролюбов, «Луч света в темном царстве»).

«Прежде чем браться за всякое сравнение и делать разные выводы, *следует* познакомиться ближе с самим языком, схватить пониманием его собственный дух — смысл, разум» (Н. П. Некрасов, «О значении форм русского глагола», стр. 13).

В художественной литературе этот глагол в безличном употреблении встречается очень часто. Например: «Он почему-то чувствовал, что говорит не так, как бы *следовало*» (Л. Н. Толстой); «Хоть тебе и трудно будет, а постарайся, братец, вести себя, как *следует* порядочному лакею»

---

[1] См. «Наукови записки», Науков. и дослідч. катедра мовознавства, № 2, Харьків, 1929, стр. 91.

(А. Н. Островский); «Все предшественники секли как попало и часто даже не тех, кого *следовало*» (Салтыков-Щедрин).

Очень употребителен этот оборот и в разговорном языке, например: *расспроси его как следует; отдохнул в санатории как следует.* Глагол *следует* употребляется в современном русском языке и в другом значении[1] — при каких-либо денежных расчетах, например: *Вам следует (заплатить) сто рублей; Вам следует (получить) сто рублей.*

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО СКАЗУЕМЫМ, ВЫРАЖЕННЫМ ЛИЧНЫМ ГЛАГОЛОМ В БЕЗЛИЧНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ

Наряду с указанными выше собственно-безличными глаголами, которые не могут иметь форм 1-го и 2-го лица, в тех же разрядах безличных предложений очень часто встречаются и личные глаголы в безличном употреблении. Например: *Ветер воет в трубе* — предложение личное, подлежащное; *В трубе воет* — предложение стало безличным, хотя лексическое значение глагола осталось тем же. Таких личных глаголов, которые могут быть употреблены лично и безлично, в языке гораздо больше, чем глаголов собственно-безличных.

К переходу в безличные глаголы способны следующие семантические группы глаголов:

1. Глаголы, выражающие смену дня и ночи, как смену времени: *темнеет, светлеет, белеет* и др., и глаголы, выражающие атмосферно-метеорологические явления: *свежеет, морозит, теплеет* и др.

2. Глаголы, обозначающие проявления природно-физических или физико-технических сил: *несет, метет, горит, стучит, тлеет* и др.

3. Глаголы, выражающие проявления действия мифической, непознанной силы, т. е. являющиеся пережитками мировоззрений, которые сохранились в языке как выражение веры в рок, судьбу и в их действия, например: *водит, носит, везет* и др.

4. Глаголы, выражающие действие внутренней силы в организме человека, например: *колет, разносит* и др.

5. Глаголы, выражающие действия неназванной силы, действующей посредством объекта-орудия: *лодку унесло ветром.*

Причины и степень устранения значения лица в этих глаголах различны. Эти глаголы образуют многочисленные кон-

---

[1] См. «Толковый словарь» под ред. Д. Н. Ушакова.

струкции и втягивают в свой круг новые личные глаголы, которые начинают употребляться в безличном значении. Ср.: *С в е ж е е т ветерок, сменила зной прохлада* и *На улице п о с в е ж е л о.* Безличность этих глаголов, как морфологический признак, еще не закрепилась. Их безличность обусловлена семантико-синтаксическими факторами.

Безличные предложения, выражающие понятия о времени и метеорологическо-атмосферных явлениях

Личные глаголы, при помощи которых образуются безличные предложения, выражающие понятие о течении времени, о моментах дня и года, очень немногочисленны. В безличном употреблении встречаются следующие глаголы: *белеет, белело, забелеет, забелело, побелеет; светлеет, светлело, посветлело; темнеет, темнело, потемнеет, потемнело, стемнеет, стемнело; сереет, серело, посереет, посерело.*

Если не считать видовых вариаций, то эти глаголы не обогащаются новыми образованиями подобных значений. Например: «А на дворе давно уже *побелело*» (Грибоедов); «На утро, чем свет, только что *белеть начало,* погнал я свою кобылку на станцию» (Успенский); «Уж совсем *стемнело* и начало холодеть» (Тургенев); «Над равниной *побелело,* сонноокая прошла» (Блок); «День в палате начинается рано, когда еще только мутно *серело* от первых лучей рассвета» (Андреев); «*Темнеет* в комнате, мать спрашивает: «Няня, лампу заправила? Пора зажигать» (Пришвин); «*Стемнело.* Болтая с моим ямщиком, я ехал все тем же высоким холмом» (Некрасов).

Многие из указанных глаголов совсем еще недавно не могли употребляться в безличном значении; так, например, глагол *крапает* в «Толковом словаре» под ред. Ушакова отмечен как употребляющийся безлично, в то время как в «Словаре» 1846 г., «Словаре» Даля, «Словаре Акад. Российской» пометы «безличный» нет, и к нему указаны формы 1-го и 2-го лица. Таким образом, многие глаголы становятся безличными в силу их синтаксического употребления. Возникает иногда безличность и в том случае, когда подлежащее и сказуемое одного корня. Чтобы избежать тавтологии, одно слово опускается, и из предложения *Гром гремит* получается или номинативное *Гром,* или безличное *Гремит,* в котором нет нужды называть *гром,* так как название его ясно из основы глагола.

Гораздо богаче представлена в языке группа безличных предложений, выражающих метеорологическо-атмосферные

явления и имеющих в своем составе личный глагол в безличном употреблении, например: *гремит, загремит, прогремит, гремело, прогремело, загремело, прогремливает, погромыхивало; греет, согреет, отогреееет, обогреет, грело, пригрело, обогрело, обогревает, пригревает, пригревало, разогревает, разогреет; дует, обдует, продует, дуло, обдуло, продуло, сдуло, продувает; жжет, сожжет, сожгло, выжгло, нажгло; жарит, жарило; индевеет, заиндевело, заиндевеет; несет, несло, занесло, снесло, унесло, носит; морозит, заморозит, морозило, заморозило; метет, мело, заметет, замело, смело, перемело; прояснит, прояснило; светлеет, светлело, просветлеет; свежеет, свежело, посвежеет, посвежело; сыреет, отсырело; сквозит, просквозило; темнеет, темнело, потемнеет; сверкает, сверкало, засверкало; тает, таяло, растает; теплеет, теплело, потеплеет; стынет, застынет, застывает; холодеет, холодает, похолодает, захолодало* и др.

Материалы литературного языка показывают, что эти глаголы образуют многочисленные конструкции и втягивают новые личные глаголы, которые начинают употребляться в безличном значении. Впрочем, многие из этих глаголов одновременно могут сочетаться с предметным субъектом. Например, безлично: «Чуть освещение переменится, становится снова видно, и видно очень ясно и далеко, потом опять *затуманит*» (Лесков).

Но: «Что *затуманилась,* зоренька ясная, на поле пала росой?» (народная песня); «В один миг две крошечные слезки *затуманили* крошечные глазки» (Салтыков-Щедрин).

Однако и безличное употребление таких глаголов становится очень распространенным, например: «Все дороги *занесло*» (Пушкин); «Ночью несколько *стихло,* мы отдохнули от качки и спали хорошо» (Гончаров); «Но после полудня тучи стали разбираться по краям, солнце выплыло на чистое небо и только на одном краю *погромыхивало*» (Писемский); «По всему полю *курило,* и не видно было той черты, где земля сходится с небом» (Л. Н. Толстой); «На улице же ветер был заметнее: с крыши соседнего сарая *мело* снег и на углу у бани *крутило*» (он же); «Сугробы *намело* выше окон» (он же); «Оно тепло-то тепло, да *метет*» (он же); «Не успел отзвонить третий звон, как небо *заволокло* сплошь» (Салтыков-Щедрин); «Куда нам торопиться-то, над нами не *каплет*» (А. Н. Островский); «Ну, все небо *заложило*» (он же); «Я и думать забыл про холодную ночь, до костей и до сердца *прогрело*» (Фет); «Ты пришла, и светло, зимний снег *разнесло,* и весна загудела в лесу» (Блок); «*Таяло,* снег уже перемешался с грязью» (Чехов); «Было чуть-чуть морозно, *холодило* щеки» (А. Н. Толстой); «В полднях *пригревало*» (Пришвин); «На

ковер *нанесло* снег, он становился тяжелым» (Горький); «Страсть как *гремит*,— повторяет мальчик, почесывая руку.— А отчего это *гремит*, Терентий?» (Чехов); «Дождь пошел, *капало* с крыши» (Горький); «Снег падал реже, чуть *посветлело*» (Леонов); «Это верно, что по утрам *подмораживает* крепко» (Фурманов).

В народном поэтическом языке встречается довольно часто тавтология, подлежащее и сказуемое одной основы употребляются как средство изобразительности, например: «Не *гром гремит*, не *стук стучит*, говорит тут Илюшка своему батюшке» (Киреевск., I, 75); «Это, брате, *стук стучит*, и *гром гремит* в Камене-граде Москве» («Задонщина»); «А не туця да не *туця туцится*, да не теменье да не *теменье темнится*» (Киреевск., II, 2); «Что не *бель* во полях *забелелася*, что не *синь* во синях *засинелася*» (Киреевск., II).

В настоящее время безличные предложения рассматриваемого типа воспринимаются или как реликтовые явления, или как складывающиеся по имеющимся моделям, т. е. по аналогии.

В некоторых безличных глаголах субъект действия как бы включен в основу глагола: *морозит — мороз, гремит — гром, светит — свет* и т. д.

В предложениях той же семантической группы субъект опускается и в том случае, если он ясен из обстановки, из ситуации, например: *Л ь е т как из ведра* (про дождь).

Безличные предложения со сказуемым из безличных глаголов переходных и непереходных имеют различное распространение второстепенными членами: у одних нет ни дополнения, ни обстоятельственных слов, например:

«Оттепель. Поле чернеет.
Кровля на церкви обмокла,
Так вот и *веет*, и *веет*,
Пахнет весною сквозь стекла».

(Мей).

Но безличное сказуемое может иметь дополнение:

«И вот я чую надо мною
Не наяву, и не во сне,
Как бы *повеяло весною*,
Как бы *запело о весне*».

(Тютчев).

При безличном сказуемом может быть употреблено обстоятельственное слово: *в поле уже тает; на дворе посветлело.*

Безличные предложения, выражающие состояния и процессы в природе и в окружающей среде как проявления стихийной силы

Очень богата группа глаголов личных, но способных образовывать безличные конструкции, в которых выражаются состояния или процессы окружающей природы и среды или проявления какой-то стихийной силы, не названной и часто неизвестной.

Безличность и в этих глаголах еще не закрепилась вполне как морфологическая черта, но она активно распространяется в современном языке, охватывая все больший круг глаголов близких семантических сфер.

Поэтому трудно дать исчерпывающий список глаголов этого типа: *бьет, било, убило, сбило, отбило; барабанит, забарабанило, отбарабанит, пробарабанило; воняет, воняло, завоняло; воет, выло, завыло; дергает, задергает, дергало, дернуло, передернуло; душит, душило, задушило; дерет, драло, задрало, задирает; давит, давило, задавило; дрогнет, дрогнуло; кружит, кружило, закружило; коробит, коробило; ломает, ломало, сломало, подломало; мотает, мотало, замотало; несло, понесет, понесло, занесло; звенит, звенело, зазвенело, отзвенело; затянет, затянуло; зальет, залило; метет, мело, замело, заметет; рвет, рвало, порвет, вырвет, сорвет; пахнет, пахло, запахло, пахнёт, пахнуло; свистит, свистело, засвистит, засвистело; треплет, трепало, затреплет, затрепало; шумит, шумело, отшумело, зашумело; швыряет, швыряло, швырнет, швырнуло; ухает, ухнуло, ухнет; шелестит, шелестело, зашелестит* и др.

Различия в смысловых оттенках и в способе проявления состояния или действия какой-то неназванной стихийной силы зависят от переходности и непереходности глагола. В современном русском языке эти и подобные им глаголы очень употребительны.

Например: «Старик, провожая Василия Андреевича, вынес фонарь в сени и хотел посветить ему, но фонарь тотчас же *задуло*» (Л. Н. Толстой); «Как бы не ровен час, чего не *спалило*» (Чехов); «Вдруг в сенях тяжко *зашумело*» (Горький); «Баржу *раздавило*» (он же); «Фому *толкнуло* в грудь и *отбросило* назад» (он же); «Запри лавку. Осторожней, Максимыч, может, еще *взорвет*...» (он же); «Хорошо, что Аксинья ушла, а то *ушибло* бы ее» (он же); «Внизу в сенях так *трещало*, точно чьи-то железные зубы грызли дерево» (он же); «Похоронно *пело* в трубе» (он же); «Как-то о великом посте заиграл ветер, и вдруг по всему дому *запело, загудело*, страшно все обомлели, что за наваждение» (он же); «За окном *рычало, топало*, царапало стену» (он же); «К луговому

берегу *прибило* его лодку с проломленным дном и разбитым бортом» (он же); «Нос досчаника сильно *толкнуло* о льдину, по борту злобно *шаркнуло*» (он же); «На крышу сильно *плеснуло,* я понял, что это взорвалась бочка керосина...» (он же); «Снова вбежав в сарай, я нашел его полным густейшего дыма, в дыму *гудело, трещало...*» (он же); «Што везешь, товарищ?— А вот солдатика *поранило*» (Фурманов); «Чапаеву *пробило* руку» (он же); «Лукаша *подкинуло,* как пружиной» (А. Н. Толстой); «Вдруг *ширкнуло* невысоко — раз, два,— шесть раз, и глухо впереди громыхнули шесть взрывов» (он же); «Все громче и громче *загрохотало, заухало, заревело* по всей реке...» (он же); «За рекой *бухало, ахало, стукало*» (он же); «Странно *треснуло* над головой» (он же); «Телегу, где лежал Бессонов, *дернуло, повалило,* и Алексей Алексеевич покатился под шоссе, в канаву...» (он же); «Иван Ильич не замечал, что его, как щепку, *затягивает* на самое дно водоворота...» (он же); «Проскакали вниз пулеметные двуколки, мимо моста,— в реку. Поплыли, закрутились. Одну *перевернуло, понесло* вместе с конями и людьми» (он же); «С поля, где опять разгорался бой, *гнало пыль* и пороховую вонь» (он же); «За воротник *текло,* по спинам гуляла дрожь...» (Шолохов); «На второй день рождества *взломало* лед» (он же); «Ловца вдруг *сорвало* и *потащило...*» (Черненко); «До рассвета еще далеко, но если погода не переменится, нас *потреплет*» (А. Н. Толстой); «Всю дорогу старенький хлипкий самолет *болтало...*» (А. Калинин).

Анализируя примеры, мы наблюдаем, что многие глаголы среднего залога со значением непереходности выражают действие какой-то неведомой силы, которая производит действия безотносительно к объекту. Такие глаголы выступают как бессубъектные и безобъектные, например: *Под ногами ловца дрогнуло, ухнуло.* Но безличными могут быть и такие предложения, где безличный глагол управляет объектом, например: «И посмотрели, так узнали, что *половину* их добра *несет*» (Крылов); «Ждал горы золота, но *корабли разбило*» (он же); «Ему *оторвало руку* и *ногу*» (Гоголь); «*Табак* с огнем *сорвало* и *унесло* туда же, куда и солому» (Л. Н. Толстой).

Подобными конструкциями очень богат язык устно-былинного, народного творчества. Например: «Как *бросило богатого* о сыру землю, не узнал богатый ни дому, ни детей» (Бессонов, «Калики перехожие»); «На море *кораблики поносило.* Ко Риму ко граду *примывало*» (там же). В загадках безличные предложения построены с нарочитой целью без субъекта: «Не *пышет,* не *дышит,* в сухом дереве *лежит*» (Загадки, собранные Садовниковым, СПб., 1876); «Весной *веселит,* летом

холодит, осенью *питает,* зимой *согревает*» (М. Рыбникова, «Загадки»); «Надуну — ободом *сведет,* сомну — змеей *упадет*» (там же).

Во всех этих предложениях безличность ощущается довольно ярко. Так, восклицанием *Стучит!* стараются выразить самый стук, самое явление стука, а причину оставить невысказанной, придав ей тем самым характер таинственности [1]. Этот тип безличных предложений по своей семантике резко отличается от безличных предложений типа *Светает:* там деятель не отграничен от действия, здесь же деятель только не известен, не определен.

Например, в народных песнях и сказаниях действие неизвестной силы выражается такими безличными глагольными конструкциями: «Муравy-траву всю *размуравило,* желтый песок весь *поразнесло,* а пенье-колодье *разворочало,* а железны решетки *разодвинуло...*» (Песни русского народа, записанные Истоминым, 1894). Ср. также в лирической поэзии: «*Прозвенело* в померкшем лугу, *прокатилось* над рощей густой, *засветилось* на том берегу...» (Фет); «Ни сон, ни явь. Вдали, вдали *звенело, гасло, уходило* и *отделялось* от земли... И *умерло*» (Блок).

То же самое находим в художественной прозе, например: «И представьте вы себе... только что задул свечу, *завозилось* у меня под кроватью, думаю: «Крыса, нет, не крыса, скребет, возится, чешется». Наконец ушами *захлопало*» (Тургенев); «По небу вдалеке тяжело и неслышно *прокатило* и *стихло*» (Лесков); «Носились связи разноцветных шаров,— там *пищало,* там *визжало,* там *скрипело,* громыхали медные оркестры» (В. А. Амфитеатров); «*Хрустело* и *затихало,* как будто ползком пробирался человек» (А. Н. Толстой); «Сзади из окопов *толкнуло* раз, другой и *загремело* дробно» (Ю. Крымов).

Лицо в предложениях этого типа как бы устранено в известных идеологических или художественно-изобразительных целях. Но бывает безличность иного рода: лицо — субъект — отсутствует, так как о нем говорится в предыдущем предложении, например: «На средине реки течение особенно сильно. Вот-вот лодку *отнесет* в сторону» (Аф. Савчик, «На страже»). Иногда разгадка безличности раскрывается в последующей речи, например: «По селам и хуторам *заскрипело, залязгало,*—это напильниками отпиливали обрезы» (А. Н. Толстой).

---

[1] См. рассуждения А. М. Пешковского (Русский синтаксис в научном освещении, изд. 6, стр. 321).

Безличные предложения, выражающие действия мифической, нереальной силы

Есть в русском языке очень небольшая группа безличных глаголов, выражающая действие какой-то мифической силы, связанной с устаревшим понятием рока, судьбы.

В эту же группу предложений включены и такие конструкции, которые выражают непредвиденную случайность или какое-то явление, как будто не обусловленное причиной и в силу этого необъяснимое и таинственное. Глаголы, выступающие сказуемыми в таких предложениях, буквально единичны, а самые предложения в современном языке малоупотребительны, непродуктивны. Они — пережиток прошлого.

К числу этих глаголов относятся: *водит, носит, манит, везет, приспичит, придет, находит, найдет* — с производными от них, например: *завело, занесло, принесло, заманило (заманит), приспичило, сдернуло* и т. д., также: *накатило (накатывает), клюет (клевало), прет, угораздило, надоело, тянет (тянуло)* и др.

Некоторые из этих глаголов исчезают из русского языка, что обусловлено изменившимся мировоззрением людей, а некоторые сохраняются как пережитки в речи.

Сюда же примыкают предложения грамматически личные, но логически безличные, например: «Прожив покойно до 62 лет, *нелегкое надоумило* ее собраться замуж» (Радищев). Отсюда затем возникло предложение безличное: *Надоумило меня сходить к нему.*

Видимо, такая же «нелегкая сила» мыслилась и при *водит, носит, везет* и др., например: «Ведь я тогда деньги-то пропил, ведь это все от скуки. *Накатило, накатило* на меня» (Л. Н. Толстой).

Эта группа отличается от предыдущей тем, что там действовала просто неизвестная сила, а здесь — мифическая, непознаваемая, таинственная. Например: «Бывает, моего счастливее *везет*» (Грибоедов); «Ну, идемте играть. Дуняша, в преферанс хотите? (Дуня:) Очень. Мне в карты — *везет*» (Горький).

У Некрасова и Мамина-Сибиряка эта неизвестная сила названа счастьем: «Но счастье скоротечное изменчиво и зло. Друзья мои сердечные, не вечно мне *везло*» (Некрасов); «Мещанину Иванову положительно *везло* какое-то слепое *счастье*» (Мамин-Сибиряк).

Другие примеры: «Кого это там еще *носит* в эту пору?» (Слепцов); «Кого *занесло* в такую даль?» (Черноков); «Накануне отправки на фронт игра затянулась особенно долго. Взводному сильно *везло*» (Ю. Крымов); «Сеть была сильно

забита воблою... Эко *привалило* тебя... Куда столько наперло!» (Черненко); «Он открыл глаза и сказал: «*Угодило* же меня сюда!» (Емельянов); «Кого там *принесло*?» (А. Калинин); «Тебя откуда *вывернуло*?» (Ряховский).

В областных говорах с таким значением употребляются и другие глаголы, например: «Больно, матка, тебя скоро *привалило*»; «Эх, тебя *окурило!*» (Материалы для изуч. великор. говоров, вып. VIII. Костром. уезда, Семенов. вол., дер. Борок); «Ему *блазнит*» (Арханг. губ.); «*Матусит* ему» (Рязанск., Тамбов.) [1]; «Кому *паит*, тому и бык доит» (Даль); «Не *помстило* ли тебе?» (Моск. губ.); «Мне *маньтит*» (Вологод.) [2].

В. И. Борковский, исследуя новгородские грамоты XIII—XIV вв., находит очень много безличных конструкций с глаголами *пошло* в значении «установлено», «ведется так исстари». В современном русском языке этот глагол употребляется и в другом значении (с приставкой *вы-*), в значении «удалось», «получилось», например: «А ведь *вышло*, что я был прав...» (Лермонтов); «Не запирайте, говорит, хуже будет. Вот так *вышло*» (А. Н. Островский); «*Выходило* так, что они сбились влево» (Л. Н. Толстой).

Употребляется в просторечьи *идет, сойдет* в значении «пройдет безнаказанно», например: «Бывает хуже — с рук *сойдет*»; «Русскому бы так не *сошло* с рук» (Гончаров).

Безличные предложения, выражающие физическое состояние живых существ

Более продуктивной группой безличных предложений являются предложения, которые выражают действие внутренней импульсивной силы в организме человека или другого какого-нибудь живого существа. Но сила эта не названа, хотя она действует и причиняет те или иные физические ощущения. Продуктивность таких предложений связана с тем, что многие глаголы могут переходить из личных в безличные для выражения физического состояния. В обезличенном употреблении эти глаголы изменяют свое значение.

В них тогда мыслится проявление активной деятельности без деятеля, причем они могут быть переходными и непереходными, например: *Нестерпимо жгло в июльский полдень*, а также проявление действия неизвестной силы в организме человека, например: *Жжет во рту*. Лексически и грамматически — это одни и те же глаголы. Употребляясь то в прямом,

[1] Примеры взяты из «Опыта областного великорусского словаря», изд. Второго отд. имп. Акад. наук, СПб., 1852.

[2] Н. Макаров. Опыт русского простонародного словотолковника.

то в переносном смысле, они обозначают то процессы природы, то процессы в организме человека.

Исчерпывающий список глаголов, которые обозначают ощущения в организме живых существ, дать невозможно, так как индивидуальное применение личного глагола в значении безличного очень трудно учесть. Поэтому приводим лишь некоторое количество таких глаголов: *жжет (зажгло); вертит (вертело, завертело, завертит); дергает (дергало, задергает, передергивает, передернуло, задергало, подергивало); дерет; раздирает (пораздирало); кружит (закружит); клонит (клонило); колет (кололо, заколет, закололо); коробит (коробило, покоробит, покоробило); крючит (скрючит, скрючило); гнет (согнет, согнуло); знобит (знобило, зазнобит, зазнобило); свело (сведет); разнесет (разнесло); сверлит (сверлило, засверлит, засверлило); рвет (рвало, прорвет, прорвало); взорвет (взорвало); качает (качало, закачает, закачало); заложит (заложило, закладывает, закладывало); подмывает (подмывало); ломит (ломило, заломит, заломило); рябит (рябило, зарябит, зарябило); валит (валило, свалит, свалило); сохнет (сохло, пересохнет, пересыхает, пересохло); хватает (захватывает, захватывало, захватило); чистит (очистило); ударит (ударило)* и др.

Например: «*Дернуло* меня брякнуть,— думал он» (Гончаров); «В ушах у гостя *затрещало,* и закружилась голова» (Крылов); «В голове до сих пор *стучит*» (Гоголь); «В глазах у меня *потемнело*» (Лермонтов); «Огонь пробегал по моим жилам, в глазах *темнело*» (Л. Н. Толстой); «Внутри у него *сосет* и *дрожит*» (Салтыков-Щедрин); «У батюшки даже в глазах *зарябило*» (он же); «Даже в пот *ударило*» (Чехов); «В животе у него *перекатывало,* под сердцем *веяло* холодом» (он же); «Дай мне что-нибудь... *жжет* здесь...» (он же); «От выпитой водки в голове его *шумело*» (Горький); «У него *першило* в горле» (он же); «Что, ко сну *морит,* сестрицы?» (А. Н. Толстой); «Здесь *сосало* в животе от тошного страха...» (он же); «*Ударило* вдруг в виски, задрожала толчками кровь...» (Фурманов); «Неожиданно *заломило* в пояснице» (Черненко); «У ловца *замутило* в голове» (он же); «Чего-то живот... маленько *схватило,* и в грудях того... *щемит*...» (А. Левченко).

Не менее часты безличные конструкции из глаголов действительного залога с объектом в винительном падеже, например: «В это самое время *меня* сильно *кольнуло* в грудь пониже правого плеча» (Пушкин); «Бессонница, все поясница болит, и *ногу,* что повыше косточки, так вот и *ломит*» (Гоголь); «У Павла Васильевича даже *дух захватывало* и голова начинала кружиться при одной мысли о таком унизе-

нии» (Мамин-Сибиряк); «Ничего дороги не видать, все *глаза залепило*» (Л. Н. Толстой); «У Порфирия Владимировича так и *вертело* все *нутро*» (Салтыков-Щедрин); «С коры *его распучило*» (Некрасов); «На лице у него чуть-чуть *передернуло* один *мускул*» (Слепцов); «*Меня подмывало* пойти к Ратчам» (Тургенев); «*Его уносило* в древний мир» (он же); «Иной бы с горя исчах, а *тебя* еще *разнесло*» (он же); «*Михаила Трофимовича подало* даже назад» (Писемский); «И тут *грудь* мне *перехватило*» (он же); «*Меня взорвало*» (Тургенев); «Вдруг какая-то сила толкнула его в грудь, в бок, еще сильнее *сдавило* ему *дыхание*» (Л. Н. Толстой); «*Руки* мне *жгло* и *рвало,* словно кто-то вытаскивал кости из них» (Горький); «*Якова Тарасова повело* всего, он с презрением посмотрел в лицо юноши» (он же); «Он закашлялся и не мог остановиться; *разрывало легкие*» (А. Н. Толстой); «*Рвет меня,* сестрица, крошку съем,— все долой» (он же); «*Стиснуло горло* от омерзения и от стыда» (он же).

В современном русском языке эти типы предложений очень продуктивны и употребительны. В них процесс или действие представляется как действие, исходящее от неизвестной причины, неопределенного деятеля и непознанной силы. Безличность как грамматическая форма чаще всего выражает или результат процесса, или состояние, которые в глаголе почти всегда выражаются формой 3-го лица при необозначенном субъекте, как мы это видим из приведенных примеров.

Такие предложения, выражающие состояние, употребительны и в народном языке. «Не тронь, гляди, *оттудобеет* (оживет)» (Твер. обл.); «Маленько *отрыгнуло* (отошло, вернулось к жизни)» (там же); «А его так *калякнуло* (ушибло)» (Костром. обл.).

Нередко безличные предложения этого типа осложнены указанием причины действия. Обычно эта причина выражена родительным падежом с предлогом *от,* например: «*От радости* в зобу дыханье *сперло*» (Крылов); «Его *от голода разносит*» (бытовая речь); «*От тишины, от зноя звенело* в голове» (А. Н. Толстой); «А живот у них *от страху* так и *подводит*» (Тургенев); «*От раздражения* у Коростелева *сперло* дыханье» (Панова). Ср.: «*С глазу,* говорят, живот у нее *схватило*» (Л. Н. Толстой).

В предложениях, где безличный глагол выражает такое действие, которое произошло от неизвестной причины, и эта причина выражается родительным падежом, она может быть осознана как источник действия, как логический субъект, например: *Его от зависти коробит,* т. е. зависть коробит. Но в языке этот мыслимый источник действия и процесса не выражен формой подлежащего.

Безличные предложения, выражающие психическое состояние человека

Безличные предложения, выражающие действие неизвестной силы, нередко относятся и к психической сфере человека. Те же самые глаголы, которыми выражается физическое состояние, в переносном значении выражают состояние психики человека. Например: «Дух *захватывало* в груди» (Григорович). Здесь говорится о физическом состоянии рыбаков при холоде и сырости; иное значение у того же безличного выражения в другом констексте: «Спой нам лучше что-нибудь родное, национальное, такое, чтобы *захватывало,* знаешь, прямо за сердце, дух *захватывало*» (Аксаков).

Глаголов, способных безлично передавать психическое состояние, очень немного: *тянет, подмывает, влечет, клонит, манит, располагает* и др. Например: «За душу, за сердце, значит, *тронуло*» (Писемский); «Так за сердце и *хватает*» (А. Н. Островский); «Меня *влекло* на Волгу, к музыке трудовой жизни» (Горький); «Так и видно было рабочего, которого *тянет* в родную среду» (Фурманов).

В безличных предложениях, выражающих физическое и психическое состояние живых существ, другие конструктивные члены предложения обусловлены формой и значением глагола. Если употреблен глагол действительного залога, то обычно в таких предложениях имеется дополнение в винительном падеже, например: «В мягких муровах у нас песни, резвость всякий час, так что *голову вскружило*» (Крылов).

В тех случаях, когда в безличном предложении употреблен непереходный глагол, указывается место, где происходит процесс: *Потемнело в глазах, и в ушах зазвенело; «В ушах* у гостя *затрещало*» (Крылов).

Некоторые глаголы этого типа употребляются с примыкающим к ним инфинитивом, в котором обозначено желаемое или отвергаемое действие, например: «Его *подмывало начать* с ним разговор и непременно сказать что-нибудь едкое» (Черноков); «А теперь вот *приспичило выдавать* ее замуж, двадцатый год стукнуло ей» (Черненко); «А когда в другой раз ему *взбрело* в голову *дописать* ей свою квартиру и даже *начертить* план, она подумала...» (В. Панова); «Мне *надоело сидеть* за столом» (Ю. Крымов).

Личные глаголы могут образовывать безличные конструкции в сложных предложениях, в которых в главном говорится о действии неизвестной причины или силы, а в придаточном раскрывается эта причина и выражается описательно. Чаще всего в эту конструкцию входят глаголы, выражающие психическое состояние, например: *меня удивило..., меня поразило...,*

меня прельщало..., меня страшило..., меня коробило..., тебя пугало..., тебя смешило..., тебя подкупало..., меня радовало..., тебя веселило..., нас печалило..., его угнетало..., его сердило..., его примиряло..., их смущало..., ему льстило... и др.

Безличные предложения, выражающие действие неизвестной силы посредством какого-либо орудия

В русском языке имеется огромный пласт безличных предложений, выражающих действие также неизвестной, непознанной силы, осуществляемое посредством орудия. Эта группа предложений образуется из личных глаголов, употребляемых безлично в сочетании с творительным падежом орудия (что и является самым ярким отличительным признаком этой группы).

В безличной конструкции с творительным объекта действующее лицо устранено, но обозначено орудие, которым действует какой-то неизвестный деятель. Вместо *гром убил человека* говорят: *громом убило человека;* вместо *гроза зажгла дерево — зажгло грозою дерево.* Нередко бывает ясно из контекста, что объект собственно и был деятелем-субъектом, например: «Он видит дуб, его свалило и *подавило им* орлицу и детей» (Крылов).

По своему значению эти безличные предложения не одинаковы, их можно разделить на следующие три группы:

1. Безличные предложения, выражающие действия стихийной силы посредством какого-либо орудия, например: «И *ветром,* наконец, то дерево *свалило*» (Крылов); «Я видел, как *ядром убило* солдата» (Л. Н. Толстой); «*Ветром трепало* мокрый кумачовый флаг» (А. Н. Толстой); «В спину ей *ударило* тяжелым *мешком, завалило соломой*» (он же); «*Ветром сдуло* снег со льда» (он же); «Ему *бруском* затылок *проломило*» (Тургенев); «Иудушка... прежде чем войти к матери, погрелся в девичьей у печки, чтоб не *охватило* больную холодным *воздухом*» (Салтыков-Щедрин); «Труп Квашнина давно *унесло рекой*» (А. Н. Толстой); «*Пылью* и *дымом застлало* медное солнце» (он же); «Пути *забило,* наглухо *запорошило снегом*» (Фурманов); «Лицо Якова *залило кровью*» (Черненко); «Дорогу *размыло* грязными *потоками* с косогора» (Черноков); «Мост через круглый лог, за которым находится вся лучшая пашня, *сорвало* полой *водой*» (Коновалов); «Позаросли бурьяном высокие холмы братских могил, *придавило* их *дождями, позамело* сыпучим *снегом*» (Шолохов); «Жгучим *морозом опаляет* лица» (Фурманов).

2. Вторая группа безличных предложений этого разряда

выражает внутренние психофизические ощущения, возникающие под влиянием действия какого-либо объекта на орган восприятия. Разница между этими предложениями и предыдущей группой та, что в первых большей частью выражались действия конкретного характера, происходившие и происходящие или в природе, или в человеческом организме. В предложениях же этой группы психическое и физическое состояние чаще выражается только посредством сравнения с конкретным действием, посредством уподобления ему. Если же нет налицо сравнения, то действие-глагол, употребляется в переносном смысле.

Сравнение в безличном обороте иногда бывает метафорического характера, что и вызывает метафорическое осмысление всего предложения. Например: «Веришь ли, матушка, как сказал мне, что женить его, *как ножом* по сердцу *полоснуло* меня» (Л. Н. Толстой); «*Словно молнией поразило* меня» (Достоевский); «*Ровно* меня *громом сшибло,* в себя не приду» (А. Н. Островский); «Меня *словно обухом ударило*» (Чехов).

Иногда такие безличные предложения образованы из идиом: «У Егора сразу же весь сон *рукой сняло*» (Черноков).

Обычно творительный сравнения при безличном глаголе присоединяется посредством сравнительных союзов, *как, словно, ровно, точно.*

3. Более распространены безличные предложения, выражающие физическое или психическое состояние с глаголом-сказуемым в переносном значении. Например: «Моя щека почти касалась ее щеки: от нее *веяло пламенем*» (Лермонтов); «Меня *хлестнуло* острой *болью*» (Горький); «*Здоровьем, свежестью,* бессознательным *счастьем веяло* от нее» (он же); «От его плавных движений и неторопливой походки *веяло сознанием* силы» (он же); «Петра *обожгло страхом*» (он же).

Безличные предложения из безличных глаголов с этим значением могут включать в себя творительный образа действия и подобия: «Ишь, говорит, как тебя *дует горой,* скоро лопнешь» (Писемский).

По мнению Пешковского, «подлежащее устраняется в них как неизвестная причина того явления, которое выражено в глаголе. В некоторых случаях ближайшая причина была даже налицо (например, град, дождь), и тем не менее язык изобразил ее только как орудие какой-то другой, отдаленной причины (*градом побило* = «посредством града», а что побило — неизвестно)» [1].

Ученые пытались объяснить значение творительного па-

[1] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, стр. 317.

дежа при безличных глаголах. Так, Андерсен в статье «К вопросу о значениях творительного падежа»[1] указывал, что творительный падеж при безличных глаголах в славянских языках и в русском ближе к инструментальному значению. Потебня[2], объяснял оборот *громом убило* как действие неизвестного деятеля посредством орудия, которое и обозначено творительным падежом. Совсем иначе объяснял этот творительный падеж Попов. «По требованию речи главным предметом может явиться самое действие, а производитель игнорируется. Субъект представляется как объект, а на месте подлежащего или винительный объекта или творительный, в результате чего получается: *воняет гарью, пышет паром, пахнет дымом,* а в латинском языке: sanguinem pluit — течет кровью, lapidibus pluit — дождит камнями. Происходит часто замена номинативного винительного творительным, например: *клич кликнуть — криком кричать*»[3].

В зарубежной литературе нет исследований этого типа предложений. Миклошич, Педерсен считают, что это Subjektum Instrumentalis, а G. Necke в статье «Zum Instrumentalis» утверждает противное — что в этом творительном при безличных глаголах надо видеть объект. В личной конструкции, по мнению G. Necke, субъект выступает как действующая сила, а в безличной — как чистый феномен, т. е. как явление. В последнем случае имеется представление о деятельности, которая вытекает из неизвестного источника, например: 1) Die Fliege summt, 2) Es summt von Fliegen[4].

В. В. Виноградов указывает, что «языковая техника здесь использовала как материал отжившую идеологию»[5].

Не касаясь генезиса данного типа предложений, мы можем установить, что в современном русском языке эти безличные предложения выражают только орудие, способ или причину действия, умалчивая о действователе. Вместо того чтобы сказать: *вода залила подвалы,* говорится: *водой залило подвалы.* И здесь не мыслится никакого иного деятеля, кроме воды, но этот деятель в языке дан в виде объекта, а не субъекта.

В современном русском языке эта конструкция настолько продуктивна, что начинает успешно конкурировать с личным

---

[1] См. «Русский филологический вестник» (РФВ), т. 37.

[2] См. А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III, Харьков, 1888, стр. 441.

[3] А. В. Попов. Синтаксические исследования. Филолог. зап., 1879—1881.

[4] См. G. Necke. Zum Instrumnetalis, Zeitschrift für indogermanische Sprache, 1833.

[5] См. В. В. Виноградов. Русский язык. Учпедгиз, М., 1947, стр. 465.

оборотом и даже вытеснять его. Как в книжной, так и в разговорной бытовой речи чаще употребительна конструкция *снегом замело дорогу,* а не *снег замел дорогу* или *дорога заметена снегом.*

Однако и личный оборот — далеко не изжитая категория. Многие писатели даже предпочитают личную конструкцию безличной. Так, например, А. П. Чехов очень редко употреблял безличный оборот данного вида с творительным падежом. Он предпочитал личные конструкции, например: «Тучи заволокли солнце» («День за городом»); «Наконец отворилась наружная дверь, в кухню пахнул белый туман» («Кухарка женится»); «Ливень размыл жилище муравьев» («День за городом»); «Молния осветила дорогу до самой дали...» («Степь»).

Наоборот, у других писателей конструкции из глагола, употребленного безлично в сочетании с творительным объекта,— излюбленный прием. Так, например, у Вересаева в рассказе «Без дороги» мы насчитываем 14 безличных предложений с творительным объекта: «Из-за сарая потянуло крепким запахом мокрого орешника»; «Из сада потянуло росой и запахом душистого тополя»; «С луга тянуло запахом свежего сена»; «Нас обдало острым запахом»; «Так и пахнуло в лицо теплом и простором»; «Из глубины лощины тянуло влажным пахучим холодком»; «Грудь теснило сыростью»; «От скотного двора несло теплом и запахом навоза»; «От седла пахло кожею»; «Ветром обдует и обсушит»; «Меня отовсюду охватило свежим запахом дуба и лесной травы»; «Запахло папоротником»; «Крепко пахло душистым тополем».

Из этого сравнения языка рассказов у разных писателей можно видеть, что данная конструкция по-разному используется различными писателями.

В чеховской «Степи» мы нашли всего четыре безличных предложения. Все явления природы в большинстве случаев описываются личными предложениями. Только лишь ощущения обоняния у Чехова не только в «Степи», но и во многих других произведениях выражены безлично особыми глаголами, обозначающими процесс без названия его источника именительным падежом, оказывающий воздействие на обонятельно-осязательные органы чувств.

Наиболее употребителен в таких предложениях глагол *пахнет* и соответствующие ему *несет, воняет.* Сюда же в эту группу втягиваются глаголы *веет, дышит, тянет, охватывает* и др. Приводим примеры из художественной литературы: «Дверь сама отворилась, из хаты *повеяло* сыростью» (Лермонтов); «Ночным душистым теплом *повеяло* от земли» (Тургенев); «В комнатах *пахнет* ладаном» (Салтыков-Щедрин); «Деготьком *потянуло* с дороги» (Некрасов); «Час от часу

жар сильней, тень ушла к ночным дубровам и с белеющих полей *веет* запахом медовым» (Фет); «Херес был кисловатый, *пахло* от него сургучом» (Чехов); «От шарфа *пахло* ландышами» (он же); «*Пахнет* сеном, высушенной травой и запоздалыми цветами» (он же); «В яркие солнечные полдни капало с крыш и *пахло* весной» (он же); «Кое-где на дворе молотили, *пахло* ржаной соломой» (он же); «От скатерти *пахло* мылом» (он же); «Из леса, от снега *перло* свежим крепким воздухом» (Л. Андреев); «От кожи ее *пахло* чуланом, в котором хранились банки солений, маринадов» (Горький); «*Пахнет* сеном, березовыми вениками» (он же); «От ее мази *пахнет* вареной севрюгой» (он же); «С моря *веет* свежестью» (он же); «От него всегда *пахнет* маслом, ворванью» (он же); «На ногах у него тяжелые мужицкие сапоги, от них крепко *пахнет* дегтем» (он же); «От него *пахнет* нефтью, гарью, луком» (он же); «Хмелью *пахнет,* молодыми травами» (он же); «В узкой длинной кузнице *пахло* углем, тлеющим в горнах» (А. Н. Толстой); «*Дунуло* горячим лошадиным потом» (он же); «С востока, где яснее зеленел рассвет, *тянуло* сыростью» (он же); «В сухой, светлой передней тяжко *воняло* псиной, уксусом» (Шолохов); «*Пахло* илом, прелой хвоей» (он же); «От рук ее *пахло* свежим тестом» (он же); «Терпким запахом здоровья *веяло* от него» (он же); «От костра *наносило* запахом древесной золы» (он же); «От девок и молодых баб *несло* пряным запахом слежалых в сундуках нарядов, помадой» (он же); «От ситцевой рубахи его, распоясанной и запыленной на лопатках, *дохнуло* потом, солнцем и пылью» (он же); «На гумнах *запахло* свежей соломой» (А. Н. Толстой); «*Пахло* хлебом, дегтем, сеном, рекой» (он же); «По вечерам *пахло* цветами и морем» (он же); «Тепло и уютно *пахло* печами» (он же); «Из сада *потянуло* росой и запахом душистого тополя» (Вересаев); «В это время *пахнуло* крепким ледяным норд-остом» (Черненко); «Откуда-то *тянуло* дымом» (Черноков); «Воздух потеплел и сильнее *запахло* смолой» (он же); «*Пахло* мхом, зверем, кровью» (он же); «Пришел Егор — веселый, загорелый, от него *пахло* смолою бревен, весенним воздухом полей» (он же).

В таких предложениях, как мы видим, нет слова, обозначающего прямого деятеля, но названо орудие, причем это орудие не само действует на наши органы восприятия, а через какую-то неизвестную силу.

Об этом типе предложений Пешковский писал следующее: «...возьмем такое сочетание у Тургенева: «*Вы раздвинете мокрый куст — вас так и обдаст накопившимся теплым запахом ночи...*» Кто обдаст? Куст? Нет. Хотя здесь свободно можно было бы по смыслу заимствовать подлежащее из преды-

дущего предложения, однако что-то говорит нам, что не *куст обдаст*, а просто *обдаст*. Здесь особенно рельефно выступает внутренняя сторона безличности, безличность как категория грамматического мышления»[1]. Однако Пешковский не дал грамматического объяснения, а указание на особое «грамматическое мышление» не убедительно.

Потебня в этом творительном падеже видит орудийное значение. «Дышать полной грудью» — Потебней не мыслится, «каким образом дышать», а чем дышать. Даже в глаголах с переносным значением: *дышать гневом, дышать злобой* — он видит творительный инструментальный. Однако и это не кажется верным. Исходный творительный был действительно инструментальным, но с развитием языка в творительном развиваются и другие значения, значения образа, сравнения и подобия и т. д.

Материалы, исследуемые нами, показали, как многообразны разновидности безличных предложений по значению в пределах только одного структурного типа. Различны причины образования разных типов, время их возникновения и степень употребления. Безличные предложения, выражающие состояние природы, среды, по-видимому, самые древние. Однако история развития всех видов безличных конструкций остается еще полностью не восстановленной, не раскрытой.

Количество безличных предложений в современном русском языке непрерывно растет. Этот рост объясняется не только все более развивающимися и уточняющимися формами мышления, расширением средств изобразительности, но и различными грамматическими процессами, которые в конечном итоге обусловлены также усложнением содержания речи. Материалы, привлеченные нами, показывают, как многие глаголы, будучи личными, начинают употребляться в безличном значении. С другой стороны, часть безличных предложений сохраняется в языке, как пережитки более давних форм мышления и форм языка.

Безличные предложения активно развиваются в живой разговорной речи, так как ситуация, жест, предыдущее высказывание о деятеле ведут к устранению его упоминания, тем самым образуя бессубъектные конструкции. Кроме того, задачей сообщения может быть лишь изображение состояния, действия, представление же о деятеле остается в тени или отсутствует. Часть безличных предложений появляется в результате нарушения согласования сказуемого с подлежащим и переосмысления значения субъекта.

---

[1] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 6-е, стр. 320—321.

ГЛАВА VI

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО СКАЗУЕМЫМ, ВЫРАЖЕННЫМ БЕЗЛИЧНЫМ ВОЗВРАТНЫМ ГЛАГОЛОМ

Очень многочисленны и употребительны в русском языке безличные предложения, объединяющиеся структурной особенностью своего сказуемого, которое выражается возвратными глаголами.

Давно установлено, что славянские возвратные глаголы образовались путем слияния с энклитической односложной падежной формой возвратного местоимения. Когда-то эта форма местоимения была самостоятельным словом, затем, правда не во всех славянских языках, потеряв свою самостоятельность, стала только суффиксальным элементом глагола [1]. Однако вопрос о том, когда и как произошло слияние этих энклитик с глаголом (в русском языке), достаточно ясного решения не получил [2].

Исследования русских и западных ученых, памятники древнерусской письменности говорят о том, что еще долго частица *-ся* употреблялась самостоятельно.

Материалы древнерусской письменности с непреложностью доказывают, что процесс слияния энклитики *-ся* с глаголом начался очень рано, хотя употребляемое отдельно от глагола *-ся* как в постпозиции, так и в препозитивном

[1] См. В. К. Поржезинский. Возвратная форма глаголов в литовском и латышском языках, М., 1913.

[2] См. Gunnar-Gunnarson. Studien über die Stellung des reflexivs im Russisch. Uppsala, 1933, S. 10—11.

положении встречается не только в XV—XVI вв., но даже и в XVII столетии [1].

Некоторые ученые полагают, что современный возвратный аффикс — результат контаминации возвратных местоименных форм дательного падежа *си* и винительного *ся* (ср. показания русских, а также украинских говоров).

Значения *-ся* в современном русском языке разнообразны. Но наиболее общим значением *-ся* в глагольных формах является значение возвратности, т. е. направленности на субъект. Однако в таких глаголах, как *пришлось, довелось, удалось* или *спалось, пилось, елось,* аффикс *-сь* не выражает возвратности. Различие значений *-ся* и *-сь* обусловлено, с одной стороны, лексическим содержанием глагола, а с другой — этимологической связью этого аффикса с местоименными формами *си, ся,* формами дательного и винительного падежей или направленностью процесса к субъекту или от субъекта. В современном русском языке *-ся* имеет не только значение возвратности, но и придает иногда глаголу значение самостоятельности проявления действия или выражает ограничение переходности в глаголе, т. е. способствует обозначению сосредоточения процесса в самом себе, или же придает глаголу значение безличности, бессубъектности. Известно положение Ф. Ф. Фортунатова, что «общее значение формы на *-ся,* образуемой от переходных глаголов, состоит в том, что она изменяет значение переходного признака (действия и его переходности) и значение признака непереходного, т. е. такого, который заключает в себе отношение только к предмету мысли, являющемуся субъектом этого признака» [2].

Не ставя себе целью исследовать все виды значений глаголов на *-ся,* мы ограничимся только рассмотрением безличных возвратных глаголов с формой на *-ся,* которые являются основной структурной частью безличных предложений.

Безличные возвратные глаголы на *-ся* в форме 3-го лица настоящего и прошедшего времени (в последнем случае — среднего рода) очень многочисленны и разнообразны по значению. На первый взгляд эти глаголы на *-ся, -сь,* как, например, *спалось, гулялось, казалось, случалось, предполагалось, говорилось,* как будто, одного порядка. Но это неправильное

[1] Ср.: а) «По изволению Божию съло̀учися имъ миновати мимо едино село манастырское» (Нестор, Житие Феодосия Печерского, стр. 24); б) «Аще ти ся случит умрети по святей сей в вере, то умри съ дерзновеньем за веру христову» (Феодосий Печерский, Сб. Паисия); в) «Где топоры ся секли» (Юридические акты, 1555 г.); г) «Лиска лжот да на хвост ся шлиот» (Старинные сборники русских пословиц, поговорок и загадок... XVII—XIX ст., собр. П. Симони); д) «Куды ся ни кинуть, так по уши в смолу» (там же).

[2] См. Ф. Ф. Фортунатов. О залогах русского глагола, 1899.

представление быстро исчезает при более внимательном рассмотрении возвратных глаголов. О том, что эти глаголы легко смешиваются и ставятся в один ряд, говорит и включение акад. Шахматовым в одну группу таких глаголов, как *мне кажется* и *мне хочется*[1].

Ту же ошибку делает и Маргулис, который включает в один разряд: *сладко спалось старику, ему не ходилось, не гулялось; но и тут не обошлось без нового страдания*[2].

Однако без доказательств видно, что глаголы *гулялось, спалось* совершенно иного значения, иного семантического круга, чем глаголы *обошлось, пришлось,* а различное значение глаголов обусловливает и разную конструкцию предложений, в которых употребляются в роли сказуемого эти возвратные по форме глаголы.

Глаголы на *-ся* в зависимости от своего лексического значения делятся на разные группы:

а) по семантической отнесенности;

б) по морфологической структуре;

в) по степени проявления лица;

г) по синтаксической функции, которую выполняют эти глаголы;

д) по синтаксическим связям, в которые способны вступать эти глаголы с другими словами.

По своему лексическому значению и семантической отнесенности безличные глаголы распадаются на следующие группы:

1) глаголы, выражающие природно-временные явления, уточняющие моменты времени дня, ночи, например: *смеркается, брезжится;*

2) глаголы, выражающие метеорологическо-атмосферные явления в природе, например: *прояснилось, разведрилось, разненастилось;*

3) глаголы, выражающие различные процессы в природе и в окружающей среде, например: *засинелось, зазеленелось, загорелось;*

4) глаголы, выражающие какие-либо самостоятельно, непроизвольно, сами по себе возникшие процессы, например: *получилось, случилось, пришлось, удалось,* т. е. пассивно-безличные глаголы;

5) а) глаголы, выражающие физическое состояние или физические процессы в организме человека или любого жи-

---

[1] См. А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, вып. II, 1927, стр. 65.

[2] См. A. Margulies. Die Verba reflexiva in den slavischen Sprachen. Heidelberg, 1924.

вого существа, например: *зачесалось, засвербелось, замутилось,* и б) глаголы, выражающие эмоционально-психическое состояние, например: *нравится, забывается, вспоминается;*

6) глаголы, выражающие предрасположенность к тому или иному состоянию или к действию, как психическому, так и физическому, например: *грустилось, хотелось, дремлется, спится, ется, пьется;*

7) глаголы, выражающие проявление какой-то нереальной и таинственной силы или выражающие недостоверное восприятие действительности, например: *мерещилось, чудилось, грезилось;*

8) глаголы, выражающие страдательно-возвратное значение, например: *считалось, предполагалось, возвещалось, запрещалось;*

9) глаголы, теряющие свое лексическое значение и служащие связкой в безличных предложениях в сочетании с безлично-предикативным членом на *-о,* например: *становится темно;*

10) глаголы на *-сь, -ся* с отрицанием + родительный падеж, например: *не изменилось ничего.*

Структура безличных предложений, в которых сказуемое выражено тем или другим безличным глаголом, в отношении употребления других глаголов предложения зависит от значения безличного глагола.

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ПРИРОДНО-ВРЕМЕННЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Первая группа безличных глаголов на *-ся,* выражающая природно-временные явления, очень бедна и непродуктивна. Имеются только два глагола с различными формами времени: *брезжится, брезжилось, смеркается, смеркалось,* и с формами видовых вариаций: *забрезжилось, забрезжится, начинает брезжиться, смеркается, начинает смеркаться.* По своему образованию *смеркается* глагольного происхождения от корня *мьркнути, мьрцати. Брезжится* образовано, как видно, из существительного *брезг.* Во всех славянских языках это слово существует с одним значением и родственным звуковым составом, например: словенское brežeti, brezdet; чешское břeždіti; польское brzeszczyć się — «рассветать, становиться светлым»; русское *брезг, брезжиться* — «рассвет утра», «рассветать» [1].

[1] См. Miklosich. Etymologisches Wörtebuch der slavischen Sprachen.

В «Материалах для словаря древнерусского языка» Срезневского, в словаре Востокова глагола *брезжиться* не указано. У Востокова дано существительное *брезг* и приведен пример из «Жития Федора Стратилата» XVI века: «Ликинии же света не дожда, но по *брезгу* посла Антиоха». К *брезжится, смеркается* имеются в языке и параллельные формы без *-ся* — *брезжит, смеркает.* Однако в современном русском языке форма *смеркает* почти совсем не употребляется [1].

В этих глаголах *-ся* не образует безличности, потому что, как писал Ф. Ф. Фортунатов, «не всякий безличный глагол на *-ся* однороден по отношению к образованию на *-ся* с такими глаголами, как *икается, спится;* например, в *смеркается* нет, понятно, никакой связи между образованием на *-ся* и безличностью данного глагола, а *смеркается* есть глагол общий» [2].

Несмотря на то, что *-ся* в *смеркается* не образует само по себе безличности (как, например, в *спалось*), сам глагол настолько безличен, что не может связываться ни с первым, ни со вторым, ни с третьим лицом. В силу этого он имеет всегда только одну функцию — выражать сказуемое безличного предложения. Форма же *-ся* подчеркивает и усиливает самостоятельность и независимость этого процесса от субъекта.

Глагол *брезжится* не имеет форм первого и второго лица, но в форме третьего лица, главным образом с вещественно-предметным субъектом он употребляется, например: «Вижу: огонь *брезжится*» (Чехов). *Брезжится* в текстах встречается чаще в безличном значении, нежели в личном [3]. Личные формы этого глагола даже и без *-ся* ущербны в отношении выражения лица, так как могут употребляться только с предметным субъектом, т. е. в форме 3-го лица, вроде *брезжила заря, чуть брезжит огонек* [4]. Ввиду того, что эта группа безличных по значению глаголов ограничена только двумя лексемами, то понятно, что природные явления указанного порядка ими и выражаются, хотя в народных говорах [5], а затем в языке художественной литературы начинает встречаться для выражения того же значения глагол *завиднеться* [6].

---

[1] Ни в словарях, ни в художественной литературе таких форм нам не встретилось. Только у В. И. Чернышева приводится пример из Никитина: «Чуть *смеркает,* она калитку запирает».

[2] См. Ф. Ф. Фортунатов. О залогах русского глагола, 1899.

[3] В «Словаре церковнослав. и русск. язык. II отд. имп. Акад. наук» 1867 г. слова *брезжится* и *смеркается* указаны только в безличной форме.

[4] «Толковый словарь русского языка», под ред. Д. Н. Ушакова, т. I.

[5] В «Словаре областного Архангельского наречия» Подвысоцкого слова *завиднеться* нет.

[6] В «Словаре» Даля и «Толковом словаре» под ред. Д. Н. Ушакова, т. I, этот глагол указан как личный, функция которого состоит в том, чтобы обозначить показывающийся вдали предмет: *начать виднеться.*

Предложения, сказуемое которых выражено безличными возвратными глаголами указанного типа, обычно бывают построены из глаголов *брезжится, брезжилось, смеркается, смеркалось,* в сочетании с второстепенными членами предложения — обстоятельством времени, места, образа действия. Так, например, глагол *брезжится* или *брезжилось* нередко сопровождается количественным наречием *чуть-чуть, едва, едва лишь* и другими подобными или же второстепенным членом предложения — обстоятельством места: *вдали, впереди, на востоке* и др.

Если же в предложении сказуемое выражено возвратными глаголами *смеркалось, смеркается, смеркнется,* то при этих глаголах нередко употребляется обстоятельство времени или образа действия, например: *давно уже смеркалось, скоро смеркнется, быстро смеркалось, быстро смеркнется.*

Инфинитивы этих глаголов *смеркаться, брезжиться* входят в сочетания с глаголами видового характера и вместе с ними образуют сложную форму сказуемого в безличных предложениях: *начинает смеркаться, стало смеркаться, начнет брезжиться, станет брезжиться* и др. под. Но более употребительны простые формы сказуемого с этими глаголами. Например: «Уж давно *смерклось*» (Пушкин); «Потом, когда *смеркнется,* в кунацкой начинается, по нашему сказать, бал» (Лермонтов); «Уж настолько *смерклось,* что в некоторых окнах засветились огни» (Л. Н. Толстой); «Но *смеркалось.* Над степью черной горят гряды облаков» (Герцен); «Чуть *брезжилось,* когда нас разбудили» (Аксаков); «Еще чуть *брезжится*» (А. Н. Островский). Также: «Рано утром чуть *завиднелось*» (А. Н. Толстой).

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ АТМОСФЕРНО-МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

Гораздо богаче лексически группа глаголов, выражающая атмосферно-метеорологические явления в природе. Эти глаголы различны и по своей семантике и по образованию. Так, например, одна категория из них выражает изменение состояния погоды в соотношении с цветом неба, с наличием или отсутствием света: *заясняется, заяснится, прояснится, проясняется, прояснилось, выяснится, выяснилось, выясняется, белеется, белелось, забелеется, забелелось, засинеется, засинелось, затемнелось, затемнеется, светлеется, засветлеется, засветлелось.* Все эти глаголы образованы от имен прилагательных.

Другая группа включает глаголы, выражающие то же

самое изменение состояния погоды, но по образованию иные. Они образовались от существительных, например: *затуманивается, туманится, затуманилось, разведрилось, разведрится, разведривается;* областные: *разненастилось*[1], *распогодится, занепогодилось, заненастилось*[2], *ненастится, бухмарилось, забухмарилось, бухмарится, тучится, тучилось, завихрилось* — «началась метель» (псковский говор).

По отношению к лицу эти глаголы неодинаковы. Некоторые из них обычно употребляются только с вещным подлежащим в 3-м лице, например: «Впереди *засинелась* горная цепь, погода *разведрилась,* денек-то *разведрился*» («Толковый словарь» под редакцией Д. Н. Ушакова).

Но чаще всего эти глаголы употребляются безлично, например: «Кажись *запрояснивается*» (Даль); «С вечера были тучи, а к утру *выяснилось*» (он же); «На завтра *разведрилось*» (он же); «Еще нигде не румянилась заря, но уже *забелелось* на востоке» (Тургенев); «Над болотом *засинелося,* понависнула гроза» (Некрасов).

Все эти глаголы непереходные. Безличность этих глаголов менее ярка, чем безличность глаголов первой группы. Хотя в них субъект и не выражен, однако при многих глаголах можно мыслить «нечто», что проявляется как признак, т. е. имеется какой-то намек на субъект, например: *Над болотом з а с и н е л о с я... что-то.* Обычно в таких предложениях указывается или место проявления признака или время: *забелелось на востоке; засинелось над болотом; на востоке закраснелось.*

Без указания среды или места, где происходит тот или иной процесс, субъект[3] мыслится более отчетливо и определенно. Некоторые глаголы без указания места и не могут употребляться безлично, например, в выражении *засинелось, забелелось* сразу напрашивается «что-то». При указании места субъект не требуется: *засинелось на востоке, забелелось над горизонтом.*

Вообще такие предложения встречаются в литературном языке крайне редко.

---

[1] Потебня полагает, что безличные глаголы на *-тя* типа *распогодилось* образовались из личных: *погода распогодилась,* «Ой туман полем да туман *туманится*», как и *снится* из *сон снится* («Из записок по русской грамматике», т. III, гл. XII, стр. 426).

[2] *Заненастится* нам встретилось в личном употреблении в переносном значении: «Знаю, сосед, отчего заненастился» (К о н о в а л о в. Калмыцкий брод, сб. «Звено», 1938). Глаголы *заяснеться, засинеться, затуманиться, затемнеться* в «Словаре церк.-слав. и русск. яз. II отд. имп. Акад. наук» 1847 г. указаны только в личной форме.

[3] Во всех случаях слово «субъект» употребляется как грамматическое подлежащее, а не как субъект суждения.

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ РАЗЛИЧНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЯВЛЕНИЯ В ПРИРОДЕ И В ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ

Глаголы, выражающие различные процессы в природе и в окружающей среде, также немногочисленны и непродуктивны. Некоторые из них совпадают лексически с предыдущей группой, но семантическая функция у них иная. Этой группой глаголов высказывается мысль о начавшемся или наличествующем изменении цвета какого-либо предмета или окружающей обстановки, например: *в поле от множества синих цветов з а с и н е л о с ь.* Большинство глаголов этого типа образовалось от прилагательных, например: *зачернелось, зачернеется, чернеется, чернелось, зеленеется, зеленелось, зазеленеется, краснеется, закраснеется, краснелось, закраснелось, желтеется, зажелтеется, желтелось, зажелтелось, синеется, синелось, засинеется, засинелось* и т. д.

В глаголах этой группы выражается процесс, возникший без деятеля, как будто сам собой, в силу внутреннего импульса.

Чаще всего эти глаголы встречаются в безличном употреблении в народном языке: *Как в лесу-то з а з е л е н е л о с ь;* «Пошли за ягодами, а там кругом *краснеется*» (говор Горьковского края); «*Зарябилось* в кустах» (Даль).

При таких глаголах, как *зачернелось, зазеленелось, засинелось,* также мыслится «что-то», и предложения с такими глаголами скорей кажутся неполными, чем безличными. И здесь при указании места процесса безличность ярче и ощутимее: «Вышли на полянку, а там прямо *краснеется,* так много земляники» (говор Кимрского района).

В литературных памятниках примеров с такими глаголами не встретилось. Глаголы эти в народных говорах, в сказках всегда являются сказуемыми безличных предложений с обстоятельственными словами.

В эту же группу, но с другим оттенком значения относятся возвратные безличные глаголы на *-ся,* которые выражают движение чего-то неясного, неизвестного [1].

Глаголы эти вряд ли вообще безличны, так как они способны сочетаться с любым лицом. Безличными их делают конструкции со специальной стилистической целью, когда автор хочет выразить движение-процесс без деятеля, не указывая причины, сказать о чем-то неясном, неуловимом, например: *пронеслось, проносилось, проносится, уносится, уносилось,*

[1] Сюда нельзя относить предложения с неясным субъектом, где этот субъект или нарочно устранен, или завуалирован, например, в загадках: «В избе *смодрщилось,* снаружи *растопырилось*» (Д. И. Садовников. Загадки русского народа, СПб., 1876).

доносилось, двоилось, двоится, сорвется, сорвалось, срывается, срывалось, прокатилось, шевелится, шевелилось, зашевелилось, пошевелилось, ворочалось, ворочается, заворочалось, завертелось, завозилось, заструилось и др.

Обычно безличные конструкции с этими глаголами употребляются тогда, когда о субъекте говорится в предыдущем контексте или же субъект раскрывается в последующих предложениях, а нередко субъект так и остается неопределенным, неосознанным. Например:

«*Прозвучало* над сонной рекой,
Прозвенело в помершкшем лугу,
Прокатилось над рощей густой,
Засветлилось на том берегу» (Фет).

«Представьте себе, господа: только я задул свечу,— *завозилось* у меня под кроватью. Думаю, крыса. Нет, не крыса: скребет, *возится,* чешется» (Тургенев).

«Затопало копытами по дороге. Остановились, слушают, Потопало, как лошадь, и *остановилось*. Тронулись они, опять затопало... Подполз Жилин, смотрит на свет: на дороге стоит что-то...» (Л. Н. Толстой).

«Блеснуло в глазах. *Метнулось* в мечте,
Прильнуло к дрожащему сердцу» (Блок).
«И вдруг на лице гадалки
Заструилось — стало светло» (он же).
«Слова. Их не было. Что ж было?
Ни сон, ни явь, Вдали, вдали
Звенело, гасло, уходило
И *отделялось* от земли...
И умерло» (он же).

«Кругом пальба неумолчная, ненужная, разгульная, чуть-чуть притихающая к ночи: одни прочищают дуло, другие стреляют «дичь», у третьих «*сорвалось* случайно» (Фурманов).

Субъект не назван, не известен, но на него есть намек как на «нечто» неопределенное, но определяемое в дальнейшем контексте. В иных случаях субъект может быть раскрыт в последующей речи, например: «На печи медленно *зашевелилось*. Показалась пола истертого тулупа. Спустилась одна большая нога в изорванном лапте, потом другая и, наконец, показалась вся фигура Давыдки Белого» (Л. Н. Толстой).

Следовательно, безличность в этих глаголах не создается морфемой *-ся*. В приведенных стихах Фета мы видим параллельное употребление безличных глаголов и без *-ся*. В этих предложениях безличность глаголов создается синтаксически и употреблением их в среднем роде. Достаточно поставить

эти глаголы в женском или в мужском роде, как неопределенность исчезает, а вместе с ней исчезает и безличность. Предложения с глаголами в женском или в мужском роде будут не безличными, а неполными, с эллипсисом.

Частица *-ся*, как формообразующая в этой группе глаголов, создает впечатление интенсивности и самостоятельности возникающего процесса.

К этой же группе глаголов, выражающих стихийный процесс в окружающей среде, относятся глаголы совершенного вида, означающие начало действия: *засветилось, загорелось, занялось, затеплилось, задымилось, закурилось;* диалектные: *завихрилось зазноилось* (загорелось без пламени) (говор тверской и псковский по Далю). Ср.: «В трубе *занялось*» (Даль); «*Завихрилось* как! (началась метель)» («Толковый словарь» под ред. Д. Н. Ушакова); «Семен, обращаясь то к одному, то к другому, рассказывал, отчего *загорелось*» (Чехов); «В одном месте горит, а в другом еще *занимается*» (говор Горьковского края);

За туманом, за лесами
Загорится, пропадет,
Еду влажными полями,
Снова издали мелькнет» (Блок).

В таких предложениях субъекта нет, о нем не говорится, так как он ясен говорящему и слушающему непосредственно из ситуации.

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНО ВОЗНИКШИЕ ПРОЦЕССЫ, НЕ ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ВОЛЕЙ ДЕЯТЕЛЯ ИЛИ КАКОЙ-ЛИБО ПРИЧИНОЙ

Совершенно иной по значению является группа глаголов на *-ся,* употребляющихся безлично для выражения действий, которые происходят также сами собой, не будучи обусловлены создавшейся обстановкой. Подлежащее в этих предложениях не только не выражено, но оно и не может мыслиться как неопределенное «нечто». Действие не детерминировано, но вместе с тем и неизбежно, в силу какой-то случайности или вынужденной необходимости. Само же подлежащее не только не дано, но и не предпослано обстановкой. Если мы говорим: *дует,* то мы, не называя подлежащего, легко можем подыскать действователя или причину процесса; или, когда смотрим на море и произносим *тонет* или: *идет* — при виде тонущего или идущего парохода, то подлежащее тоже не называется, но оно

предпослано обстановкой для восприятия. А в этой новой группе глаголов нет и этого значения. Поэтому вряд ли прав был Н. П. Некрасов[1], объединяя эти глаголы в одну группу с предыдущими лишь по тому признаку, что действие в них проявляется самостоятельно, независимо от воли лица, в силу энергии и силы своего собственного бытия.

Семантика и синтаксические связи (например, способность сочетаться с инфинитивом) резко отличают эту группу безличных глаголов на *-ся* от других групп.

Лексически эта группа глаголов совсем немногочисленна и делится на две подгруппы: а) *довелось, доводилось, доводится, привелось, приводилось, приведется, случилось, случается, случится, случалось, пришлось, приходилось, приходится, придется, удалось, удавалось, дается, удается, осталось, оставалось, остается, останется, понадобилось, понадобится* (устарелое — *надобилось*), *досталось, доставалось, достается*[2], *достанется, пригодилось, пригодится, представилось, представлялось, представится, посчастливилось, посчастливится* и др.; б) *получилось, получится, получается, оказалось, оказывается, окажется, сделалось, сделается, сделалось, обнаруживается, обнаружилось*[3] и др.

Мы видим из примеров, что одни глаголы имеют различные видовые вариации, другие употребляются только в совершенном виде. Также не одинаковы глаголы и по выражению времени. Но главное, что отличает эти глаголы от глаголов предыдущей группы,— это их особый модальный оттенок предопределенности действия самой объективной ситуацией.

Все эти слова отглагольного образования, за исключением глагола *посчастливилось* — от *счастливый*.

Многие из этих глаголов способны сочетаться с подлежащим: например, *случилось несчастье, странное что-то получилось, праздник удался, платье понадобилось* и т. д. Другие же не могут сочетаться ни с каким подлежащим, например, *посчастливилось*. Одна группа глаголов может вступать в сочетание с дательным лица, например: «*Мальчикам посчастливилось* попасть в гимназию, а Нина так и осталась неученой» (Чехов); «Я писал воспоминания не о самом себе, а об арабских рукописях, которые *мне посчастливилось* найти» (Крачковский, «Над арабскими рукописями).

---

[1] Н. П. Некрасов. О значении форм русского глагола, СПб., 1865, стр. 27.

[2] Глагол *досталось* употребляется с двумя оттенками значения: ср. *досталось на долю* и *досталось от отца*.

[3] Видимо, некоторые глаголы этого типа в безличном значении стали употребляться не так давно. В «Словаре цер.-слав. и русск. яз. II отд. имп. Акад. наук» 1847 г. многие из этих глаголов указаны только в личном употреблении.

Другие глаголы вступают в совершенно иные формы связи, например: *оказалось, что вы правы,* т. е. они выступают главным предложением в составе сложного предложения.

Основной отличительной чертой одной части этих конструкций является то, что модальное значение безличного глагола восполняется лексическим значением примыкающего к этим глаголам инфинитива. Эти глаголы, служа составной частью сказуемого, не являются связкой или вспомогательным глаголом. В них заключена модальная функция сказуемого. Так, если в предложении *надо идти* выражен модальный оттенок необходимости, то такой же модальный оттенок выражения находим и в *понадобилось идти;* если в предложении *нельзя видеть* выражен оттенок невозможности, то в *привелось сходить, довелось съездить* выражается модальное значение осуществленной возможности. Сами по себе эти глаголы не выражают полноты значения сказуемого, так как только в соединении с инфинитивом они образуют сказуемое безличных предложений. Употребляясь же без инфинитива, эти глаголы представляют эллипсис в разговорной речи: *Вам удалось купить книгу? — Да, удалось.*

Необходимо заметить, что некоторые из этих безличных глаголов сочетаются с наречным словом в положительной или отрицательной форме при выражении оценки действия, и инфинитив в них не нужен, например: *скверно получилось, совсем не ладилось.* Однако эти выражения также эллиптичны, так как пропущено подлежащее, которое все же мыслится или о котором даже говорится в предыдущей речи: *Дело плохо ладилось.* К таким сочетаниям способны не все глаголы, а только единичные. Остальные же глаголы сочетаются только с инфинитивом. Таким образом, в своем большинстве указанные глаголы способны выступать в сочетании с инфинитивом, личный же субъект при них обычно облекается в форму объекта и выражается дательным падежом. Дательный падеж объекта (а логически — субъект) является конструктивной частью безличного предложения. Приведем примеры.

«Нечаянно же ей во оной книг громаде
Одну трагедию *случилось развернуть*» (Богданович);

«Кому-то *вздумалось всклепать* на меня, будто я неблагодарное имею сердце» (Журнал «Трутень», январь 1770 г.); «Некогда *случилось быть* сим трем подругам в доме ревнивца» («Письмовник» Курганова); «В таких упражнениях *случилось* в один вечер старому монаху Илиодору *поссориться* с моим дедом» («Жизнь Гаврилы Добрынина»); «*Случилось* соловью на шум их *прилететь*» (Крылов); «В самое то время *случилось ехать* тут исправнику» (Радищев); «Предупреди,

когда *случится* им для театра *взять* билеты» (Баратынский); «Однажды *случилось* мне целый месяц *не брать* пистолета» (Пушкин); «*Годится* ли заговоры *подслушивать?*» (Державин); «Скажи-ка, что глаза ей *портить не годится*» (Грибоедов); «*Придется* ли нам *увидаться* или нет, бог один это знает» (Пушкин); «И я должен признаться, что без него *пришлось бы остаться* на сухоядении» (Лермонтов); «Нам *придется* здесь *ночевать*» (он же); «Все двинулись вслед за Инсаровым, и всем *пришлось пройти* мимо самой компании» (Тургенев); «Ей *придется сидеть* на маленькой станции» (Салтыков-Щедрин); «Скоро после отъезда князя Багратиона Тушину *удалось зажечь* Шенграбен» (Л. Н. Толстой); «*Удастся* ли ей *воскреснуть, воспрянуть?*» (Тютчев); «*Заснуть не удалось*» (Вересаев); «Каждую версту пути *приходилось брать* с бою» (А. Н. Толстой); «Сейчас же *пришлось отступать*» (Шолохов); «Лошадей *пришлось* все равно *обменивать* на свежих» (Фурманов);

«В ночи под глухим Могилевом
Уж так получилось само,
Иначе не мог я,— ну, словом,
Пришлось разорвать мне письмо» (Симонов).

Безличными глаголами этого типа обозначается, что была какая-то не выраженная подлежащим в именительном падеже сила, удача, необходимость, которая способствовала проявлению или совершению действия, обозначенного инфинитивом. У этих глаголов нет соотнесенности и с глаголами того же лексического значения без *-ся,* так как они не имеют в современном языке параллелей в виде глаголов *пришло, довело, удало,* хотя в языке более древнего периода глагол *пришло* в безличной конструкции со значением вынужденной необходимости употреблялся, например: «Мне уж *пришло показать* на тебя» («Повесть о Фроле Скобееве»).

Употребляет форму *пришло* вместо *пришлось* и Крылов:

«Меня так голод и морит,
Собаки злы, пастух не спит.
Пришло хоть удавиться» («Волк и лисица»).

Нередки предложения, в которых к этим глаголам инфинитив не примыкает. Однако предложения эти не являются предложениями иного типа: в них та же структура, но с опущенным инфинитивом, так как значение действия ясно из предыдущей речи. Глагол *случилось* нередко употребляется в сказках, песнях и былинах с наречием местоименного образования, например:

«С чаво-ть яму *случилось так?*» (Материалы для изуче-

ния говоров, вып. XI, Калужская губерния, Медынский уезд, с. Покровское при Угре); «По грехам-то ведь моим да *так случилось,* по тяжким-то мне-ка сотворилось» (Марков, Беломорские былины).

Другие глаголы в такой функции употребляются гораздо реже, например: «Пошел он, срядился, поступил в солдаты рядовые и служит он солдатиком, ему добру-молодцу *не далось,* теснят, обидят» (Ганин, Русские сказки, «Как купец бился об заклад»).

Вторая группа глаголов: *получилось, получается, оказалось, сделалось и* др.— не может сочетаться с дательным падежом и инфинитивом. Хотя семантически эти глаголы примыкают к рассматриваемой группе, но синтаксические связи у них другие. Глаголы *делалось, становилось, получилось, оказывалось,* сочетаясь с предикативными словами на *-о (хорошо, светло, ясно* и др.), по функции подходят к связочно-вспомогательным глаголам, безличность которых создается другим способом, о чем будет сказано ниже.

Если глаголы первого типа являются конструктивной частью сказуемого простого безличного предложения, то глаголы второй группы (*случилось, случается* и др.) выступают в роли сказуемого главного независимого предложения в сложноподчиненных предложениях. Например: «*Случается,* что самые отчаянные проводят дня по два в виноградниках при деревне, выжидая удобного случая напасть врасплох» (Марлинский); «И, конечно, *случается,* что вашу братию секут розгами» (Пушкин); «*Оказалось,* что у Михалевича гроша за душой не было» (Тургенев); «Но *оказывается,* что публика знает несколько толк в ученых делах» (Добролюбов); «Много позже *обнаружилось,* что Евграф сам подстроил докторское требование» (Федин).

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ФИЗИЧЕСКОЕ ИЛИ ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Возвратные глаголы, из которых образуются безличные предложения, выражающие состояние физическо-психической природы человека, довольно скудны в лексическом составе русского языка. Такими глаголами выражается состояние или процесс в организме человека, возникший сам собой, произвольно, без обозначения возбудителя процесса или без указания прямой причины состояния. Например: а) *зудится, зазудится, зуделось, зазуделось, раззуделось, раззудится, чешется, чесалось, зачешется, зачесалось, закраснелось, закраснеется, свербится, засвербелось, засвербится, помутилось, помутится,*

замутится, замутилось, закружится, закружилось, нездоровилось, нездоровится, тошнится, затошнилось, неможется, занеможилось; б) *помнится, помнилось, вспомнилось, запомнилось, забудется, забылось, нравится, нравилось, понравилось, полюбится, полюбилось, притерпится, стерпится, слюбится* и др. Диалектные: *забажилось, попритчилось, замстилось, запамятовалось, запритчилось, взрямилось, заприкосилось* и др.

В литературном языке такие диалектные глаголы встречаются только лишь при известной сюжетной мотивировке, а общепринятые глаголы довольно употребительны во всех стилях художественного слова, кроме высокопатетического, где подобные глаголы будут казаться явными вульгаризмами.

Приведем примеры.

«*Не поздоровится* от этаких похвал» (Грибоедов); «*Стерпится — слюбится.*— Он потрепал ее рукой по щеке.— Дурь из головы выскочит» (Л. Н. Толстой); «*Помутилось* у него в глазах» (он же); «Когда немножко *прояснилось* у меня в голове, вижу, рядом со мной у кровати сидит Дунярка и на голову мне полотенце кладет» (Гладков); «Плохо лежится, как *на уме двоится*» (Иллюстров, Жизнь русского народа в пословицах и поговорках, изд. 3, 1915); «А ты что это? К чему рассказывал? — спросил Чапаева Федор.— Да *вспомнилось*» (Фурманов); «Певицы все обычно такие полные, а играют все девушек. *Не вяжется* никак» (Симонов).

Большинство из этих глаголов также личны и только могут выполнять роль безличных глаголов.

Безличные глаголы указанной группы не столько выражают процесс, сколько состояние, поэтому деятель-субъект совсем не мыслится; например, в глаголе *нездоровилось* даже нельзя примыслить «что-то», вследствие чего в них нет и подлежащего.

Некоторые из этих глаголов имеют соотносительные пары в глаголах с той же основой без *-ся,* например: *тошнится — тошнит, вспоминается — вспоминает, забывается — забывает, полюбится — полюбит.* Другие глаголы таких параллелей в глаголах без *-ся* не имеют: нельзя сказать *нравит, нездоровит,* хотя последний глагол встречается и без *-ся* в Лаврентьевской летописи: «поиди в борзе, ѡ[те]ць тя зоветь, *нездравить* бо вельми» (6523 г.). В «Материалах для словаря древнерусского языка» Срезневского указан глагол *нездравлю* в личной форме без *-ся. Нравится* — глагол образования сравнительно позднего.

Все указанные глаголы этой группы служат сказуемыми в простом безличном предложении с дательным субъекта в сочетании с инфинитивом, выражающим дополнение.

По синтаксическим связям глаголы, входящие в первую

группу, не единообразны. Одни из них управляют родительным субъекта: *У меня закраснелось от солнечного ожога; У него зазуделось, зачесалось от укуса, но он не мог пошевелиться.* Другие глаголы требуют указания места: *замутилось в голове, зачесалось в голове, помутилось в глазах, закружилось в голове.* Наконец, третьи сочетаются с дательным падежом: *мне нездоровилось, ему неможется.* Например: «Силану Петрову *нравилось шуметь* на реке среди тяжелого молчания своим густым и крепким басом» (Горький); «Николаю *нравилось учить* меня» (он же); «Ему *нравилось бывать* на бирже» (он же); «Мне страшно *нравилось слушать* девочку» (он же).

И тот же глагол может быть сказуемым главного предложения, к которому в сложном предложении подлежащим является придаточное предложение, например: «Больше всех *нравилось,* что умер Перезвон» (Достоевский).

В этих предложениях выражается психическое и физическое состояние, которое возникает без причины, так как деятель-возбудитель процесса не обозначен в языке, а устранен как неизвестный, вследствие чего в них нет подлежащего. Эти предложения особенно употребительны в народном языке, поэтому в народных говорах таких глаголов встречается больше. Многие глаголы бытуют только в диалектах, а в литературный язык не проникли. Например: «Мне на третий год да *стосковалося*» (Песни русского народа, записанные Истоминым, «Братья-разбойники и сестра»); «А об этом мне саусим *замстилось»; «Не побычилось»* (говор Жиздринского уезда, Калужской губернии) [1]; «*Помжилось* мне (забылось)» (Карский, Западнорусские говоры); «Еще *не поглянется* — убежит» (Коновалов, Калмыцкий брод); «*Попритчилось* ему» («Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова); «Тебе *помстилось*» (там же); «Мне что-то *поманилось*» (вологодский говор) [2]; «Мне *стоснулось,* мне *сгруснулося,* захотелося к родной матушке» (Соболевский, Великорусские песни); «Как ему еще *вздрямится*» (псковский говор, Даль).

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТЬ К ФИЗИЧЕСКИМ ДЕЙСТВИЯМ И СОСТОЯНИЯМ

Наиболее яркой по безличности является группа предложений со сказуемым, выраженным возвратными глаголами,

[1] См. Н. К. Никольский. Народные говоры Жиздринского уезда, Калужской губернии, РФВ, № 1—2, 1903.

[2] Н. Макаров. Опыт русского простонародного словотолковника. Общество любителей истории и древностей российских при Московском университете.

в которых *-ся* является конструктивной частью, образующей безличное значение этих глаголов. Семантика данных глаголов состоит в выражении самостоятельно возникшей предрасположенности неназванного субъекта к указанному и названному действию, которое переходит в состояние психическое и физическое. Это состояние импульсивно, так как возникает в субъекте помимо воли и стремления и развивается как бы независимо в нем, например: *зябнется, икается, зевается, дремлется, плачется* и т. д. Указанная группа предложений очень употребительна, а глаголы эти очень продуктивны в языке и соотносительны с личными глаголами того же лексического состава, но без *-ся*. Очень многие личные глаголы становятся безличными путем присоединения словообразующей частицы *-ся* для выражения значения предрасположенности, например: *аукает — аукается, ахает — ахается, бежит — бежится, вздыхает — вздыхается, гадает — гадается, гуляет — гуляется, глазеет — глазеется, говорит — говорится, гостит — гостится, гребет — гребется, дремлет — дремлется, дает — дается, думает — думается, дышит — дышится, ест — ется, живет — живется, жует — жуется, ждет — ждется, зевает — зевается, икает — икается, играет — играется, ездит — ездится, косит — косится, кашляет — кашляется, кричит — кричится, лежит — лежится, обедает — обедается, пирует — пируется, пашет — пашется, пьет — пьется, поет — поется, плавает — плавается, пляшет — пляшется, пишет — пишется, плачет — плачется, сидит — сидится, свистит — свистится, сосет — сосется, скачет — скачется, танцует — танцуется, читает — читается, шагает — шагается, молчит — молчится, шутит — шутится* и т. д.

Ко всем почти безличным глаголам, приведенным нами, имеются и параллельные формы личных: *спится — сплю, хочется — хочу* и т. д.

Обычно представляется, что всякий глагол способен к такому переходу в безличные. Однако это далеко не так. В большинстве случаев к такому переходу способны непереходные и конкретные глаголы, выражающие физическое или психическое состояние. Вряд ли могут книжные личные глаголы абстрактного значения становиться безличными, например: *анатомировать, ангажировать, ассистировать, аттестовать* или *совмещать, соединять, пренебрегать, презирать* и т. д. Нельзя образовать безличную форму на *-ся* от глагола в таком предложении, в котором есть объект; например, можно сказать: *сегодня утром легко косилось — была большая роса,* но невозможно употребить в безличном значении глагол *косить* при объекте-дополнении: *легко косилось траву.*

Неспособны к переходу в группу возвратных безличных

глаголов на *-ся* со значением предрасположенности такие глаголы, которые уже имеют *-ся: смеяться, кружиться, ругаться, биться, сражаться.* В них нельзя выразить предрасположенность к тому или иному действию. Например, легко можно сказать: *охотно елось после физической работы,* но невозможно сказать: *хорошо сражалось после артиллерийской подготовки.* И это понятно: значение безличности несовместимо со значением возвратности, так как возвратность предопределяется субъектностью. А так как *-ся,* присоединяясь к таким словам, как *спит,* создает значение безличности, то возвратные глаголы, уже имеющие *-ся,* не могут быть этим способом переведены в безличные, например: *смеется, улыбается,* иначе получились бы омонимические формы, приводящие к недоразумениям.

В современном русском языке глаголы типа *пьется, спится* очень употребительны. Например: «Уединение любя, чиж робкий на заре чирикал для себя не для того, чтобы похвал ему хотелось, и не за что; так, как-то *пелось*» (Крылов); «Ей сна нет от французских книг, а мне от русских больно *спится*» (Грибоедов); «Не *спится,* няня, здесь так душно» (Пушкин); «Вам холодно немножко, вы закрываете лицо воротником шинели, вам *дремлется*» (Тургенев); «Где трудно *дышится,* где горе *слышится,* будь первый там» (Некрасов); «Свод небесный темен в полночь, как в ночи; не *сидится* в хате тесной, не *лежится* на печи» (он же); «Отцу протопопу не *спалось*» (Лесков); «Впрочем, это единственное место, где мне легче *живется*» (Писемский); «Долго, долго хорошенькой кукле беззаботно *жилось,* бестревожно» (Полонский);

«Блеск горячий солнце сеет
Вдоль по Невской глубине,
Югом блещет, югом веет,
И *живется* как во сне» (Фет);

«*Писалось* тебе? — Чудесно *писалось*» (Вересаев); «О как тяжело в молодости *вздыхалось*» (А. Н. Толстой);

«Очень знать нам хочется,
Звездная метелица,
Как вам ночью *ходится,*
Как вам ночью *ездится*» (Маяковский);
«Мы вас ждем, товарищ-птица,
Отчего вам не *летится?*» (он же);
«Плачет где-то иволга,
Схоронясь в дупло,
Только мне не *плачется,*—
На душе светло» (Есенин);

«Но Парижу не *плясалось* в этот душный безветренный день» (А. Н. Толстой); «Сладко *дремлется* в кроватке» (Блок).

По всей видимости, эта группа глаголов в литературный язык проникла из народного языка. Как в языке фольклора, так и в различных диалектах эта безличная группа глаголов бытует в сказках, пословицах, поговорках, былинах и песнях довольно часто. Например: «*Ичется* с голоду, *дрожится* с холоду» (Даль); «При соли *хлебнется,* к слову *молвится*» (он же); «Тому *живется,* у кого денежка ведется» (он же); «Неравно замуж *пойдется*» (Соболевский, Великорусские песни); «Кому *живется,* у того и петух несется» (Снегирев, Пословицы); «Каково *постелется,* таково и *спится*» (там же); «*Спалось* ли вам, да ночкой темною?» (Причитания, Ярославская губ.); «Мало мне *спалось,* во сне много *виделось*» (Калики перехожие, Сб. статей Бессонова, 1861); «Не *спится* Ивану, не *дремлется,* ему вдвое, втрое *грезится*» (Русские былины, изд. Тихонравова, т. 1).

Очень употребительны эти глаголы в песнях, например: «Сладко *пелось* пташечке в зеленом саду» (народная песня); «Ох, мне не *спится,* не *лежится,* и сон меня не берет» (народная песня);

«Пойду схожу к баушке,
Ворожить на камушке,
Чтоб мне *пилось,* чтоб мне *елось,*
Тебя видеть не хотелось» (современная частушка Кимрского района);

«Ох, неможется, *не спится,*
Сердце девичье болит,
Одной дома не *сидится,*
Все к миленочку манит» (современная частушка Горьковского края).

Насколько распространены и количественно и качественно эти формы в диалектах, нам с достаточной полнотой выяснить не удалось. Однако некоторые записи говорят о наличии в диалектах этих глаголов. Например:

«Как кому *свыкнец'а,* так и *живец'а*» (говор Горьковского края); «На табак не остаетця, тогда луччи *жилос;* денек придетца з'бират'» [1]; «*Довялось* чирвяку на вяку» (Курский сб. материала по этнографии, т. III, сб. Машкина, стр. 16).

Такая форма глагола употребительная и в украинском языке и в других славянских языках с той же самой функцией:

«Веди го сюда — не *ведется* бо.

[1] Б. и Ю. Соколовы. Отчет о поездке в Весьегонский уезд, Тверской губ. в 1909 г. РФВ, LXIV, 1910.

То держи го — не *держится* бо.
То пусти го — не *пускается* бо» [1].

Глаголы, употребляющиеся в безличном значении с оттенком предрасположенности к какому-либо действию или состоянию, претерпевают некую модификацию при наличии определительно-наречного слова. Если в некоторых оборотах, выражающих предрасположенность к действию, это значение выражено одним глаголом, то подстановка качественного или количественного определительного слова укрепляет это значение; ср.: *Под шум дождя крепче спалось; В хорошую погоду лучше работалось;* «И *живется* долго и прочно» (Гончаров); «Здесь мне *жилось порядочно,* здоровье не тревожило» (Тургенев).

Б. Гвоздиков в статье «Опыт классификации залогов русского глагола» высказывает следующие мысли. *«Не спится, не лежится, что-то не думается* или, наоборот, *думается, мне не естся* или *естся, читается, плохо живется, мало можется, нездоровится, не сидится на месте* — во всех этих случаях мы замечаем оттенок легкости, удобства, самопроизвольности действия, как будто действие катится с наклонной плоскости...— цитирует Б. Гвоздиков лекции Потебни по русскому языку 1883/84 г.— Оттенок зависит от *-ся*... На основании сказанного обозначенные выражения причисляем к залогу, представляющему возникновение признака вне реального его производителя, но в связи с последним. Действие происходит помимо моего желания, но не встречает сопротивления с моей стороны, и действие получает полное развитие» [2].

Видимо, здесь, помимо самопроизвольности действия, в глаголе выражается такое действие, при котором лицо оказывается не активно вызывающим действие, а пассивно, и вместе с тем легко его воспринимающим, почему деятель всегда стоит в дательном падеже, например: *мне спится, мне дремлется* [3], *мне вспомнилось* — действие совершается помимо моей воли.

Некоторые ученые полагают, что сначала образовались безличные глаголы на *-сь* типа *спалось, елось* из глагола и возвратного местоимения-энклитики *си* дательного падежа: *спало-си, ело-си* (*си* = *себе,* ср. современное *сидит себе*). Затем безударное конечное *си* редуцировалось, и вместо *спало-си*

---

[1] См. А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III, Харьков, 1899.

[2] Б. Гвоздиков. Опыт классификации залогов русского глагола. РФВ, № 1, 1904, стр. 215.

[3] См. об этом H. Schuchardt. Über den aktivischen und passivischen Charakter des transitiven Verba, S. 225; Fink. Der angeblich passivische Charakter des transitivs Verba, S. 224—225.

стало *спалось*. Таким образом, в глаголах этого типа, помимо непереходности, выражается сосредоточение процесса в самом себе и для себя. Действие обращается на самого же действователя, который как субъект устраняется. На это указывал еще Павский: «В число безличных глаголов очень часто вводятся и личные посредством частицы *-ся*, например: *ему не спится, не сидится, грезится*» [1].

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТЬ К ПСИХИЧЕСКИМ ДЕЙСТВИЯМ И СОСТОЯНИЯМ

Безличные предложения образуются также со сказуемым из безличных возвратных глаголов на *-ся*, которые выражают предрасположенность к психическим действиям или состояниям, например: *думалось, думается, хотелось, хочется, мечталось, мечтается, желалось, желается, грустилось, грустится, верилось, верится, терпелось* (чаще *не терпелось*).

В предложениях, выражающих предрасположенность к физическим действиям или состояниям, содержание этого значения выражается целиком в глаголах (*спалось* и др.). В предложениях, выражающих предрасположенность психическим состояниям, недостаточно одного глагола для выражения полноты значения: при них должен указываться и объект желания или мечты, который выражается родительным или другим падежом или инфинитивом: *хотелось пойти, мечталось увидеться, хотелось пить;* или же: *мечталось о весне, хотелось воды, верилось в правду, не терпелось увидеть* и т. д. И в том и в другом случае глагол безличен, желание или стремление представляется возникшим без воли и без участия какого-либо лица [2].

Предложения, выражающие предрасположенность к тем или иным психическим состояниям, делятся на две группы: а) предложения, в которых в сказуемом посредством безличных глаголов выражается предрасположенность к эмоционально-психическим состояниям, например: *верится, верилось, думается, думалось, любится, любилось, терпится, терпелось* и др.; б) предложения, в которых в глаголах выражаются волевые стремления, например: *хочется увидеть, хочется воды, мечталось поехать, мечталось о весне* и т. д.

В этих безличных предложениях сказуемые-глаголы как

---

[1] Г. Павский. Филологические наблюдения над составом русского языка, рассуждение 3, изд. 2-е, 1850, стр. 226.

[2] См. А. А. Добиаш. Опыт семасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка, Прага, 1897, стр. 67.

будто схожи, обе группы глаголов безличны, но синтаксические связи у них разные. Первая группа безличных глаголов обычно служит для выражения простого сказуемого в безличном предложении, а глаголы второй группы являются в безличном сказуемом такими же модальными словами, как *пришлось, удалось,* но с иной семантикой — выражения желания, стремления. Особенно употребителен в этой функции глагол *хотелось,* например: «Не *хочется умереть* без разрешения» («История Королевича Ахиллабона») [1]; «Мне *хотелось* бы *дожить* до этого» (Карамзин); «Вот граница литовская, до которой так *хотелось* тебе *добраться*» (Пушкин); «И головке-то тяжело, и *кушать-то не хочется*» (он же); «Я лгал, но мне *хотелось* его *побесить*» (Лермонтов); «Ему *хотелось заехать* к Плюшкину» (Гоголь); «Мне опять *плакать хочется,* глядя на вас» (Гончаров); «Мать сказала, что чувствует себя лучше... и что ей *хочется посидеть*» (Аксаков); «Они помолчали, но Василию Андреевичу *хотелось говорить*» (Л. Н. Толстой); «*Есть* ужасно *хочется*» (Писемский); «Но об этом мне самому *хочется заявить* два слова особо» (Достоевский); «*Погубить* себя не *хочется...*» (Кольцов); «Ей *хочется остаться* одной и *погрустить* тихонько, как бывало» (Добролюбов); «Уж я вижу, что это ему *проститься хочется*» (А. Н. Островский); «Хозяевам, разумеется, как можно скорее *хотелось* эти цепи *соединить*» (Лесков); «Мне не *хотелось ехать* в Париж» (Герцен); «Мне *хотелось знать,* что делает Мишка» (Горький); «Смерть *покурить хочется,* а папирос купить не на что» (Куприн); «*Не хочется* Карасеву *подыматься*» (Серафимович); «И ему было страшно, *хотелось уйти* от стариковских глаз» (А. Н. Толстой); «Ему *хотелось* окликнуть его» (Шолохов); «И так *хочется дышать* прохладным воздухом раннего осеннего утра, воздухом родины» (Л. Никулин).

Другие глаголы встречаются гораздо реже. Например: «Мы... постарались определить ее содержание, что г. Григорьеву *не заблагорассудилось* ни разу сделать» (Добролюбов); «Мне *вздумалось сорвать* этот репей и положить его в середину букета» (Л. Н. Толстой).

Глаголы переходного значения этой группы могут употребляться без инфинитива в том случае, когда известная ситуация помогает понять сказанное и без него. Если предлагают человеку есть или курить, он может ответить, опустив инфинитив, например: «Благодарствуйте, что-то *не хочется*» (Лермонтов), так как ситуация или предварительная речь говорит об этом. Глаголы же непереходного значения могут вообще употребляться без дополнения инфинитива, но допол-

[1] Русские повести XVII—XVIII вв., под ред. Сиповского, СПб., 1905.

нение дательного косвенного объекта также необходимо, например: «Маше все еще *не верилось*» (Пушкин).

Часто текст требует второго дополнения, отвечающего на вопрос: в о ч т о? Другие же глаголы требуют дополнения на вопрос о ч е м? Например: «Ему *думалось* о Тарасе Маякине» (Горький); «Легко *думается* о чем-то неуловимом словами» (он же).

В языке фольклора, в поговорках, пословицах, былинах и сказках безличные глаголы указанного значения употребляются во всех конструкциях. Например: «Не того бы *хотелось*, да так сталось» (Даль); «Жить — мучиться, а умереть *не хочется*» (Снегирев, Русские народные пословицы и притчи); «Мне-ка стара взять *не хочецься*, а молода взять мне дюжа корысть» (Песни русского народа, записанные Истоминым); «Только *захотелось* бы на белый свет» («Садко», Онежские былины, записаны Гильфердингом); «Да у нас напитки — рюмочку пьешь, а по другой душа горит, а третьей *хочется*» (Песни, записанные Рыбниковым);

«Свекровью-то назвать невежливо,
Матушкой назвать *не хочется*»
(Песни русского народа,
записанные Истоминым);

«Мне платочка дуже *хочетца*,
За попа ити *не хочетца*,
Мне чепчика дуже *хочетца*,
За купца ити *не хочетца*»
(Романов, Белорусский сборник,
т. 1, вып. 1—2);

«Хоть и стоснется, востоскуется,
Востоскуется, замуж выдется,
Замуж выдется, гулять *захочется*»
(Песни, записанные Рыбниковым).

Безличные глаголы, выражающие эмоционально-психологическое состояние, отличаются от глаголов, выражающих состояние физическое, тем, что могут употребляться в главной части сложноподчиненного предложения в качестве сказуемого, подлежащее к которому будет выражено придаточным предложением. В этих предложениях, как и в предложениях с безличным сказуемым в главном предложении со *случилось*, дается только намек на представление в сознании, которое затем выражается в форме придаточного предложения. Например, когда говорят: *думается, верится,* то этими словами как бы только намечается то, о чем думается, во что

верится, а потом уже в придаточном предложении раскрывается содержание. Глаголы, выражающие психическое состояние и предрасположенность к нему, сочетаются с придаточным подлежащим, в то время как глаголы волеизъявления, типа *хотелось,* требуют придаточного дополнительного, присоединенного союзом *чтобы,* например: *хотелось, чтобы вы забыли об этом случае.*

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ДЕЙСТВИЯ НЕИЗВЕСТНОЙ СИЛЫ ИЛИ НЕДОСТОВЕРНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Безличные предложения указанного значения строятся со сказуемым из безличных возвратных глаголов, выражающих такой процесс, который возник сам собой без субъекта и как будто без причины или же представляется действием какой-то таинственной, непознаваемой силы, например: *чудится, мерещится, грезится, снится, видится, кажется, слышится, представляется.* Эти глаголы чаще встречаются в прошедшем времени: *чудилось, виделось, казалось, мерещилось, слышалось, сдавалось, представлялось, грезилось, снилось* и т. д.

Многие из этих глаголов могут употребляться во всех личных формах, например: *Ты мерещишься мне по ночам; Я ей снился каждую ночь; Он привиделся* ей *как-то ночью.* Только глагол *сдается* абсолютно безличен. Он лишен и видовых вариаций.

Таким образом, эта группа глаголов очень различна по степени проявления лица и по возможности употребления во всех лицах. В этой группе можно выделить:

1) одноличные глаголы, которые употребляются только с третьим лицом;

2) глаголы личные, но употребляемые и безлично: *казалось, мерещилось, чудилось, грезилось, представлялось, снилось.*

Следовательно, некоторые из этих глаголов могут иметь все три лица. Например: «Здесь *трепет чудится* и *слышится* в меди» (Вяземский); «И *мерещится старуха,* наша сверстница Москва» (он же); «Все тот же несносный колеблющийся *снег мерещится* в глазах» (Л. Н. Толстой).

Но чаще эти глаголы употребляются безлично, причем в предложении безличный глагол всегда сочетается с дательным субъекта: *мне, тебе, ему, ей* и т. п. Например: «Ей так горько и противно и пошло *казалось* жить, так стыдно ей стало самой себя, своей любви» (Тургенев); «Бывало ночью

не спишь, все тебе *мерещится*» (Салтыков-Щедрин); «Тебе *примерещилось*, чудачка» (Чехов).

В народном языке недостаточное восприятие действительности выражается обычно теми же глаголами, что и в литературном языке, хотя количественно они в диалектах богаче, например: *помстилось, втемяшилось, поблазнилось, брусне-лось.* Часто такие безличные предложения встречаются в поговорках, пословицах, песнях и былинах, например: «Одному сбылось, другому *грезилось*» (поговорка); «Молодец женится, а во сне мне *грезится*» (Даль); «Много *бредится,* мало сбудется» (он же); «*Кажется* Садку богатому, не во сне ему *кажется,* наяву ему видится» (Онежские былины, записаны Гильфердингом); «Наяву у Садка *причудилося*» (там же); «Как ночесь мне царю да мало спалося, во сновидении много *привиделось*» (Песни русского народа, записанные Истоминым); «Тут ему за беду стало, за великую беду *показалося*» (Киреев., Песни); «Мне во снях-то горюше *показалося,* наяву ли то горюше *предъявилося*» (Барсов, Причитания Северного края, ч. 1); «Вот ему и *пригрезилось* во снях» (Сказки, записанные Колосовым).

Обычно такие глаголы выполняют функцию простого сказуемого в безличных предложениях.

Наблюдения над языком писателей показывают, что эти глаголы не менее часто употребляются в структуре сложных предложений, например: «Но вот *чудится* ему, что тень дерева пыхтит и дуется» (Гоголь).

Как в простых безличных предложениях, так и в сложных глаголы подобного типа таят в себе какой-то намек на субъект и сразу возбуждают вопрос ч т о? *Снится что? Грезится что?* (Ср.: «И *снится* ей все, что в пустыне далекой... прекрасная пальма растет» (Лермонтов).

В литературном языке эти конструкции сложных предложений, состоящих из главного и относящегося к нему придаточного, в котором и выражается субъект к главному, очень употребительны в XIX—XX вв. Например: «И мне *пригрези-лось:* сбылась судьба земного» (Брюсов); «Знаешь, мне иногда *кажется,* что я птица» (А. Н. Островский); «И *чудится,* будто весь вылит он из стекла» (Гоголь); «Мне *чуется,* что вы, милый друг дедушка, тоже работаете» (Л. Н. Толстой); «Бедная, ей все *чудится,* что я заграбастаю ее Антошу и сделаю его несчастным» (Переписка Чехова с Книппер).

Особенно употребителен в указанной функции глагол *казалось, кажется,* например: «Мне все *кажется,* что у нас не дуэль, а убийство» (Пушкин); «Мне *кажется,* что в одной улыбке состоит то, что называют красотою лица» (Л. Н. Толстой); «Грузные тучи медленно ползут над сонной рекой,

кажется, что они спускаются все ниже и ниже; *кажется,* что вдали их серые лохмотья коснулись поверхности быстрых и мутных весенних волн» (Горький); «И вдруг ей *показалось,* что в этом году он умрет» (А. Н. Толстой); «На миг ему *показалось,* что кто-то мохнатый, черный стоит на сундуке» (Шолохов); «И *казалось,* что деревья только что отболели корью» (Федин); «Так и *казалось,* что кинется он вперед» (Фурманов).

Еще в XIX в. в литературном языке часто употреблялся глагол *сдается, сдавалось* в значении «казалось», «мыслилось». Например: «Мне *сдается,* что его милость подослан к нам из Оренбургских командиров» (Пушкин); «Мне *сдается,* что этот беглый еретик, вор, мошенник — ты» (он же); «Мне *сдается,* что дымок там светлый вьется» (Ершов); «Мне *сдавалось,* что в их доме я должен был найти разгадку всего» (Тургенев).

В современном русском языке *сдается* бытует только в разговорном языке[1], а в художественной литературе этот глагол вытеснен глаголом *кажется.*

Нередко употребляются и другие глаголы в том же значении. Так, *думается, помнится, мнится* (архаизм), *представляется* тоже могут употребляться в главном предложении в роли сказуемого в том же самом значении, что и глагол *кажется.* Например: «И *мнится* мне, что тайно гробницу эту ангел посетил» (Пушкин); «*Думается,* что надо до времени забыть о Пасхалове, как о сочинителе для человеческого голоса» (Мусоргский); «Покупаю на вокзале билет, даю три рубля, и *думается* мне, будто они фальшивые» (Чехов);

«И каждый год, как желтый лист кружится,
Все *кажется,* и *помнится,* и *мнится,*
Что осень прошлых лет была не так грустна» (Блок);

«Прочитав внимательно рассказ, мне *думается,* что редакторских поправок в нем нет» (Горький, Письма Сургучову); «И вот *стало* ему *представляться,* как он с женой идет по Александровскому саду» (Л. Н. Толстой); «Мне сначала *представилось,* что сорок лет назад мы были точно такими» (Федин); «Иногда нам *представляется,* что она войдет к нам» (Горький); «Мне *представилось,* что сейчас должна прийти сестра и принести мне ужин» (Чехов); «Мне *думалось,* что Розена в последнюю пору его жизни я знал довольно близко» (Крачковский, «Над арабскими рукописями»).

В безличном предложении сказуемое из таких глаголов, как *чудится, кажется, видится,* самим лексическим составом

[1] См. «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова.

намекает на субъект: *чудится* ч т о? Это «что» и раскрывается в придаточном предложении, например: *Мне кажется, что весна будет ранняя.* Затем центр смысловой нагрузки перемещается на придаточное предложение, а сказуемое главного предложения теряет прежнее лексическое значение и превращается в вводное модальное слово, выражающее оттенок неполной достоверности сообщаемого; тем самым сложное предложение превращается в простое с вводным словом. Ср. *Кажется, он не придет — Видимо, он не придет; Должно быть, он не придет; Быть может, он не придет.*

Уже в XVIII веке глагол *кажется* употреблялся в значении вводного слова, например: «И тому таки, *кажется,* дивиться нечего» (С. Порошин, «Записки»). В дальнейшем не только этот глагол, но и другие, как, например, *помнится, разумеется,* также начинают выполнять функцию вводного слова, например: «*Помнится,* она несколько дней сряду была очень холодна со мною» (Тургенев).

Против изложенного объяснения конструкций типа «кажется, что...» возражал Потебня. Он писал: «Грамматический субъект понимаю лишь в тесном смысле, т. е. что если в славянских и сродных языках представляется производитель действия, выраженного сказуемым, то не иначе, как в виде субстанции, существа, означаемого именем, или в греческом или немецком субстантивированным неопределенным наклонением с членом и в прямом падеже. Где нет грамматической субстанции и прямого падежа, там нет субъекта» [1].

Критикуя Миклошича, Потебня утверждает, что «как *приснился мне сон* по отношению к субъектности не изменяется от прибавления придаточного с *что, будто,* так по отношению к бессубъектности все равно, скажу ли *по утрам мне снится* (видятся сны), *хочется* или *мне снится, что..., хочется, чтобы...*, ибо в последнем случае содержание сновидения, цель желания не представляют производителей сна, желания, как оно (содержание, цель) представлено в *то (самое) снится*» [2].

Однако здесь Потебня сам отходит от грамматических принципов. В предложении, как наикратчайшем высказывании, один член признается за определяемое, другой за определяющее, если предложение членится на два центра. *Кажется мне* расчленить нельзя, но *кажется мне, что к нам пришли* можно расчленить на две части: на определяемую и на определяющую.

И нам представляется более убедительным взгляд Микло-

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III, 1899, стр. 474.

[2] Там же, стр. 475.

шича, который писал: «Бессубъектно предложение лишь тогда, когда оно заключает в себе полный смысл, не требуя дополнения в мысли субъектом или предложением, заменяющим его»[1]. *Слышно,* если это не ответ на предыдущий вопрос, само по себе не имеет полного смысла, а поэтому требуется к нему разъяснение: что *слышно?* Этим разъяснением и является придаточное предложение.

Нельзя не согласиться с Потебней, что придаточное предложение не есть и не может быть субъектом, или действующим лицом, но подлежащим оно может быть, т. е. быть грамматическим выражением того, о чем мы судим, о чем мы говорим в сказуемом. Поэтому, быть может, было бы вернее подобные предложения вообще называть не безличными, а бесподлежащными или бессубъектными[2], но нас удерживают от этого другие бесподлежащные, но личные предложения, например: *«Идет.* Ему коня *подводят»* (Пушкин) (в данном случае неопределенно-личные предложения).

Об образовании безличных предложений данного типа Потебня думал следующее: «Если *чудится мне* из *чудо чудится,* а в последнем *-ся* возвратное, то это *-ся* есть замена внутреннего объекта»[3]. По Миклошичу выходит, что « в тесном смысле винительный внутреннего объекта есть винительный существительного, на которое указывает само сказуемое, произведенное из этого существительного»[4]. Потебня видит противоречие в таком понимании, говоря, что «объект есть нечто внешнее относительно субъекта и его действия»[5].

По мнению Потебни, «как устранение субъекта, ставшего мнимым, превращает сказуемое в бессубъектное, так исподволь устанавливается разница между объектами действительными и мнимыми, и последние устраняются, вместе с тем часть сказуемых превращается в интранзитивные»[6].

Так же, по-видимому, возникли глаголы *снится, грезится.* Объединяющим признаком в этих глаголах является почти всегда сопутствующий названный или мыслимый дательный субъекта: *мне, тебе, ему, кому, им, вам, нам* и т. д. Это обязательное наличие дательного и толкнуло М. М. Гухман поставить разнообразные в семантическом отношении предложения

---

[1] Miklosich. Subjektlose Sätze, S. 30.

[2] См. об этом Н. Ф. Яковлев. Синтаксис чеченского литературного языка, стр. 15: «Вообще термин «безличные предложения» неточен, в особенности по отношению к русскому и другим европейским языкам... правильнее называть этого рода предложения не безличными, а бессубъектными».

[3] А. А. Потебня, назв. раб., стр. 422.

[4] Miklosich. Subjektlose Sätze, S. 3.

[5] А. А. Потебня, назв. раб., стр. 423—424.

[6] Там же.

в одну группу — «конструкция с дательным-винительным падежом лица в индоевропейских языках» [1].

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ПАССИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ ОБЪЕКТА НА СУБЪЕКТ

Из безличных возвратно-страдательных глаголов образуются безличные конструкции, выражающие пассивное действие объекта на субъект.

Эти глаголы служат в безличном предложении сказуемым. Они немногочисленны, но употребительны. Например: *говорится, делается, ведется, требуется, выявляется, предназначается, выясняется, считается, предполагается, полагается, возбраняется, воспрещается, запрещается; рекомендуется, подтверждается рассказывается.* Эти же глаголы употребляются и в прошедшем времени: *говорилось, делалось, повелось, читалось, требовалось, полагалось, возбранялось, запрещалось, предполагалось, указывалось, рекомендовалось.*

Соотносительным по значению безличным же оборотом является конструкция с безличным страдательным причастием *сделано, выявлено, выяснено* (хотя и не все глаголы, выражающие пассивное действие объекта на субъект, имеют параллельные формы страдательных причастий). Следовательно, пассивность, страдательность может выражаться и глагольными формами и именными — причастными [2].

Возвратно-страдательные глаголы не безличны, а только лишь употребляются в значении безличных. Большинство из них свободно сочетается со всеми тремя лицами, а с предметным субъектом сочетаются все. Например: *Колхоз считался отстающим; Въезд в город не разрешается.*

Анализируя употребление указанных выше глаголов, мы видим, что субъект не выражен, но он мыслится как деятель, хотя и не в прямом падеже, а в творительном: не само по себе *говорится, делается,* а «кем-то» *говорится,* «кем-то» *делается.*

Служа сказуемым в безличном предложении, эти глаголы выполняют двоякую семантическую функцию. Одни из них выражают процессы, производимые субъектом в творительном падеже: *говорится, делается, ведется, выясняется, выявляется, сочетается* и др. Другие же выражают волю какого-то неопределенного, но определимого лица, направленную на лицо, тоже не указанное, но которое должно быть объектом воздействия

---

[1] М. И. Гухман. Конструкция с дательным-винительным падежом лица в индоевропейских языках. Изв. АН СССР, т. IV, вып. 3—4, 1945.

[2] См. дальнейшее изложение.

выраженной воли, например: *полагается, рекомендуется, приказывается, возбраняется, воспрещается, запрещается, предписывается* кем-то и кому-то.

Первая группа глаголов особенно часто употребляется в пословицах и поговорках — произведениях народной мудрости и опыта, например: «Словами скоро *говорится,* да не скоро делается» (Даль); «Доселева бывало, жена мужа бивала, а ныне *ведется,* муж жены блюдется» (он же); «Ему дано много, много и *взыщется*» (Снегирев, Русские народные пословицы и притчи); «Недаром *говорится,* что дело мастера боится» (Даль); «Не попусту в народе *говорится:* не плюй в колодец, пригодится воды напиться» (Крылов); «Вот, например, у нас уж исстари *ведется,* что по отцу и сыну честь» (Грибоедов); «Ей дядя, после *объяснилось,* служил заботливым отцом, и, как бывало *говорилось,* держал в Москве открытый дом» (Баратынский); «Дверь теперь оставалась отворенной: *объяснилось,* зачем старик непременно хотел ее припереть» (Лесков); «Отдавать ему долги *считалось* как-то не принятым, даже смешным» (Куприн); «Заговорили, что он утонул, и дня через два *подтвердилось:* верстах в семи ниже села к луговому берегу прибило его лодку с проломленным дном и разбитым бортом» (Горький); «*Потребовалось* у спуска, где цепляется бадья, поставить пулемет, а кругом немалую охрану» (Фурманов); «К полудню *выяснилось,* что он был прав» (Симонов).

Конструкции предложений, структурным компонентом которых являются глаголы *говорится, делается,* могут быть простые и сложные. В сложных предложениях безличные глаголы служат сказуемым, подлежащим к которому является придаточное, присоединяемое союзом *что,* например: *Недаром говорится, что дело мастера боится.*

Вторая группа глаголов со значением долженствования — книжного образования, главным образом из сферы общественно-делового языка и употребляется чаще всего в постановлениях, юридических актах, научно-политической речи, так как этими глаголами выражаются общепринятые и признанные положения морали, этики и права или же диктуется чья-либо воля, например: *По траве ходить воспрещается; Предлагается зарегистрироваться у дежурного.*

Из деловой речи эти глаголы проникают и в художественную литературу. Например: «А впрочем *позволялось* ему жить, где хочет и чем хочет» (Тургенев); «Это вот вашей милости точно, что рассудка *не требуется,* потому вы за готовым и так проживете» (А. Н. Островский); «Надевать его *позволялось* только по праздникам» (Чехов); «*Предполагается* закончить театральный сезон к пятнадцатому июня» («Толковый словарь

русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова); «По должности мне *полагалось* следить за порядком в архиве» (там же).

Строение безличных предложений во второй группе иное, чем в первой группе.

В первой группе глаголы типа *говорится* могут не только образовать простое безличное предложение, но и быть сказуемым в главном, к которому придаточное служит подлежащим (см. выше).

Из глаголов же второй группы конструируются безличные предложения простые, в которых сказуемое выражается каким-либо пассивно-страдательным глаголом с примыкающим к нему инфинитивом дополнения, например: *Воспрещается громко читать.*

И, наконец, глаголы на *-ся* могут выступать связкой в безличных предложениях — в именном сказуемом, например: *Становилось темно; сделалось тепло;* «Иногда ему *становится скучно*» (Горький).

Но и в этих предложениях безличность создается не связкой, а присвязочным словом, которое выражает состояние окружающей среды или физического и психического мира человека. А потому анализ предложений с безличной связкой из глаголов на *-ся — -сь* будет дан в связи с другим разрядом безличных предложений.

Не анализируем здесь и предложений, в которых безличность выражается не только безличными глаголами, но и родительным падежом с отрицанием. Например: «Ни малейшей усмешки *не чудилось* на ее нежных губах» (А. Н. Толстой); «В доме ничего *не изменилось*» (он же).

Такова картина бытования и употребления безличных глаголов на *-ся* в современном русском языке.

В древнерусском языке этот конструктивный тип безличных предложений зафиксирован нами в самых ранних памятниках, но сфера распространения и употребления его несколько иная.

Чтобы судить о месте этих оборотов в синтаксической системе русского языка, чтобы яснее определить их специфическую природу, необходимо тщательно изучить типы безличных предложений в древнерусских памятниках и из соотношения и сравнения типов безличных предложений в разные эпохи можно будет судить не только об их типах, употребляемости, но и об образовании некоторых типов.

ГЛАВА VII

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО СКАЗУЕМЫМ, ВЫРАЖЕННЫМ ГЛАГОЛОМ БЫТИЯ, СУЩЕСТВОВАНИЯ

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ УТВЕРДИТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Особое место занимают в синтаксисе безличные предложения, выражающие бытие, существование. Обычно эти предложения конструируются из безличных глаголов *есть, было, будет* в сочетании с существительным в родительном падеже со значением неполного объекта.

В современном русском языке не совсем четко отграничиваются экзистенциальные глаголы *быть, было, будет, стать, станет* от омонимичных связок, образовавшихся тоже от глаголов бытия.

Вопрос о связке сложен и неясен. Высказывания Аристотеля, говорившего о связной речи и речи без связи, послужили источником неправильного учения о связке как о третьем члене предложения. Эта теория жила века, и впервые ее поколебал наш русский ученый А. Востоков в 1844 году, указавший, что глаголы *есть, было, будет* отнюдь не связки, а глаголы, выражающие бытие, существование и являющиеся в предложении сказуемым. Однако это категорическое указание Востокова не вполне правильно. В структуре русского языка имеются и глаголы бытия, и омонимичные им формы связок, образовавшиеся из этих же глаголов, потерявших свое лексическое значение, или, точнее сказать, специализировавшиеся в функции связки именного члена сказуемого к субъекту-подлежащему. Отграничить связки *есть, было, будет* от этих же омонимичных глаголов не всегда легко и просто. Это выте-

кает из нечетко определенных границ их употребления в историческом развитии форм сказуемого.

Большинство лингвистов считает, что связка более позднего происхождения, чем глаголы бытия. Движение лексически полных глаголов в вспомогательные, а затем в связки как будто подтверждает эту мысль. А. А. Шахматов полагал, что к связкам относятся и вспомогательные глаголы, хотя большая часть их еще не утратила своей глагольности, своего конкретного, реального значения; перешли же в связку только формы настоящего времени глагола *быть*, т. е. глаголы *есть* и *суть*; это привело к окончательной утрате их, причем утрата их в значении связки повела и к утрате настоящего времени глагола *быть* в реальном его значении: «существовать, находиться» [1].

Потебня понимает связку «как средство присоединения атрибута к подлежащему» [2]. Однако эта связка, по его мнению, возникла из глагола с вещественным значением. «Вообще нет ничего невероятного в том, что глагол, как *есть* и некоторые другие, может утратить все свое вещественное значение» [3]. «Рядом со случаями, где *ес* значит «быть налицо», «иметься», есть и другие, где *ес* совершенно лишено значения бытия» [4]. «Может ли такое отвлеченное значение стать чисто формальным?» [5] — спрашивает Потебня и отвечает утвердительно.

Овсянико-Куликовский пишет следующее: «На ранних ступенях развития связка конкретна и первоначально выражалась всеми глаголами; последние в этой роли сохраняли свое лексическое значение» [6]. Он утверждает, что «в архаическую эпоху сказуемое было составное — из знаменательной связки и имени (существительного, прилагательного, причастия). Дальнейшее движение выразилось: а) в постепенном ограничении числа глаголов, могущих служить связками; б) в утрате глаголами-связками их конкретных значений и приобретения абстрактных и в) в превращении составного сказуемого в простое глагольное, причем связка совсем исчезает, и вся предикативность сосредоточивается в сказуемом» [7].

Однако наблюдения над материалами русского языка показывают, что дело обстояло иначе. Овсянико-Куликовскому эта теория нужна была, чтобы доказать необходимость гла-

---

[1] См. А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, 1941, стр. 46.
[2] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. I—II, 1888, стр. 110.
[3] Там же, стр. 113.
[4] Там же.
[5] Там же, стр. 112.
[6] Д. Н. Овсянико-Куликовский. Очерк науки о языке, «Русская мысль», 1917, декабрь, стр. 26.
[7] Там же.

гольного сказуемого в каждом предложении. Нам представляется, что процесс развития номинативного сказуемого шел иным путем: именно впервые глагол *быть,* будучи самым абстрактным, встал на путь связки, и только потом уже он втягивал в свою орбиту другие глаголы, могущие выступать в роли связки. В настоящее время связка — чисто служебная часть речи. Ее главная функция — присоединение обозначенного каким-либо именем признака к подлежащему. А так как признак в предмете-подлежащем или в явлении-подлежащем может и не стать или не быть в настоящем, но возникнуть в будущем, то связка вместе с тем показывает время существования обозначаемого признака; ср.: *он поэт, он был поэт, он будет поэт.* Поэтому связка *есть, был, стал, будет* всегда связана с подлежащим в таких предложениях. Если эти же самые слова выражают не только время существования признака подлежащего, но утверждается глаголом *есть* наличие самого предмета и явления или наличие состояния, и слово *есть* не только служит выражением связи признака с его носителем, то эти слова будут не связками, а глаголами бытия, существования, например: «Однажды в студеную зимнюю пору я из лесу вышел. *Был* сильный мороз». Ввиду того, что глагол *быть* в значении «существовать» сам по себе абстрактен и лишен лексических признаков, этот глагол и стал наиболее приспособленным для выражения связки [1].

Следовательно, глаголы *есть, было, будет,* употребленные как выражение существования, наличия какого-либо явления, но без отношения его к лицу-подлежащему, не являются «связью», но выполняют свою функцию показателя времени, в котором пребывает явление или вещь, предмет. Такие конструкции образуют особый вид безличных предложений бытия, существования того, что не обозначено именем. Они выражают именно само бытие и существование или признак без его носителя субъекта или объекта без субъекта.

Известный философ Липпс в «Основах логики» писал: «Суждение без субъекта есть простой акт «признания» представляемого объекта, «веры» в него или сознания его объективной действительности: это экзистенциальные суждения» [2].

Психолог Марти также полагал, что хотя такие экзистенциальные суждения и не могут считаться полными суждениями, однако им невозможно отказать в названии суждения вообще, а поэтому Марти заключает: «Эго — единичный акт первоначального познания» [3], т. е. какое-то примитивное суж-

[1] Ср. функцию глагола *быть* в сложных временах.

[2] Липпс. Основы логики. СПб., 1902, стр. 66.

[3] A. Marty. Untersuchungen der allgemeinen Grammatik, Halle, 1908, S. 139.

дение, устанавливающее факт существования чего-либо и выражающееся особым типом предложения. Следовательно, совершенно правильны были рассуждения Потебни о том, что если при именительном существительного имеется глагол бытия, то эти предложения нужно считать личными, например: *есть люди на свете, у меня есть дочь, у вас есть деньги при себе*, так как они выражают полное суждение о субъекте и об его наличии, существовании и утверждаются глаголом бытия *есть*. И если даже в последнем предложении нет согласования в числе, то не всегда нарушение согласования влечет за собой сразу бессубъектность [1].

По поводу этой конструкции имеются разногласия между Миклошичем и Потебней. Миклошич полагает, что именительный множественного числа при *есть* является заменой более древнего винительного [2], на что Потебня возражал, говоря, что в обоих случаях перед нами настоящие исконные именительные, во множественном числе мужского и женского, позднее (около XII в.) начавшие заменяться винительным [3].

Потебня, следовательно, полагает, что обороты *есть люди, есть дочь, будет дочь* нужно считать субъектными предложениями. Глагол *есть*, который должен быть только при единственном числе, вытеснил совсем глагол *суть*, вследствие чего и при множественном числе очень давно стали употреблять глагол *есть*, утверждающий бытие, наличие чего-либо.

В литературном языке такой тип предложений используется сравнительно редко. И нет никаких оснований считать их безличными, так как именительный падеж в функции подлежащего во всех предложениях налицо. Налицо и сказуемое, выраженное глаголом бытия, например: «Но у царей свои причуды есть» (Крылов); «Все счастливо, уж есть и дети у орлицы» (он же); «Ведь есть же на свете богатые люди» (Пушкин); «Есть у меня вещицы три: есть туалет, прехитрая работа» (Грибоедов); «И что же, скажите, пожалуйста, есть у вас детки?» (Гоголь); «...У них есть лорнеты...» (Лермонтов); «Есть люди, с которыми непременно должно соглашаться» (он же); «Тут есть элегии, оды небольшие, в эротическом наконец роде» (Писемский); «У них есть поэты и сказочники,— никем не любимые, они живут на смех селу, без помощи, в презрении» (Горький); «Однажды я сказал ему, что мне известно,— есть и другие книги, подпольные, запрещенные» (он же).

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. III, 1898, стр. 477.

[2] См. Miklosich. Vergleichende Grammatik, Bd. IV, S. 355—356.

[3] См. А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. III, стр. 477.

Таким образом, глагол *быть*, утратив формы 1-го и 2-го лица как единственного, так и множественного числа, в настоящем времени сохранил только 3-е лицо единственного числа, что, несомненно, повело к меньшей определенности форм лица. Однако полной утраты лица еще нет. Применим такой тип предложения и в народном языке: «И зубы есть, да нечего есть»; «Эти молодцы принялись за работу: хто што — всем дело есть» (Сокол., Белозерск., 86).

Итак, если в предложении утверждается бытие, существование какого-либо явления, выраженного в независимой форме именительного падежа, а сказуемым к нему выступает глагол 3-го лица *есть*, то такие предложения личны, хотя нарушение согласования в некоторых случаях (например, употребление при множественном числе) делает их недостаточно четкими по отношению к лицу.

Гораздо ярче обнаруживается появляющаяся безличность в предложениях, в которых именительный падеж устранен совсем или заменен родительным падежом неполного количества, а сказуемое выражено тем же глаголом *быть*. Здесь субъект-подлежащее мыслится, но не выражается в слове. Обычно такие конструкции чаще в народном языке, например: «Есть, да не про тебя» (Даль); «Есть-то есть, да не про вашу честь» (он же); «У него есть в голове» (он же); «Было, да сплыло» (народная поговорка); «Быть-то было, да не про твое рыло» (народная поговорка).

И уж совершенно безличными являются предложения, когда на месте имени существительного стоит инфинитив, например: «Бранить есть кому, кормить — некому»[1] (Даль).

В литературном языке подобные предложения единичны и обычно звучат в устах героев из народа, например: «И вот нашли большое поле, есть разгуляться где на воле» (Лермонтов); «Есть чему и нравиться: кошка ободранная» (Писемский); «У нее почище тебя есть... я видела... Не тебе чета» (Е. Карпов); «Сожалеть ему есть о чем, стыдиться нечего» (Пешковский).

Предложения указанного типа не вызывают сомнений в своей безличности. В них нет субъекта, который хотя и мыслится, но не выражен словом, а в форме сказуемого-глагола *есть* нечетко выявленная форма лица, так как нет соотношения с другими формами лица. Следовательно, такие предложения безличны.

Очень близки к безличности экзистенциальные предложения, выражающие наличие, бытие формой того же глагола *есть*, но в сочетании с родительным части или неполного охвата.

[1] Это совершенно иные конструкции, чем такие, как *Кормить родителей почетно*, где инфинитив-подлежащее = «кормление».

В таких предложениях оба компонента безличны. Глагол *есть* нечеток по отношению к лицу, а на месте именительного мы имеем родительный, который не может служить выражением субъекта-подлежащего.

Однако необходимо указать, что этот тип предложений наличествует только в народном языке, например: «Сколько е столов, столько е молодцов» (Ончуков, Сев. сказки, 210) [1]; «У меня есть сонных капель» (Сокол., Белозерск., 70); «Молока и масла всего есь» (Ончуков, Сев. сказки, 59); «Болот да гор е у нас не мало» (Выжегор., Программа, 22); «Всякова сброда есть среди народа» (Буинск.-Симб., Программа, 57); «Такова добра есть у нас» (Калинин. обл., Кимр. р-н); «Чово хорошова, а этова добра есь» (там же); «Всево есь, да не провашу чес'» (Горьк. обл., Краснобакин. р-н).

Шахматов эти предложения называет двучленными безличными. Понятие же двучленности Шахматов в первую очередь относит к коммуникации, т. е. явлению психологическому, видя один член коммуникации в безличном глаголе-сказуемом, а другой — субъект — в родительном падеже существительного.

Такие сочетания он называет грамматически неразложимыми, так как родительный падеж не может быть объяснен зависимостью объекта от глагола. По его мнению, родительный падеж в таких предложениях имеет разделительное значение, а сами предложения могут быть и отрицательного и утвердительного характера. Как видно из его рассуждений, образование таких предложений шло таким путем: *было народу* явилось под влиянием *было много народу,* причем *было народу* заменило, как кажется, непосредственно предложение *было народ,* где нарушено согласование подлежащего со сказуемым. «Когда в предложениях *было народ, было деньги* именит. падеж не оказывался в согласовании с формой сказуемого, когда при нем не оказывалось сказуемого, он уступал место родит. падежу под влиянием предложений: *было много народу, было много денег*» [2].

Безличны ли такие предложения? Если мы считаем личными несогласованные предложения *есть деньги,* в которых с существительным-субъектом не согласован в числе глагол-сказуемое, то, казалось бы, можно считать и такие предложения как *молока и масла есть* личными. Однако в первых типах предложения несогласованным членом является зависимый член, который не проявляет форм согласования в числе; в предложениях второго типа главный независимый член не-

[1] Этот пример и следующие четыре взяты у Шахматова.
[2] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, 1941, стр. 119.

имеет формы именительного падежа и выступает не подлежащим, а объектом в родительном падеже. Следовательно, здесь не нарушение форм согласования, а особая конструкция предложения — не адекватная форме личного предложения. Поэтому, предложения *есть хлеба и мяса, молока и масла есть у нас* стоят ближе к безличным [1]. Если бы было какое-либо объединяющее слово (*много, мало*), которое в сочетании с родительным конструирует какое-то количественное понятие, неразложимое единство, равное именительному падежу, тогда предложение *много молока есть у нас* можно было бы считать личным.

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ГЛАГОЛАМИ, ВЫРАЖАЮЩИМИ ЗНАЧЕНИЕ ПОЛНОТЫ И ДОСТАТКА

В русском языке имеется немногочисленная группа безличных предложений, образуемая из глаголов особого значения в сочетании также с родительным объекта. Такие предложения бывают и отрицательного и положительного характера, но безличность здесь обусловлена не отрицанием, а особым значением глагола и родительным количества, например: «У меня семьдесят пять червонцев ежегодного доходу: *их станет мне*» (Вяземский); «У меня достало бы ума промолчать об этом предмете» (Белинский); «Лишь стало бы охоты» (Крылов); «От удивления не станет ни уменья пересказать тебе, ни сил» (он же); «До Москвы доехать тебе станет рублей сорок» (Гончаров); «Небось достанет чем прожить» (Никитин); «Шутить и век шутить, как вас на это станет» (Грибоедов); «На безделье его хватит» (Михельсон, Свое и чужое); «Меня еще годов на десять, пожалуй, хватит» (Тургенев); «И у ней доставало духу смеяться над подобной страстью» (Писемский); «Где хватит силы — выручит, не спросит благодарности» (Некрасов); «Она проворно и весело подавала солому, словно у нее прибавилось силы» (Бубеннов); «Денег у меня хватит, хватило бы терпенья» (Андреев); «Его ненадолго хватило, к 30 годам он начал дико пить» (Горький); «Хлеба хватит на всех» (А. Н. Толстой); «Иван Ильич, уезжая на фронт, оставил ей тысячу рублей, но этих денег хватило не надолго» (он же); «Теперь у него спеси убыло» (Словарь церковнослав. и русск. языка II отд. имп. Акад. наук, 1847 г.); «Хватило бы хлеба до нового, а там поправимся» (Даль);

[1] Приходится соглашаться с Г. Шухардтом, что «между двумя тесно примыкающими друг к другу одночленными предложениями и двучленным предложением резко обозначенной границы нет» (Г. Шухардт. Избранные статьи по языкознанию. ИЛ, М., 1950, стр. 248).

«Денег убыло, долгу прибыло» (он же); «Народу в мор убыло» (он же); «От доброго дела тебя не убудет» (он же); «Дня убыло на час» (он же); «От счету не убудет» (он же); «На одного станет, на всех недостанет» (он же); «Достанет ли его на это дело?» (он же); «В этот многотрудный путь от Уральска на Гурьев от тифа бойцов убыло многим больше, чем от сражений» (Фурманов).

Нередко родительный падеж опускается, например: «Век протянется, всякому (чего-нибудь) достанется» (Даль); «Нагуляется Иван, достанется и нам» (он же).

Потебня считает, что это особый разряд глаголов, составляющих бессубъектные конструкции «со значением увеличения, уменьшения, достаточности, в коих самих по себе мыслится количество и которые поэтому непосредственно дополняются родительным вещи, которой прибывает, убывает или достает» [1].

В таких предложениях родительный падеж неполного количества или родительный части сочетается с глаголами в безличной форме с утвердительным значением.

Как видно из примеров, эта группа глаголов лексически довольно бедна: *достанет, достало, станет, хватит, хватает, хватило, убудет, убывает, убыло, прибывало, прибыло, прибывает, убавляется, убавилось, прибавилось, прибавляется.* Не только по значению эти предложения являются особым разрядом, но они отличаются от других безличных глаголов своим лексикализованным характером и фразеологичностью. Необходимо также отметить, что некоторые из них архаизируются и исчезают из современной речи, например, *станет, достанет, достало.*

В значении полноты, достатка употребляется и глагол *быть* в будущем времени, например: «Вы, Петр Михайлович, в отставку вышли,— говорили ему.— *Будет с меня,* послужил» (Писемский).

В эту же группу безличных глаголов, выражающих лексически достаток, полноту, прибавление, убыль, втягиваются и другие глаголы, которые в сочетании с родительным части или неопределенного количества образуют также безличные предложения: *натекло воды, родило хлеба, уродилось яблок, нашло народу* и др. Эти глаголы образуют безличные предложения и с родительным и без родительного части [2].

Ср.: *Теперь проживем, уродилось в этом году. Не пролезть в сад, видишь, сколько намело! Снегу намело, никуда не пройдешь.* Однако предложение: «Много воды утекло» безличным считать вряд ли можно.

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III, 1899, стр. 429—438.

[2] См. главу о безличных предложениях из глаголов 3-го лица.

В современном русском литературном языке, а особенно в народном, функцию глагола *хватит* выполняют безличные предикативные слова на *-о*, которые выражают значение полноты, достаточности и вместе с тем выражают и значение запрета, своеобразного приказа: *по́лно*[1], *довольно*. Однако эти лексемы сочетаются с инфинитивом, а не с родительным падежом, например:

«Полно, солнышко, из-за лесу светить,
Полно, красно, в саду яблочко сушить,
Полно девице по молодцу тужить»
(Песни, зап. Рыбниковым, ч. III);

«Полно, полно вам, ребята,
Чужо пиво пити,
Не пора ли вам, ребята,
Свово наварити» (из народной песни).
«Полно зимушке зимовати,
Пора матушке-весне наступати,
Полно, миленький, пить-гуляти
Моему сердцу тоску нагоняти»
(Песни, зап. Рыбниковым, ч. III);

«Я прижался головою к ноге Ромася и постыднейше заплакал, а он гладил меня по мокрой голове, говоря: — Отдохните. Полно!» (Горький).

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

При рассмотрении этого типа предложений неизбежно возникают в первую очередь следующие вопросы: Что такое отрицание? Как отрицание выражается в языке и каким образом отрицание влияет на состав предложения? Способствует ли отрицание образованию безличности?

Отрицание вообще — это мыслительный акт, противоположный утверждению наличия какого-либо факта. Но вместе с тем всякое отрицание есть утверждение «небытия», отсутствия чего-либо в действительности.

В русском языке отрицание выражается:

1) главным образом отрицательными частицами *не*[2], *ни*;

---

[1] Нельзя смешивать с *полно́* — по происхождению краткую форму прилагательного, в сочетании с родительным падежом существительного уже выражающую значение множества: *в комнате полно́ народу = в комнате очень много народу.*

[2] См. В. И. Чернышев. Отрицание *не* в русском языке, 1927.

2) отрицательным словом *нет* глагольного образования и происхождения из отрицательной частицы и глагола *есть: не + есть = несть = нет,* которое в настоящее время уже не сознается глаголом;

3) отрицательными местоимениями, образованными из тех же отрицательных частиц и местоимений: *некому, нечему* и т. д.;

4) наречиями, соединенными с отрицательными частицами: *нигде, никуда, негде* и т. д.;

5) из сочетания отрицательной частицы с отрицательными словами, т. е. смешанно-двойные отрицания из специфически усилительных слов: *вовсе не, отнюдь не* и др.

Отрицательная частица *не* употребляется в русском языке в предложении при отрицании действия, состояния, существования, наличия, следовательно, употребляется эта отрицательная частица перед глаголом-сказуемым.

Отрицательная частица *ни* только усиливает, подчеркивает отрицание *не* и употребляется вместе с ней при наличии или при пропуске сказуемого: *Ни облачка на небе не бродило; В кармане ни гроша.*

Отрицательное слово *нет* всегда употребляется при отрицании объекта в родительном или в винительном падеже. Отрицательные местоимения и отрицательные наречия употребляются или в сочетании с личными глаголами и отрицанием *не: никому не скажу, никуда не пойду,* или с инфинитивом в безличных предложениях: *нéкуда идти, нéкому сказать, нéчему радовиться.*

Большинство грамматиков все отрицательные предложения делят на два вида: 1) предложения, в которых отрицание стоит перед сказуемым; 2) предложения, в которых отрицание стоит перед другим членом предложения.

Томсон[1] делит отрицательные предложения сначала на два вида: предложения, имеющие отрицание перед сказуемым-глаголом, и предложения, имеющие отрицание перед другими членами предложения. В первых действие отрицается, но не одинаково. Поэтому Томсон подразделяет их на предложения, в которых действие отрицается абсолютно, и предложения, в которых оно отрицается относительно. Последний вид предложений, с относительным отрицанием, Томсон делит еще на группы. В результате всех разграничений у Томсона получается пять видов отрицательных предложений.

Очень много внимания уделяет отрицательным предложениям и Пешковский в своем «Синтаксисе». В главе XVIII он

---

[1] А. И. Томсон. Винительный падеж прямого дополнения в отрицательных предложениях в русском языке. РФВ, № 1, 1903, стр. 19 и след.

пытается выяснить, что составляет сущность отрицания. На основе сравнения двух предложений (позитивно-утвердительного и отрицательного) он приходит к выводу, что материально, т. е. по содержанию, заключающемуся в составляющих предложение словах, эти предложения одинаковы; формально предложения различны, так как отношения между представлениями не одинаковы. И это различие выражается не формой отдельных слов, не интонацией и не порядком слов, а исключительно словечком *не*. Это *не* выражает категорию отрицания.

Нашей задачей является рассмотрение отрицательных безличных предложений. Имеется ли какая-либо связь между безличностью и категорией отрицания? Какое взаимодействие возникает между этими категориями? Не обусловливает ли одна другую?

В таких предложениях, как *Не было ни гроша, да вдруг алтын,* Пешковский наличие безличности объясняет именно наличием отрицания, так как устранение отрицания повело бы к реконструкции этого предложения в личное: *не было ни гроша — был грош,* и тогда на месте родительного оказался бы именительный в роли подлежащего [1].

«Таким образом,— пишет Пешковский,— отсутствие подлежащего связано здесь именно с этим родительным, а сам родительный — с отрицанием...» [2].

Эту мысль о связи и обусловленности отрицания именно в сочетаниях с родительным падежом в безличных предложениях можно иллюстрировать следующими примерами: *Этого человека здесь не было — Этот человек здесь не был,*— с изменением падежа получилось личное предложение. Необходимо указать на обязательную позицию *не* перед глаголом. Транспозиция *не* к другому члену нарушает всю структуру и смысл предложения.

Следовательно, существует определенная обусловленность в образовании безличных отрицательных предложений: 1) необходимо наличие отрицания; 2) необходимо наличие родительного падежа, так как отсутствие отрицания потребует иного состава предложения [3]. Отсутствие родительного падежа обусловит отсутствие безличности в такой конструкции.

Там не росло ни одного деревца — родительный отрица-

---

[1] См. об этом Г. К. Ульянов. Значение глагольных основ в литовском языке, ч. 1—2, стр. 68, Варшава, 1891—1899, СПб., 1897.

[2] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 6-е, стр. 334.

[3] См. А. И. Томсон. К вопросу о возникновении родительного-винительного падежа в славянских языках. Изв. Отд. русск. яз. и словесн., т. XIV, кн. 1, 1909.

тельный и конструкция безличная; *там не росло ни одно деревцо* — родительного падежа нет, конструкция личная [1].

Не лишены интереса высказывания Аксакова по поводу особой природы родительного отрицательного: «В отрицательном предложении, например, *я не видел жены,* отрицается само действие (*видеть*), если же отрицается само действие, то, естественно, что предмет, о котором идет речь, не мог испытать этого действия и не может стать, следовательно, простым предметом действия, падежом винительным... В таком случае предмет является общим, отвлеченным, существует только в мысли, в воображении, как скоро потеряна живость и конкретность явления: сама отрицательная форма уничтожает ее и, становясь общим образом предмета, как бы даже ни был он определен, показывает, что это общее, эта сущность, всегда существующая, не нашла себе проявления, не конкретизировалась» [2].

Следовательно, употребление родительного при отрицаемых глаголах не исконный факт, а следствие известных семантико-грамматических сдвигов.

Какие же условия способствуют возникновению безличности в отрицательных предложениях? Пешковский полагает, что возникают безличные предложения при следующих условиях:

1) при наличии глагола *был, буду* с отрицанием;

2) при наличии отрицательного слова *нет* на месте глагола при родительном падеже;

3) при определенном порядке слов, например: *не будет на свете ни слез, ни вражды;*

4) при наличии других отрицательных частиц или отрицательных местоимений и наречий: *не будет ни пожаров, ни насилий; ничего не будет;*

5) при наличии некоторой абстрактности и неопределенности объекта [3].

---

[1] В лингвистической литературе имеется ряд статей о заменительных винительном и родительном падежах.

Ввиду того, что прямого отношения вопрос употребления того или иного падежа к нашей теме не имеет, мы не подвергаем анализу статьи А. Томсона: 1) «Винительный падеж прямого дополнения в отрицательных предложениях в русском языке» из «Русского филологического вестника», Варшава, 1902; 2) «Родительный-винительный падеж при названии живых существ в славянских языках», Изв. отд. русск. яз. и словесн., № 2—3, 1908. См. Н. П. Некрасов. По поводу двух статей А. И. Томсона. Изв. отд. русск. яз. и словесн., т. XIV, кн. 3, 1909; О заменительных падежах родительного и винительного в современном русском языке. Изв. Отд. русск. яз. и словесн., т. X, кн. I, стр. 35—38.

[2] К. С. Аксаков. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка, Соч., т. II, стр. 177.

[3] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, стр. 334—335.

Кроме того, необходимым условием для возникновения безличности Пешковский считает наличие возможности для данного глагола вступать в этот оборот и наличие физической цельности сочетания отрицания с глаголом, хотя при переходных глаголах такой оборот совершенно невозможен, так как двух дополнений в родительном быть не может.

Таким образом, безличные конструкции возникают при наличии соответствующих условий. Наиболее важным и определяющим фактором являются: абстрагированное значение и пространственная неограниченность объекта при глаголе, которые и способствуют возникновению безличности — неопределенности. *Нет денег; не было отца; не стало времени* вообще, а не в частности.

Вторым важным фактором, способствующим возникновению безличности, является наличие такого семантического оттенка в глаголе, при котором возможна безличность. Ведь не все глаголы способны обезличиваться: глаголы конкретного значения, обозначающие действие человека, как, например: *смеется, ругается, пишет, читает* — в простой глагольной форме не могут мыслиться и употребляться безлично. И сочетаемость с объектом у глаголов также неодинаковая. Употребление объекта при глаголе определяется самой семантикой глагола; следовательно, одни глаголы требуют дополнения с одним лексическим содержанием, другие — с другим; одни глаголы требуют одного падежа, другие другого. Глаголы с наиболее конкретным значением чаще требуют винительного прямого объекта, с более абстрактным — родительного содержания или родительного неполного охвата. Однако глагол *быть* в настоящем времени употребляется только лично, а в прошедшем и в будущем времени употребительны обе формы: личная и безличная; ср.: *я здесь не был — меня здесь не было; вы здесь не будете — вас здесь не будет; я здесь* (без слова *есть*) — *меня здесь нет* — безлично.

Иногда эти обороты тождественны по значению, но чаще в их значении заключается следующая разница: личный оборот указывает на отсутствие предмета определенного, известного, а безличный — на отсутствие какого-нибудь предмета вообще, например: «гости не будут» (т. е. те, которых ждали) — «гостей не будет» (т. е. вообще никаких).

С глаголами бытия безличные отрицательные конструкции в современном русском языке образуются только с родительным отрицания. Следовательно, родительный падеж и является главной конструктивной частью, которая обусловливает безличность отрицательного предложения.

Обычно такое предложение состоит из глагола бытия, существования с отрицанием + родительный падеж существи-

тельного или другой какой-либо субстантивированной части речи. Однако не все глаголы способны образовать с родительным падежом при отрицании безличные конструкции; если предложение *я был там* легко переходит в безлично-отрицательное с родительным объекта из именительного субъекта — *меня не было там,* также *я там буду завтра — меня там завтра не будет,* то другой глагол, не имеющий значения бытия, нахождения, пребывания, который нельзя заменить словом *нет,* безличного предложения образовать не может. Например, предложение *я там писал* не имеет соответствующего безличного оборота.

Таким образом, только определенные группы глаголов способны образовывать с родительным падежом отрицательные безличные предложения. В эту группу входят:

1) глаголы бытия (экзистенции) и становления: *людей не было; отца не стало;*

2) глаголы достатка и полноты с отрицанием *не: денег не хватает; недостает умения;*

3) глаголы личные, способные употребляться в значении безличных при сочетании с родительным отрицания: *ни облачка на небе не бродило.*

Если в предложении выражается позитивный факт, то употребляется именительный падеж: *в городе имеются (есть) сады и парки.*

Отрицая наличие данных фактов и переводя субъект в отрицаемый объект, мы получаем безличную конструкцию: *в городе нет садов и парков.*

По своей конструкции безличные отрицательные предложения различны.

а) Широко представлены безличные отрицательные предложения, образованные из глаголов бытия *есть, было, будет* с отрицанием в сочетании с родительным падежом.

В русском языке отрицательная частица *не,* слившись когда-то с глаголом существования в настоящем времени *есть,* образовала отрицательное слово *нет,* которое употребляется в отрицательных безличных предложениях в функции сказуемого. Прежнее значение глагола, вошедшего в это слово, способствует тому, что слово *нет* может быть употреблено только перед каким-либо существительным или субстантивированным словом, например: «Тут нет еще греха» (Крылов); «В слезах и вопле толку нет» (Баратынский); «Моей тут воли нет» (Державин); «На грех мастера нет» (Пушкин); «Вам, людям молодым, другого нету дела, как замечать девичьи красоты» (Грибоедов); «На тебе лица нет; вся дрожишь» (Гончаров); «Беспощадней огня нет врага» (Некрасов); «Про черный день нет песен у меня» (Полонский);

«Сегодня нет от тебя письма» (Чехов); «Нет отца, матери» (Горький).

б) Не менее употребительны безличные отрицательные предложения с глаголом *быть* в прошедшем времени с отрицанием и в сочетании с родительным падежом, например: «После обеда она подошла к окошку с чувством некоторого беспокойства, но офицера не было» (Пушкин); «Чтоб не было и духу его у нас в дому!» (Грибоедов); «Впрочем, его беспокойство было напрасно, Герасима уже не было на дворе» (Тургенев); «Ей ни до кого и ни до чего не было дела» (Гончаров); «Давно такой грозы не было» (Чехов); «Работников никого не было» (Л. Н. Толстой).

в) Глагол *быть* со значением многократности (*бывает, бывало*) также образует безлично-отрицательные предложения например: «Право слово, в старинных книгах таких речей не бывает» (Тургенев); «Ветра точно на свете никогда не бывало» (он же); «Разносолов у меня отроду не бывало» (Салтыков-Щедрин); «Ни невесты, ничего не бывало, все мираж» (Достоевский); «Теперь всего этого как не бывало» (Бубеннов).

Безличных отрицательных в будущем времени в литературном языке встречается несравненно меньше, что свидетельствует о более редком их употреблении, например: «Сегодня же меня здесь не будет» (Тургенев); «Значит, и такое, по-твоему, время придет, когда и щук не будет» (Салтыков-Щедрин); «Вот уж тогда делайте, что хотите, не будет над вами старших» (А. Н. Островский).

г) Безличные отрицательные предложения образуются из глаголов *стало, станет* с отрицанием и в сочетании с родительным падежом. Менее часты безлично-отрицательные предложения, образованные из глагола становления *стать,* или, как некоторые называют, из глаголов начинательных. Значение совершенного вида не позволяет образовать безличных форм в настоящем времени. Приведем примеры: «От удивленья не станет ни уменья пересказать тебе, ни сил» (Крылов); «В тот вечер ее не стало... Не стало и Настасьи Карповны...» (Тургенев); «На губах улыбки не стало» (Русская быль. «Утопленница», 1910); «Не стало даже призраков и теней» (Лермонтов).

д) Безличные предложения образуются из глаголов достатка и полноты с отрицанием и с родительным объекта. Эти предложения имеют безличный характер не от наличия отрицания, а в силу особого лексического значения самих глаголов. В сочетании с родительным падежом частица *не* в таких предложениях вносит только отрицательное значение, а не значение безличности, которое в них наличествует и в утвердитель-

ных предложениях; так, например, предложение *не хватит хлеба* и предложение *хватит хлеба* одинаково безличны. Приведем примеры: «Останавливаться везде было невозможно,— недостало бы времени» (Аксаков); «Я сама не знаю, чего недостает мне» (Л. Н. Толстой); «Недостает только одного: подруги жизни» (Гоголь); «Сил моих не хватает» (А. Н. Островский); «Не хватает бабушки, товарищей, не с кем было говорить» (Горький); «В вас не хватает этой жилки, этого, понимаете ли, взмаха» (Чехов); «Никаких человеческих сил не хватает» (А. Н. Толстой); «Не хватало только куска гнилого мяса» (Каверин); «Изгибая тонкий девичий стан, еще раз попыталась поднять солому,— и опять не хватило сил» (Бубеннов).

е) Глаголы непереходные личные, но употребляемые в значении безличных с родительным объекта, образуют отрицательные безличные предложения, употребляясь в третьем лице возвратной и невозвратной формы; например; «На лице не промелькнуло и тени досады».

По значению глаголы эти разные. Среди них находим глаголы положения, пребывания: *Прежнего домика на горе не оказалось.*

Сюда же относятся глаголы возникновения, появления: *Травы не появлялось на этой песчаной горе;* «Раздался сиплый глухой лай, но собаки не показалось» (Тургенев); «Но ответа не пришло и прийти не могло» (он же); «Не минуло и года, как все узнали, кто осел» (Крылов).

При образовании подобных безличных предложений имеет значение и характер дополнения при глаголе; например, можно сказать: *Звезд на небе не блистало; Ожидаемой помощи не приходило,* но нельзя сказать: *Красавиц на балу не блистало; Тебя не приходило.*

ж) Не менее употребительны безличные отрицательные предложения с родительным объекта, в которых, помимо отрицательной частицы *не* при отрицании глагола любого значения, могущего стать безличным, ставится перед родительным падежом объекта усилительно-отрицательная частица *ни.* В том случае, если в предложении отрицается один объект, *ни* усиливает его отрицание, например: «Кокетства в ней ни капли нет» (Пушкин); «С самого вешнего Николы... не выпало ни капли дождя» (Салтыков-Щедрин).

Если отрицается в предложении бытие или наличие нескольких объектов, то частица *ни* повторяется перед каждым отрицаемым объектом, например: «Нет в нем ни ладу, ни складу» («Записки» Семена Порошина); «Все та же и я, но нет во мне ни любви, ни желания любви» (Л. Н. Толстой). Многие ученые такое повторяющееся *ни* считают союзом.

Часто слово *нет* отсутствует, однако конструкция предложения остается безличной и отрицательной, например: «Знаете ли вы, мой милый чистый юноша, в каком я положении, денег ни гроша?» (Гончаров); «О свадьбе ни слуху, ни духу» (Б. Леонидов).

з) Безличные предложения отрицательного характера образуются с усилительными отрицательными местоимениями и наречиями. В эту группу входят такие предложения, в которых, помимо отрицательной частицы *не*, перед глаголом стоят отрицательные наречия и местоимения, усиливающие отрицательный характер предложения, например: «Если бы никогда не было нам горя!» (Карамзин); «Но в этой любви к матери не было ничего враждебного к отцу» (Добролюбов); «Ничего этого нет в нынешних уездных барышнях» (Писемский); «Но уж нигде в Европе нет ничего подобного» (Л. Н. Толстой); «Никогда этого со мной раньше не было» (Чехов); «Ничего в мире не может быть ограниченнее и бесчеловечнее, как оптовые осуждения целых сословий» (Герцен).

Особенно много отрицательных безличных предложений встречаем в языке фольклора. В причитаниях Северного края, собранных Барсовым, и в других источниках при очень большой бедности других типов безличных предложений много безличных отрицательных с родительным падежом, например:

«Нет от ветра тебе заборонушки,
Нет от добрых людей тебе заступушки.
На санках нет зимнего извощика,
Не с кем ездить по слезливым будет свадебкам»

(Барсов, Причитания Северного края).

«Не было ветру, вдруг надуло,
Не было гостей, вдруг наехало»

(Онежские былины, записанные Гильфердингом).

«Не осталось запасов тут хлебных,
Не осталось товаров тут красных.
Не хватает у Садка больше золота» (там же).
«А и не стало нам добычи на синем море»

(Песни, записанные Киреевским).

«Будто не стало Ильи Муромца» (Русские былины, изд. Тихонравова).

Таковы безличные предложения отрицательного характера из глаголов бытия, существования с родительным падежом.

ГЛАВА VIII

БЕЗЛИЧНЫЕ ИНФИНИТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ИНФИНИТИВА

Инфинитив, как форма глагола, не осложненная значениями лица, числа и рода, очень удобен для выражения деятельности или состояния безотносительно к лицу-действователю.

В русском языке на протяжении всей его истории инфинитивные безличные предложения очень продуктивны и употребительны.

Безличными инфинитивными предложениями называются односоставные бесподлежащные предложения, в которых имеется один главный член — сказуемое, выраженный инфинитивом.

Некоторые лингвисты инфинитивные предложения считают личными, так как, по их мнению, инфинитив имеет отношение к лицу [1].

Такое понимание возникло на основе некритического восприятия учения акад. Шахматова, который полагал, что в инфинитиве имеется представление о признаке, сочетавшемся с определенным лицом (2-м) и неопределенным.

Прежде чем перейти к рассмотрению инфинитивных предложений, мы должны уяснить себе, что такое инфинитив, являющийся в инфинитивных предложениях основным организующим стержнем.

Грамматическая природа инфинитива полностью еще не

[1] См. К. А. Тимофеев. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском языке («Вопросы синтаксиса современного русского языка», под ред. В. В. Виноградова, Учпедгиз, 1950).

изучена, вследствие чего среди языковедов имеется немало разногласий по этому вопросу. Одни ученые считают инфинитив особой частью речи, другие помещают его в сферу глагола, третьи в сферу имени.

Буслаев видел в инфинитиве преобладание номинативных черт, полагая, что инфинитив по своему происхождению — отглагольное существительное, а по употреблению в предложении выступает и подлежащим, и сказуемым, и дополнением.

К. Аксаков, Н. П. Некрасов, Е. Ф. Будде также видели в инфинитиве существительную форму глагола, считая, что инфинитив может выступать любым членом предложения.

Н. П. Некрасов в специальном исследовании «О значении форм русского глагола» категорически утверждает, что неопределенное наклонение — существительное, и для доказательства приводит существительные *печь, течь, знать, власть, стать, мочь, сечь, быть, напасть,* считая, что это инфинитивы превратились в чистые существительные.

Совершенно справедливо возражал Некрасову Потебня, указывая, что нельзя соотносить *печь* — существительное и *печь* — инфинитив, так как это только грамматические омонимы. Потебня считал инфинитив особой частью речи и приписывал ему отношение к лицу, хотя и неопределенному, полагая, что в инфинитиве славянских языков нет никаких признаков субстанциональности [1].

Именно в отсутствии субстанциональных признаков Потебня и видел отличие инфинитива от существительного. «Неопределенное наклонение в различных сродных языках именно тем и отличается от существительного, что не заключает в себе своего субъекта, но требует его как прилагательное и глагол... Оно может принадлежать лишь к глаголу в обширном смысле» [2]. Однако Потебня проводит определенную грань между инфинитивом и личным глаголом: «Отличие неопределенного наклонения от личного глагола состоит в том, что этот последний заключает в себе определение своего лица (1-го, 2-го или 3-го), тогда как в неопределенном наклонении, вырванном из связи, лицо остается неопределенным. В живой речи лицо неопределенное всегда определяется тем или другим способом» [3].

Потебня, анализируя и сравнивая форму и значение инфинитива с отглагольными существительными на *-ние* и *-тие,* приходит к выводу, что инфинитив — глагол, а не имя. Следо-

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, 1888, стр. 343—344.

[2] Там же, стр. 348.

[3] Там же.

вательно, он не может быть подлежащим. В своем утверждении Потебня опирается на следующие доводы:

1) инфинитив, превратившись из падежа в особую грамматическую категорию, лишился формы падежа, рода и числа;

2) неопределенное наклонение не может считаться отглагольным существительным, так как оно должно было бы иметь возможность представляться производителем других действий;

3) неопределенное наклонение не может быть названо существительным потому, что, подобно глаголу и прилагательному, оно определяется не прилагательным, а наречием;

4) в инфинитиве мы видим более тесную связь с глаголом, при котором он стоит, и неопределенное наклонение, подобно некоторым причастиям, может сливаться с глаголом в одну грамматическую форму: *хочу писать, буду говорить;* отглагольные существительные лишены этой способности;

5) неопределенное наклонение, как и личные формы, по правилу входит во всякую совокупность форм, называемую одним спряжением или одним глаголом;

6) неопределенное наклонение имеет залоги, видовые оттенки, сочетается с винительным прямого объекта, как и глагол: *видеть* ч т о, *создать* ч т о, а отглагольное существительное сочетается всегда с родительным падежом: *создание* ч е г о.

Итак, Потебня твердо решает, что неопределенное наклонение, как глагол, всегда относится к категории сказуемого в обширном смысле, т. е. оно не может быть ни настоящим подлежащим, ни настоящим дополнением, потому что дополнение предполагает косвенные падежи, которых нет в инфинитиве.

Только в каких-то определенных условиях инфинитив способен субстантивироваться и принимать на себя значение носителя признака, т. е. существительного. Силой речи, т. е. особым, придаваемым ему в известном синтаксическом контексте значением, инфинитив может выдвинуться на место подлежащего. Так, Потебня считает, что предложение *умереть ему нипочем* — субъектно, а *легко (есть) сказать* — бессубъектно (мы полагаем, что здесь п о р я д о к членов и их соотношение делают одно предложение субъектным, а другое бессубъектным предложением состояния).

Окончательный вывод Потебни об инфинитиве таков: «Инфинитив только был некогда именем, но не остался им. Инфинитив...— имя в этимологическом отношении и род глагола в синтаксическом отношении» [1].

Многие ученые, не углубляясь в генетические изыскания,

---

[1] А. А. П о т е б н я. Из записок по русской грамматике, ч. I—II, 1888, стр. 345.

отмечают двойственную природу инфинитива и полагают, что по функции инфинитив в современном языке может быть и подлежащим и частью составного сказуемого [1].

Можно предположить, что не только школьная традиция заставляет видеть в инфинитиве заместителя подлежащего, но и какие-то языковые законы, по-новому представляющие сущность инфинитива. Почти всеми языковедами принято, что замещать подлежащее, будучи субстантивированным словом, инфинитив, несомненно, может. Но быть субъектом, производителем признака, лицом инфинитив, несомненно, не может. Здесь, на наш взгляд, имеет место недостаточно четкое понимание сущности и значения подлежащего-субъекта.

Когда в подлежащем видят имя деятеля или носителя признака, то при этом соотносят форму языка с объективной действительностью. Когда в подлежащем видят имя того, о чем судят и что выражают в предложении, то соотносят формы языка с формами логики, мышления. Когда в подлежащем видят только именительный падеж существительного, то исходят только из грамматики, не принимая в расчет соотнесенность ни с объективной действительностью, ни с формами мышления. Мы не должны разрывать формы языка и формы мышления, но мы не должны их и отождествлять. Мы должны рассматривать подлежащее грамматически — как независимый главный член предложения, выраженный формой именительного падежа именной части речи или синонимически заменяющей имя; логически подлежащее — субъект нашего суждения, такое понятие предмета суждения, которое предицируется. Как в той, так и в другой сфере, по собственным внутренним законам, происходят изменения. Поэтому предложения претерпевают изменения как в структуре форм, так и в их значениях, вследствие чего инфинитив, имевший прежде другое значение, может выступать в функции подлежащего.

Овсянико-Куликовский определяет инфинитив, следуя Потебне [2].

Ф. Ф. Фортунатов в инфинитиве также видел глагол. Он писал: «Инфинитив есть глагольное слово, которое не имеет форм словоизменения и в котором признак, обозначаемый глагольной основой, обозначается в его отвлечении от субъекта... Поэтому инфинитив в отдельных индоевропейских языках вместе со спрягаемым словом и с причастием представляет то,

---

[1] В. А. Баталин. Русский синтаксис на основе исследований гг. Потебни, Миклошича и Гейзе, 1883; И. М. Белоруссов. Синтаксис русского языка в исследовании Потебни, 1902.

[2] См. Д. Н. Овсянико-Куликовский. Синтаксис русского языка, СПб., 1912, стр. 88.

что называется глаголом в широком смысле этого термина»[1]. В другом месте Фортунатов инфинитив называет неличной формой глагола[2]. И это положение, как мы видим, довольно прочно утвердилось в языкознании[3].

Однако многие ученые полагают, что инфинитив, сохраняя присущие ему прежде номинативные признаки, может быть подлежащим. Составители школьных учебников и пособий, следуя традиционной грамматике, считают, что инфинитив вполне может выступать подлежащим, вследствие чего предложения с подлежащим-инфинитивом считают личными, субъектными (мы бы сказали — двусоставными).

В. Андреев, посвятивший этой проблеме специальную статью «К вопросу о синтаксической роли неопределенного наклонения в русском языке»[4], полагает, что инфинитив, будучи отглагольным именем морфологически, синтаксически может быть подлежащим, хотя и видит в нем очень многие глагольные признаки: 1) возможность определяться наречием, 2) возможность иметь вид и залог.

А. А. Шахматов в инфинитиве видит название глагольного признака, не осложненного представлением ни о производителе признака, ни о другом активном или пассивном признаке. Инфинитив — это наиболее общее название глагольного признака. Но, противореча своему первому положению, Шахматов писал: «Представление об инфинитиве вызывает представления о производителе соответствующего действия-состояния; это подобно тому, как имя прилагательное вызывает представление о носителе соответствующего качества, свойства: всякий признак пассивный или активный мыслится обычно в сочетании с производителем, носителем признака»[5].

Шахматов указывает на двойственную природу инфинитива, полагая, что инфинитив может быть заместителем подлежащего и дополнения и даже может употребляться с предлогом в таких конструкциях: *А если насчет выпить, почему не выпить, выпить можно.*

Однако, несмотря на такие явные номинативные признаки, Шахматов инфинитив именем существительным не считает.

Пешковский видел в инфинитиве форму, происшедшую

---

[1] Ф. Ф. Фортунатов. Сравнительная морфология, лекции 1891/1892 г., М., стр. 81—82.

[2] Там же, стр. 7—8.

[3] См. рецензии Мыталова на книгу Холодовича (Уч. зап. ЛГУ, № 33, 1939, стр. 306).

[4] См. «Журнал Министерства народного просвещения», 1893, май.

[5] А. А. Шахматов. Синтаксис, вып. II, 1927, стр. 43.

от существительного как название действия в отвлечении от деятеля, т. е. также видел в инфинитиве двойственную природу. Эта двойственная природа и позволяет инфинитиву только замещать существительное в русском языке, выступая подлежащим. По словам Пешковского, инфинитив — «это существительное, не дошедшее на один шаг до глагола...» [1].

Анализируя природу инфинитива, можно действительно заметить, что многие черты роднят инфинитив с существительным, однако не меньше в инфинитиве и глагольных признаков. Поэтому можно считать, что инфинитив — это глагольный номинатив, т. е. исходная основная форма глагола, о чем так четко говорит Л. В. Щерба [2]. И как именительный падеж является простым названием, именем какого-либо предмета, так и инфинитив является простым названием действия. Таким образом, инфинитив, являясь одной из грамматических форм глагола, несомненно входит в систему его форм.

В. А. Малаховский, касаясь вопроса о происхождении инфинитива, разделяет традиционное понимание этой категории [3]. Инфинитив, по его мнению, чаще всего употребляется в сочетаниях с глаголами для выражения цели, намерения, т. е. после глаголов, требующих дательного или местного падежа. Такое частое синтаксическое употребление инфинитива в этой функции повлекло за собой забвение остальных форм, и инфинитив стал выражать признак, отвлеченный от предмета.

В 1940 году вышла статья В. П. Сухотина «Синтаксическая роль инфинитива в современном русском языке» [4]. Автор, изложив очень кратко историю вопроса, характеризует инфинитив как слово, выражающее отвлеченно идею действия, не осложненного указанием на лицо, число и время [5], и указывает на синтаксическую функцию инфинитива и его форму связи — примыкание. Статья содержит указание на модальные значения инфинитива, хотя последние даны суммарно и недостаточно полно. В. П. Сухотин указывает и на инхоативный

---

[1] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 6-е, стр. 143.

[2] См. Л. В. Щерба. О частях речи в русском языке. Сб. «Русская речь», вып. 2, 1927—1928.

[3] См. В. А. Малаховский. Синтаксическое значение инфинитива, Иркутск, 1924.

[4] Уч. зап. Кабардино-Балкарского пед. ин-та, фак-т яз. и лит-ры, вып. 1, 1940.

[5] В другом месте В. П. Сухотин характеризует инфинитив как особую форму глагола, которая обозначает действие или явление без отношения к категориям времени, лица, числа и наклонения. Из грамматических категорий глагола инфинитиву присущи лишь вид и залог. См. сб. статей «Исследования по синтаксису русского литературного языка», Изд-во АН СССР. М., 1956.

(начинательный) оттенок в инфинитиве и в общем правильно объясняет природу инфинитива.

В зарубежной литературе точки зрения на природу инфинитива и инфинитивных предложений очень различны. Если Бругман инфинитивные предложения считал субъектными, то Миклошич уже колеблется, относить ли инфинитивные предложения к субъектным или к безличным. В отношении генезиса инфинитива у славянских лингвистов нет расхождения в мнениях с нашими русскими учеными.

Так, Кирилл Мирчев в своем исследовании истории инфинитива пишет: «Що се отнеся до генезиса на инфинитивните формы в индоевропейските езици, сравнительного езикознание днесь хвърля изобилна светлина. Всички инфинитивни формы по произхода си представят косвени падежи (casus obliquis или во множе casus obliqui) отъдеятелни имена или отъ глаголни абстракта, които ся бивали въ известни случаи, сближивани съ формите на определените глаголи... старобългарскиятъ езикъ е наследилъ два именно дателната форма от абстрактни имена на «тъ», и винительната форма отъ абстрактни имена на «ти»,— говорит Кирилл Мирчев и добавляет, что вторая форма ограничивалась в употреблении только при глаголах движения, т. е. являлась так называемой формой «супин» [1].

Среди ученых установилась точка зрения, что инфинитив — генетически глагольное существительное в зависимом падеже, обычно дательном, а супин — в винительном, который в сочетании с *чтобы* переосмыслился в инфинитив цели. Как только инфинитив стал образовывать модальные предложения, он начал сочетаться с модально окрашенными глаголами, а сам, потеряв модальное значение, оказался простым дополнением.

Указывается, что существует в языке два вида инфинитива. В том случае, если глагол не имеет модального значения, то примыкающий инфинитив модален. Если инфинитив находится при модальном глаголе или модальном слове, то инфинитив — дополнение. Однако с такой точкой зрения вряд ли можно согласиться, да и материалы показывают, что в русском языке сочетания инфинитива с другими словами очень сложны и многообразны и далеко не укладываются в рамки этого деления. Попытаемся наметить основные функции инфинитива.

Прежде всего инфинитивы делятся на зависимые и независимые. Независимый инфинитив выступает в функции сказуемого односоставных предложений, например: «Не догнать

[1] Към историята на инфинитивната форма въ български езикъ. Годишник на Соф. унив., ист. фил., кн. XXXIII, стр. 5.

тебе бешеной тройки!» (Некрасов); «Вам не видать таких сражений» (Лермонтов).

Выступая в предложении основным членом односоставных предложений и выражая значение императива, долженствования, возможности и невозможности, инфинитив образует особые модально-безличные предложения, в которых выступает независимым членом предложения. Следовательно, функции независимого инфинитива исчерпываются функцией сказуемого односоставных предложений.

Зависимый инфинитив обладает большим разнообразием функций и сочетается с различными частями речи, являясь или составным сказуемым, или второстепенным членом предложения — дополнением, обстоятельством цели, определением:

1) Инфинитив, примыкающий к личному глаголу с видовыми оттенками значения: *стану писать, начну переводить, кончу работать,* или с модальным значением: *хочу ехать, стремлюсь учиться,*— входит в структуру составного сказуемого и является предикативным членом.

2) Сочетаясь с формами настоящего и будущего времени глагола *быть,* инфинитив входит в состав сложного будущего времени в глаголах несовершенного вида: *буду писать.*

3) При сочетании с прилагательным, причастием, наречием инфинитив образует сложное составное сказуемое: *я готов учиться, он вынужден вернуться, она не прочь уехать.*

4) При сочетании с существительным инфинитив вступает в атрибутивные связи и является определением: *желание нравиться, привычка спорить.* Некоторые ученые в таких сочетаниях видят объектные отношения, а инфинитив рассматривают как дополнение.

5) Инфинитив, примыкающий к личному глаголу движения, служит выражением цели: *пойду купить, уехал лечиться.*

6) Объектный инфинитив, примыкающий к личному глаголу, является дополнением: *прошу сесть, велел принести.*

7) В тех предложениях, в которых значение модальности выражается лексическими единицами, т. е. модальными словами, инфинитив теряет модальное значение и служит названием действия, которое предполагается при модальных словах (*нужно, можно, необходимо, возможно, невозможно, нельзя, надо* и др.), образуя вместе с ними сказуемое в безличных предложениях.

Инфинитив в функции подлежащего или в функции сказуемого в двусоставных предложениях обычно не подводят ни под рубрику зависимого, ни под рубрику независимого, например: *курить вредно* (инфинитив — подлежащее); *а он стрелять* (инфинитив — простое сказуемое двусоставного предложения).

МОДАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ, ВЫРАЖАЕМЫЕ ИНФИНИТИВНЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ

Кроме основных групп категорий мышления, отражающих объективную действительность, нашим сознанием отражаются и те отношения, которые объективно существуют между явлениями и которые могут быть предметом наших суждений. Установление отношений между субъектом и предикатом в суждении как действительных, возможных или необходимых называется модальностью. Материалистическая теория познания устанавливает, что категории мышления не априорны, не являются извечно данными, независимыми от опыта.

Категория модальности — это особая категория, отражающая связи и отношения субъекта и предиката и отражающая отношение к этим отношениям. Следовательно, модальные категории и субъектны и объектны, потому что этими категориями отражается не только то, что утверждается нашим мышлением, но и то, что существует в действительности.

Различие субъектного и объектного в языке, несомненно, существует, но существует в известных границах, потому что «согласие понятий с вещами н е субъективно» [1]. «Законы логики суть отражения объективного в субъективном сознании человека» [2].

Обычно по значению категории модальности делятся на три основные группы [3]: 1) действительности, 2) возможности, 3) необходимости, в которую входит долженствование. Эти понятия в свою очередь могут иметь отдельные оттенки. Это логическое деление категорий модальности. Модальность в языке более богата по оттенкам. Если в основе логического суждения модальность устанавливает достоверность связи субъекта и предиката, то в языке модальность — это выражение отношения говорящего лица к той форме связи, которая существует не только между подлежащим и сказуемым, но и между высказанным о действительности по отношению к самой действительности. Поэтому модальность присуща не только таким предложениям, в которых есть подлежащее и сказуемое, но и односоставным предложениям. Следовательно, нельзя согласиться с теми учеными, которые модальность отождествляют с наклонением. Модальность присуща предложениям, не имеющим в сказуемом глагольных форм, потому что модальность устанавливает отношение сказанного к действительности как действительно существующему явлению, возможному или необходимому, с точки зрения достоверности и недостоверности.

---

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, Партиздат, 1933, стр. 186.
[2] Там же, стр. 177.
[3] См. об этом у В. Ф. Асмуса (Логика, 1947, стр. 87).

Модальная категория действительности выражает осуществленную возможность. Модальная категория возможности выражает действительность, которая может осуществиться при известных условиях. Модальная категория необходимости выражает явление, которое вытекает из самой действительности. Категории долженствования как осознанной необходимости отдельно не существует, так как это значение вытекает из категории необходимости, но субъективно осознанной.

В языке все эти значения находят многообразные способы выражения: лексически — особыми модальными словами, не соотносительными с установленными классами частей речи, грамматически — особыми формами глагола: 1) изъявительным, повелительным и условным наклонениями; 2) особой формой предложений — безлично-инфинитивными предложениями.

В языке выражаются не только категории мышления, но и эмоции, и воля. Те отношения, которые устанавливает человек к фактам действительности как возможные и невозможные, как необходимые или как неизбежные, могут окрашиваться в различные эмоциональные и волевые оттенки.

Все эти оттенки значений также могут выражаться инфинитивными предложениями, построенными или из одной формы инфинитива и соответствующей интонации, или же из особых модальных слов в сочетании с инфинитивом.

Ввиду того, что инфинитивно-модальные безличные предложения, помимо выражения фактов самой объективной действительности, выражают еще устанавливаемое отношение к этим фактам, главным образом к деятельности и процессам, то и принцип деления инфинитивных предложений должен быть совершенно иной, чем в безличных предложениях, образованных из форм спрягаемых глаголов.

Инфинитивно-безличные предложения распадаются на следующие основные группы по значению и структуре:

1) инфинитивно-безличные предложения, выражающие возможность и невозможность; предложения эти могут поэтому быть или утвердительными, или отрицательными, с оттенками неизбежности, долженствования и др.;

2) инфинитивно-безличные предложения, выражающие в форме вопроса гипотетическую возможность с оттенками сомнения, нерешительности, недоумения, недоверия и т. д.;

3) инфинитивно-безличные предложения, выражающие значение необходимости;

4) инфинитивно-безличные предложения, выражающие значение необходимости, образованные из сочетаний слов с инфинитивом и из сочетаний слов с инфинитивом, осложненным частицей *бы*;

5) инфинитивно-безличные предложения, выражающие желание, стремление, образованные из инфинитива и различных частиц;

6) инфинитивно-безличные предложения, выражающие значение долженствования с оттенками приказа, побуждения;

7) инфинитивно-безличные предложения, выражающие волеизъявление;

8) инфинитивно-безличные предложения, выражающие условие, уступление и другие оттенки значения;

9) инфинитивно-безличные предложения, синонимические по смыслу другим типам предложения;

10) инфинитивно-безличные предложения, выражающие разные значения, со сказуемым из фразеологических сращений.

Эти основные группы предложений могут иметь отдельные оттенки значений, которые, однако, не создают особых типов предложений, а выражаются особыми интонациями при той же структуре. Таким образом, инфинитивы разного вещественного значения в силу их лексико-семантического различия не создают особых структурных типов безличных предложений, различно синтаксически оформленных, как это наблюдается с глаголами 3-го лица или с глаголами в возвратной форме на *-ся*.

В безличных инфинитивных предложениях различие в модальных оттенках обусловливает различие в формах и структуре предложений. В каждом из этих безличных предложений инфинитив является главной формирующей частью предложения. Однако далеко не все типы инфинитивных предложений выражают указанные значения только формой инфинитива и интонацией. Различные оттенки значений выражаются и другими конструктивными членами с соответствующей интонацией. Наиболее часто многие типы инфинитивно-безличных предложений имеют при себе так называемый логический субъект, выраженный дательным падежом, например: *быть быч ку на веревочке.*

Из русских ученых больше всего об инфинитивных предложениях писал А. А. Шахматов.

Инфинитивными предложениями акад. Шахматов прежде всего называет такие предложения, которые «содержат в главном члене инфинитив, вызывающий представление о признаке, сочетавшемся с лицом определенным (а именно 2-м) или неопределенным. Инфинитивные предложения этого типа (бесподлежащные) противополагаются инфинитивным безличным предложениям, предложениям экзистенциальным, вызывающим представление о сочетании признака (в субъекте) с представлением о бытии, наличности (в предикате)»[1].

[1] См. А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, 1941, стр. 81—82.

Предложения первого типа Шахматов называет определенно-личными или неопределенно-личными. При рассмотрении примеров, приведенных Шахматовым, можно заметить, что большинство этих предложений имеет значения императива и значения долженствования, т. е. это предложения с ярко выраженной модальной окраской.

Шахматов полагает, что эти предложения личны, потому что «ими выражается приказание, обращенное ко 2-му лицу единств. или множ., причем в более категорической форме, чем посредством повелительного наклонения...» [1].

К инфинитивно-глагольным безличным предложениям Шахматов относит предложения, в которых «инфинитив вызывает представление о субъекте действия в зависимой форме, причем эта форма (дательн. падеж) зависит, быть может, от ассимиляции форме инфинитива, которая по своему происхождению является формой дательн. падежа отглагольного существительного...» [2].

В этом Шахматов видит доказательство того, что в предложениях второго типа инфинитив является главным членом безличного предложения, выражающим «сочетание субъекта мысли, каковым является глагольный признак, с предикатом, каковым является представление о бытии, существовании, наличности...» [3]. Таким образом, в безличных инфинитивных предложениях инфинитив обозначает независимую единицу мысли, а сочетающееся с ним представление о производителе признака является зависимым и дополнительным представлением, словесным выражением чего является дательный падеж.

В рассуждениях Шахматова о природе инфинитива грамматические явления смешиваются с логическими. Вследствие такого смешения дательный субъекта *мне, тебе* является выражением мыслимого при предикате субъекта, но субъекта в логическом плане, а не субъекта-подлежащего в грамматическом оформлении. Непоследовательность Шахматова проявляется в таких рассуждениях: «Инфинитив — это название глагольного признака, не обосложненного представлением ни о производителе признака, ни о другом активном или пассивном признаке; инфинитив это наиболее общее название глагольного признака», и тут же: «Как указано, представление об инфинитиве вызывает представление о производителе соответствующего действия-состояния» [4].

Работа К. А. Тимофеева построена целиком на основе шахматовских положений о зависимом и независимом инфи-

[1] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, 1941, стр. 82.
[2] Там же, стр. 104—105.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 461.

нитиве и на основе положения Потебни о субъективном и объективном инфинитиве. Точку зрения К. А. Тимофеева на инфинитив как грамматическую категорию, имеющую отношение к лицу, разделить трудно. Также трудно согласиться с ним и в том, что инфинитивные предложения могут быть как безличными, так и личными.

ИНФИНИТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ МОДАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ

Безлично-инфинитивные предложения, выражающие возможность и невозможность действия

Обычно в эту группу предложений большинством ученых включаются предложения, выражающие объективную и субъективную необходимость. Пешковский полагает, что инфинитивно-безличные предложения этого типа со значением объективной необходимости действия равны безличным глагольным со сказуемым из глаголов *предстоит, суждено, придется* и т. д. [1], а предложения с оттенком субъективной необходимости действия равны по значению безличным со сказуемым из глаголов *подобает, полагается* и т. д.

Судя по примерам, Пешковский смешивает категорию невозможности с категорией необходимости. Невозможность вовсе не равна необходимости, но и не противоположна ей.

Семантика указанных предложений очень ярка и определенна. Предложения, выражающие невозможность действия, названного в инфинитиве, выражают такую невозможность, которая обусловлена всем ходом вещей, и субъективная воля человека не может изменить этого хода действия. Следовательно, в них выражается абсолютная, объективная невозможность. В этих предложениях нет субъекта-деятеля, т. е. виновника действия или носителя признака. Он, быть может, и мыслится, но не оформлен в обычную для номинативного строя языка форму именительного падежа, а представлен дательным падежом, т. е. зависимым падежом, что исключает возможность стать ему грамматическим подлежащим и вследствие чего для современного сознания эти предложения и являются безличными. Значение абсолютной невозможности выражается инфинитивом с отрицанием и с особо категорической интонацией. В. Боголюбов называл эти предложения самостоятельным инфинитивным оборотом, составляющим

---

[1] См. А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 6, стр. 347.

предложение, «которым язык пользуется за неимением конъюнктивных и оптативных глагольных форм»[1]. Однако в этих оборотах не только выражается оптативность, она здесь, пожалуй, минимальна. Превалирующим значением в них является выраженная, безоговорочно понятая и принятая говорящим невозможность, например: «Нет, тебе не сдобровать»[2] (Пушкин).

Выражение невозможности действия достигается не только посредством инфинитива, но и другими подсобными средствами: отрицательными частицами *не* и *ни*, особой категорической интонацией, усилением интонационного напряжения над самым инфинитивом, например:

«Нет, не достать вражде твоей
Главы, постигнутой уж роком»
(Лермонтов);
«Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить»
(Тютчев);
«Не расти траве после осени,
Не цвести цветам зимой по снегу»
(Кольцов).

Место главного организующего центра в предложении не влияет ни на семантику, ни на грамматическую природу инфинитива.

В этих безлично-инфинитивных предложениях лексическое содержание инфинитива и способность переходности обусловливает и тип дополнения. Одни инфинитивные предложения имеют прямое дополнение, например: «Ах нет, до доски гробовой не забыть мне тебя» (Русская быль, «Утопленница», 1910); «Уж не видать такого нам царя» (Пушкин).

Инфинитивы с отрицанием могут иметь такое лексическое значение, которое предполагает дополнение только в родительном падеже. Кроме лексического значения, здесь, несомненно, действуют и грамматические причины, которые указаны нами в главе об экзистенциальных отрицательных предложениях. Например: «Кому назначено, не миновать судьбы» (Грибоедов); «Присоветуй им встретить меня с детской любовью и послушанием, не то не избежать им лютой казни» (Пушкин); «А только, если бы не барин, не видать бы вам этих самых денег» (А. Н. Островский); «Слезами тоски от сердца не прогнать» (Кольцов); «Хоть убей, не разжать рта, точно губы с пробоем, а на пробое замок» (Помяловский); «Мне певца не понять» (Блок).

---

[1] В. Боголюбов. Дательный с неопределенным в русском языке. «Филологические записки», вып. VI, 1879, стр. 8—9.

[2] Глагол *не сдобровать* застыл в отрицательной форме инфинитива, от которого никаких других форм глагола не образуется.

Безличные инфинитивные предложения хотя и выражают объективную невозможность действия, но относится эта объективная невозможность к какому-либо субъекту, выраженному дательным падежом, например: «Вам не видать таких сражений» (Лермонтов); «Не жить без нее мне» (Брюсов); «Попадись им твоя записка — не миновать бы мне прогуляться в самую Сибирь» (Новиков-Прибой); «Век не забыть Андрею горького унижения» (Шолохов); «Им этого кургана никак не миновать» (А. Калинин); «Я чувствую, что мы когда-нибудь с ним столкнемся на узкой дороге, и одному из нас не сдобровать» (Чехов).

Рассматривая предложение *Не расти траве зимой по снегу,* В. Боголюбов указывает, что здесь соединяется логически зависимый признак с одинаково зависимым производителем, виновником признака (трава) [1]. Он полагает, что в этих оборотах выражается модально-волевой характер высказывания. Мы же думаем, что в них подчеркивается не характер воли кого-либо, а полная и безусловная предопределенность явления или действия его, абсолютная, непререкаемая неизбежность. Этими предложениями особенно богата народная речь, запечатленная в произведениях народной словесности, например: «Двух смертей не будет, а одной не миновать» (Снегирев, Русские народные пословицы и притчи).

Свадебные песни изобилуют подобными оборотами, чаще относительно отрицательного характера [2], например:

«Не долго цветику в садике цвести,
Не долго веночку на стеночке висеть,
Не долго нашей Машеньке во девушках сидеть,
Не год годовати, не век вековати,
Осталось нашей Машеньке одну ночь ночевать» [3].

Видимо, это наиболее употребительная, излюбленная форма выражения в народной речи, так как в записях былин, народных песен, в пословицах и поговорках эти отрицательные безлично-инфинитивные предложения встречаются очень часто. В большинстве случаев в отрицательных предложениях отрицание выражается частицами *не, ни* перед сказуемым; например: «На окошке пятак, никому его не взять, ни попам, ни дьякам, ни гороховикам» (Загадки русского народа, собр. Садовниковым, 1876);

«Не бывать молодцам на святой Руси,
Не видать вам, молодцам, князя Владимира

[1] См. В. Боголюбова, назв. раб., стр. 5.

[2] Относительно-отрицательными предложениями в отличие от абсолютно-отрицательных мы называем такие, в которых отрицается какой-либо второстепенный член предложения, а не сказуемое.

[3] Свадебная песня, записанная в Калининской области (Кимрский район, дер. Андрейцево).

И не гуливать по конины по площадям»
(Киреевский, II);

«А мягкого тебе хлеба не видать,
Всегда тебе сухая корка глодать»
(Притча о старом муже).

Эмоциональная насыщенность народного языка находит свое выражение именно в этих отрицательных инфинитивных оборотах. Ср.:

«Не видать тебе этих подарков,
Не гулять ему на воле,
Не стать тебе со мной бой держать».
(Рыбников, т. II);

«Стать мне этих стрелою простреливать,
То не выполнить мне именья во чистом поле»
(там же);

«Не бывать Егорью на святой Руси,
Не видать Егорью света белого,
Не обозреть Егорью солнца красного,
Не видать Егорью отца-матери,
Не слыхать Егорью звона колокольного,
Не слыхать Егорью пенья церковного»
(зап. Истоминым, 1894, духов. стих);

«Мне бы сесть буйной головушке пригорюниться,
Мне припасть, да мне надежду не докликати»
(Барсов, Причитания Северного края, т. I);

«Мне в весенний день
Кручинушку не высказать,
Мне в осеннюю неделюшку
Не выплакать»
(там же);

«Мне-ка сметь ли красной девушке
Пропустить да и зыцен голосок»
(Песни русского народа, записанные Истоминым)

«Мне ли молодешеньке вся ноцка не спать»
(«Дружки, подружки, голубушки мои». Песни русского народа, записанные Истоминым).

В плаче по покойнике вся тоска, печаль выражается в таких же отрицательно-инфинитивных предложениях, выражающих неизбежность, предопределенность «судьбой» случившегося, например:

«Не раскрыть да тебе свои оченьки ясные,
Не взмахнуть тебе да рученьки белые,
Ох, да не топтать тебе дорожки тореные...» [1].

Безлично-инфинитивные отрицательные предложения с предельной четкостью и лапидарностью выражают народный

[1] Записано в Калининской области (Кимрский район, дер. Андрейцево).

опыт в пословицах и поговорках. Например: «Курице не петь петухом» (Снегирев, Русские народные пословицы и притчи); «На чужое горе не наплакаться» (там же); «Из поклонов не шубу шить» (там же); «Аминем беса не отбыть» («Письмовник» Курганова) [1]; «Бездонной бадьи водой не наполнить» (там же); «Не до жиру, быть бы живу» (Иллюстров, Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках).

В современном русском языке бытуют как параллельная конструкция к указанным инфинитивно-безличным отрицательным предложениям утвердительные безлично-инфинитивные, выражающие абсолютную, несомненную уверенность в возможности того действия, которое обозначено в инфинитиве. В этих предложениях не выражается простая возможность какого-либо процесса, а выражается его предопределенность, неизбежность, как действие закона какой-то неизвестной силы. Эта категорическая уверенность в возможности того или другого процесса может возникнуть не только под влиянием веры в ее непреложность, но и под влиянием уверенности в реальности того явления, которое наличествует непременно в силу созданных причин. Например: «Сломить ему свои рога» (Пушкин); «Быть грозе великой» (он же); «Быть буре» (он же); «Уж над тобою быть греху» (Крылов); «Быть покойнику!» (Гончаров); «Быть тебе, Москва, Европой» (Горький).

В утвердительных предложениях, выражающих уверенность в возможности того действия, которое обозначено инфинитивом, конструкция немногим отличается от предыдущих предложений: ввиду того, что предложения по значению утвердительные, в них нет отрицательной частицы. Утвердительная интонация и силовое напряжение падают также на инфинитив. Самый инфинитив большей частью выносится на первое место в предложении. Если такое утвердительно-инфинитивное предложение включается в структуру сложного предложения, то самый характер предложения не изменяется, например: «Так вспомни же меня, что быть тебе без шубы» (Крылов); «Ну так и кажется, что быть ему в раю» (он же).

В народно-поэтической речи мы также встречаем безлично-инфинитивные предложения с утвердительным значением, например: «Перву мне ехать дорожку, мне убиту, мне ограблену быть; другу ехать мне дорожку, мне женатому быть» (Песни русского народа, записанные Истоминым, 1898); «...Быть тебе от невесты истравлену, еще быть тебе от тое жены удавлену, из-за злата-серебра быть убитому... быть тебе, травонька, посеченой и буйны ветры быть тебе развеянной...

[1] «Письмовник, содержащий науку Российского языка присовокуплениями разного учебного и полезного забавного вещесловия, проф. и кавалера Н. Курганова», 1759, ч. I.

быть тебе, рыбоньке, у бережку уловленной, быть тебе и съеденной» (Повесть о Горе-злочастье).

Безличные предложения, образованные из инфинитива, могут быть смешанного характера, так как в первой части вызывается категорическо-отрицательное значение, а во второй — противополагаемое ему положительно-утвердительное, например:

«Не быть мне за князем,
Ни за князем, ни за боярином,
А быть мне за вором
За разбойником»
(Великор. песни, т. 1);

«Сколько веревочке ни виться, а кончику быть» (Даль); «Сколько лодке ни рыскать, а у якоря быть» (он же).

В северных говорах и в народно-поэтической речи бытует особая конструкция инфинитивно-безличных предложений, выражающая значение неизбежности действия и усложненная вспомогательным глаголом *будет* со значением «придется» [1]. Чаще всего в языке фольклора предложения, выражающие предопределенность и неизбежность, строятся из инфинитива положительного или инфинитива с отрицанием и вспомогательного глагола-связки в будущем времени, например: «Не напомнить нам будет малых детушек» (Гильфердинг, Онеж. былины, 44); «Сломить будет буйну голову» (Кирша Данилов, Древние российские стихотворения, стр. 17, IX); «И лежать будет голове Васильевой» (там же).

Потебня также указывает, что глагол *будет* в значении «предстоит» очень употребителен в народной поэзии и просторечии, например: «потерять будет головы напрасные» (Кирша Данилов, Древние российские стихотворения).

«Не стреляй меня ты, черна ворона;
Моей крови тебе не пить будет,
Моего мяса не есть будет,
Надо мною сердце не изнести»
(там же, стр. 208);
«Я сама девица знаю-ведаю:
Расплетать будет мою русу косу
Трем татаринам наездникам»
(там же, стр. 29);
«И идтить нам, братцы, дорога неближняя,
Идти будет ко городу Иерусалиму»
(там же, стр. 206);

[1] См. статью С. И. Ожегова «Об одной форме долженствования в русском языке», где он указывает, что эти формы «обнаруживают отчетливое значение неизбежности совершения чего-нибудь, долженствования». Доклады и сообщения филолог. ф-та МГУ, вып. 2, 1947, стр. 24.

«На руках держать, не удержать будет,
На ногах стоять,— не устоять будет»
(Песни русского народа, записанные Истоминым).

Особенно часто встречаем мы подобные выражения в пословицах русского народа: «Как ни крыться, а будет повиниться»; «Как ни жаться, а будет признаться»; «Ешьте, дорогие гости, все одно будет собакам выкинуть» (Даль); «За милую куму лезть будет в тюрьму» (Снегирев, Русские народные пословицы и притчи).

В таком же значении неизбежности вместо глагола *придется* в народном языке употребляется инфинитив в соединении с инфинитивом глагола *быть*, образуя безличное предложение, например: «И мне быть своя заповедь нарушить» (Рыбников, т. II); «Быть натянуть свой тугой лук» (Даль); «Сколько ни браниться, а быть помириться» (он же); «Сколько ни плакать, а быть перестать» (он же).

В литературном языке такие предложения теперь совсем не употребительны, а в литературе XVIII века встречались только единичные примеры типа: «Грустно мне будет, но быть терпеть» (Радищев).

Можно предположить, что эти формы — живые формы русского народного языка, бытовавшие в северных районах, главным образом в Новгородской земле; употребляясь в народно-поэтической речи, они проникли из языка былин и сказок в книжную речь, но не удержались в ней.

Разные формы *будет* и *быть* не влияют на семантику этих предложений, а предложения с глаголом будущего времени и инфинитивом синонимичны значению безличного глагола *придется* в сочетании с инфинитивом.

Наличие дательного субъекта или его отсутствие также не связано с различием этих двух форм предложений. Однако инфинитив в обеих конструкциях грамматически разный. В предложениях с глаголом *будет* инфинитив является членом сложной глагольной формы [1] долженствования, а в предложениях с *быть* инфинитив синонимичен дательному падежу имени. Однако для обоснования происхождения и различия этих форм должны быть более глубокие исторические исследования. По свидетельству С. И. Ожегова, эти формы и до сих пор бытуют в языке крестьян в районах гор. Старой Руссы, в селах Ефремове и Выставе [2]. В литературном языке в настоящее время эти формы совершенно не употребительны.

[1] См. Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика, М., 1863, стр. 166, («Неопределенное наклонение есть только дополнение к безличному глаголу»).

[2] См. С. И. Ожегов, назв. раб., стр. 24.

Образуются инфинитивно-безличные предложения также из инфинитива и вспомогательного инфинитива *стать*. И такой тип предложения мы встречаем только в народно-поэтической речи или вообще в народном языке. Например:

«Хошь хорошо скажут люди
Не дарить их стать,
Буде грубо тебе скажут,
Не бранить их стать»
(Барсов, Прич. Сев. края, ч. 1);

«На то ты человек, ты мужчина; энергии тебе не занимать стать» (Тургенев); «Живут же люди неправдой, так и нам не лопнуть стать» (Даль); «Согрешила я, закон рушила, да уж не ворочаться стать» (Л. Н. Толстой); «Нам за докторами не посылать стать...» (он же).

Буслаев слова *стать, стало* причисляет к безличным глаголам, а инфинитивы *знать* и *чуть* к словам, употребляемым первый в значении союза, а второй в значении наречия. «Сюда же принадлежат безличные формы *стать* и *стало,* например: *не ворочаться стать, не воротиться стало*» [1].

Чем же объяснить, что для выражения неизбежности или невозможности осуществления действия употребляется не личная форма, а инфинитив?

А. А. Курилова в этой замене личного глагола инфинитивом видит особую стилистико-синтаксическую манеру для выражения большей энергии и яркости, которая приобретается инфинитивом, потерявшим свою внутреннюю окаменелость.

Абсолютная бессубъектность создает силу экспрессивности этих конструкций, что в свою очередь создается, по мнению Куриловой, опять-таки инфинитивной формой, являющейся семантическим и синтаксическим центром предложения [2]. Потому-то именно в своей экспрессивности и эмоциональности этот оборот очень употребителен в поэтическом народном языке.

Безлично-инфинитивные вопросительные предложения, выражающие гипотетическую возможность с различными модальными оттенками

Безлично-инфинитивные предложения, выражающие вопрос, могут иметь различные модальные оттенки, особенно в эмоционально окрашенной речи, где различие модальных

[1] Ф. И. Буслаев, назв. раб., стр. 156.

[2] А. А. Курилова. Из наблюдений над синтаксисом А. Блока, «Науковы записки» науково-дослідчої катедры мовознавства, № 2, Харьков, 1929.

оттенков гораздо богаче, чем в спокойно-повествовательной речи. Вследствие этого значения недоверия, сомнения, удивления, иронии, недоумения, колебания, нерешительности также выражаются в инфинитивных восклицательных или же в чисто вопросительных предложениях.

Вопросительные безлично-инфинитивные предложения образуются из одного инфинитива с вопросительной интонацией или же осложняются особыми вопросительными словами и частицами, в которых заключены различные оттенки.

Однако вопросительные предложения в безлично-инфинитивной форме из одного инфинитива очень редко употребляются в языке. В разговорной речи вопросительные предложения, кроме интонации, сопровождаются жестами и мимикой. В письменной речи, в устных докладах и лекциях при таких инфинитивах, произносимых с вопросительной интонацией, употребляется или вопросительное местоимение, или вопросительное наречие, или вопросительная частица.

При помощи интонации и выражается сложная гамма всяких эмоций при вопросе: удивление, недоверие, сомнение, нерешительность, растерянность, страх, гнев, сарказм, ирония и др.

Современный русский язык, особенно его устная разговорная форма, изобилует и чисто вопросительными и вопросительно-восклицательными предложениями. Вопросительный смысл предложения может быть заключен в интонации самого инфинитива: *Пойти? Принести? Сказать? Прочитать? Отрезать?*

Сам по себе инфинитив не заключает вопроса; поэтому для выражения вопроса требуется особая вопросительная, повышающаяся интонация, но без инфинитива вопрос, только оформленный тоном, не может иметь лексически различающегося смысла. Следовательно, вопросительные предложения, состоящие из инфинитива, вопрос выражают интонацией, а содержание вопроса — лексическим значением инфинитива. Кроме таких прямо вопросительных предложений, в языке могут быть инфинитивно-безличные предложения, в которых вопрос направлен на выяснение не сказуемого, а второстепенных членов предложения.

В том случае, когда неизвестен дополнительный член, в структуре безлично-инфинитивного предложения употребляется вопросительное местоимение кто — что в косвенных падежах с предлогом или без предлога, например: «Кого ж любить? Кому же верить?» (Пушкин); «Любить... но кого же?» (Лермонтов); «Но чем их заменить в лета Максима Максимовича?» (он же); «Мы бросим жребий, кому первому стрелять?» (он же); «Кому открыть свое сердце?» (Белинский);

«Да за что же мне рассердиться-то на тебя?» (А. Н. Островский). Сказанное относится как к прямому, так и к косвенному вопросу.

При вопросе о каком-либо обстоятельстве (места, времени, цели, причины или образа действия) в качестве вопросительного слова в инфинитивных предложениях употребляются наречия местоименного образования, например: «Куда деваться от княжон?» (Грибоедов); «Куда же ехать-то? — сказал Василий Андреевич» (Л. Н. Толстой); «Где же ее искать?» (А. Н. Островский); «Для чего мне теперь жить?» (он же); «А мне чего робеть?» (Крылов); «Что же, хлопче, раскорякой-то стоять?» (Чехов); «В самом деле отчего бы тебе опять не поступить в актрисы, если есть призвание?» (он же); «Отчего нам не расстаться миролюбиво, тихо?» (Куприн); «Зачем перед собою притворяться?» (он же); «Мой домовой в большом недоуменье, как без себя сокровище сберечь?» (Крылов); «Ну как ей выбрать из этих женихов?» (он же); «Как ему отказать?» (А. Н. Островский); «Где тут, милая, приспособиться мне?» (Горький); «Куда мне вас теперь вести?» (Горбатов); «Но как же все-таки быть без хлеба?» (А. Н. Толстой).

В том случае, когда спрашивающий хочет установить возможность или невозможность самих процессов, то к инфинитиву присоединяются различные модальные частицы: *ли, же, разве, неужели, ужель, ужели,* областное *нешто* и др., выражающие тот или иной оттенок, например: «Сестрица, неужели нам гибнуть с ними вместе?» (Крылов); «Где же одному человеку переговорить более двухсот крепко острящих бурсаков?» (Помяловский); «— Так что же, ехать что ли, Василий Андреевич? — сказал Никита» (Л. Н. Толстой); «Нешто у ключницы попросить?» (А. Н. Островский).

Безлично-инфинитивные предложения не заключают иногда вопроса, а вопросительной формой или дают уже ответ, или выражают какой-либо эмоциональный оттенок — удивления, раздумья, иронии. Эти предложения оформляются грамматически интонацией, соответствующей смысловому эмоциональному значению, и вопросительными местоимениями и наречными словами или вопросительными частицами.

Разница между рассмотренными выше и этими предложениями заключается в том, что в первых действительно спрашивалось о чем-либо, а в этих предложениях полувопросительная форма служит для отрицательного ответа; нередко даже бывает, что предложение оформлено как восклицательное, например: «Не выписать же сюда для твоей подагры целый медицинский факультет!» (Чехов). Эту мысль можно выразить так: «Для твоей подагры выписать сюда целый медицин-

ский факультет нельзя». Ср. также: «Зачем тебя черт несет жениться? Ну, куда тебе возиться с женою, да нянчиться с ребятишками?» (Пушкин); «Ну как не порадеть родному человечку» (Грибоедов); «Мне ль рассуждать об искусстве, когда я сам бездарный человек?» (Писемский); «Да отчего же не кричать, коли здесь такое заведенье?» (А. Н. Островский); «Мне ль уж нежности разводить?» (он же); «Если не хочешь, то и бог с ним. Не на колени же нам становиться?» (Чехов); «Как мне не знать-с?» (А. Н. Островский); «Он хочет визиты делать. Не пешком же ему по городу бегать?» (Писемский); «Зачем перед собой притворяться?» (Вересаев).

В таких вопросительных безличных предложениях заключается риторический вопрос, в котором вопросительность выражается наречием, потерявшим свой локальный, временной или другой характер, и служит средством образования особой стилистической фигуры, например: «Где нам, необразованным старикам, за вами гоняться?» (Лермонтов); «Кругом соседей много есть, куда мне их и перечесть?» (Пушкин).

В разговорно-диалогической речи такие предложения очень употребительны как в литературном, так и в народном языке. Не менее они употребительны и в стихотворном языке, например:

институт русского языка им. в. в. виноградова

«Зачем безвременную скуку
Зловещей думою питать
И неизбежную разлуку
В унынии рабском ожидать?»
(Пушкин);

«Зачем судьбой не суждено
Моей непостоянной лире
Геройство воспевать одно?...»
(он же);

«Желанья... Что пользы напрасно и вечно желать?»
(Лермонтов);

«Мать о сыне рекой разливается,
Плачет муж по жене молодой,—
Как не плакать им?»
(Некрасов);

«Зачем же разом не сказать?
Уж шла бы я давно...»
(он же).

www.ruslang.ru

Безлично-инфинитивные предложения, выражающие значение необходимости

Предложения, выражающие значение необходимости, очень близки на первый взгляд к предложениям, выражающим неизбежность. Однако «неизбежность» действия означает

какой-то неотвратимый ход вещей. Значение же «необходимости» вытекает из внутренней обусловленной закономерности, и оно соотносительно случайности, которая может ее нарушить. «Неизбежность» может быть выражена глаголами *придется, предстоит*. «Необходимость», кроме тех форм, которые будут указаны дальше, может быть выражена безличными глаголами *следует, полагается* или особыми модальными словами — *нужно, необходимо*.

Необходимость — это объективно существующая и внутренне осознанная связь явлений, а неизбежность — объективно должная, но причинно не осознанная связь явлений. *Быть бычку на веревочке* — выражается неизбежность, но необходимо это или нет — это не выражено. Предложением *Ну, скоро бежать в театр на «Одиноких»* выражается необходимость, но в этом предложении не выражена неизбежность действия.

В необходимость включается и момент личной воли, в то время как в неизбежности проявление личной воли устранено.

Следовательно, в предложениях, выражающих значение неизбежности, исключен субъективный момент воли, в то время как в предложениях, выражающих необходимость, последняя может быть выражена и как субъективная, и как объективная.

В предложениях, выражающих значение необходимости при помощи инфинитивной формы, наблюдаются различные смысловые оттенки, которые отражаются и на структуре предложения. В предложениях, в которых выражается мнение о необходимости действия со стороны кого-либо или побуждение к действию кого-либо, инфинитив употребляется с переходным значением, а прямой объект выражен в винительном падеже, например:

«Не упрямься, душенька, теперь-то *себя* и показать» (Фонвизин); *«Тебя* за это в жандармскую канцелярию отправить» (Лесков).

Другие предложения выражают осознанную необходимость действия самим субъектом. В таких предложениях наличествует или выраженный, или иногда опущенный, но легко восстанавливаемый субъект, и в них употребляется инфинитив непереходного характера, например: «— Ну-ко, Аринушка, халат давай мой с печи, с хозяином ехать,— проговорил Никита» (Л. Н. Толстой); «Мне только проститься с ним, а там... там хоть и умирать» (А. Н. Островский); «Вдруг ты его испугаешь, а мне отвечать» (Горький); «Проиграли — ну так бежать» (Л. Н. Толстой); «Подколесин сидит в кондитерской, пойти поскорей за ним» (Гоголь).

Безличные предложения со значением необходимости, выраженные инфинитивом с частицей *бы*

Частица *бы* вносит в предложение разные оттенки: оттенок желательности, сожаления, оттенок необходимости и др.

К данной группе относятся предложения с преобладающим оттенком необходимости, т. е. такие предложения, в которых содержание как бы требует наличия слов *надо, нужно,* могущих выразить необходимость; приводимые ниже примеры показывают действительно, что эти слова могли бы быть, но их нет, и значение необходимости выражается интонацией и частицей *бы*[1]. В современном русском языке *бы* приобретает широкое значение.

а) Наиболее яркую и очень употребительную группу составляют предложения с основным значением модальности, необходимости и сопутствующим — желательности. В этих предложениях возможна подстановка не только модального слова *надо,* но и слова *хорошо бы,* например: «За ним бы следовать на горы мне высоки » (т. е. *надо*) (Ломоносов); «Вот вас бы с тетушкою свесть, чтоб всех знакомых перечесть» (Грибоедов); «Погибать бы мне одной!» (А. Н. Островский); «Мне бы отшельником, в пустынях» (Горький); «Самому адмиралу Борилеву приготовить бы из такой пакости обед» (Новиков-Прибой); «Добраться бы до Владивостока и сговориться бы с армией» (он же).

б) Предложения безлично-инфинитивные, выражающие необходимость с точки зрения самого говорящего лица, строятся часто в форме сложносочиненного предложения с противопоставляющим союзом *а,* например: «Хорошему бы человеку и дать талант, а мне не дано» (Горький); «Нам бы не ждать, а броситься на них всем сразу, сколько тысяч есть, и забрать

---

[1] По Шахматову, «*бы* — союз, восходящий к форме 3-го лица сослагат. наклонения» («Синтаксис русского языка», 1941, стр. 105).

Буслаев в *бы* при инфинитиве видит дальнейшее развитие первоначального прошедшего условного времени, которое можно объяснить опущением вспомогательного глагола, с которым частица *бы* составляла описательную форму (см. «Историческую грамматику», М., 1863, § 194, стр. 143).

Потебня видит два случая сочетания частицы *бы* с инфинитивом. 1) *Бы,* потеряв глагольную силу, стало как союз, присоединяющийся к неопределенному наклонению с явственным или подразумеваемым *есть*: «Лучше ны бы есть приятия я на чюжей земле, нежели на своей» (Ипат. лет., 163). Предикативная сила, полагает Потебня, в позднейших предложениях типа «узнать бы нам» заключается в пропущенном *есть,* а *бы* стало выражать оттенок желательности. 2) Второй случай употребления *бы* с неопределенным и придаточным предложением вместе с другим союзом сообщает инфинитиву значение цели. См. А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. I—II, 1888, стр. 435—436 и след.

в плен» (он же); «Ей бы дом свой продать, а к нам перебраться» (он же).

В таких предложениях оттенок желательности выражен гораздо слабее. В сложносочиненных предложениях этого типа бывают и другие союзы: противительный *да*, союз *и* со значением результативности. Например: «Свечечку бы перед образом засветить, да не знаю, куда Степанида девала» (Чехов); «Надеть бы ему водолазный колпак вместо митры, и стал бы совсем богослужителем» (Новиков-Прибой).

в) В безлично-инфинитивных предложениях с общей модальностью долженствования может быть оттенок совета и сетования или сожаления с частицей *бы*, например: «Эх, Елена, тебе бы в министрах быть» (Фурманов); «А тебе б, Лида, бросить бы школу» (Горький); «Вам бы одному-то не гулять,— Варюша беспокоится» (он же); «Законопатить бы ему рот паклей, он не будет зубоскалить» (Новиков-Прибой).

г) Безлично-инфинитивные предложения могут выражать боязнь, опасение с той же формой построения: инфинитив с отрицанием и частица *бы*, например: «Не опоздать бы к поезду» (Чехов); «Все бинокли были направлены в сторону броненосца, на котором находился командующий,— не прозевать бы с выполнением того или другого его приказа» (Новиков-Прибой).

В таких предложениях выражается и желание что-то сделать и вместе с тем боязнь не совершить это действие.

Чаще в таких предложениях выражается желание, чтобы то действие, которое упомянуто в инфинитиве, не совершилось, или дается предостережение либо напоминание кому-либо не совершать того или иного поступка, например: «В самом деле, как бы не накликать беды» (А. Н. Островский).

Гораздо реже такими предложениями выражают соболезнование о том, что нужно бы сделать и могло бы быть сделано, но не было сделано, например: «Ну, что бы ставни им отнять» (Грибоедов); *Ну, что бы тебе помочь детям, а не ругать их.*

Однако и в этих предложениях основным значением является долженствование.

Ввиду того, что «необходимость», «совет», «сожаление» являются элементами психически-волевой деятельности людей, действия, обозначенные в предложении, направлены к «лицу», «субъекту», являющемуся предметом воздействия. Вследствие этого все предложения данного типа имеют в своей конструкции субъект в дательном падеже, чаще выраженный каким-либо личным местоимением: *нам, вам, им, мне, тебе, ей, ему.* Пропуск субъекта в дательном падеже в таких предложениях свидетельствует не о другом характере построения,

а только о том, что действие, выраженное в инфинитиве, нужно производить не какому-либо лицу, а всем вообще, например: «В леса дремучие прижать бы дураков, а мы их всенародно показываем» (Горький).

В одних предложениях наличествуют частицы, в других их нет. Порядок слов в указанных предложениях различный и не играет какой-либо грамматической роли. Логическостилистические цели заставляют инфинитив выносить на передний план предложения, что придает ему больший вес и значимость. Однако грамматического изменения в характере предложения вследствие изменения порядка слов не происходит.

В русском языке встречается особая инфинитивная конструкция в сочетании с вспомогательным глаголом *было,* но совсем иного значения, чем предыдущая конструкция.

О различии этих конструкций писал еще Востоков: «Безличный *было*, поставленный после неопределенного наклонения совершенного вида и имеющий после себя местоимение 1-го лица, означает намерение действовать, например: «Пойти было мне»; «Посмотреть было мне»; когда же оный поставлен перед неопределенным наклонением совершенного или неопределенного вида и имеет перед собою местоимение личное какого бы то ни было лица, тогда заступает место глагола *следовало,* например: «Мне было итти»; «Тебе было слушаться»; «Ему было спросить»[1]. Но от местоимения ли зависит различие смысла?

Еще раньше Востокова Ломоносов учил, что различие смысла сочетания *было* с инфинитивом зависит от порядка слов, например: «Неокончательное неопределенное, с приложением прошедшего *было,* имеет силу начинательного глагола: «мне было говорить», то есть «я хотел только начать говорить». А когда *было* назади поставится, значит — раскаяние в том, что не сделалось: «говорить было, писать было»[2].

В современном русском языке эти конструкции становятся малоупотребительными, но со связочным глаголом *быть* в прошедшем времени и среднем роде употребляются тогда, когда глагол *быть* выражает не осознанную прежде необходимость действия. В таких предложениях посредством прибавления вспомогательного глагола *быть* в прошедшем времени выражается сожаление о том, что не сделано то, что необходимо было сделать, например:

«Мне пойти было кручинной головушке,
Мне во эти мелкорубленные клеточки,
Мне-ка взять было ключи да золоченные,

[1] А. Х. Востоков. Русская грамматика, прибавление ко II ч., § 3, СПб., 1831.

[2] М. В. Ломоносов. Российская грамматика. Соч., т. IV, СПб., 1898, стр. 207.

Отомкнуть было ларцы окованные.
Мне-ка взять да столько цветного платьица,
Приложить было к блеклому ко личишку,
Мне прижать было к ретивому сердечушку...»
(Барсов, Причитания, т. 1).

Такой тип предложения встречается чаще всего в поэтическо-народном языке и областных говорах, где такими конструкциями выражается и долженствование и намерение действовать, а также условность действия.

В таких предложениях Потебня видит «прямой переход от изъявительного прошедшего к желательному в настоящем, исполнимому в будущем»[1].

Приведем примеры: «Ах, пойти было мне с вами по ягоды, гляди, сколько набрали» (дер. Сквозняки, Краснобакского р-на, Горьковского края); «Ах, узнать было раньше про то, не пошла бы я за него» (там же); «Сидеть было тебе в девках и покой бы был» (там же); «Не сеять было льна-то, лучше горох бы тут был» (там же). Эти формы приводят и Даль и Симони: «Быть было беде, да деньги на бедре» (Симони); «Быть было ненастью, да дождь помешал» (Даль).

Безлично-инфинитивные предложения, выражающие значение желания, стремления

Безлично-инфинитивные предложения, выражающие желание, синонимичны по своему значению желательному наклонению.

Лишь немногие лингвисты, в частности А. А. Шахматов, считают, что в русском языке имеется желательное наклонение. «Посредством этого наклонения говорящий выражает свое пожелание с тем, чтобы установилась связь данного действия-состояния с субъектом, каковым может быть и он сам, и всякое другое лицо или предмет»,— пишет Шахматов[2].

Шахматов указывает, что одной из форм выражения желательного наклонения является форма инфинитива с частицей *бы*, например: *пойти бы нам, ему бы еще пожить, попроситься бы к нему, сказать бы ему* и др. Он приводит примеры сочетаний инфинитива с другими частицами для выражения желания: *если, как, как не, что*. Однако анализ приведенных примеров показывает, что у Шахматова нет в данном случае четкой дифференциации семантических различий.

Недостаточно отведено Шахматовым внимания и разли-

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, 1888, стр. 276.
[2] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, 1941, стр. 484.

чию интонаций таких инфинитивно-модальных предложений, в то время как нередко значение желания выражается только инфинитивом с определенной интонацией без помощи тех или иных модальных частиц. Следовательно, инфинитивно-безличные предложения, выражающие желание, стремление, могут иметь конструкции с частицами и без частиц.

а) В предложениях без частиц, несомненно, большую роль в выражении желания играет интонация, например:

«...И потом
Все думать, думать об одном
И день и ночь до новой встречи» (Пушкин);

«Видеть ее, проститься, пожать ей руку...» (Лермонтов); «Поговорить с женой, погулять с ней по саду, на ее могилке поплакать,— вот и все» (Чехов); «О, убежать, уснуть от них» (Кирсанов); «Убежать. Позабыть. Умереть. Отдохнуть». (Брюсов); «Даже в плену у него была цель жизни: выбраться из-за колючей проволоки» (Горбатов).

б) Более ярки по своему оттенку желательности инфинитивные предложения, усложненные частицами *бы, кабы, как бы, лишь бы* [1] и др.

Интонация является сильно действующим фактором в выражении модальных оттенков и в этих предложениях, помогая ярче выразить желание или стремление к тому акту-действию, которое обозначено в инфинитиве. В современном русском языке желание очень часто выражается инфинитивной формой с частицей *лишь бы, как бы* и *бы*, например: «Лишь лета б нам дождаться» (Крылов); «К себе самой она чувствовала полное равнодушие, думала только о том, как бы работу к сроку кончить» (Тургенев); «Бурсак... стоя под венцом, думал думу, как бы в первую ночь изломать бока своей, черт бы ее взял, подруге жизни» (Помяловский); «Как бы нибудь, сударь, ладком дела-то сделать (А. Н. Островский); «— Как бы захворать!— думал Корась» (Помяловский); «Эх, кабы в тюрьму попасть в одиночное заключение» (Новиков-Прибой); «Улететь бы вольною птицей от всех вас» (Чехов); «Мне бы не писать лет пять...» (он же); «Теперь бы повернуть эскадру на шестнадцать румбов...» (Новиков-Прибой); «Только бы попасть в нейтральный порт» (он же); «— Ох, как поет,— медленно поговорила она, закрыв глаза, качая головой,— спеть бы так один раз...» (Горький); «Да, дожить, дожить бы, дождаться!» (Горбатов); «Дожить, дожить бы! Увидеть, как

[1] А. А. Шахматов считает *бы* союзом, означающим условие или вводящим пожелание, см. «Синтаксис», стр. 506.

заструится первый робкий желтоватый дымок над силовой..» (он же); «К партизанам бы путь найти!» (он же).

Безлично-инфинитивные предложения, выражающие значение долженствования с оттенками побуждения, приказа

Безличные инфинитивные предложения, выражающие категорию долженствования, имеют внутри себя деление по семантическим оттенкам: императива, побуждения и неизбежной предопределенности.

Некоторые ученые считают, что императивные предложения, выраженные инфинитивом, личны. Так, Шахматов предложения подобного типа называет неопределенно-личными предложениями. Однако вряд ли инфинитивные предложения императивного характера можно считать личными. В них нет лица, нет подлежащего, т. е. такого члена предложения, к которому бы относилось все содержание личного глагола, т. е. сказуемое, например: «Подать свежих шпицрутенов...» (Л. Н. Толстой). Предложение *Подайте свежих шпицрутенов,* хотя тоже бесподлежащное, однако личное, потому что формой повелительного наклонения указывается отношение сказуемого, заключающегося в глагольной основе, к определенному лицу. Инфинитив же, лишенный форм лица, хотя и выражает повелительное значение, не может образовать личное предложение. В инфинитиве, употребленном в значении повелительного наклонения, видеть лицо невозможно [1]. В таких предложениях, как *Молчать!, Встать!,* подлежащего нет, и формы глагола, указывающей на лицо, на деятеля, также нет [2]. Адресат действия, т. е. тот или те лица, которые должны выполнить действие, лишь предполагаются ситуацией, но в языковых формах они не выражены.

Таким образом, инфинитивные императивные предложения следует отнести к безличным предложениям, выражающим волю человека. Очень часто императивное значение, выраженное инфинитивом, настолько эмоционально, что инфинитив в этих выражениях может терять свое реально-лексическое значение и становиться междометным «знаком», а не глаголом, вследствие чего в этих восклицательных «знаках» и не может быть лица.

---

[1] Еще А. Барсов писал: «Безличные предложения отличаются от личных тем, что не имеют объяснительного слова к окончанию глагола» (см. А. Барсов. О частях предложения в связи с рассмотрением некоторых этимологических форм. Филолог. зап., вып. II, 1880, стр. 14).

[2] См. Я. Грот. К вопросу о значении подлежащего в предложении. Филолог. зап., вып. V, 1880, стр. 11—13.

А. А. Потебня полагает, что в повелительном инфинитиве значение повелительности содержится не в инфинитиве и не в опущенной связке, а в опущенных вещественных словах вроде *ты должен,* и ссылается на немецкое «legen lassen». Следовательно, исходя из этого, можно предположить, что такие предложения, как *Молчать!*, образовались эллиптически из «должен молчать». Однако можно только предположить, что процесс шел таким образом: слово *должен* относилось к лицу, а через него и слово *молчать* могло относиться к лицу. Слово *должен* затем утерялось, и отношение к лицу нарушилось.

Наличие оттенка долженствования имеется в каждом императивном инфинитиве. Чем меньше чувствуется оттенок долженствования, тем императив категоричнее, чем ярче оттенок долженствования, тем меньше императивности.

Следовательно, повелительная интонация и общая императивная установка только предполагают отношение к лицу, так как, несомненно, приказ относится к кому-то, но в языке это не выражено. Поэтому не совсем понятны мотивы, по которым Шахматов императивно-инфинитивные предложения называет неопределенно-личными.

Если инфинитив потенциально содержит в себе отношение к лицу [1], то только ко второму [2], слушающему. Ни к 1-му, ни к 3-му лицу [3] этого отношения и логически установить невозможно. Если же нет соотношения с другими лицами, а в самой форме это отношение и вообще не выражено, то трудно говорить о лице в инфинитиве,— значит, в инфинитиве не содержится значения лица, вследствие этого и инфинитивные императивные предложения мы считаем безличными [4].

Инфинитивно-императивные предложения неоднородны. В одних предложениях инфинитив выражает императивность с большей энергией и живостью, с гораздо большей экспрессивностью, чем в глагольной повелительной форме, и с большей лапидарностью.

Такой инфинитив-императив, исходя от говорящего, направлен к слушающему. Однако, как 1-е, говорящее, лицо,

---

[1] См. В. В. Виноградов. Русский язык, 1947, стр. 604.

[2] Интересны для доказательства такие типы конструкций: «А вы стоять на крыльце и ни с места» (Гоголь).

[3] Шахматов, говоря о лице повелительного наклонения, на полях делает примечание: «Точно ли при 3-м единств. возможен императив? Не желательное ли это?» («Синтаксис», стр. 483).

[4] Напомним шахматовское определение инфинитива, где указывается, что «сочетающееся с ним представление о производителе признака может быть только зависимым и дополнительным представлением; словесным его выражением по указанной причине является дательн. падеж» (А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, 1941, стр. 105).

так и 2-е, слушающее, не выражено ни словесно, ни морфологически. Только лишь интонация, близкая по характеру к интонации глагольного наклонения, выражает требование действия от слушающих лиц. Но можно ли интонацией выразить категорию л и ц а - д е я т е л я?

Инфинитивно-безличные предложения со значением императивности очень употребительны в разговорно-обиходной речи, насыщенной эмоциями, а также и в художественной литературе в диалоге действующих лиц, например: «*Унять старую ведьму!* — сказал Пугачев» (Пушкин); «*Огонь потушить!* — сказал Хаджи Мурат» (Л. Н. Толстой); «*Отнести ее вон!* — проговорила изменившимся голосом старуха,— скверная собачонка» (Тургенев); «— *Молчать!* — крикнул офицер, вставая» (Горький); «Конвоиры спохватились, и один из них — помоложе и поживей — крикнул на Андрея: — *Не разговаривать!*» (Федин).

Следовательно, формой глагола лицо не выражается, но оно мыслится как адресат, к которому обращена речь.

Другой тип инфинитивно-императивных предложений отличается от первого тем, что в них нет такой лапидарности; интонация предложения, несомненно, иная, что лишает их прямой императивности и придает инфинитиву значение долженствования, при котором и сам говорящий как бы включает себя в число исполнителей того, что должно делать.

Инфинитив, несущий в себе оттенок долженствования, не только безличен, но и общеличен в то же время по своему значению. Не случайно наиболее часто используется форма инфинитива в значении императива для побуждения вообще всех людей к тем или иным действиям, долженствующих быть их исполнителями с точки зрения говорящего. Следовательно, в таких предложениях сочетаются два оттенка значения: императивность, которой побуждаются люди к действиям, названным в инфинитиве, и долженствование, осознанное самим говорящим и передаваемое в форме инфинитива-императива другим людям (ср. часто встречающиеся в наших газетах заголовки статей в форме инфинитивно-безличных предложений).

Не только интонация, но и другие языковые факторы влияют на значение инфинитива-императива. Так, например, инфинитивы несовершенного вида с императивной интонацией ярче выражают оттенок долженствования и оттенок временной неопределенности, а инфинитивы совершенного вида более императивны и определенны во времени.

Кроме этого, несовершенный вид императивного инфинитива обращен к кому-то в дальнем плане, а совершенный вид более конкретен и во времени и в направлении. Видовые зна-

чения, видимо, здесь играют также какую-то роль, что можно видеть и из того, что несовершенный вид с оттенком многократности вовсе не способен образовывать инфинитивно-императивную форму; например, нельзя приказать в такой форме: *сиживать, бивать, глядывать* и др.

На наш взгляд, значение долженствования, выражаемое в предложении, укрепляет данные предложения в сфере безличных предложений.

Многие предложения инфинитивно-императивного значения имеют в себе и оттенок значения приказа, и оттенок значения долженствования. Если в предложении, выражающем долженствование, примешивается эмоция и предложение принимает восклицательный характер, то оно становится более императивным.

При меньшей эмоции происходит снижение интонационной силы, и предложение начинает приобретать оттенок *долженствования,* например: *Работать образцово с первых дней нового года!*

Не только различие видовых оттенков, наличествующее у инфинитива, не позволяет иногда инфинитиву создать императивную форму, но и другие грамматические значения, заключающиеся в инфинитиве, совершенно лишают некоторые инфинитивы способности принять при известных условиях форму императива.

У многих залоговых форм совершенно немыслимы формы инфинитива-императива. Так, не может иметь императива страдательная форма. «В страдат. залоге инфинитив вызывает представление о том, что объектом его действия является та субстанция, которая при соответствующем переходном глаголе была бы объектом (производителем)» [1].

Дом строится плотником. Кому приказать строиться? Дому? — Он не живой предмет и сам по себе строиться не может. Плотнику? — Но в данном страдательном обороте это косвенный, дополнительный объект. Пассивно-возвратные глаголы, например: *хочется, мнится, снится, нездоровится;* глаголы кратно-пассивного значения, вроде: *белеться, синеться, краснеться;* косвенно-результативного возвратного значения типа *намучиться, набегаться, разругаться* — также инфинитива-императива создать не могут. Из форм залогов инфинитив-императив образуется из 1) глаголов действительного залога (*послать его!*), 2) собственно-возвратного залога (*мыться! раздеться!*), с отрицанием (*не ругаться!*), 3) общевозвратного с отрицанием *не* (*не появляться! не торопиться!*).

---

[1] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 481.

Не только те или иные глагольные формы несовместимы с инфинитивом-императивом, но семантико-лексические значения самого инфинитива мешают многим из них стать императивом потому, что приказать производить некоторые действия в форме инфинитива, как форме категорической, несовместимо со здравым смыслом. Вряд ли можно приказать: *сердиться! волноваться! беспокоиться! сметь! чувствовать! грустить!* Однако достаточно подставить отрицательную частицу *не,* как императив-запрещение может образовать безличное инфинитивно-отрицательное предложение.

Не способны образовать форму инфинитива-императива и слова иноязычного происхождения, с абстрактно-книжным значением, например, *аффектировать.* Не образуется инфинитив-императив и от глаголов, в которых обозначается действие или состояние, не исходящее от живого существа, так как приказать можно только живым, разумным существам. Вследствие этого нельзя приказать погоде *холодеть, смеркаться, темнеть;* или приказать воде или пище *кипеть, вариться* и т. п.

Таким образом, мы убеждаемся, что далеко не все группы глаголов способны иметь инфинитив-императив.

Имеет большое значение и количественный состав инфинитивного предложения. Чем больше слов, тем труднее интонационно оформить их в императив. Если взять такую фразу: *Встать! Умыться! Начать заниматься и молчать!* — то нанизывание инфинитивных императивов лишает каждый из них категоричности, даже при усиливающейся интонации. Если еще эти инфинитивы усложнять дополнениями или обстоятельственными словами, то императивный оттенок будет все слабеть, а значение долженствования усиливаться. И другие языковые явления изменяют характер предложения. *Спать!* — чисто императивно, но если взять предложение: «Ну, спать, спать!» (Б. Полевой), то побудительная частица *ну* и повторение приказания уже смягчают императивность и привносят оттенок значения совета, побуждения.

Таким образом, в этих инфинитивно-императивных предложениях очень много вариаций различных оттенков значения. Расширение инфинитива дополнением и другими членами предложения также смягчает императивность инфинитива и переводит его в круг значений долженствования и необходимости. При расширении императива-инфинитива другими словами интонация становится менее энергичной. В инфинитивном предложении, состоящем из одного слова, вся сила голоса, высота тона сосредоточивается на нем, например: *Поднять!* В предложении *Поднять кверху!* сила голоса распределилась уже на 2 единицы: предложение *Поднять его кверху, теплее одеть и уложить!* уже не может быть столь же катего-

рично, как только *Поднять!* Если же последнее предложение поставить в несовершенном виде, то императивная интонация будет неуместна, предложение примет оттенок долженствования и потребует слова *надо*.

Безлично-инфинитивные предложения, выражающие волеизъявление

В народно-поэтическом языке имеется особый вид инфинитивных безличных предложений, выражающих запрет и указание. Заговоры, как остатки древнего мифологического мировоззрения, хранят в языке остаток взгляда на слово как магически-чародейное средство. Именно в заговорах и заклинаниях слово сохраняло эту «чародейную силу», по мнению темных людей, которые пользовались при ворожбе мифологическими формулами. Заговоры и заклинания, первоначально бывшие молитвами [1] к добрым или злым духам, потом меняли свой характер и становились не столько просьбой, сколько указанием или даже приказом, поэтому эти предложения имеют смешанный модальный характер.

«Как закладному бревну в лесе не бывать и на пеньке не стаивать, так бы и мою скотину медведю, и медведице, и медвежонку, волку, и волчице, и росомахе, и рысе, век живучи, не хватывать, не цапывать и не утаскивать» [2].

«Ураз-уразище [3], тут тоби не буваты, тут тоби не стояты, живой кости не ломаты... Червонной крови не питы, и серденька не сушиты...» [4],— украинский заговор.

Белорусские заговоры, записанные Шейном и др., и по содержанию и по форме не отличаются от украинских, ср.:

«Вам тут не быць, не жиць, уроком по свету не ходиць, рабе божьей больной не быць...» [5].

«Як етым урачкам за столиком не сядзеть, хлеба-соли не с'ядзять, так етому ч[елове]ку уроди не браць» [6].

Тот же волевой или просительно-увещевательный характер предложений находим в украинском языке и в других записях:

«Уроки и урочицы... У раба божьего не стояты, жовтой

---

[1] См. А. Н. Афанасьев. Поэтическое воззрение славян на природу, т. I, М., 1865, стр. 23 и след.

[2] Записано в 1904 г. у пастуха, родом из бывшего Тотемского уезда, Вологодской губернии («Живая старина», СПб., 1907, стр. 65—66).

[3] *Ураз, урок, урочек* — порча, сглаз.

[4] Ветухов. Наговоры и заклинания, РФВ, т. VIII, стр. 81.

[5] П. Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения Сев.-Зап. края, т. II, СПб., 1898, стр. 532.

[6] Там же, стр. 533.

кости не ломыты, горячей крови не пити, сердця его не нудыты, билого лычка не сушыты» [1].

«Тут вам не стояты, и кости не ломати. Тут вам не ходыты и косты не ломыты» [2].

«Там же вам буваты, там же вам и гниздо вивати, а в новорожденного в устах не стояти, жовтой кости не ломати, червонной крови не пити, щирого сердца не вьяняти, билого лица не сущити» [3].

Видимо, все заговоры построены на один лад из инфинитивно-безличных лапидарных предложений.

«Тут тоби не жыти, червонной крови не питы, жовтой кости не сушиты»,— читаем мы и в других записях [4].

«Тут вам не буваты, тут вам не стояты,— рук не добиваты, пид груди не пидступаты, у боки не шпыгаты, в чересла не подаваты, у поперек не рубаты, по животу не ходыты, коло пупа не крутыты, снигом не осыпаты, обмороку не даваты» [5] и т. д.

Грамматически эти предложения довольно однообразны: инфинитив со значением отрицательно-модальным относится к субъекту, выраженному чаще местоимением 2-го лица — *тоби,* или к предметному субъекту — *як етым урачком.* Сами инфинитивы разного грамматического характера; переходные имеют при себе дополнения: «рук не добираты» [6].

Дополнение вопреки своей природе чаще ставится препозитивно. Эта препозитивность вызвана категорической интонацией инфинитива, который на конце предложения звучит более императивно, поскольку восклицательные предложения вообще усиливают и повышают интонацию в конце предложения.

В том случае, если инфинитив отрицательный, то дополнение ставится в родительном падеже: «Там же вам гнездо свиваты и *жовтой кости* не ломаты».

Если же инфинитив непереходный, то при нем всегда имеется обстоятельственное слово, выраженное наречием или косвенным падежом существительного, например: «*Тут* вам не буваты, *тут* вам не стояты, *пид груди* не подступати».

---

[1] Ястребов. Материалы по этнографии Новороссийского края, «Летопись истор.-фил. о-ва при Новороссийском ун-те», т. III, Одесса, 1896, стр. 56.

[2] В. Милорадович. Народная медицина в Лубенском уезде, Полтавской губернии. «Киевская старина», кн. III, 1900, стр. 382.

[3] Там же, стр. 381.

[4] Иванов. Знахарство, шептание и заговоры. «Киевская старина», XII, 1885, стр. 735.

[5] М. Комаров. Нова сбирка, Одесса, 1890, стр. 113.

[6] «Народная медицина в Лубенском уезде», стр. 381, село Мгарь. «Киевская старина», кн. III, 1900.

Безлично-инфинитивные предложения, выражающие условие, уступление, сравнение и другие оттенки значения в сложных предложениях

Вопрос о выражении безличности в сложных предложениях вообще может и должен явиться предметом особого исследования, так как в сложном предложении возникают свои конструкции, поскольку они имеют один и тот же основной конструктивный элемент — инфинитив в безличном употреблении односоставного предложения.

1) Наиболее многочисленны сложные инфинитивно-безличные предложения, выражающие у с л о в и е.

Условное наклонение выражает устанавливаемую связь между субъектом и предикатом только как возможную, предполагаемую при известном условии в утвердительных предложениях и как невозможную при каких-либо условиях — в отрицательных.

По своей структуре они весьма многообразны: 1) условные инфинитивные предложения, состоящие из двух безлично-инфинитивных предложений; 2) условные инфинитивные предложения, состоящие из условно-безличного и предложения следствия—личного или выраженного безличной конструкцией, но не инфинитивного характера; 3) конструкция может иметь и обратный порядок: в обусловливающем предложении личная конструкция или безличная другого образования, чем инфинитив, а в обусловленном предложении — инфинитивная конструкция.

В некоторых предложениях условность выражается условными союзами *если, ежели, коли, кабы* и др., но нередко условные инфинитивно-безличные предложения не имеют союза и условие выражается только интонацией.

Условные значения в таких инфинитивных предложениях могут сопровождаться частицей *бы,* говорящей о значении условного или желательного наклонения в инфинитиве.

Условные безлично-инфинитивные предложения из двух инфинитивных бессоюзных предложений встречаются в положительной и отрицательной форме.

а) *Недотерпеть — пропасть, перетерпеть — пропасть* (пословица); «Злого любить, себя погубить»; «Пить пиво, жить криво»; «Рогозиной одеться — от знакомых зардеться»; «В камень стрелять — только стрелы терять» (Даль); «Горду быть — глупым слыть»; «Жить тихо — от людей лихо; жить моторно — от людей укорно» (Симони) [1].

---

[1] «Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и пр. XVII—XIX в., собр. П. Симони». I—II, СПб., 1899.

В народно-поэтическом языке немало встречается условно-бессоюзных инфинитивно-безличных предложений со значением предопределенности и неизбежности, например: «Направо поехать — женатому быть, налево поехать — богатому быть, прямо поехать — убитому быть».

Особенно много условных инфинитивно-безличных предложений в языке пословиц и поговорок. Чаще всего два инфинитивно-безличных предложения строятся как двучленная конструкция сложного предложения, в которых в одном выражается условие, в другом — вывод. Обычно предложения соединены без союза, но с особой интонацией; подстановка союзов *если, коли, когда* помогает выявлять природу этих предложений, например: «Замуж идти — чужой век заесть» (Снегирев) [1]; «Дегтем торговать, дегтем и вонять» (он же); «Много знать, мало спать» (Симони); «Рыбу ловить — при смерти ходить» (он же); «Без друга жить — самому себе постылым быть» («Письмовник» Курганова); «Без ума торговать, лишь деньги терять» (там же); «В большом месте сидеть, много ума иметь» (там же); «Грязью играть — руки замарать» (там же); «Животину водить, не разиня рот ходить» (там же).

б) Сложные предложения, в которых и обусловливающее и обусловленное предложения состоят из инфинитива, стоятся и иным образом: в первом предложении дается условие, а во втором — обусловленное отрицание, например: «Пить до дна — не видать добра»; «Хозяйство вести — не рукавами трясти» (Симони); «Жалеть вина — не употчевать гостей» (он же); «Жалеть лозы, не видать козы»; «Жить в дозоре — не бывать в позоре»; «Жалеть коня — истомить себя»; «Лес сечь — не жалеть плеч»; «Есть калачи — не сидеть на печи»; «Убить бобра — не видать добра» (он же).

в) Сложные инфинитивно-безличные предложения, выражающие условие, могут быть связаны и посредством союза, причем союз может быть только при обусловливающем предложении, где бы оно ни стояло; например: «Нет, уж коли зло пресечь, забрать все книги бы да сжечь» (Грибоедов); «Для чего не воровать, когда некому унимать» (Снегирев); «Если косу точить плохо, значит, быть плохой косьбе» (частушки Куйбышевского края, «Русск. фолькл.»); «Плохо воровать, как два норовят» (Симони).

г) Встречаем и другое построение безлично-инфинитивных предложений, выражающих условие: условное предложение — инфинитивно-безличное, а предложение следствия — личное, например: «Сказать вам сон, поймете вы тогда» (Гри-

[1] И. М. Снегирев. Русские пословицы и причитания, 1848.

боедов); «Коли смотреть, так смотри» (Гоголь); «Еще кабы с ним жить, может быть, радость бы какую-нибудь я видела» (А. Н. Островский); «Если с этого места выпалить, то ничего не убьешь» (Чехов).

Предложение следствия может быть и безличной формы, но не инфинитивного характера; например: *Если бы закрыть окно, было бы душно; Если бы читать все дело, то не хватило бы и трех дней;* ср.: «Велеть молчать — так власти нет...» (Крылов); «Убить... так жаль сердечную; стерпеть — так силы нет» (Некрасов).

Конструкция сложного предложения может быть и обратной, т. е. инфинитивно-безличное предложение наличествует только в обусловленном предложении, а в обусловливающем — другая конструкция, например: *Если бы вы не пошли рано утром за грибами, вам столько бы не набрать; Не будь его отец вельможей, головы бы ему не сносить.*

2) Сложные предложения, построенные из инфинитивов, могут быть и уступительного характера, хотя они и реже встречаются в речи. В первом предложении выражается уступление, а во втором утверждение, например: «Хоть плыть, да быть»; «Жить — мучиться, а смерти не хочется» (Симони); «А на сердце между тем так накипело, что не жить, не быть, а ехать к тебе» (Писемский).

3) В некоторых инфинитивных предложениях не выражается ни условия, ни уступления, а даются два противопоставления или два тождества, иногда с отрицательным сравнением, например: «Меха не надуть, а глупого не научить».

В таких предложениях управляемые слова являются прямым дополнением при переходных действительных глаголах, а субъекта здесь нет. Однако многие ученые в этих предложениях видят в одном подлежащее, в другом — сказуемое; например, Буслаев считает, что в предложении *На Волге жить, ворами слыть* подлежащее — *жить,* а *слыть* — сказуемое [1]. Несомненно, правильнее судит Потебня, который полагает, что здесь два предложения, оба без подлежащих [2], т. е. безлично-инфинитивные предложения.

Безлично-инфинитивные предложения, синонимичные другим типам предложений

Особняком стоят предложения инфинитивного образования, в которых инфинитив не имеет модального значения, а синонимичен причастной форме страдательного залога или

[1] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика, т. II, 1863, стр. 144.
[2] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. I—II, 1888, стр. 412.

«наречной» форме, как называет ее Шахматов, например: «Других болезней почти и не слыхать было в дому и в деревне...» (Гончаров); «Халата не видать на нем» (он же); «Он так сберется, что не видать ни рук, ни ног» (Крылов); «Об удальстве твоем другого не слыхать» (он же); «Вешек не видать. Должно сбились» (Л. Н. Толстой); «Что вас давно не видать?» (Писемский); «Дому-то нету, сломали, а сад-то видать и теперь» (Слепцов); «Синевы между ними не видать» (Тургенев); «Темно внизу-то, не видать ничего» (А. Н. Островский); «Было уж темно и очень тихо, но звука шагов не слыхать» (Горький); «Берегов не видать — их скрыла ночь и оттолкнули куда-то широкие волны разлива» (он же); «Не видать Васьки» (Черненко); «Что же подружек твоих не видать у нас?» (Горбатов); «Давно и стрельбы не слышно и самолетов наших не видать» (он же).

Шахматов указывает, что «инфинитив может иметь значение, близкое к страдательному залогу: *сказать меж нами* [т. е. меж нами будет сказано]... инфинитив может иметь значение близкое к наречию: *Что вас давно не видать?* [т. е. не видно]» [1]. Мы бы теперь сказали — близкое к безлично-предикативному члену.

Безличные предложения со сказуемым из инфинитивных фразеологических сращений

Безличные предложения образуются из инфинитивных фразеологических сращений. Такие сросшиеся словесные конструкции выражают смысл целого безличного предложения с той или иной модальной окраской, хотя грамматически эти предложения организованы очень своеобразно.

Так, например, значение долженствования в утвердительном смысле выражают застывшие сочетания: «Ну *так и быть*: простимся дружно» (Пушкин).

Презрительно-пренебрежительное отношение к какому-либо явлению выражается инфинитивной конструкцией типа *Плевать на это! Чхать на все!* и др.

Значение недоумения, неуверенности выражается инфинитивными сочетаниями с вопросительными интонациями, например: «Пугачев громко усмехнулся.— Буду продолжать как начал. *Как знать?*» (Пушкин); «Не то, что не люблю, а ...*как тебе сказать...*» (А. Н. Островский).

Такими же окостеневшими конструкциями являются инфи-

---

[1] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 108—109.

нитивные сочетания двух слов одного лексического значения [1], выражающие в первом члене условность, а во втором неизбежность, например: «*Уж брать, так брать,* а то и когти не марать» (Крылов); «*Любить, так любить. Умирать, так умирать,* дело служивое» (Пушкин); «*Казнить, так казнить, жаловать, так жаловать*» (он же); «*У нас гулять, так гулять*» (А. Н. Островский); «*Ехать, так ехать*» (Л. Н. Толстой); «Ну *спать, так спать*» (Полевой).

Такой же окостеневшей инфинитивной формой являются предложения, образованные из инфинитива с отрицанием и второго инфинитива — *стать*. Обычно такие предложения употребительны в разговорной народной речи, например: «У вас, я думаю, *не занимать стать* этого добра» (Писарев); «Рожей хорош, да *не лизать ее стать*» (Даль); «*Не разорваться* мне *стать*» (Горбатов); «Как ты сказала? — Так и сказала... *не перетакивать стать*» (Карпов). Видимо, эти предложения — окостеневшие осколки более полных и распространенных предложений.

Итак, в современном русском языке инфинитивные предложения выполняют функцию выражения императивности, возможности, долженствования и других модальных оттенков.

Потебня был против того, чтобы в самом инфинитиве видеть модальное значение и способность инфинитива выражать возможность и необходимость. Он пишет: «Буслаев, начавши с того, что неопределенное наклонение употребляется в предложении как существительное, в числе отличий этой формы от настоящих отглагольных имен выставляет ее способность означать наклонение: возможность, необходимость и т. п. (§ 195—197). Это мне кажется излишней уступкой мнению, что неопределенное наклонение есть глагол. Подобно причастию, неопределенное наклонение может означать наклонение, лишь входя в состав первостепенного сказуемого или примыкая к нему» [2]. Потебня критикует понимание Буслаевым выражения «ему ехать». «Мы, переводя это на свою терминологию, скажем с некоторыми поправками: а) неопределенное наклонение здесь, как и вообще, бывает только второстепенным сказуемым, получающим модальные и личные оттенки лишь от слова, при коем стоит или по крайней мере не без его помощи; б) неопределенное наклонение в «мне ехать» должно

[1] В русском языке инфинитив одного и того же лексического значения с глаголом употребляется как особая отрицательная частица при личном глаголе, а поэтому этот инфинитив к безличности не имеет отношения, например: *Знать не знаю, ведать не ведаю.* Не относятся к безличным конструкциям и такие инфинитивы, которые только усиливают сказуемое при уступительном глаголе: *Любить не люби, да почаще взглядывай.*

[2] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, 1888, стр. 354.

быть рассматриваемо в ряду других оборотов с безличным сказуемым, которые были с ним совершенно однородны»[1].

Вряд ли прав Потебня. В. В. Виноградов отмечает наличие модальных значений в инфинитиве и считает одной из очередных задач подробное описание всех инфинитивных конструкций, их функций и круга, их стилистического использования, а также напоминает о большей широте модальных колебаний этой формы[2].

Инфинитив при помощи интонации выражает не только те модусы, которые выражаются формой наклонения, но и другие модальные оттенки, богатство которых в русском языке, далеко не исчерпывающе, мы и пытались показать в данной главе.

ИНФИНИТИВНЫЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО СКАЗУЕМЫМ ИЗ ИНФИНИТИВА И ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ И НАРЕЧИЙ

Инфинитивные безличные отрицательные предложения образуются не только путем отрицательных частиц *не* и *ни* перед инфинитивом, отрицающих возможность того действия, которое названо в инфинитиве, например: *Не догнать тебе бешеной тройки* или *Ни пройти, ни проехать.* Об этих предложениях уже была речь; здесь мы рассмотрим такие предложения, в которых отрицанием служат отрицательные местоимения и наречия.

Этот второй вид отрицательных безличных предложений отличается от первого еще и тем, что в них отрицательные местоимения и наречия не отрицают самую возможность действия, названного инфинитивом, а отрицают возможность его осуществления из-за отсутствия места, времени, цели, причины или объекта действия. В этих предложениях отрицаются те условия, та ситуация, которая необходима для осуществления действия, названного в инфинитиве.

В структуру этих безличных предложений входят наречия а) *негде, некуда, неоткуда;* б) *некогда;* в) *незачем;* например: а) *некуда ходить, негде жить, неоткуда ждать;* б) *некогда спать;* в) *незачем просить.* Ударение всегда падает на отрицательную частицу *не.*

В состав таких отрицательных предложений могут входить два местоимения — *некого* и *нечего* — в различных падежных формах: *некого, некому, некем, нечего, нечему, нечем,*

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, 1888, стр. 401.
[2] См. В. В. Виноградов. Русский язык, 1947, стр. 604.

и те же отрицательные местоимения, в которых предлог отделяет частицу *не* от местоимения, например: *не у кого, не за что, не от кого, не для чего, не с кем, не с чем* и т. д. Ударение также всегда ставится на отрицательной частице *не*.

А. А. Шахматов такие предложения с отрицательными местоимениями и наречиями при инфинитиве относит к несогласованным двусоставным [1].

Мы полагаем, что в этом Шахматов ошибается: главным независимым членом может выступать или имя в именительном падеже, обозначающее носителя или производителя признака, или слово, заменяющее имя и обозначающее явление, в котором определяется, выявляется какой-либо признак.

В предложениях же *Не к кому идти, Не с кем поговорить* никакой признак не вскрывается, никакой признак не определяется. Поэтому и членить на два состава — подлежащее и сказуемое — эти предложения невозможно, так как здесь такой акт мысли, в котором нет членения на субъект и предикат. Предложение этого типа — односоставное, глагольное по форме сказуемого, при котором имеется отрицание места, времени, цели, причины или указание на отсутствие объекта.

Предложениям, построенным из отрицательных наречий и инфинитива — *некуда пойти, негде побыть,*— противопоставляются выражения *есть куда пойти, есть где побыть.*

Пешковский объясняет образование *некуда, негде* из обычных местоименных наречий *куда, где* и отрицания *не* из *не есть* (как и *нет*). Таким образом, *не есть где* давало *негде, не есть куда — некуда.* Глагол в таких речениях был не связкой, а полновесным сказуемым, с которым образовывались два типа предложений: а) утвердительные — *есть куда пойти, есть где пожить,* и б) отрицательные — *некуда пойти, негде пожить,* ср.: *есть когда сделать — некогда сделать, было где лечь — негде было лечь* и т. д. Потом глагол *было* превратился в связку, к которой примкнул безлично-предикативный член из наречия с отрицанием [2].

Инфинитивно-безличные отрицательные предложения в речи очень употребительны, хотя семантически и небогаты.

1) Предложения, отрицающие наличие м е с т а, куда направляется действие или где оно происходит: «*Некуда было деться* от запаха: мы не рады были, что зашли» (Гончаров); «Кроме чтения *идти было некуда...*» (Достоевский); «Видно, что многие, большинство, может быть, все толпятся без дела: *некуда деться,* нечего делать — так и сползлись» (Фурманов);

[1] См. А. А. Ш а х м а т о в. Синтаксис русского языка, стр. 149.

[2] См. А. М. П е ш к о в с к и й. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 6-е, стр. 331.

«Было тесно, *пройти было негде*» (Серафимович); «Хоть убей — забыл, куда я спрятал все твои бумаги. Знаю, что целы. *Некуда им пропасть*» (Новиков-Прибой).

В этих предложениях к инфинитиву может присоединяться родительный падеж существительного-объекта, например: «У нас своего *сена некуда девать*» (А. Калинин).

Как видно из примеров, безлично-инфинитивные предложения с отрицательным наречием могут быть распространены и другими членами предложения: дополнением, определением, различными обстоятельствами, но эти члены предложения, уточняя мысль в разных отношениях, не изменяют характера предложения ни в структурном, ни в смысловом отношении. Они остаются односоставными по составу и безличными отрицательными по значению.

Однако безличные инфинитивные предложения, выражающие отрицание места, имеют различные по семантике инфинитивы. Если в предложении имеется наречие *некуда,* то инфинитив выражает названия движения, перемещения. При наличии в предложении наречия *негде* инфинитивы выражают пребывание, бытование, положение или движение, ограниченное временем или местом; ср.: *некуда ехать, некуда вещи положить; негде жить, негде посидеть, негде поиграть, негде побегать, негде танцевать.*

Если инфинитив переходного значения, то при нем употребляется объект прямого значения в винительном падеже или чаще в родительном падеже, так как имеется значение отрицания: «У нас, правда, мадеры девать было некуда» (Бунин). При инфинитивах непереходного значения объект употребляется в других косвенных падежах, однако основной характер предложения от этого не меняется.

2) Безличные инфинитивные предложения, отрицающие наличие в р е м е н и для совершения какого-либо действия, образуются из инфинитива и отрицательного местоимения *некогда,* например: «У него в городе громадная практика, *некогда вздохнуть*» (Чехов); «*Бедным гулять,* сударь, *некогда,* у них день и ночь работа» (А. Н. Островский); «Он пожаловался Ольге: «*О душе подумать некогда*» (Горький); «Было жалко его, но *думать о нем некогда*» (он же); «У вас, кажется, тут *некогда было тревожиться*» (Симонов); «Ну, а скирды молотить *некому и некогда,* так?» (Бубеннов).

3) Реже, чем указанные отрицательные безличные предложения, встречаются в языке писателей предложения, отрицающие ц е л ь или п р и ч и н у, например: «Лизанька, мы не поедем, *нечего было наряжаться*» (Пушкин); «Потому мне тут *даром гостить нечего*» (А. Н. Островский); «Она стала прощаться, и он — *оставаться* тут ему *было* уже *незачем* —

поднялся, говоря, что ему пора домой: ждут» (Чехов); «*Нечего мне* под старость лет *расставаться* с тобой да искать одинокой могилы на чужой сторонке» (Пушкин); «Крепким строем надо действовать, *иначе и бою нечего затевать*» (Помяловский); «*Нечего* вам *мешаться не в свое дело*» (А. Н. Островский); «Трояк дать — повезу, а то и *язык трепать нечего*» (Бунин); «Так вот, *в Ольховку ехать незачем*» (Бубеннов); «— Коли ты интеллигент,— крикнул он яростно,— так сиди дома, *нечего на дорогу выходить*» (Горбатов).

4) Безличные инфинитивные отрицательные предложения, отрицающие о б ъ е к т, образуются из инфинитива и местоимений *некого, нечего* в прямом или косвенном падеже с предлогом или без предлога, например: «Парень-то, кажется, гол, с него *взять нечего*...» (Пушкин); «Право, мне *нечего рассказывать,* дорогой Максим Максимович...» (Лермонтов); «Мы пристально смотрели на просторную гладь океана и молчали, потому что *нечего было сообщить друг другу*» (Гончаров); «Никите *делать было нечего* и, как всегда, когда он находился в таком положении, он дремал, наверстывая много недоспанного времени» (Л. Н. Толстой); «Худая одежонка намокнет, зубы колотятся, в челюстях больно, ноги сводит, а *согреться нечем*...» (Серафимович); «Кроме добра, нам вас *нечем поминать*» (Писемский); «Груды мусора убывали в виду у всех, так что скоро *нечего было валить в реку*» (Салтыков-Щедрин); «Больше здесь *нечего было делать*» (А. Н. Толстой); «Окромя зла ему и *помнить нечего*» (Горький); «Например, собаку *нечем кормить*...» (Сергеев-Ценский); «*Нечем дышать*» (Л. Андреев); «*Лечить было некому и нечем*» (Фурманов).

Не менее употребительны предложения, в которых так же отрицается какой-либо объект, выраженный местоимением *кто, что* в разных падежах, но с отдельной отрицательной частицей *не* и предлогом, например: «*И не с кем говорить, и не с кем танцевать*» (Грибоедов); «Учитель с горя принялся пить; наконец, и *пить уж было* ему *не на что*» (Гоголь); «Стало быть, тут *не о чем и толковать*» (Добролюбов); «Вздумалось бы вам съездить, например, в Петербург, в Москву, чтобы освежить себя — и того вам *будет сделать не на что*» (Писемский); «Эта старуха заест его, заест не мучительством, а забвением, *не с кем молвить слова,* некуда бежать,— везде она...» (Салтыков-Щедрин); «И надо было обдумать, и *не с кем было поделиться*» (Серафимович); «Глазу *не за что зацепиться*» (А. Калинин); «Сейчас *покупать было нечего и не на что*» (Горбатов); «Как будто бы и *думать* нам *не о чем*» (Паустовский).

Грамматический облик предложения в остальных чертах мало чем отличается от предыдущих предложений.

Наличие прямого объекта обслуживается переходным значением инфинитива: *не по чему определить время, не с кем молвить слова.*

Дательный субъекта нередко является структурной частью таких предложений: *А мне и ждать некого.*

Словами обстоятельственными указывается на место, время, цель и причину, а также и образ действия, названного в инфинитиве.

Некоторые инфинитивно-безличные предложения с отрицательным местоимением образовали идиоматическое выражение, потерявшее прежний реальный смысл и употребляющееся для выражения такого положения, которому надо покориться, так как оно неизбежно в силу различных причин, наример: «*Делать нечего,* я должен быть повиноваться...» (Аксаков); «Уж теперь *нечего делать,* мой друг, хорошо, что и две-то дал» (А. Н. Островский).

Видимо, этот тип предложений существует в русском языке с самых древнейших времен, так как фольклорные материалы, т. е. поэтическо-народный язык и диалектные записи, свидетельствуют о наличии и употреблении таких типов предложения, например: «Нечего купить Садко богатому» (Онежские былины, запис. Гильфердингом); «Некого в сугон послать за каликами» (Калики перехожие); «За то нам бранитися не за што» (Повесть о семи богатырях); «С тобой говорить, Илья, нечего, и спору нет» (там же); «И некому против Ивана русского богатыря выйти» (Сказка о Еруслане Лазаревиче); «А некому наказаць, наказаць, злого духа привязаць, привязаць» (Романов, Белорусский сборник); «Не с кем добру молодцу погладиться» (Рыбников, Былины, т. 2); «На что было давать, коли нечего дать» (сб. Снегирева); «Для чего не воровать, когда некому унимать» (там же); «Хоть содержателю гостиницы отпустить его жалко было, однако, делать нечего» (Аксаментов, Русские сказки).

Употребляются такие безлично-инфинитивные предложения со словом *нечего* и для выражения запрета: *Нечего вам болтать, работайте!; Нечего ссориться, ребята!* Безличные инфинитивные отрицательные предложения приводятся в записи народных говоров: «Дроф-те н'екому припасти» (Н. П. Гринкова, Очерки по русской диалектологии) [1]. «Дн'ом гул'ять то веть нековда» (С. Копорский, О говорах северовостока Ярославской губ.). «Жить ему не почему стало...» (А. А. Шахматов, Материалы для изучения великорусских говоров). «Знамо сиди дома. И ходить-ть не по што» (там же).

[1] Изв. Отд. русск. языка и словесности Акад. наук, т. XXX, 1925.

ГЛАВА IX

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ОБРАЗОВАННЫЕ ИЗ КРАТКОЙ ФОРМЫ ПРИЧАСТИЙ СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА

Современный строй русского языка характеризуется наличием системы предложений с субъектом в именительном падеже при активном глаголе-сказуемом. Но так как активная форма глагола предполагает наличие и пассивной, безличные предложения образуются из форм причастий страдательного залога, поэтому мы поставлены в необходимость рассмотреть в самых общих чертах залоговую систему в русском языке. Эта необходимость вызывается именно тем, что учение о безличных предложениях в какой-то части связано с учением о залогах. Так, например, А. В. Попов устанавливает большую связь между учением о безличности и учением о залогах, заявляя, что «учение о безличности есть известного рода дополнение к учению о залогах» [1].

Грамматическая категория залога, выражающая отношение действия субъекта к объекту, появилась, видимо, тогда, когда уже появилось различие в выражении противоположности именительного падежа с косвенными падежами имени существительного.

Мы знаем, что функция существительного в роли субъекта и в роли объекта различна. Существительное-субъект выражает предмет как субстанцию. Существительное-объект — это второстепенный предмет, подпадающий под действие субъекта. Категория залога — это грамматическая форма, выражающая отношение субъекта к объекту или объекта к субъекту.

[1] А. В. Попов. Сравнительный синтаксис именительного, звательного и винительного падежей, Филолог. зап., II—III, 1880, стр. 169—182.

Категория залога по-разному рассматривается учеными и по-разному ими определяется. Не представляется необходимым прослеживать подробно историю разработки вопроса о залогах и выявления различных точек зрения на данную категорию, которой, кстати сказать, многие лингвисты уделяли большое внимание, начиная с древнеиндийских грамматиков и до настоящего времени.

Дионисий Фракийский, ученик знаменитого александрийского ученого Аристарха, в своей «Ars Grammatika»[1] делил глаголы на 3 залога: значение действия τοπτω (бью), значение страдания τύπτομαι (побиваем) и середины, выражающей нечто между действием и страданием; глаголы эти могли обозначать как то, так и другое.

Эта установленная Дионисием Фракийским система глаголов дополнялась и несколько видоизменялась другими римскими и александрийскими учеными.

Необходимо указать, что категория залога наиболее подробно изучалась русскими лингвистами, а поэтому мы и будем говорить о взглядах на залог именно русских грамматиков.

«Залог» по-русски — это неточный перевод греческого διαθεσιδ. Греки понимали эту категорию как такую, которая показывает, как «располагается» то или иное действие на тех лицах, которые отмечаются окончанием глагола.

По значению глаголы делились обычно на активные безобъектные — непереходные, на активные объектные — переходные; на активные возвратно-объектные, на активные взаимно-объектные. Грамматически же формально все эти значения выражаются тремя формами: активным залогом, средним залогом и пассивным залогом.

Наши первые грамматисты — Мелетий Смотрицкий и его последователи — в изложении системы залогов к тем залогам, которые были уже установлены, прибавляли еще отложительный залог.

В грамматике М. Смотрицкого мы находим уже указание и на морфологическое различие страдательного залога — форму *-ся* — от действительного и отложительного.

М. В. Ломоносов пересматривает систему залогов М. Смотрицкого и, исключая отложительный залог, вводит два новых: возвратный и взаимный. Именно Ломоносов на анализе форм русского глагола выявил, что *-ся* наряду со страдательным значением имеет еще возвратное, взаимное и другие значения. Ломоносовым же впервые подчеркнута продуктивность глаголов на *-ся*[2].

[1] См. Дионисий Фракийский. Anecdota Graeca, изд. Беккера, 1816.

[2] См. М. В. Ломоносов. Российская грамматика, § 277, 278.

Востоков не внес существенных изменений в систему Ломоносова и определял залог со стороны формы и со стороны значения [1].

Таким образом, разработка проблем залогов от Ломоносова до 1-й четверти XIX века мало продвинулась вперед. Даль и Аксаков довольно убедительно вскрыли не вполне правильное и точное понимание системы залогов прежними лингвистами и толкнули мысль грамматистов к пересмотру всей структуры залогов, и особенно двух основных залоговых форм: прямых без *-ся* и возвратных с *-ся*.

Буслаев подошел к залогу как к синтаксической категории. В синтаксисе, а не в морфологии, он дает и определение залога как формы, которая означает «деятельность предмета, или переходящую на другой предмет... или не переходящую...». Отсюда и название двух типов глаголов: переходящие и непереходящие. Затем Ф. И. Буслаев делит глаголы по залогам: на действительные, страдательные, средние и возвратные [2]. Однако и буслаевское решение вопроса о залогах вызвало совершенно заслуженную критику со стороны Потебни. Не менее резко критиковал Потебня и высказывания по этому вопросу Даля [3] и Аксакова [4], говоря: «Самый дешевый способ отделываться от грамматических затруднений состоит в том, чтобы игнорировать их» [5].

Потебня подошел к залогу в связи с общей теорией отдельного слова. Потебня исходил прежде всего из формального значения, а не вещественного, которое тем не менее, по его мнению, находится в тесной связи с вещественным значением прежде всего. Потебня все глаголы распределяет по рубрикам-залогам на основе присутствия или отсутствия объекта [6].

«По необходимому присутствию и отсутствию объекта глаголы и делятся на объективные (transitiva) и субъективные (intransitiva), в коих действие определено только своим исходным пунктом, т. е. субъектом» [7].

Под объектом разумеет Потебня «предмет страдательный», выражаемый винительным падежом, или не страдательный, обозначенный другими косвенными падежами с предлогом.

---

[1] Русская грамматика А. Востокова по начертанию его же сокращенной грамматики, изложения 1831 г.

[2] Ф. И. Буслаев. Историч. грамм. русск. яз., 1863, стр. 109.

[3] «Толковый словарь» Даля, изд. II, введение, XXVIII.

[4] К. С. Аксаков. Опыт русской грамматики, Соч., т. II, 1875.

[5] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. IV, Изд-во АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 198.

[6] Там же, стр. 200.

[7] Там же, стр. 201.

Глаголы, требующие прямого дополнения (винит. пад.), относятся Потебней к действительным, остальные соединяются с субъективными и называются средними.

«Залог есть формальное значение, находящееся в связи с вещественным... Залог есть необходимое в известном языке отношение глагола (в широком смысле, т. е. со включением причастных форм), прилагательного и существительного к объекту. Залог = отношению субъекта к объекту» [1].

Потебня полагает, что страдательный залог есть способ представления транзитивности глагола.

В страдательном залоге объект транзитивного глагола представляется субъектом, т. е. «страдательный объект есть такой, который лишает свой субъект той полноты энергии, которая свойственна субъекту оборота действительного» [2],— так понимает залог Потебня [3].

«Подлежащее переходящего глагола может быть обозначено дополнением страдательного, может вовсе не мыслиться («в эту ночь было чюдо дивное и страха исполнено», Псков., 1, 251) и не выражается (*письмо написано*), и оттого страдательный оборот не перестает быть страдательным. Из того, что подлежащее срадательного глагола есть дополнение глагола непереходящего, вытекает, что страдательным глаголом действие представляется не самодеятельно вытекающим из субъекта, а происходящим в нем вследствие действия другого» [4].

Наиболее интересны высказывания о залоге Ф. Ф. Фортунатова, изложенные в статье «О залогах русского глагола», как подводящие итог исканиям в течение десятилетий (начиная с Востокова и кончая Некрасовым). Фортунатов свою теорию залогов строит на соотносительности форм возвратности. Те глаголы, которые не соотносительны по форме, не имеют формы залога. Возвратная форма на *-ся* выражает главным образом значение непереходности. Фортунатов устанавливает несколько значений глаголов на *-ся,* в том числе и непереходные безлично-пассивно-возвратные — *ичется, дремлется, спится.* Но далеко не все значения глаголов на *-ся* подметил Фортунатов, на что указывает И. П. Мучник, отмечая ряд глаголов, которые не подходят ни под одну из рубрик Фортуна-

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. IV, стр. 200.

[2] Там же.

[3] А. В. Попов, ученик Потебни, приводит в своей работе «Сравнительный синтаксис...» определение залога Потебней на лекциях: «Залог есть такое формальное значение глагола (и даже слова вообще), которое делает необходимым отсутствие объекта или его присутствие и обусловливает (в последнем случае) качество объекта» (из лекции, стр. 303). См. Филологические записки, вып. II, 1881.

[4] А. А. Потебня, назв. раб., т. IV, стр. 201—202.

това [1]. Совсем не уделено внимания у Фортунатова и залогам причастий.

Дальнейшим шагом в развитии учения о залоге должно считать высказывания Шахматова, у которого намечен синтез прежних систем залога в единую стройную систему. Многим его схема напоминает систему залогов Фортунатова. И определение, данное форме залога Шахматовым, близко по своей сущности к определению Фортунатова. Но особой заслугой Шахматова является его углубленный анализ глаголов на *-ся*. Если у Фортунатова было семь значений глаголов с формой *-ся,* то у Шахматова отмечено этих значений двенадцать. Наиболее оригинальны мысли Шахматова о природе страдательного залога. По мнению Шахматова, страдательно-возвратный глагол развивается из собственно-возвратного при неодушевленном субъекте. Следовательно, одушевленный деятель имеет перевес над неодушевленным и становится к нему как субъект к объекту. Но в страдательной конструкции субъект-производитель выражается дополнением, а объект действия выражается подлежащим: *ветка наклоняется ветром.* «Отсюда следует, что страдат. залог своей формой показывает, что сочетавшееся с ним название субстанции перестает быть производителем действия, agens, а превращается в его patiens; страдат. залог показывает, что его подлежащее соответствует психологическому объекту; в форме этого залога выражено, что соответствующий глаголу предикат не господствует над психологическим объектом, а, напротив, господствует над психологическим субъектом. В русском языке страдат. залог в сказуемом выражается, во-первых, посредством причастия страдат. залога в нечленной форме; во-вторых, посредством личных форм глагола возвратн. залога» [2].

Мысли Фортунатова и Шахматова о залогах заставили и других лингвистов пересмотреть этот вопрос; так, например, под большим влиянием Фортунатова написана работа Маргулиса, который определяет залог как обозначение отношения глагольного действия к производящему его субъекту, и выделяет безличные возвратные залоги, как не имеющие собственно-залогового значения, потому что если нет грамматического подлежащего в предложении, то нет и субъекта [3].

Маргулис утверждает, что в славянских языках в древнее время возвратные залоги употреблялись меньше, чем теперь, причем пассив выражался особыми формами. С течением

---

[1] См. И. П. Мучник. О залогах русского глагола. Уч. зап. кафедры русского языка МГПИ, вып. II, 1938, стр. 129.

[2] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 480.

[3] Alfr. Margulies. Die Verba reflexiva in den slavischen Sprachen. Heidelberg, 1924.

времени возвратные глаголы стали употребляться и для выражения пассива в силу близости пассива к некоторым залоговым значениям, искони выражавшимся возвратными формами глагола.

Очень много интересных мыслей о залоговых значениях, а главным образом о значении страдательного залога, высказано учеником Потебни А. В. Поповым в его большой синтаксической работе «Сравнительный синтаксис именительного, звательного и винительного падежей...».

Наиболее ценны у него высказывания о сущности страдательного оборота и о сочетании глаголов страдательных с падежными формами.

«Сущность страдательного залога заключается не „в претерпевании действия одного предмета другим", а в том, что в страдательном обороте действие представляется как факт, как такое проявление действия, при котором производитель действия вполне или в значительной степени игнорируется, т. е. не является грамматическим подлежащим» [1]. В другом месте Попов пишет: «Главное различие действительных оборотов от страдательных заключается в следующем: в действительных оборотах главный с логической точки зрения предмет, т. е. производитель действия или состояния, является вместе с тем и главным предметом речи, т. е. подлежащим; в страдательных же оборотах главным предметом речи является или самое действие, факт (безличные страдательные обороты) или второстепенный с логической точки зрения предмет, на котором проявляется известное действие или состояние (личные страдательные обороты), причем производитель действия вполне или в значительной степени игнорируется» [2].

Представляют интерес следующие высказывания Попова: «Языкознание в последнее время начинает отрешаться от того традиционного взгляда на страдательный залог, по которому он означает лишь страдание, пассивность, и приходит к тому, что и грамматическую страдательность следует понимать как действительность, активность. К такому воззрению на страдательность приводят нередкие случаи употребления винительного объекта при страдательных глаголах» [3].

Более древними являются страдательные причастия в функции сказуемого одночленного предложения от глаголов переходных. Видимо, потом, по аналогии, под их влиянием начали образовывать причастия страдательного залога прошедшего времени и от непереходных глаголов. Но «транзитивность пер-

[1] А. В. Попов. Сравнительный синтаксис именительного, звательного и винительного падежей. Филолог. зап., II—III, 1880, стр. 174.
[2] Там же, стр. 179.
[3] Там же, стр. 170.

воначально (и вообще в более древних формациях) вовсе не составляет исключительной принадлежности действительного залога и не противоположна ни медиальности, ни страдательности, и даже не составляет исключительной принадлежности глагола вообще... следовательно, активность первоначально вовсе не тождественна с транзитивностью.., но потом арио-европейские языки в большей или меньшей степени приходят к тому, что транзитивность делается противоположно медиальности и страдательности и совпадает с активностью» [1].

Еще раньше G. Gabelentz писал: «Субъект и при страдательном залоге должен мыслиться как действительный субъект, а не как объект действия» [2]. «Das Subejkt des Passivum kann über auch insofern als Subjekt der Handlung gedacht werden, als es dieselbe bei einem Anderen veranlasst hergerührt in sich aufnimmt» [3].

Дальше он дает примеры, показывающие, что субъект пассива можно понимать не только как страдательный, но и как действующий. Однако разница между страдательным и действительным залогом, несомненно, имеется. Предмет, который должен быть подлежащим в страдательном обороте, не является производителем действия или состояния, а является предметом, в котором само собой проявляется действие или состояние; поэтому на место подлежащего и становился не именительный падеж, а первоначально винительный, а позже дательный и др. Таким образом, винительный, проникая на место подлежащего, переводит субъект в объект и способствует появлению безличности.

Многие лингвисты указывают на данное явление как на причину, способствующую появлению безличных конструкций. Так, например, O. Jespersen в «The Philosophy of Grammar» говорит об утере страдательным причастием сочетаемости с падежом производителя, который неизвестен, как на первую причину безличности, и на замену субъекта объектом, т. е. именительного падежа винительным,— как на вторую. Г. фон Габеленц в названной работе, в главе «Ausdehnung des Gebraucht», показывая, как широко распространена форма пассива в одних языках и насколько она бедно представлена в других, а в некоторых языках и совсем не имеется, полагает, что это зависит от характера языка. Развитие грамматической категории залога связано с процессом становления номинативного строя предложения.

---

[1] А. В. Попов. Сравнительный синтаксис именительного, звательного и винительного падежей. Филолог. зап., II—III, 1880, стр. 301—302.

[2] G. von der Gabelentz. Über das Passivum. Abhandlung, 1861, S. 102.

[3] Там же, стр. 461.

Другие лингвисты считают, что пассивная конструкция есть остаток, пережиток прежнего эргативного строя. Но Шухардт восстает против такого понимания отношения пассивности глагола и эргативной конструкции со страдательным значением залога в индоевропейских языках [1].

При страдательном обороте субъект лишается той полноты энергии, которая свойственна субъекту оборота действительного. Подлежащее переходного глагола может обозначаться дополнением страдательного оборота, может и совсем не мыслиться. Потому-то в страдательных оборотах действие представляется не вытекающим из субъекта, а происходящим в нем вследствие действия другого.

«Частные обнаружения силы называем с точки зрения субъекта действием, с точки зрения объекта страданием. Действие или страдание, временно (условно) рассматриваемое независимо от его отражения на других вещах, называем состоянием» [2],— писал в свое время Потебня.

Чаще всего в страдательных оборотах подлежащим является неодушевленный предмет, и глагольные образования на *-ся* в страдательном значении не охватывают всей личной системы спряжений, а сочетаются только с 3-м лицом. Без соотносительности форма 3-го лица также теряет значительную степень своей четкости, т. е. категория лица тогда выражается очень бледно [3].

А. С. Чикобава также развивает мысль, что пассивная конструкция явилась следствием изменения взгляда на реальное положение вещей. То, что прежде признавалось за реальный субъект, был грамматический субъект.

«*Страх вселился в меня: страх* — субъект, а *я* — объект воздействия страха. Затем *страх* превратился в объект, а *я* — лицо, бывшее объектом, выступило в роли субъекта» [4].

«Новое учение» о языке, освещавшее главным образом генетические вопросы категорий языка [5], проблему залога не решило. Акад. И. И. Мещанинов только вскользь коснулся проблемы залога в своей книге «Члены предложения и части речи».

В современных грамматических работах (см. «Грамматику

---

[1] См. Г. Шухардт. Поссесивность и пассивность. Избранные статьи по языкознанию. М., 1950, стр. 113—121.

[2] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III, 1899, стр. 4.

[3] См. названную работу И. П. Мучника.

[4] А. С. Чикобава. Грамматический анализ чанского диалекта. Тбилиси. 1936, стр. 220.

[5] См. М. М. Гухман. Страдательный залог индоевропейских языков и проблема залоговой дифференциации. Тр. Военного ин-та иностранных языков, № 1, 1945, стр. 21.

русского языка». Изд-во Акад. наук СССР, т. I и «Современный русский язык. Морфология», Изд-во МГУ) под залогом понимается «выражение в глагольной форме отношения действия к субъекту и объекту его» [1]. Залог, как грамматическое значение, связан с переходностью и непереходностью. «Непереходные глаголы в различиях своих форм не могут выражать различных отношений действия или состояния к его субъекту или объекту и от них не могут быть образованы глаголы переходные. Непереходные глаголы не образуют залогов и вообще не имеют категории залога... Переходные глаголы обладают категорией залога и образуют различные залоговые формы. Единственным живым и продуктивным средством выражения различных отношений действия к субъекту и объекту его... является наличие или отсутствие так называемой возвратной частицы *-ся (-сь)*» [2]. В глаголах с возвратной частицей *-ся* различаются 9 оттенков значений.

Глаголы действительного залога в причастии (и только в причастии) различают залоги — действительный и страдательный.

Страдательные причастия краткой нечленной формы употребляются в современном русском языке в роли сказуемых в безличном предложении [3].

Итак, страдательность в русском языке выражается формой причастия настоящего и прошедшего времени, а также и формой глагола на *-ся*. Следовательно, синтаксическая связь страдательных причастий и страдательных глаголов несомненна. Причастные формы, по исследованиям Потебни, более ранние по образованию и в первичную эпоху своего употребления имели большую глагольность, а в древнерусском языке употреблялись более часто, чем теперь [4]. Его ученик А. В. Попов полагал, что формы страдательных причастий более первоначальны, чем формы глаголов.

Что же за категория само причастие? Глагол или имя?

Потебня полагал, что причастие не обязательно глагольного образования. «Оно не происходит от глагола, а появляется вместе с ним»,— говорил Потебня. Понимая древнейшее причастие как имя без времен, залогов, родов, чисел и падежей, он его определял как имя, стоящее «на степени безразличия грамматического субъекта и объекта, субъекта и атрибута» [5]. «...первобытное имя — причастие могло равняться нынешнему

[1] «Современный русский язык. Морфология». Изд-во МГУ, 1952, стр. 333.

[2] Там же, стр. 338.

[3] Там же, стр. 346.

[4] См. А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, 1888, стр. 534.

[5] Там же, стр. 88.

причастию за вычетом из последнего между прочим категорий времени и залога. Разница между ним и глаголом могла состоять... в том, что в нем признак, производимый деятельностью лица, представлялся не возникающим в сознании в момент речи, а усвоенным сознанию прежде, и в этом смысле данным» [1].

В безличных предложениях причастие страдательного залога в нечленной форме является конструктивной частью сказуемого.

Это его наиболее частая функция, причем в указанной функции употребляются причастия страдательного залога и от объективных, средних и действительных глаголов [2].

Учитывая сказанное, можно считать, что страдательное причастие выражает признак не активно действующего субъекта, а пассивного, подвергающегося действию объекта: *письмо написано, решение принято.* Самый же действователь устранен, не назван. Затем объект *письмо,* вставший на место субъекта, также устраняется, и образуется иной тип высказывания — безлично-пассивный, сказуемое которого (краткая форма страдательного причастия) и принимает специфическую функцию: обозначение законченного процесса без деятеля, отчего и самый процесс становится как бы состоянием. В страдательных оборотах «действие является скорее признаком состояния, получаемого от действия» [3].

В. В. Виноградов определяет причастия как такой род слов, «в которых глагольность выражается как окачествленное действие, приписанное предмету и определяющее его наподобие имени прилагательного» [4].

В русском языке формой причастия выражается состояние или законченная деятельность предмета, или, вернее, наличие совершившегося действия или установившегося состояния часто без названия деятеля, так как центр внимания говорящего сосредоточен на самом совершившемся действии. Поэтому-то так и распространена структура предложения со сказуемым из причастия страдательного залога краткой формы. На основе изучения древних памятников и на основе сравнения с другими языками можно предположить, что эти конструкции весьма древнего образования, так как к моменту фиксации речи в письменных памятниках этих оборотов было

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, 1888, стр. 89.

[2] Там же, стр. 88.

[3] А. И. Томсон. Родительный-винительный падеж при названиях живых существ в славянских языках. Изв. Отд. русск. яз. и словесн. Акад. наук, т. XIII, кн. 2, 1908, стр. 250.

[4] В. В. Виноградов. Русский язык, 1947, стр. 272.

очень много, следовательно, они образовались и были употребительны еще в древнейший период.

Причастие страдательного залога имеет членную и нечленную формы, различающиеся и по своей функции. Причастия членной формы могут употребляться и как определение и как сказуемое, а краткая форма причастий, как и краткая форма прилагательных, употребляется только в роли сказуемого.

Страдательное причастие краткой формы для выражения прошедшего времени имеет форму синтетическую и форму аналитическую: *письмо написано и письмо было написано*. Это различие форм выражает временное различие. Несмотря на то, что сама форма причастия и в том и в другом случае с суффиксом *-н-*, со значением прошедшего времени, тем не менее сочетание *письмо было написано* выражает оттенок аориста, в то время как сочетание *письмо написано* выражает значение перфекта, т. е. значение результативности [1].

Краткая форма прошедшего времени имеет родовые различия в соответствии с родом субъекта-подлежащего, который определяется причастием как сказуемым, например: *цветок полит и подрезан, роза посажена и полита, стекло разбито и выброшено.*

Форма среднего рода страдательного причастия стала одним из наиболее употребительных структурных элементов безличного предложения в функции сказуемого в тех случаях, когда хотят выразить результат законченного действия, ставшего состоянием. Однако результативное значение присуще не всем причастным и нечленным страдательным формам, а только тем, которые образованы от глаголов совершенного вида. Глаголы несовершенного вида образуют такие формы причастий, в которых процесс выражен как бывший, но не результативный: *писано — написано, едено — съедено, бито — выбито* — по отношению к результативности формы разные.

В современном русском языке широко распространен тип предложений, безличных по своему составу, сказуемое которых выражено краткой формой страдательного причастия прошедшего времени с нулевой или наличной связкой, например: «Так, видно, небом суждено» (Пушкин); «Про батарею Тушина было забыто» (Л. Н. Толстой).

Этот тип безличных предложений, образованных из сказуемого-причастия на *-но* и *-то,* занимает особое место среди безличных предложений. Их нельзя отнести полностью к глагольным типам образования, так как в этих причастиях не

[1] См. докторскую диссертацию П. С. Кузнецова «К истории сказуемостного употребления страдательных причастий в русском языке», введение, стр. 11 (рукопись).

столько выражен признак во времени, как в обычных глаголах, сколько выражено перфектное значение, т. е. выражен не процесс, длящийся во времени, а состояние, получившееся как результат действия.

Страдательные причастия на *-но* и *-то* образуются от действительных и средних глаголов, однако далеко не от всех глаголов, а чаще от переходных. Однако так, может быть, было в более древнюю эпоху, теперь же часто под влиянием конструкций переходных глаголов образуются конструкции и от непереходных, например:

а) переходные глаголы в форме несовершенного вида: *бито, варено, ведено, варивано, говорено, граблено, дано, давано, готовлено, думано, гадано, едено, кидано, ношено, лечено, лелеяно, мерено, мешено, мочено, маслено, писано, посылано, привожено, плачено, рублено, рисовано, суждено, ставлено, читано, чинено, целовано* и др.;

б) переходные глаголы в форме совершенного вида: *брошено, вбито, сварено, испечено, изношено, залатано, залечено, заметено, замечено, съедено, сварено, сказано, изготовлено, помиловано, попущено, привезено, куплено, положено, приведено, продано, нажито, прожито, написано, налажено, послано, указано;*

в) от непереходных глаголов: *хожено, бегано, жито, сижено, лежано, погуляно, поброжено, похожено, побегано, пожито, посижено, полежано* и др.

Однако переходность и непереходность могут быть у одного и того же глагола; ср. *читать* «вообще» и *читать книгу;* но причастие образуется от переходного глагола читать: *читаю* всегда мыслится в сочетании с тем, что *читаю.*

Безличные предложения, сказуемое которых выражено причастной формой, не имеют такого четкого семантического деления, как ранее рассмотренные предложения. Огромное большинство из них едино по своему значению — как слова, выражающие законченность процесса или процесс в прошлом без его результативности, например: *писано — написано, едено — съедено, пито — выпито, резано — перерезано* и др. Только несколько групп причастий более четко отмежевываются по своей семантике от других причастий: 1-я группа, выражающая проявление чьей-то воли, установления, например: *повелено, велено, приказано, указано, суждено, присуждено, постановлено, установлено* и др.; 2-я группа, выражающая восприятие различных явлений нашими органами чувств, например: *слышано, услышано, видано, понято* и др.; 3-я группа, выражающая результат человеческой деятельности, например: *посеяно, скошено, спето, съедено, снесено, перерыто, уложено, перегорожено* и др.; 4-я группа, выражающая результат

деятельности природных сил, например: *заметено, забито, сожжено, затоплено, развеяно* и др.

На более дифференцированные группы делятся безличные предложения по своим формальным особенностям. Все безличные предложения, образованные из кратких форм страдательных причастий, распадаются на следующие структурные модели:

1) предложения со сказуемым, образованным из кратких форм страдательных причастий переходных глаголов без связки (*залито*) и с наличной связкой (*было залито*);

2) предложения со сказуемым из тех же форм, но усложненные оценочными словами (*хорошо сказано*);

3) предложения со сказуемым, образованным из кратких форм страдательных причастий с творительным объекта (*залито водой*);

4) предложения со сказуемым, образованным из кратких форм страдательных причастий с дополнением в разных падежах (*куплено муки*);

5) предложения из тех же форм, но в сочетании с примыкающим инфинитивом (*предложено сделать*);

6) предложения в народно-диалектной речи с возвратной формой (*торгованось*).

Остановимся на важнейших из этих групп.

Безличные предложения со сказуемым, образованным из кратких форм страдательных причастий переходных глаголов. В безличных предложениях страдательная форма причастий всегда употребляется в краткой форме в среднем роде. Выступая сказуемым односоставного безличного предложения, эта форма выражает всегда законченный процесс, перешедший в состояние. Страдательная краткая форма причастий может вступать в сочетания с другими дополнительными членами, вносящими различные семантические оттенки в содержание предложения.

Безличные предложения со сказуемым из страдательных причастий краткой формы переходного значения без вспомогательного глагола (т. е. с нулевой связкой) перфектного значения, кроме сказуемого, имеют еще обстоятельственные слова. Например: «Где сшито на живую нитку, там жди прореху да убытку» (Снегирев, Пословицы); «Засечено в ледку, да в чужом погребку» (там же); «По этому совету тотчас исполнено» («Записки» С. Порошина); «Постлано на диванах с довольно жесткими подушками» (Писемский).

Безличные предложения, образованные из причастий страдательного залога краткой формы в сочетании с вспомогательным глаголом прошедшего времени, имеют значение

аориста, т. е. выражают действие, целиком завершенное в прошлом, но без отношения этого действия к моменту речи, например: «О свадьбе Ленского давно у них уж было решено» (Пушкин); «Кто-то бежал из Москвы, а велено было всех задерживать, да осматривать» (он же); «По обоим берегам реки было врыто по толстому столбу» (Аксаков); «У вас тоже было отмечено» (А. Н. Толстой); «Никому, даже Ленину, не было сказано об опасности» (он же).

Безличные предложения со сказуемым, образованным из краткой формы причастия и дополнений в различных падежах. Причастие страдательной формы может управлять любыми падежами дополнений, относимых к причастию, например:

а) С родительным отрицания и без отрицания.

Эти безличные предложения включают дополнение в родительном падеже с отрицанием *не* и *ни* перед связкой или краткой формой страдательного причастия; причастная форма с отрицанием требует родительного падежа, например: *не написано ни одной строчки; не вырыто ни одного деревца; не изношено ни одного платья; не поломано ни одного кустика; не примято ни травиночки; не было убито ни одной перепелочки.*

Нередки безличные предложения, образованные из краткой формы причастия без *не* и *ни*. Тогда при сказуемом употребляется родительный количества или части, хотя слово, обозначающее количество, может быть и опущено, например: *куплено муки, продано сахару, послано меду, конфет, яблок.*

б) С винительным объекта.

В языке как литературном, так и народном подобные конструкции встречаются довольно редко; например: «Советов тысячу надавано полезных» (Крылов).

Объект может быть выражен винительным падежом с предлогом, например: «Про батарею Тушина было забыто» (Л. Н. Толстой).

в) С дополнением в дательном, творительном и предложном падеже.

Например: «Я о том забочусь, что сейчас мне было замечено, что тебя нет и что в понедельник тебя встретили в Петергофе» (Л. Н. Толстой); «В законе указано, что следует за лживые по службе донесения» (Писемский); «Как видно, небом суждено» (Пушкин); «Стариками сказано: от сыновей горе, от дочерей вдвое» (Горький).

Безличные предложения, образованные из краткой формы страдательного причастия в сочетании с примыкающим инфинитивом. Широко распространены в современном русском

языке безличные предложения, сказуемое которых образовано из краткой формы страдательного залога в сочетании с инфинитивом, в коем и указывается цель действия, например: «Положено платить за нее по десяти тысяч рублей в год» («Записки» С. Порошина); «Машину тотчас велено привезти из летнего дворца» (там же); «Кто-то бежал из Москвы, а велено всех задерживать» (Пушкин); «Петрушке приказано было оставаться дома, смотреть за комнатой и чемоданами» (Гоголь); «Решено было еще сделать несколько расспросов тем, у которых были куплены души» (он же); «Потоцкому поручено было с пятью полками поймать непременно Тараса» (он же); «Ермолаю приказано было поставлять тетеревей и куропаток» (Тургенев); «На уездных балах почти везде заведено еще задолго до ужина ставить водку и небольшую к ней закуску для желающих мужчин» (Писемский); «Там заведено платить по десяти рублей в год» (он же); «Писание не всякому дано разуметь» (Лесков); «Суждено мне умереть» (Блок); «Про то запрещено говорить» (Горький); «На убогой нашей улице — пусто, дальше — не позволено уходить» (он же); «Теперь запрещено жен бить» (он же); «Нам положено, положено искать» (он же); «Было решено остановиться и здесь под скирдами ждать рассвета» (Фурманов); «На станции и в вагонах запрещено было зажигать свет» (А. Н. Толстой); «Мне поручено сопровождать вас» (Шолохов); «После короткого совещания решено было идти обратно» (он же).

Как можно заметить из примеров, причастия в этих конструкциях при сочетании с инфинитивом всегда выражают какие-то волевые акты: *поручено, приказано, велено, запрещено, указано, решено* и др. Среди некоторых лингвистов наблюдается тенденция рассматривать эти инфинитивы как слова-заместители подлежащего, но в таких конструкциях инфинитив явно объектного значения, отвечающий на вопрос ч т о? винительного падежа. Кроме того, мы наблюдали, что страдательное причастие всегда почти препозитивно инфинитиву; это также говорит о том, что этот инфинитив не подлежащее. Но несомненно, что оборот без дополнительного инфинитива кажется более ярким по бессубъектности, например: *Уж послано в догоню.*

В народном языке (в песнях, былинах, пословицах, поговорках) безличные предложения со сказуемым из страдательных причастий — излюбленная форма; эти причастия образуются не только от глаголов переходных, но и от непереходных, например:

«Там затворами затворено-то медными
Да подпорами-то подперто железными»

(Русские былины,
изд. Тихонравова и Миллера);

«Нам ни весточки, ни грамотки с Дону нет,
Ни словесного челобитьица
Нам не прислано»

(Киреевский, Песни, ч. II);

«Ей давным-давно Настасье было сказано,
За неделюшку Микулишне приказано...»

(Русские былины,
изд. Тихонравова и Миллера);

Безличные предложения из страдательного причастия краткой формы с родительным количества или части также очень употребительны в народной поэзии, например:

«У всех было силы набрано,
У всех было силы заправлено»

(Русские былины,
изд. Тихонравова и Миллера);

«У дородного добра молодца
Много было на службе послужено,
На печи было вволю полежано,
С кнутом за свиньями похожено»

(Киреевский, Песни, т. II);

«И хожено и вожено, а легче нет»

(пословица);

«По колено у ней
В землю угрязнуто»

(Киреевский, Песни, т. II);

Видимо, непереходные глаголы стали образовывать причастия краткой формы страдательного залога под влиянием переходных форм, а затем формы *езжено, хожено, бывано* и др. стали воздействовать на глаголы действительного залога, которые стали терять объект в винительном падеже, например:

«Ах, талан, мой талан таков,
Или участь моя горькая:
На роду ли мне написано,
На беду ли мне досталося»

(Киреевский, Песни, вып. 8);

«На камешке написано, да напецятано» (Песни русского народа, зап. Истоминым).

Опущение объекта в винительном падеже наблюдается и в письменных памятниках более давнего времени, например: «Вставши из-за стола, изволил его величество выкушать чашку кофе, сегодня в первый раз. Прежде изволил кушивать, но давно уже отменено было» («Записки» С. Порошина); «И на челе ее написано тайно» (Легенда о кровосмесителе).

Не только в языке фольклора, но и сейчас в народном языке, эта причастная безличная конструкция очень употребительна, как свидетельствуют записи диалектологов, например:

«У волка идено по дороге» [1]; «В пестуньях то не сиживано» [2]; «Как негде не бывано, а нецево и не видано...» [3]; «Век прожито, никуды не съежджоно, свету белого не погляжоно»; «Всего потерплено за жись свою»; «Ноци не спано, и зыпки кацяно» [4].

Употребительность причастия прошедшего времени страдательного залога среднего рода в безличном предложении в народном языке и теперь отмечает П. Г. Стрелков. Он приводит многочисленные примеры таких конструкций: «А погляди-ка, на столах как убрато у нас»; «Дато тебе, говорит, клади в сундук»; «Привозит в етот самый город, где ему подарено» и др. [5].

В поговорках и пословицах рассматриваемая форма причастия является особой специфической народной чертой, например: «В девках сижено — плакано, замуж выдано — выто»; «И хожено и вожено, да легче нет»; «И жито забыто и пито не в честь»; «В девках сижено, горе мыкано, замуж выдано, вдвое прибыло» (народная песня).

Шахматов также считал, что в старинном и областном языке предложения с причастно-страдательным сказуемым имеют гораздо более широкое распространение. На основании изученных памятников можно заключить, что употребление таких конструкций не только количественно больше в народном языке, но и качественно эти конструкции иные.

И действительно, в народном языке, во-первых, употребляется гораздо больше причастий, образованных от среднего залога. В языке беломорских былин богато представлены краткие формы страдательного залога в функции сказуемого от глаголов среднего залога, что отмечал еще Васильев [6], например:

«У ей сколько не молено, сколько плакано;
Много было хожено, погулено,
И в красне в хороме похожено».

Особенно же распространена в народном языке конструкция страдательного причастия краткой формы в функции ска-

---

[1] Записки Географического общества по этнографии Лужского уезда, Петербургской губ., тт. III, IV.

[2] В. Мансикка. О говоре Шенкурского уезда, Архангельской губ., Изв. Отд. яз. и слов. АН, т. XVII, кн. 2, 1912.

[3] В. Мансикка. О говоре северо-восточной части Пудожского уезда. Изв. Отд. яз. и слов. АН, т. XIX, кн. 4, 1914.

[4] Там же.

[5] П. Г. Стрелков. Синтаксис пермских сказок, Пермь, 1930, стр. 10.

[6] См. Л. Л. Васильев. Язык беломорских былин, Изв. Акад. наук, Отд. яз. и словесн., т. VII, 1902.

зуемого с действующим лицом в виде дополнения в родительном падеже с предлогом *у*; например, в Олонецких былинах записано Рыбниковым (1, 274): «Впереди его проехано у богатыря»; «По колено было у Бурешки в землю зарощено».

Мансикка приводит многочисленные примеры из северных областных говоров: «У самого надето»; «У меня уж привыкнуто»; «Неживано у нас тамо» [1]; «У него выношено дома»; «У меня дано залогу три рубли»; «У стариков так признато»; «У вас на гумно не хожено»; «У волков едено корову», «У ево уйдено за конями»; «У коров в лесу ноцовано» [2].

В. И. Чернышев указывает на бытование таких же форм в Пушкинском районе, Ленинградской обл., например: «У меня поплакано»; «У меня снятков взято»; «У нас побитося вволю» [3].

Те же формы встречаем и в записях Н. П. Гринковой, Виноградова и братьев Соколовых, причем образование кратких причастий страдательного залога происходит как от транзитивных, так и от интранзитивных глаголов, например: «У волков едено корову»; «У него уехано»; «У ниф ешшо не ляжено» [4]; «У кур поклевано»; «У крысы проточено» [5].

Литературный язык не знает не только таких образований, как *У волка овцу съедено* или *У него уехано,* но в нем нет и образований от непереходных глаголов взаимно-возвратной формы, например: *Побитося вволю* [6].

Отсутствует в литературном языке и форма причастного образования от непереходных глаголов с возвратной формой, например: «Доученось до того, что...»; «В четверг торгованось»; «У меня в погребу складенось»; «У ниф еще не ляженось»; «У них ночеванось в соседях»; «Разве у него женено-сь?»; «У меня один раз женено-сь». Те же типы предложений отмечены А. Б. Шапиро: *«Шесть годоф не виданось»* [7] и др.

Во всех этих формах особенно ярко чувствуется возрастающее значение состояния. Здесь страдательности нет совсем, пассивность также недостаточно четка. Суффикс *-с,*

---

[1] В. Мансикка. О говоре северо-восточной части Пудожского уезда. Изв. Отд. языка и слов. АН, т. XIX кн. 4.

[2] В. Мансикка. О говоре Шенкурского уезда, Архангельской губ., Изв. Отд. языка и слов., т. XVII, кн. 2.

[3] В. И. Чернышев. Говор Пушкинского района, «Язык и мышление», т. VI—VII, М.—Л., 1936.

[4] Тр. Моск. диалектологической комиссии в Новг. губ., запис. братьями Соколовыми, 1909.

[5] Н. П. Гринкова. К диалектологии Ленинградской губ., Изв. Акад. наук, Отд. русск. яз. и слов., т. XXX, 1935.

[6] В. И. Чернышев, назв. раб.

[7] А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров, Изд. АН СССР, 1953, стр. 142.

однако, говорит о значении страдательности, а *-сь* свидетельствует о субъектной возвратности: «Ныне женено́сь, с женой разойденось»; «Но оженонось есь тут»; «Со всимя было вожено́сь»; «Оддиленось было»; «От всех отпертось»; «Повинено́сь, шесь годоф не виденось» [1].

Шахматов таких форм в древнерусском литературном языке, видимо, не находил, так как все его примеры взяты из поздних записей народных говоров: «Нет, коли раз уже женено́сь, дак другожды мне не надо» (Ончуков, Северные сказки).

Приводит Шахматов такие формы только из былин и песен. Нам также удалось встретить в былинах немало причастных форм на *-нось* в функции сказуемого безличных предложений; например: «У меня три года не сосватанось» (Рыбников, II); «У меня за маненько было боротось, поэтому горит душа» (там же); «У моего родимого братенки конями с Чурилом помененось, цветным платьем побратаось» (Рыбников, III).

Находит те же формы и Васильев в языке беломорских былин, например: «У ей сколько не молено, сколько плакано, самого князя Ондрея у ей дожиданось»; «Златыма перстнема испомененось» [2].

В литературном языке этих форм нет. Только одну форму *условленось* нам удалось встретить в «Дневнике поручика Васильева»: «Князь Радзивилл и граф Понятовский, держа в руках жезлы, велегласно объявили, что с общего согласия Речи Посполитой с королем его величества Польским и других держав послами, и министрами *условленось* сейм отложить до будущего мая першего, того року...» [3].

Что же это за форма? Какое значение выражает здесь *-ся, -сь*? Нельзя не согласиться с Павским, что это возвратное или взаимно-возвратное местоимение, которое давно уже потеряло значение винительного падежа [4].

Эти формы *-сь, -ся*, присоединяясь к кратким причастиям, выражают результативно законченное действие возвратного или взаимного значения. Перфектное значение форм *соглашенось, уйденось, женено́сь* дополняется значением взаимности действия или причастности к нему, о чем упоминает Потебня в дополнении к 3-й части из «Записок по русской грамматике», где он пишет: «*-Ся* же здесь служит средством образования

---

[1] В. Мансикка. О говоре Шенкурского уезда..., Изв. АН, т. XVII, кн. 2, 1912.

[2] Л. Л. Васильев. Язык беломорских былин, Изв. АН, т. VII, 1902, стр. 75.

[3] «Дневник поручика Васильева с 1774 г.», стр. 2. «Памятники древней письменности».

[4] См. Г. Павский. Филологические наблюдения, 1850, стр. 97.

взаимных глаголов, а форма страдательности не имеет страдательного значения, а есть только средство выражения безличности» [1].

Таково употребление безличных предложений в русском языке, сказуемое которых образовано из краткой формы страдательных причастий перфектного значения.

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III, дополнение, 1899, стр. 655.

ГЛАВА X

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО СКАЗУЕМЫМ ИЗ БЕЗЛИЧНО-ПРЕДИКАТИВНЫХ СЛОВ НА *-О*

Односоставные безличные предложения по структуре сказуемого могут быть двоякого типа: в предложениях одного типа сказуемое выражается глагольными формами; в предложениях другого типа сказуемое состоит из нулевой или наличной связки и сочетающегося с ней предикативного члена, выраженного категорией состояния, например: «И скучно, и грустно, и некому руку подать» (Лермонтов); «Уж было поздно и темно» (Пушкин).

Предикативные члены в безличных предложениях могут быть выражены не только словами на *-о* (*тепло, холодно, жарко, можно, нужно*), но и словами с формами существительных: *пора, охота, досуг,* и словами *нельзя, жаль* и др.

В данной главе рассматриваются предложения, предикативный член которых выражен такими словами, которые традиционно назывались наречиями, а в последние годы большинством лингвистов называются категорией состояния, или безлично-предикативными членами.

Сказуемое безличного предложения из связки и присвязочно-безличного члена на *-о* является именным типом сказуемого. Связка в таком сказуемом является носителем грамматического значения, а присвязочный член выражает лексическое содержание сказуемого. Следовательно, вся сила предикации выражается этим безлично-предикативным словом. Однако одним именным безлично-предикативным словом нельзя выразить временных и видовых значений, а поэтому грамматические значения сказуемого выражаются связками, т. е. словами глагольного образования, но утратившими лексическое значение и превратившимися в служебные слова, сохранившими, однако, глагольные формы.

Глагольные связки по степени отвлеченности и конкретности делятся на: 1) совершенно отвлеченные — от глагола *быть* и 2) полуотвлеченные — от глаголов *стать, становиться, делаться, казаться, оказаться* и др.[1]. Ни с какими другими связками, образовавшимися из полувещественных глаголов, безлично-предикативный член не сочетается.

Если сказать: «на улице морозит», то в слове *морозит* признак выражен в динамике, в процессе, в то время как в слове *морозно* признак мыслится установившимся, статичным, но тем не менее временным, так как при произнесении слов *морозно, холодно* возникает представление о том, что именно сейчас холодно, в данный момент, потому что нулевая связка выражает значение настоящего времени.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ БЕЗЛИЧНО-ПРЕДИКАТИВНЫХ СЛОВ НА *-О* КАК ОСОБОЙ ЧАСТИ РЕЧИ

По лексическому составу группа безлично-предикативных слов гораздо богаче, чем глаголы, выражающие указанные значения. Если слова *тепло, холодно, морозно, светло, темно* и др. соотносительны лексически с глагольными формами *теплеет, холоднеет, морозит, светлеет, темнеет,* то такие слова, как *солнечно, знойно, прохладно, душно,* параллельных соотносительных глаголов не имеют. В настоящее время эту группу слов, выражающую состояние, многие лингвисты не признают за самостоятельную часть речи, имеющую право стоять в ряду других частей речи. И действительно, в современном русском языке эта группа слов не обладает такими яркими и определенными морфологическими признаками, как, например, имя существительное. Она мало отграничена, расплывчата и неопределенна. Она, собственно, еще не имеет и соответствующего названия, так как термин «категория состояния» указывает на ее семантику, но не является ее названием как части речи. Ведь мы не называем имя существительное «категорией предметности», имя прилагательное — «категорией качественности» и т. д. Однако, несмотря на то, что далеко не все грамматисты признают за этой группой слов право обособиться и составить особую часть речи, причислить их к наречиям еще труднее.

Уже более ста лет назад русские лингвисты чувствовали специфически отличную природу этих слов как в функциональном, так и в структурно-семантическом отношении. Так, напри-

[1] Некоторые ученые в полуотвлеченные связки включают только *стать*, а *становиться, сделаться, называться, считаться* — считают глаголами.

мер, Востоков в своей «Русской грамматике» слова *жаль, лень* относил к безличным глаголам (стр. 92), а не к наречиям, как это делал Богородицкий уже гораздо позже. Буслаев в своем «Опыте исторической грамматики русского языка» высказывался в том смысле, что такие слова еще в раннюю эпоху приняли на себя службу глагола, употребляемого в безличных предложениях.

К. Аксаков [1], анализируя и критикуя грамматику Буслаева, указывает на подобные слова как на такие, «кои выражают состояние». Однако и Аксаков не вскрыл ни морфологической, ни синтаксической природы данных слов.

Более определенно заговорил об этих словах Н. Некрасов [2]. Он полностью присоединился в своем мнении к мысли Востокова, что «прилагательное имя, через краткую форму с окончанием среднего рода или с безличным окончанием, может принимать значение глагола», например:

«И *полно,* что за счеты,
Лишь стало бы охоты...»
(Крылов).

или

«Нет, не *смешно,* когда маляр негодный
Мне пачкает мадонну Рафаэля...»
(Пушкин).

Некрасов думал, что слова *полно, смешно* из прилагательных посредством усечения полной формы получили значение глагола, причем сначала произошло изменение их значения в силу усвоения ими иной синтаксической функции, а потом уже изменилось и окончание.

Пешковский, разбирая безличные предложения типа *мне холодно, мне было холодно,* слово *холодно* не называл ни наречием, ни краткой формой прилагательного, как это делал Некрасов. Слова *холодно, можно, должно,* из которых некоторые сходны по внешней форме как с именами прилагательными, так и с наречием, Пешковский называет только безлично-предикативными членами, не говоря ни об их различной семантической природе, ни об их различной морфологической сущности.

Пешковский указывает, что живой язык эти слова относит к наречиям. «Мы, в сущности, сознаем в первый момент наречие и, только призвав на помощь школьные грамматические воспоминания или другие языки, соображаем, что здесь должно быть прилагательное. Возможно, что формы

---

[1] См. К. С. Аксаков. Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка Ф. И. Буслаева». Соч., т. II, стр. 295—296.

[2] Н. П. Некрасов. О значении форм русского глагола, СПб., 1865.

краткого прилагательного среднего рода уже и нет в литературно-разговорном языке» [1].

Исходя из данного высказывания, мы можем считать, что Пешковский эти слова в разговорно-бытовой речи и книжно-литературной ставит в разные морфологические ряды. В разговорной речи эти безлично-предикативные члены являются наречиями, а в книжной — формами кратких имен прилагательных среднего рода. Этот странный критерий в размещении по частям речи слов на *-о* целиком покоится на индивидуально-психологических восприятиях Пешковского, чего не скрывает он сам. «Тут все сводится к ассоциациям данного предложения с той или другой формой сочетания... Определенного «рецепта» различения здесь дать нельзя, так как каждое сочетание глубоко индивидуально» [2]. Выходит так, что в разговорном языке слова на *-о* — наречия, и тогда форма предложения будет безличная, в книжном же языке слова в той же функции будут прилагательными, а инфинитив приходится тогда рассматривать как подлежащее, и предложение придется считать личным.

Однако Пешковский, чувствуя неуверенность в решении данного вопроса, спешит оговориться, что «все это будут не выкристаллизовавшиеся к данному моменту в отношении категорий частей речи слова языка, аморфные... независимо от того, произошла ли эта аморфность вследствие потери того или иного значения или вследствие того, что значение еще не приобретено» [3]. Вряд ли можно согласиться и с таким утверждением Пешковского. Не отнесение к тому или иному стилю речи ставит слово в тот или другой морфологический ряд, а значение слова и выполняемая им функция в предложении ставят его в тот или другой ряд синтаксических категорий. Значение и синтаксическая функция заставляют слово принимать ту или иную форму. В языке нет аморфных структурных единиц, почему нельзя смешать наречие ни с именем прилагательным, ни с категорией состояния, или безлично-предикативными членами, так как у каждой категории свои морфологические приметы, своя синтаксическая природа, хотя внешне, взятые в отдельности, эти слова и сходны. Следовательно, формы кратких имен прилагательных среднего рода единственного числа и наречия на *-о* являются только омонимами. При этом грамматические различия между краткой формой имени прилагательного, наречием и категорией состояния у слов на *-о* очень четки и ощутимы.

---

[1] А. М. Пешковский. Русский синтаксис..., изд. 6, стр. 328.
[2] Там же, стр. 327.
[3] Там же, стр. 159.

1) Имена прилагательные в краткой форме на *-о* в современном русском языке выступают только в предикативной функции и относятся только к подлежащему, выраженному именем существительным в среднем роде, например: *учение полезно, курение вредно, сияние ярко, дитя красиво.*

2) Имена прилагательные краткой формы, относясь к существительному, согласуются с ним в роде, числе, выступая всегда обозначением какого-либо признака — качества или свойства, например: *небо синё, дитя вольно.* Многие имена прилагательные краткой формы и отличаются местом ударения от наречия и категории состояния: *дитя в о л ь н о́,* но *дитя держит себя в о́ л ь н о;* ср.: «И понял он, как ей *сродно́* и увлекательно паденье» (Брюсов) и «Ей *сро́дно* быть такой»— с другой стороны.

1) Наречие на *-о* всегда относится или к глаголу, выражая образ действия, т. е. выступает в обстоятельственной функции: *хорошо играла;* или к прилагательному, выражая степень качества: *совершенно белый, страшно закоптелый;* или к наречию, выражая признак, степень, количество качества: *необычайно красиво, замечательно умно.*

2) Наречия не согласуются, не управляются, а примыкают к другим словам, и их конечное *о* является не формой изменения, не окончанием, а словообразовательным суффиксом.

Таким образом, в связной речи смешать наречие с краткой формой имени прилагательного нельзя.

Нельзя смешать наречие и с категорией состояния, хотя категория состояния и не вполне еще (употребляя термин Пешковского) «выкристаллизовавшаяся» часть речи. Трудности, встречающиеся при разграничении этих групп слов, обусловливаются тем, что в давно созданные грамматические категории мы не можем втиснуть категории мысли современного человека.

Однако, несмотря на трудности, грамматические признаки помогают отличать одну категорию от другой. А поэтому группа слов на *-о,* всегда являющихся в предложении безлично-предикативными членами, различается от наречия.

Наречие определяет глагол или выражает обстоятельство, при котором совершается действие, категория же состояния выражает только эмоциональное или физическое состояние живого существа, состояние среды и природы и никаких слов не определяет. Их различие в семантике породило и различие в синтаксической роли. Часть речи наречие — в синтаксисе второстепенный член, выражающий обстоятельство или служащий определением, т. е. признаком признака. Наречие не является элементом, составляющим грамматический центр предложения; это — слово, пополняющее количественный

объем предложения, служащее только для более детального объяснения смысловых оттенков, без которых человеческая мысль выражалась бы только в главных конструктивных частях. Наречия только характеризуют действие или состояние, т. е. определяют какой-либо признак предиката, но не являются сами им. Следовательно, наречие выступает при сказуемом, но никогда само по себе не является сказуемым, за исключением особых случаев, когда наречие принимает другую, не свойственную ему, синтаксическую функцию.

Категория состояния — главный конструктивный элемент безличного предложения и всегда служит только безлично-предикативным членом, т. е. сказуемым: Она может сама выражать полностью суждение: *тепло, сыро, тягостно.*

Небезынтересно отметить в современном русском языке различие поведения наречий на *-о* в зависимости от их лексического значения и синтаксической функции.

В сочетаниях *близко живет, недалеко бродит, далеко уходит, рано встает, поздно ложится* слова *близко, недалеко, далеко, рано, поздно* — наречия места и времени. Но если эти слова употребить не для характеристики глагола, а для характеристики состояния самого времени или расстояния, то они перестанут быть наречиями, так как не будут обозначать признака. В сочетании *до города близко* слово *близко* выражает отношение между явлениями или предметами и начинает осознаваться как категория состояния. Точно так же слова *рано, поздно* переходят в категорию состояния в сочетаниях *было еще рано, уже поздно* и т. п. (ср. невозможность сказать *было вечно, будет медленно, было поспешно, будет трусливо* и т. п.).

Категория состояния имеет свои морфологические и синтаксические свойства, а также свои синтаксические связи с другими словами, о чем мы скажем ниже.

Это понятно и закономерно: обособившееся понятие, появившееся в силу различения каких-либо фактов действительности нашим сознанием, находит в языке и свои формы выражения.

Насколько спорен вопрос об отнесении этих слов к особой части речи, настолько же спорен и вопрос о составе этой группы слов.

Л. В. Щерба, наиболее радикально поставивший вопрос о категории состояния как об особой части речи, говорил, что «это слова в соединении со связкой, не являющиеся, однако, ни полными прилагательными, ни именительным падежом существительного; они выражаются или неизменяемой формой, или формой существительного с предлогом, или формами с родовыми окончаниями ...или формой творительного падежа суще-

ствительных, теряющей тогда свое нормальное, т. е. инструментальное значение» [1].

Л. В. Щерба в эту категорию включает слова: *настороже, в состоянии, начеку, замужем, без памяти, без чувств* и даже *в сюртуке, я должен, я намерен, грустен, знаком* и др.

У Л. В. Щербы получается не грамматически однородная группа, а семантико-синтаксическая. В качестве формальных признаков этой группы слов Л. В. Щерба указывал на их неизменяемость и на точки соприкосновения с глаголом через связку *быть*. Однако приведенные им слова *должен, намерен, знаком, грустен* изменяются по родам и числам, а сочетание *в сюртуке* обозначает вовсе не состояние, может изменяться и употребляться и в других падежах, а главное — способно сочетаться с личным глаголом. В предложении *я был в сюртуке* слово *был* не связка, а глагол бытия, пребывания, а *в сюртуке* — дополнение. Поэтому трудно согласиться с Л. В. Щербой, что слова *в сюртуке, весело, грустен, должен, намерен* можно объединить в одну группу под названием «категория состояния». У этих слов разные формы, разные синтаксические функции и разные грамматические связи, что и мешает им объединиться в одну грамматическую группу.

Из всех русских лингвистов наиболее полно разработал вопрос о категории состояния В. В. Виноградов, хотя идею отграничения этих слов в особую часть речи выдвинул Л. В. Щерба. По его словам, категория состояния развивается в современном языке преимущественно за счет наречий и имен прилагательных. При этом нечленные имена прилагательные, потеряв формы склонения, приобретают оттенок времени. Они перестают быть названиями, а становятся словами-«характеристиками».

«Причина развития и распространения категории состояния кроется в противоречии между морфологическими и синтаксическими функциями имен. Морфологически и семантически имя противопоставлено глаголу, а синтаксически имя так же может быть сказуемым, как и глагол. Поэтому в системе языка возникает грамматическая и семантическая дифференциация между формами действий, процессов, протекающих во времени, наделенных изменчивыми и многообразными оттенками пространственно-временного характера, предполагающих сложное предметное окружение,— и между формами качественных состояний, положений, в которых являются лица и предметы или которые бывают с лицами и предметами» [2],— пишет В. В. Виноградов.

[1] Л. В. Щерба. О частях речи в русском языке. «Русская речь», вып. II, 1927—1928.

[2] В. В. Виноградов. Современный русский язык, вып. II, М., 1938, стр. 313.

В. В. Виноградов включает в категорию состояния слова *рад, горазд, намерен, взволнован, угнетен, должен* и др. В отдельном параграфе он говорит «о движении кратких прилагательных в категорию состояния» и перечисляет все факторы, способствующие этому передвижению: 1) потеря форм склонения, 2) приобретение значения времени (*я рад, я был рад*), 3) изменение грамматического облика, которое ведет к осложнению их семантической структуры, 4) возникновение на основе новых значений новых форм управления (*рад вам, способен на все*), 5) возникновение новых конструктивных возможностей: способность определяться инфинитивом (*эка врать здоров ты, Киселев*), способность управлять винительным падежом (*я должен ему большую сумму*) [1].

В основу выделения категории состояния как «структурно-грамматической модели» В. В. Виноградов положил семантические и синтаксические признаки, но недостаточно обратил внимания на морфологические признаки и на грамматическую форму слов и их соотношение, в силу чего краткие прилагательные и наречия (*намерен, рад* и *тепло*) вошли в одну и ту же группу.

Таким образом, как Л. В. Щерба, так В. В. Виноградов, выделяя безлично-предикативные слова на основе их общей синтаксической функции (быть сказуемым), оставляют в стороне морфологическо-лексическую специфику всех слов, включаемых ими в категорию состояния. Не учитывается при этом и логическая природа данных слов. Ведь состояние — совершенно иное понятие, чем единичный признак. Поэтому включение в категорию состояния имен прилагательных, выражающих признак — качество, свойство предметов, оправдано быть не может. Не убеждает и аргумент, что имена прилагательные краткой формы должны быть включены в категорию состояния потому, что они приобретают оттенок времени. Оттенок времени выражается в связке, а не в кратком прилагательном. Любая часть речи в предикативной функции с нулевой или наличествующей связкой будет иметь значение времени, например: *отец музыкант — отец был, будет музыкантом; она прелестна — она была прелестна; он первый ученик — он был, будет первым учеником; я не такая — я не была, не буду такой.* Не убедителен также аргумент, что краткое прилагательное перестает быть названием, а становится словом-характеристикой: ведь каждый предикат, чем бы он ни был выражен, есть название и характеристика. Приложение еще более яркое слово в смысле характеристики, однако при-

---

[1] В. В. Виноградов. Современный русский язык, вып. II, М., 1938, стр. 312.

ложения не вводятся в категорию состояния. Совершенно неприемлема также и точка зрения И. И. Мещанинова на состав части речи «категория состояния». И. И. Мещанинов, признавая в общем категорию состояния как особую часть речи, как особый пласт слов, включает в нее только нечленные формы имен прилагательных и краткие формы причастий страдательного залога, исключая из этой категории безличные предикативные слова на *-о*. По его словам, если исключить «архаичные краткие причастия, давшие в современном состоянии литературного языка глагольные формы прошедшего времени», то «за категорией состояния остаются не вошедшие в глагольную парадигму и не могущие войти в нее нечленные прилагательные и причастия страдательного залога (передающие состояние субъекта, а не его действие)» [1]. «Подходя к категории состояния с указанной стороны,— пишет И. И. Мещанинов,— можно, мне кажется, прийти к выводу, что в современном русском литературном языке нечленные прилагательные и причастия страдательного залога имеют больше данных для выделения их в особую часть речи, чем упомянутые выше безличные предикативные выражения, сохранившие грамматическую форму наречий [2].

Так ли это? Достаточно ли такого principium divisionis для разграничения частей речи? Ведь уже давно установлено, что не только внешняя форма определяет принадлежность слова к той или иной части речи.

1) Части речи выделяются на основе соотношения с предметами действительного мира.

2) Во вторую очередь следует различать части речи по характеру присущих той или иной части речи логико-грамматических категорий: глагольным словам, обозначающим процесс и состояние, присущи категории времени, лица, а именам существительным, обозначающим предметы, категория падежа, числа, рода.

3) Части речи различаются системой изменения слов при сочетании с другими словами. Изменение по временам и лицам свойственно глаголам, по падежам — свойственно именам.

4) Части речи различаются и по связям, устанавливаемым с другими частями речи.

5) Части речи различаются также и типом словообразования, т. е. системой образования суффиксов и префиксов. Так, например, суффиксы *-арь, -чек, -чик, -щик, -тель* не могут

---

[1] И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи, М.—Л., 1945, стр. 279.

[2] Там же, стр. 277.

быть словообразовательными элементами глаголов, в то же самое время суффиксы *-ыва, -ива* не образуют имен существительных.

Различие же синтаксических функций не всегда можно считать достаточным различительным признаком частей речи, т. к. каждая часть речи, кроме глагола, способна функционировать в любой синтаксической роли. Имя существительное может быть и подлежащим, и сказуемым, и определением, и приложением, и дополнением, и обстоятельством. Некоторые части речи менее объемны по синтаксическим функциям, другие более объемны.

Многие споры, возникающие и возникавшие по поводу слов категории состояния, рождаются в конечном итоге от разного понимания формы и содержания в языке, от разного понимания соотношения лексики и грамматики и от разных принципов выделения частей речи. Для тех, кто в принцип разграничения кладет грамматические признаки и семантику слова, такие слова, как *тепло, светло, ясно, грустно, весело* в известных конструкциях — *мне тепло, ему грустно* и т. д— категория состояния [1]. Для тех, кто в принцип выделения частей речи кладет только формы словоизменения, для тех эти слова— наречия. Как известно, в «Вопросах языкознания» были напечатаны две статьи: А. Б. Шапиро, отрицавшего категорию состояния как часть речи, и Н. С. Поспелова, выступавшего в защиту категории состояния. В № 3 «Вопросов языкознания» за 1956 г. помещена статья чешского ученого Травничека с критикой тех ученых, которые категорию состояния считают особой частью речи [2].

В 1954 году в Братиславе вышла книга А. В. Исаченко «Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким». Эта книга, интересная, богатая иллюстративным материалом, вдвойне интересна для человека, занимающегося вопросом о безличности и формах ее выражения, потому что в ней имеется большая глава, посвященная категории состояния («Предикативы») [3]. А. В. Исаченко совершенно пра-

---

[1] За последние годы появилось несколько диссертаций, посвященных безлично-предикативным членам (категории состояния): В. В. Бабайцева. Переход кратких прилагательных в состав безлично-предикативных слов. См. Уч. зап. Кабард. пед. инст., вып. VII, 1955; Л. П. Еремина. Безлично-предикативные слова... (1955), в которых большим материалом доказывается наличие особого разряда слов — категории состояния в русском языке.

[2] Ф. Травничек. Заметки о категории состояния. «Вопросы языкознания», 1956, № 3.

[3] См. А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Братислава, 1954, стр. 358—381.

вильно критикует термин «категория состояния», указывая, что такое название семантично, а термин «предикативы» — синтаксичен. Но нового термина, удовлетворяющего ученых, нет. Нет такого слова, которое бы обозначало целую группу слов, выражая при этом ее сущность. Все рассуждения А. В. Исаченко вполне обоснованы, кроме двух положений, с которыми нам трудно согласиться[1]. В безлично-предикативных словах, самих по себе, А. В. Исаченко находит категорию времени. Мы полагаем, что только глагол своими формами выражает категорию времени. Но все, что происходит, что существует в действительности, существует во времени и пространстве, поэтому каждое предложение, отражающее или выражающее явление действительности, несомненно отражает его во времени. В предложении понятие времени формально может быть выражено или глаголом, или связками, как наличными, так и нулевыми, от которых такие слова, как *тепло, светло, темно,* получают значение времени. Наклонение формально выражается только глаголами, а лексически особыми модальными словами. Категории состояния как части речи наклонение несвойственно. Не согласны мы и с тем, что А. В. Исаченко включает в категорию состояния слова *рад, горазд, должен, нужен* и др. формы кратких прилагательных, которые выражают состояние лексически, а не логико-грамматически, потому что слова *рад, горазд* и др. выражают признак подлежащего, а не его состояние, причем эти слова изменяются по числам и родам.

Если мы возьмем краткую форму прилагательных *бел, ряб, сер,* то по соотнесенности с категориями действительного мира мы назовем их словами, обозначающими качество предметов, и в мышлении это качество оформится в категорию пассивного признака. Функция имен прилагательных краткой формы в современном русском языке едина — выражать именное сказуемое, согласуемое с подлежащим в роде и числе. Следовательно, окончания, выражающие согласование в роде и числе, наличие номинативной формы падежа роднят эти слова с прилагательными. Таким образом, по соотношению с другими частями речи *бел, ряб, сер,* несомненно, ближе всего к прилагательному, как выражению пассивного признака. С прилагательным полной формы (*белый, рябой, серый*) краткое прилагательное соотносится лексически, да и грамма-

---

[1] В 1955 г. в «Вопросах языкознания» (№ 6) была напечатана статья А. В. Исаченко «О возникновении и развитии категории состояния в славянских языках», насыщенная материалом и убедительная в своих теоретических положениях, кроме выше названных.

тически не так давно краткие прилагательные выполняли функцию определения, а в народном языке выполняют эту функцию и до сих пор; не так давно краткая форма прилагательных изменялась по падежам, а поэтому согласовывалась и в падеже.

И несмотря на то, что в современном русском языке нечленные прилагательные, как указывает В. В. Виноградов, претерпели модификацию, т. е. потеряли падежные формы и приобрели временной оттенок, тем не менее они сохраняют способность, как и членные прилагательные, изменяться по родам и числам. Следовательно, у них не потеряна как лексическая, так и формальная соотнесенность с именами прилагательными полной формы.

Понимая так часть речи и ее формы, мы не можем согласиться с утверждением акад. Мещанинова, что «специальная грамматическая форма у предикативных наречий отсутствует, тогда как она же у нечленных прилагательных наличествует». По нашему мнению, грамматическая форма наличествует и у безлично-предикативных слов на *-о*. Безлично-предикативные члены на *-о* имеют свои, может быть, недостаточно яркие, но присущие именно этой группе слов и отличающие ее семантические и грамматические признаки. 1) Самым главным отличительным признаком слов данной группы является их семантическая общность: такие слова, как *тепло, холодно, жарко, пусто, скучно* — выражают состояние. 2) Мышлением это состояние отображается как нечто близкое к процессу и свойству, но отличное от них[1], а именно отображается как р е з у л ь т а т какого-то процесса, не ставший свойством, постоянным статичным признаком предмета. 3) Самым постоянным и неизменным признаком этих слов является их синтаксическая функция — быть безлично-предикативным членом в структуре именного сказуемого. 4) Синтаксические связи этих слов четки и определенны: они могут сочетаться только со связкой, наличествующей или нулевой, со связками абстрактного характера (*была, будет*) и полуотвлеченными (*стало, станет, становилось, становится, делалось, делается, оказывалось, казалось*). Слова категории состояния никогда не сочетаются с группой глаголов, способных выполнять служебную роль, но не потерявших лексическое значение, например, возможно сказать: *пришел усталый, уехал веселый, сидел грустный,* но совершенно нельзя выразиться: *сидел грустно, стоял весело, пришел печально.* С наречиями же, не способными пере-

[1] См. H. Schuchardt-Brevier. Halle, 1928, стр. 275 и след.

ходить в категорию состояния, такое сочетание возможно: *сидел прямо, стоял долго, пришел скоро.* 5) Категория состояния никаких слов не определяет, она не согласуется и не примыкает ни к глаголу, ни к прилагательному, ни к наречию. В то же время, будучи состоянием какого-то субъекта или явления, эта группа слов не терпит при себе субъекта в именительном падеже, а употребляется только с дательным падежом. Например: *мне стыдно, мне удобно, вам будет спокойно, матери тепло и сытно, ребятам покойно и удобно.* 6) Связка стала характерной приметой слов категории состояния. Невозможность сочетаться ни с одним лексически полным глаголом и является вполне отстоявшейся синтаксической формой безлично-предикативных слов.

Независимость от форм согласования и отсутствие координации с субъектом-подлежащим утверждают и формальную независимость слов данной группы, т. е. неизменяемость, что является их ярким грамматическим признаком в разряде знаменательных слов.

Не менее ярким грамматическим признаком этой категории слов является их выпадение из системы тех слов, с которыми они соотносились: *стыдно, совестно* не соотносятся со *стыдный* и с *совестный.* Их постоянная синтаксическая функция выражать сказуемое, морфологизованной формой которого в современном русском языке является глагол, роднит и сближает безлично-предикативные слова с глаголами, близость к которым определяется наличием возникающего от связки временного оттенка.

Предложение типа *И верится, и плачется, и так легко, легко* особенно ярко иллюстрирует близость категории состояния к глаголу: все его однородные члены — *верится, плачется, легко,*— выражая состояние, имеют временные значения и значения наклонения (для *легко* — привносимые нулевой связкой).

Сближается категория состояния с глаголом и тем, что многие слова этой категории получают способность управлять падежами: винительным — «Больно руки мне» (М. Горький); «Мне всегда бывало стыдно за него» (Л. Толстой); родительным — «Мне стыдно ваших поздравлений, мне страшно ваших гордых слов» (Брюсов); «Людей совестно» (Щедрин) и дательным — «Страшно людям, горячо глазам» и др.

Не вполне еще четкие, но уже наметившиеся грамматические признаки у ряда слов, семантически однородных, выделяют эту группу в какую-то новую, пока еще не вполне оформившуюся часть речи, однако настолько отличную от наречий, что включать ее в категорию наречий невозможно. Мешает этому включению и различие в значении, и совершенно иные

синтаксические функции и грамматические связи, и соотнесенность с частями речи.

Кроме того, необходимо отметить, что большинство наречий не может выражать состояние: наречия времени, места, степени, да и наречия образа действия далеко не все способны выражать состояние. Если можно сказать: *холодно встретили* и *мне было холодно, весело посмотрел* и *мне было весело,* то совершенно исключена возможность наречия *лениво, брезгливо, сердечно, напряженно, безбрежно* и др. употребить как безлично-предикативные слова: *мне было лениво, ему стало брезгливо, было сердечно, мне было напряженно.*

Какие же наречия могут переходить в категорию состояния? Помимо лексического признака, на возможность перехода указывает возможность сочетания со связкой. Только те наречия могут выполнять функцию выражения состояния, которые сочетаются со связкой и которые, не требуя подлежащего, выступают в функции сказуемого.

Как известно, о том, что не все наречия способны стать предикатами, писал еще Пешковский. Он утверждал, что качественные наречия на *-о, -е, -ски* не могут быть предикативными. То же самое, но в более развернутом виде отмечает В. В. Виноградов: невозможно сказать *было вечно, будет медленно, было поспешно, будет трусливо* и т. п. В словах *медленно, поспешно, трусливо* и др. нет значения состояния, а выражена качественная оценка манеры действия. Но некоторые наречия, обычно употреблявшиеся в функции обстоятельства образа действия, как например, *кротко посмотрел, робко ответил, нежно приласкала,* некоторыми писателями употребляются в функции сказуемого, тем самым создавая возможность выражать качественное состояние и трансформируя наречие в иной разряд частей речи. Например: «И опять *кротко* и тихо было в его сердце...» (И. Бунин); «Я говорю только, что мне тогда было бы не так *робко,* мне было бы свободнее» (А. Н. Островский); «А на душе у всех стало тихо и *нежно*» [1]. Различие в значении и в синтаксической функции не дает возможности объединить все эти слова в одну группу, хотя в чисто внешней форме они и совпали. Таким образом, с одной стороны, безлично-предикативные слова нельзя смешивать с наречием, с другой — нельзя их исключать из категории состояния, как это делает И. И. Мещанинов.

Итак, как бы мы ни называли эту группу слов,— предикативные наречия или категория состояния,— по значению, по функции и даже по связям эти слова совершенно отличны от

[1] Три примера заимствованы мной из кандидатской диссертации Л. И. Ереминой «Безлично-предикативные слова, соотносительные с краткими формами имени прилагательного среднего рода...» (М., 1955).

наречия[1]. Наречие на *-о,* образованное от краткой формы прилагательного, может иметь сравнительную и превосходную степень, в то время как категория состояния превосходной степени иметь не может.

Как было уже сказано, невозможность соединяться с каким-либо личным глаголом, а только со связкой и является вполне отстоявшейся формальной приметой для категории состояния. Связка имеет время и наклонение, следовательно, и категория состояния начинает через нулевую или наличную связку принимать эти грамматические значения. Таким образом, категория состояния имеет что-то общее с глаголом, хотя и выражается другими морфологическими конструкциями.

Глагол выражает процесс в его становлении, движении, состоянии. Становление и движение в основе своей динамичны. Состояние — не динамическая фаза процесса, оно более статично. Поэтому и группа глаголов, выражающих состояние, стала обособляться и формально отличаться от других типов глаголов.

И так как состояние, как более статическая фаза, не связано с процессом движения, то оно (состояние) перестает мыслиться в связи с движущей силой, т. е. действователем. Вследствие этого глаголы вышеуказанной группы перестали нуждаться в сочетании с лицом деятеля, что повлекло за собой исчезновение у них форм 1-го и 2-го лица как живых лиц-деятелей. Глаголы состояния, не будучи динамичными в своей основе, не могут распространять свое действие на объект, и, следовательно, они становятся непереходными. Состояние, не связанное с субъектом, как движущей силой, и не переходящее на объект, становится независимым. Тогда и глаголы, обозначающие состояние, независимое от субъекта-подлежащего, являются безличными.

Следовательно, значение состояния выражается глагольной формой, но ищет и других способов выражения и начинает втягивать в свою орбиту и другие части речи, способные, прежде всего лексически, выражать состояние. Затем начинают возникать и особые грамматические показатели нового значения всей этой группы слов — и древних номинативов, и кратких форм страдательных причастий, и кратких прилагательных на *-о,* а именно: у всех этих слов, вовлекаемых в общую группу для выражения состояния, происходит изменение прежних

---

[1] К такому пониманию этой группы слов придет всякий, кто отрешится от устаревшего принципа выделения частей речи только на основе форм словоизменения и кто учтет историю развития учения о категории состояния, зародившегося свыше ста лет тому назад.

формальных признаков — теряется форма рода и числа и возникает сочетание со связкой, что привносит значение времени. Привносится связкой неопределенность рода (вследствие отсутствия согласования), что укрепляет значение безличности, потому что отсутствие отношения сказуемого к подлежащему является определяющим фактором безличности сказуемого. В языке поэтому безличность и выражается в двух формах предложений, в которых ярко значение состояния: *на улице темнеет, на улице темно.*

Все сказанное и дает нам возможность предположить, что категория состояния органически связана с проявлением безличности, потому что независимое от субъекта сказуемое, выражающее состояние, является организующим центром безличности. И действительно, подавляющее количество безличных предложений выражается категорией состояния.

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО СКАЗУЕМЫМ ИЗ БЕЗЛИЧНО-ПРЕДИКАТИВНЫХ СЛОВ НА *-О*, НЕ ОСЛОЖНЕННЫХ ИНФИНИТИВОМ

Безличные предложения данного типа, как и все безличные предложения, не имеют субъекта-подлежащего, а состоят из одного члена — сказуемого. Сказуемое этих предложений образуется из наличной или нулевой связки и безлично-предикативного члена в положительной или отрицательной форме. Связки могут быть совершенно отвлеченные и полуотвлеченные: *было, будет, стало, становилось, сделалось* и т. п. Присвязочным членом может быть любое безлично-предикативное слово на *-о: бурно, ветрено, влажно, жарко, душно, знойно, морозно, пыльно, пасмурно, пустынно, сыро, свежо, светло, сухо, снежно, сумрачно, тепло, тихо, туманно, шумно, ясно, бедно, весело, горько, дурно, жалко, плохо, студено, страшно* и др.

По своему значению безличные предложения такого образования распадаются на предложения, выражающие: 1) состояние природы, 2) состояние среды и обстановки, 3) состояние физической сферы живых существ, 4) состояние психической сферы человека. По своей семантике некоторые типы предложений соотносятся с безличными глагольными предложениями, но более бедны, чем последние. По своему характеру безличные предложения, сказуемое которых слагается из связки и предикативного члена на *-о*, отличаются от глагольных типов безличного предложения тем, что в глагольных предложениях признак выражается динамически, в то время как в именных предложениях признак состояния выражен статически.

1. Приведем некоторые типические примеры безличных предложений с безлично-предикативными словами на *-о,* выражающих состояние природы в отношении климатических, физических и атмосферных проявлений.

а) Со связкой нулевой: «Холодно и ветрено» («Дневник поручика Васильева»); «Отворяй, ты видишь, что дождит и холодно» («Письмовник» Курганова); «Здесь так свежо, что мочи нет» (Грибоедов); «На дворе пустынно и тихо» (Салтыков-Щедрин); «Жарко, тихо, никто ничего не делает» (Чехов); «Снег, холодно, противно» (он же); «Тепло, солнечно, тихо» (он же); «Как душно и уныло!» (он же); «Очень тихо на реке, очень черно и жутко» (Горький); «Ты пришла, и светло, зимний снег разнесло, и весна загудела в лесу» (Блок).

Некоторые ученые считают, что вряд ли нужно разделять предложения с безлично-предикативными словами на предложения, выражающие состояние природы, среды, состояния человека. Но при внимательном анализе примеров легко заметить, что в предложениях, выражающих состояние природы, предикативно-безличные члены не сочетаются ни с дательным падежом субъекта, ни с так называемым дательным коммодальным; например, нельзя сказать: *мне тихо, мне снежно, мне ветрено, мне пустынно.* Это происходит, видимо, потому, что этими словами выражается не субъективное восприятие состояния, а объективно существующее вообще. В то же время многие безлично-предикативные члены выражают состояние в природе, но в какой-то строго ограниченной части, что и выражается обстоятельственными членами, например: *в воздухе душно, над рекой сыро.* Однако чаще всего к таким сказуемым обстоятельство места не указывается, особенно в том случае, когда говорится об общем состоянии погоды.

Кроме того, некоторые безлично-предикативные слова этого типа соотносительны с номинативными предложениями: *ветрено — ветер; душно — духота; сыро — сырость; холодно — холод.*

Поэтому вполне возможны случаи, когда безлично-предикативные члены образуют с именем существительным сочетания, части которых совершенно различны по своей грамматической природе, например: «Снег, холодно, противно...» (Из переписки Чехова с Книппер).

Другие безлично-предикативные члены, образующие сказуемое безличных предложений, соотносятся с предложениями глагольного образования, тоже безличными, например: *холодно — холоднеет; тепло — теплеет; дождь — дождит* и т. д.

б) со связкой в прошедшем и будущем времени: «Он сел в кресла, поставил трость в угол, зевнул и объявил, что на

дворе *становится жарко*» (Лермонтов); «В начале улицы еще *было ветрено*, и дорога была заметена, но в середине деревни *стало тихо, тепло* и *весело*» (Л. Н. Толстой); «*Было* так *темно* и так *курило* сверху» (он же); «На дворе накрапывал дождь, *было* очень *темно*» (Чехов); «*Было душно*, все много пили и никак не могли утолить жажду» (он же); «*Было морозно* и *ветрено*» (Горький).

2. Вторую группу образуют безличные предложения, выражающие состояние среды и обстановки. Грамматически эти предложения по своей структуре абсолютно одинаковы с предложениями первой группы. Они образованы также из безлично-предикативных членов на *-о* и нулевой или наличествующей связки. Но безлично-предикативные члены этой группы лексически гораздо богаче, так как ими обозначается не только состояние погоды, атмосферные явления, но и объем, цвет, форма и др.

Многие безлично-предикативные слова одного и того же значения могут образовать разные по семантике члены предложения, выражая состояние природы, обстановки, среды и психическое состояние. В последнем типе предложений эти слова употребляются не в прямом, а в переносном смысле; ср.: *на улице х о л о д н о, в комнате х о л о д н о* и *мне в этой семье х о л о д н о*. В первых двух предложениях слово *холодно* употреблено в прямом смысле, и это состояние может быть выражено и существительным и глаголом, например: *на улице х о л о д, изморозь, ветер; на улице х о л о д е е т* или *п о х о л о д а л о*. Но *в вашей семье холод* — вряд ли можно сказать; и совсем уже нельзя сказать: *в вашей семье похолодало*.

Некоторые слова могут употребляться в роли безлично-предикативного члена в обеих рассмотренных группах, например: *жарко летом, жарко в доме, в бане*, но другие не могут быть употреблены или в первой группе, например: *гулко, глинисто, мусорно*, или во второй, например: *дождливо, туманно*. Слов, выступающих безлично-предикативным членом во второй группе предложений, гораздо больше, например: *безмолвно, бесшумно, болотисто, вязко, грязно, глинисто, гулко, глухо, гладко, дико, дымно, душно, жарко, жестко, илисто, знойно, зелено, колко, мягко, мокро, мусорно, мрачно, неровно, негладко, пестро, пыльно, пустынно, светло, серо, сухо, сумрачно, тихо, тепло, холодно, шумно, черно, чудно, ясно* и др.

Чаще всего такие безлично-предикативные слова имеют относящиеся к ним обстоятельства места или дополнения, например: «Ему в гостиных стало душно» (Баратынский); «В избе хоть и скверно пахнет, да тепло по крайней мере» (Гончаров); «На дворе было тихо» (Л. Н. Толстой); «На улицах пусто» (он же); «В комнате было совершенно тихо»

(Лесков); «В номере было прибрано, светло, уютно и пахло отцом Христофором» (Чехов); «В их большом каменном доме было просторно и летом прохладно» (он же); «На сцене тихо» (Горький); «В черном жерле печи было пусто, как выметено» (он же); «В таинственных далях как утром светло» (Брюсов); «На истоптанном дворе было безлюдно» (А. Н. Толстой).

В эту же группу входят и предложения, выражающие субъективно-объективную оценку состояния обстановки и среды. Поэтому мы лексически выделяем группу оценочных безлично-предикативных слов, способных выступать сказуемым в безличных предложениях, выражающих состояние окружающей среды. При таких сказуемых возможно употребление дательного падежа местоимения (*мне, тебе, ему, нам, вам, им*) или какого-либо существительного, обозначающего живое лицо. Приводим наиболее употребительные слова этой категории: *бедно, богато, безобразно, великолепно, гадко, дурно, изящно, интересно, идеально, кошмарно, мерзко, мерзостно, нервозно, нужно, нелепо, нездорово, неряшливо, отлично, очаровательно, погано, празднично, прекрасно, парадно, почетно, прилично, пристойно, пошло, противно, плохо, похабно, приятно, привлекательно, степенно, славно, солидно, тревожно, торжественно, таинственно, угрюмо, уютно, удобно, уродливо, хорошо, хозяйственно, элегантно, эффектно* и др.

Вышеуказанные слова могут выражать как субъективную оценку, так и объективную, например: «Холодно, холодно, холодно. Пусто, пусто, пусто. Страшно, страшно, страшно» (Чехов).

Холодно, пусто, страшно — может быть не объективным состоянием, а субъективным восприятием. В этих предложениях со сказуемым обычно сочетается дополнение в дательном, либо родительном падеже или обстоятельство, например: «Удобно ли тебе в беседке?» (А. Н. Островский); «Тихо здесь, неуютно, неприглядно, но тихо, так тихо, что словно все кругом умерло» (Салтыков-Щедрин); «Спокойно, тепло и уютно кругом» (Надсон); «Кругом еще дико, и пусто, и жутковато» (А. Н. Толстой).

Может и не быть никаких обстоятельственных или дополнительных членов, например: «— Идиллия,— сказал он.— Поют и мечтают на луну. *Прелестно*, клянусь богом!» (Чехов).

Ввиду того что состояние погоды или окружающей обстановки может быть различно, то обозначение состояния выражается сравнительной формой, например: «В доме стало еще *пустее*» (Гоголь); «Он сел с большим трудом, потому что от спавших детей стало *теснее*» (Аксаков); «Все *теплее* тебе будет, дурачок,— говорил он, надевая опять на лошадь сверх веретья седелку и шлею» (Л. Н. Толстой); «Вокруг него

было все то же, но только показалось *светлее*» (он же); «В зале было еще *пустее*» (Лесков); «Гремит, гремит, и конца не слыхать.... Сейчас пройдет... *Потише* стало» (Чехов); «Становилось все *тише, ночнее*» (Горький); «У брата было *интересней...*» (он же).

К группе безличных предложений, выражающих состояние и положение окружающей среды и обстановки, относятся и такие предложения, в которых выражается состояние, воспринимаемое нашими органами зрения и слуха. Образуются эти безличные предложения из безлично-предикативных слов, которые по происхождению являются словами глагольного образования, но в современном русском языке они ближе к категории состояния, например: *видно, слышно, заметно* и др. Глагольная природа этих слов проявляется в том, что они не потеряли способности управлять винительным падежом, а при отрицании — родительным, например: *видно деревню, слышно песню* или *не видно деревни, не слышно песни, вешек не заметно.*

Эта лексически небольшая группа безлично-предикативных слов употребляется в речи в двух функциях: в качестве сказуемого простого безличного предложения и в качестве сказуемого главного предложения в сложноподчиненном предложении. Приведем примеры:

а) «Ни вздоху, ни стону не слышно» (Русская быль, «Утопленница»); «В глуши лесов не слышно жалобного пенья иволги» (Лермонтов); «Но в них не видно перемены...» (Пушкин); «Смотришь далеко, и все ничего не видно вдали» (Гончаров); «Дороги уже почти не было видно» (Л. Толстой). «Но сквозь пыль, залеплявшую глаза, не было видно ничего, кроме блеска молнии» (Чехов); «Ума особого не видно в нем» (Горький); «Там не видно тебя, моя славная» (Симонов).

б) «Слышно было, как на кухне стучали ножами, и доносился запах жареного лука» (Чехов); «И слышно было до рассвета, как ликовал француз» (Лермонтов); «Было видно, что у нее тревожно билось сердце» (Лермонтов); «Кисловатый дым разошелся, стало видно, что на полке перебита посуда» (Горький); «По их суете и порывистым фразам было заметно, что они предвидели какое-то несчастье» (Чехов).

Образуются безличные предложения из безлично-предикативных слов, выражающих состояние отношений временных и пространственных по протяженности, длительности, объему и т. д., например, из слов: *глубоко, мелко, высоко, низко, далеко, близко, просторно, тесно, широко, узко, свободно, рано, поздно, долго* и др.:

«Но уже поздно» («Письмовник» Курганова); «Но теперь уж поздно: время улетело» (Пушкин); «Уж было поздно и

темно, когда я снова отворил окно и стал звать Максима Максимовича» (Лермонтов); «Смотрите, уже поздно, холодно» (Лермонтов); «До коляски было еще далеко» (Л. Толстой); «Ой, да тут глубоко!» (Фадеев); «В наскоро выкопанных окопах было тесно» (А. Н. Толстой).

С такими сказуемыми, выраженными категорией состояния, может быть употреблено дополнение в дательном падеже; *нам поздно, мне тесно, вам далеко* и др.

3. Особую группу безличных предложений с безлично-предикативными словами на *-о* составляют предложения, выражающие физическое состояние живых существ, физическое и психическое состояние человека.

В предложениях, выражающих физическое и психическое состояние человека, в функции безлично-предикативного члена может выступать очень много слов самого разнообразного значения. Случается, что в одном и том же предложении говорится и о физическом и о психическом состоянии; поэтому можно выделить:

а) безличные предложения, выражающие физическое состояние,

б) безличные предложения, выражающие психическое состояние,

в) безличные предложения смешанного типа.

В функции безлично-предикативного слова, выражающего физическое состояние живого существа, употребляется меньшее количество слов, чем для характеристики психического состояния. В предложениях, в которых выражается физическое состояние живого существа, могут быть разные конструкции.

Одни из них могут содержать обстоятельственное слово, указывающее на место или на предмет, охваченный указанным состоянием, например: «Неприятно, смутно было у него на сердце» (Гоголь); «В глазах темно, и замерла душа» (Грибоедов); «Что ни увижу, что ни услышу, только тут (показывая на сердце) больно» (А. Н. Островский); «В его тяжелой голове путались мысли, во рту было сухо и противно от металлического вкуса» (Чехов); «Да от снежной пыли мутно в голове» (Скиталец).

Другие предложения выражают состояние самого живого существа, передают его ощущения. В предложениях этого типа нет указания на место, но содержится указание на лицо, которому приходится ощущать то или иное состояние; *лицо это выражено дательным падежом* имени существительного или, чаще, местоимения, например: «Ему и больно и смешно, а мать грозит ему в окно» (Пушкин); «Мне тошно, милая моя» (он же); «Ему было так холодно, как будто он был в одной

рубахе» (Л. Н. Толстой); «Несколько раз ему делалось дурно и проходило» (Гончаров); «Дед, мне холодно,— сказал он и не узнал своего голоса. Екатерина Васильевна рассказала ему о детях, как им здесь вольно и здорово» (А. Н. Толстой); «Голова его закружилась, ему сделалось дурно» (Л. Н. Толстой).

Нередко дательный субъекта опускается, но его пропуск чувствуется, и он легко восстанавливается, например: «Я вспомнил эту старуху и стало и бодро, и приятно» (Лесков); «Ох, тошно, так и давит грудь» (Никитин).

В предложениях, выражающих состояние живого существа или психическое состояние человека, дательный падеж может иметь не значение субъекта, а иное значение, выражаемое так называемым дательным коммодальным. Разница значений этих дательных очень ощутима. В предложениях с дательным субъекта выражается состояние того лица, которое само терпит, переносит то или другое состояние; на субъект состояния указывается дательным падежом: *мне стыдно* (ср.: *я стыжусь*), *мне зябко* (ср.: *я зябну*). Совершенно иное значение имеет дательный падеж *мне, тебе* в предложениях *мне уютно, мне удобно, мне просторно.* В таких предложениях *мне* не дательный субъекта, а дательный коммодальный, выражающий состояние объективной среды по отношению к субъекту.

Кроме дательного субъекта и дательного коммодального, конструктивной частью некоторых безличных предложений с данным значением является и винительный объекта, например: *больно руку.*

Особенно много безлично-предикативных слов, выражающих психическое состояние, тончайшие психические переживания и эмоции углубленного в себя человека. Выражение чувств и эмоций в творчестве многих писателей и поэтов часто облекалось в форму безличных предложений, выражающих душевное состояние. Ср. у Лермонтова:

«И скучно, и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...»
(«И скучно и грустно);

«Глядя на них, мне и больно и стыдно» («Пленный рыцарь»); «Душно под новой бронею мне стало» (там же); «Мне грустно потому, что я тебя люблю» («Отчего»); «Мне грустно потому, что весело тебе» (там же), «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно» («Смирновой»); «Что же мне так больно и так трудно?» («Выхожу один я на дорогу»).

Из многочисленных литературных примеров приведем некоторые, чтобы характеризовать широту употребления без-

лично-предикативных слов с данным значением: «Грустно мне будет» (Радищев); «И как приятно было мне!» (А. Болотов); «Ему было весьма неприятно» («Записки» С. Порошина); «Приятно, мило мне, любезная супруга» (Державин); «И стало страшно вдруг Татьяне» (Пушкин); «Было грустно нам, а скучно не бывало» (Крылов); «В его досаде было что-то детское: мне стало смешно и жалко» (Лермонтов); «Литвинову становилось все более и более неловко» (Тургенев); «Ей было хорошо» (он же); «Очень гадко сделалось на душе Федора Ивановича» (он же); «Мне стало скучно и как-то грустно-пусто» (он же); «Мне было так тяжело» (Герцен); «Страшно не страшно, а на душе как-то строго» (Лесков); «Мне и тебе будет обидно» (Достоевский); «И сердцу стало так тепло» (Тютчев); «Даже теперь мне совестно» (Чехов); «Мне делается невыносимо тоскливо» (он же); «Грустно мне было» (Горький); «Мне жалко их, больных, окованных цепями» (Надсон).

Как и в предложениях предыдущих групп, безлично-предикативное слово может быть выражено не только положительной, но и сравнительной формой, например: «Бывает *хуже* — с рук сойдет» (Грибоедов); «Положено было, если больному не будет *легче*, на другой день утром послать в С. за лекарем» (Пушкин); «Не знаю, отчего мне делалось все *грустнее и грустнее*» (Герцен); «Оленину становилось все *тяжелее и тяжелее*» (Л. Н. Толстой).

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО СКАЗУЕМЫМ ИЗ БЕЗЛИЧНО-ПРЕДИКАТИВНЫХ СЛОВ НА *-О* В СОЧЕТАНИИ С ИНФИНИТИВОМ

Безличные предложения, выражающие состояние и образованные из связки и безлично-предикативного члена на *-о*, могут осложняться примыкающим инфинитивом; в этом случае они изменяют свое значение. Предложение *мне весело кататься с высокой горы* по своему смыслу будет сильно отличаться от предложения *мне весело*. Если в предложениях, которые подвергались нашему анализу, в словах *грустно, весело, стыдно, тоскливо* выражалось самое состояние, переживаемое лицом, на которое указывается дательным падежом, то в предложениях *весело гулять, холодно ехать, грустно смотреть* и др. в словах *весело, грусто, холодно* выражена оценка состояния, которое возникает при действии, названном в инфинитиве. Эти сочетания двух слов выражают и самое состояние и его оценку. Несомненно, наиболее семантически насыщенным оказывается первое слово, почему оно и само по себе, без инфинитива, может выражать состояние: *грустно, тепло, весело.*

Эти конструкции из постпозитивного инфинитива со словом, выражающим категорию состояния в ее положительной или сравнительной форме, типа *весело кататься, холодно сидеть, неудобно ходить, хорошо работать утром* или *лучше работать утром* являются односоставными безличными предложениями, выражающими состояние, качественно оцененное говорящим с той или иной стороны. Такие предложения выражают субъективную оценку, а не констатацию факта.

Поэтому в конструкцию таких безличных предложений входит дательный лица, выраженный или опущенный, но всегда мыслимый. Временные различия в этих предложениях выражаются формой связки, наличествующей в прошедшем или будущем времени и нулевой в настоящем времени.

Приведем литературные примеры употребления безличнопредикативных слов с примыкающим инфинитивом и с нулевой связкой:

«Ах, невозможно сердцу пробыть без печали» (Тредьяковский); «Не трудно ли тебе носить такую ношу?» (Радищев); «Так мне с гостьми немудрено ужиться» (Крылов); «Легко ли в шестьдесят пять лет тащиться мне к тебе, племянница...» (Грибоедов); «Быть может уж недолго мне в изгнанье мирном оставаться, вздыхать о милой старине» (Пушкин); «Мне любопытно видеть его с женщинами» (Лермонтов); «Трудно быть умным и искренним в одно время» (Гончаров); «Их здесь трудно найти» (Тургенев); «Мудрено вас судить» (А. Н. Островский); «Барыню любопытно было видеть, любезнейший» (он же); «Не худо бы ему не пренебрегать своей скрипкой» (Достоевский); «Страшно и сладко жить настоящим» (Брюсов); «Трудно себя сохранить к сорока годам чистеньким и трезвым» (Чехов); «Да и вам всем, должно быть, противно на меня смотреть» (он же); «Хорошо плыть ночью по реке...» (Горький); «Нам важно во-время овладеть властью» (А. Н. Толстой).

В народной речи такие безличные предложения тоже очень распространены, например: «Женатого не сладко целовать» (Снегирев); «Легко за готовым хлебом на полатях спать» (он же); «Лихо глядеть на тебя» (Даль); «Соловушку любо слушать» (он же).

Не менее часты конструкции со связкой *быть*, например: «Но Савельича мудрено было унять, когда бывало примется за проповедь» (Пушкин); «Прежде, давно, в лета моей юности, мне было весело подъезжать в первый раз к незнакомому месту» (Гоголь); «Было стыдно рассказывать, что произошло у него с сыном» (Горький); «Ему было приятно наблюдать смятение всезнающих, самоуверенных людей» (он же); «Бесполезно было сердиться на него...» (он же).

Как показывают примеры, с инфинитивами могут сочетаться только такие безлично-предикативные слова, которые выражают ту или иную оценку действия, выраженного в инфинитиве. Сочетаясь с инфинитивом, они образуют нечто целое и начинают выражать состояние; например: *стыдно говорить, неудобно спрашивать, совестно просить, позорно отступать.* Если же инфинитив отбросить, то слова на *-о* становятся яркими выразителями категории состояния, например: *Мне весело кататься — мне весело; ей скучно сидеть одной — ей скучно.* В предложениях с инфинитивом тоже выражается состояние, но оно связано с определенным действием, которое выражено инфинитивом, а в предложениях без инфинитива выражается только состояние, присущее или наличествующее в то время, которое указано связкой.

Инфинитив может примыкать только к таким безлично-предикативным словам на *-о,* которые выражают состояние живого существа при его действии. Поэтому безлично-предикативные слова, выражающие состояние природы, среды и обстановки, не могут сочетаться с инфинитивами, так как при осложнении безличных предложений инфинитивами непременно должен быть дательный субъекта или дательный коммодальный, выраженный или мыслимый, т. е. возможный, но опущенный, например: *Нам было ветрено идти по берегу моря; Мне холодно сидеть в коридоре; Ребенку душно спать в маленькой комнате;* Ср.: «Ей было очень приятно видеть своего хозяина» (Чехов); «От его стройной фигуры и зеленой одежды трудно оторвать глаза» (он же); «Жутко было оставаться в потемках» (он же).

К ВОПРОСУ ОБ ИНФИНИТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ С ПРЕПОЗИТИВНЫМ И ПОСТПОЗИТИВНЫМ УПОТРЕБЛЕНИЕМ БЕЗЛИЧНО-ПРЕДИКАТИВНОГО ЧЛЕНА

Большую трудность в различении типа предложений и их структуры представляют предложения с одинаковым лексическим составом, но с разным порядком слов. Однородны ли такие предложения, как *Весело кататься с высокой горы* и *Кататься с высокой горы весело,* или они различны? Если различны, то в чем заключается эта разница? Чтобы обнаженнее показать строй этих предложений, упростим их, как это делает Шахматов, и поставим вопрос: адекватны ли по составу предложения *кататься весело* и *весело кататься.*

Шахматов о предложениях *уехать не удастся, кататься весело* пишет следующее: «Такие предложения можно рассматривать как безличные односоставные предложения с инфи-

нитивом в качестве дополнительного члена» [1]. Однако на следующей странице читаем: «Сопоставляя предложения *кататься весело* и *весело кататься,* видим различие в их значениях: но это различие не грамматическое, а психологическое; в первом предложении на первое место выдвинуто представление *кататься,* во втором представление *весело;* в обоих предложениях установлены в центре внимания различные представления, но отношения между представлениями остались те же и в первом, и во во втором случае» [2].

Шахматов подобные предложения считает инфинитивными двусоставными несогласованными предложениями, но с оговоркой: «Если главный член безличного предложения соответствует сочетанию признака с представлением об его наличности, то значение слова *удастся* должно было бы исключать возможность дополнения его названием признака *уехать,* так как его значение соответствует утверждению того, что признак *удастся* осуществится сам по себе, а не в зависимости и не в связи с другим признаком; равным образом, в предложении *здесь весело* название признака *весело* явно иной природы, чем в предложении *кататься весело...* Ввиду этого и принимая во внимание смысловую близость приведенных предложений к таким, как *отъезд не удастся, катанье на тройках было веселое,* я думаю, что *удастся, весело* близки по своей грамматической природе к сказуемым, откуда следует, что инфинитивы *уехать, кататься,* близки по значению к подлежащим» [3].

Следовательно, инфинитив только близок по своему значению к подлежащему. Вникнув в дальнейшие рассуждения Шахматова о природе психологической коммуникации и о способе выражения ее членов, мы замечаем, что Шахматов предложение *кататься весело* называет двусоставным, слово же *весело* считает наречием, т. е. выражением пассивного глагольного признака.

Если это предложение считать двусоставным, то инфинитив *кататься* будет подлежащим, а наречие, как пассивный признак, приписываемый инфинитиву, будет сказуемым. Став на такую точку зрения, мы должны считать двусоставными, т. е. субъектными, и такие предложения:

У Шахматова наблюдается непоследовательность в трак-

«Теперь уж мне влюбиться трудно,
Вздыхать неловко и смешно,
Надежде верить безрассудно,
Мужей обманывать грешно...»

(Пушкин).

[1] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 133.
[2] Там же, стр. 134—135.
[3] Там же, стр. 133—134.

товке таких предложений. Как понять утверждение: «Равным образом, равнозначность предложений *весело кататься* и *кататься весело* мешает признать *кататься* в первом из них дополнением или дополнительным членом, а во втором — подлежащим»[1]? В примерах предложений двусоставных он дает инфинитив в глагольном составе сказуемого и препозитивно и постпозитивно, однако он не называет инфинитив подлежащим. Таким образом, мы замечаем у Шахматова какую-то неуверенность в отнесении этих предложений к какому-либо виду предложений. Выход из этого противоречия он находит в том что психологически считает их двусоставными, так как они в главном составе имеют инфинитив, в зависимом составе — наречие, но грамматически, не называя инфинитив подлежащим, а наречие сказуемым, Шахматов совершенно отказывается классифицировать их как члены предложения, оставляя за ними наименование только морфологическое. Было бы более последовательно по традиции инфинитив называть подлежащим, а наречную форму сказуемым, тем самым утвердив двусоставность таких предложений, к чему приходит и Шахматов, говоря: «Господствующим представлением является представление об активном признаке, о действии, движении, зависимым — представление об его осуществлении, о результате действия, его обнаружении или вообще представление о состоянии. Вот те основания, которые побуждают меня признать двусоставными те предложения, в составе которых находятся сочетания инфинитива, как названия активного признака, с 3-м лицом единств. глагола, как названия состояния, или с наречием, как названием пассивного признака»[2].

К двусоставным несогласованным инфинитивным предложениям относит Шахматов и предложения, у которых предикативный член в первом составе, а инфинитив — во втором, т. е. обратная позиция членов, чем в предыдущих предложениях. Как видно, Шахматов не видит разницы в предложении от перестановки порядка членов, например: «И весело мне страх выслушивать о фрунте, о рядах» (Грибоедов); «Грустно нам слушать осеннюю вьюгу, грустно склоняться до самой земли...» (Некрасов); и с обратным порядком: «Пойдем, дела ломать впрямь трудно натощак» (Капнист), «Обуздать мысль труднее, чем всякую страсть» (Герцен); «По-моему, и участвовать на дуэли и присутствовать на ней просто безнравственно» (Чехов). Непонятно также, почему предложение «И весело мне страх выслушивать о фрунте, о рядах» (Грибоедов)

[1] А. А. Шахматов, назв. раб., стр. 135.
[2] Там же.

Шахматов ставит в ряд двусоставных, а предложения, осложненные деепричастными оборотами (которые на характер состава главных членов предложения в данном случае влияния не имеют), он ставит в класс односоставных, например: «Имея рост такой, и в свете стыдно показаться» (Крылов); «Жутко умирать в двадцать пять лет, никого не любивши» (Тургенев).

Если взять основное из этих всех предложений, очистив их от осложнений, то мы получим абсолютно тождественные конструкции с одинаковым порядком слов: *жутко умирать, стыдно признаться, весело выслушивать,* в которых находим сочетание предикативных слов с инфинитивом. На каком же основании различает эти предложения Шахматов и делит их на две группы? И надо ли их различать? Не одно ли то же *кататься весело* и *весело кататься?* Пешковский по поводу подобных предложений пишет следующее: «Может возникнуть вопрос, все ли эти предложения безличны и не следует ли и здесь прибегать иногда к «заместительному» инфинитиву? По нашему мнению, нет. Инфинитив, как мы уже говорили, так мало приспособлен для какого бы то ни было заместительства и так характерен сам по себе, что заместителем подлежащего его можно признать т о л ь к о там, где подлежащее необходимо, где безличный смысл невозможен»[1].

И тем не менее Пешковский очень тонко подмечает разницу других предложений с инфинитивом, внешне очень схожих: *Мне было холодно ехать* и *Мне было свойственно краснеть.* Высказываясь против заместительства инфинитивом подлежащего, считая его случайным суррогатом подлежащего, Пешковский, однако, признает, что указанные сочетания при полном внешнем сходстве глубоко различны внутренне. Грамматически в первом предложении он инфинитив характеризует как примыкающий член, а в другом предложении инфинитив считает подлежащим. Такие предложения различны и с точки зрения Шахматова. Если думать, что предложение — это словесное выражение психологической коммуникации, то в предложении *Мне было холодно ехать* выделяем *мне* — психологический субъект, *было холодно ехать* — психологический предикат. С точки зрения грамматической подлежащего в этом предложении нет, так как дательный падеж не может быть подлежащим, следовательно, это предложение односоставное, сказуемостное, сказуемое которого состоит из связки, безлично-предикативного члена и примыкающего инфинитива. Вся эта конструкция выражает состояние, возникшее при каком-либо процессе — «холодно ехать».

---

[1] А. М. П е ш к о в с к и й. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 6-е, стр. 333—334.

Второе предложение — *Мне было свойственно краснеть* — совершенно другого порядка. Глагол *было* сочетается не с безлично-предикативным членом, а с краткой формой имени прилагательного, которое служит сказуемым в предложении к подлежащему, выраженному инфинитивом. «Во втором предложении форма среднего рода ед. ч. связки имеет свое буквальное значение, т. е. обозначает согласование с подлежащим среднего рода ед. ч., а форма имен. пад. ед. ч. среднего рода прилагательного (*свойственно*) еще более подкрепляет это значение, так что инфинитив оказывается как раз на месте этого предуказанного и глаголом и прилагательным подлежащего. И, следовательно, сказуемое здесь лично, а инфинитив есть заместитель подлежащего»[1].

Дальше Пешковский доказывает разницу между двумя инфинитивами тем, что из первого предложения (*мне было холодно ехать*) инфинитив может быть опущен и предложение остается с полным значением, однако во втором предложении такого эллипсиса допустить нельзя, так как *мне свойственно* не выражает относительно законченной мысли. Указывает Пешковский и другие признаки различия: невозможность постановки вопроса что? к первому предложению, отсутствие связи местоимения в дательном падеже со связкой *было* и со словом *холодно*, а наличие связи только с обоими словами вместе — *было холодно*, т. е. со всей безличной конструкцией.

В итоге Пешковский приходит к определенному выводу: «Коротко говоря, в первом примере все цельно и безлично, во втором — все распадается на две части (подлежащее и сказуемое) и все лично»[2].

Однако Пешковскому, как всегда, свойственны колебания. На этой же странице он пишет, что отнесение таких сочетаний к тому или иному предложению глубоко индивидуально. Здесь Пешковский все обусловливает психологическими данными, а не грамматическо-логическими. Относительно этих конструкций когда-то сделал замечание акад. Карский: «Когда содержание составного сказуемого рассматривается в отношении к подлежащему не в тесном смысле, а в общем, тогда прилагательное обыкновенно ставится в среднем роде единственного числа. Такой способ выражения является уже первой ступенью к появлению бессубъектных предложений»[3].

В последнее время данным оборотам почти совсем не уделялось внимания. Однако еще в 1897 году в «Филологических записках» П. Козловским был поставлен вопрос: чем

---

[1] А. М. Пешковский, назв. раб., стр. 326.
[2] Там же, стр. 327.
[3] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. II, вып. 3, Варшава, 1912, стр. 73.

является инфинитив в подобных сочетаниях — подлежащим или дополнением? Решение вопроса в ту или иную сторону детерминировало бы и отнесение сочетания или в группу личных, или в группу безличных конструкций. Козловский указывает, что предложение «Приятно путешествовать, друзья мои, в стране...» (из «Писем русского путешественника» Карамзина) нельзя отождествлять с предложением *путешествовать приятно*, приравнивая оба предложения к латинской конструкции errare humanum est.

Козловский высказывается категорически против такого отождествления и указывает следующие различающие факторы: «Рассматривая оба типа предложений с психологической стороны, мы видим, что в первом внимание фиксировано на душевном явлении удовольствия, а во втором оно останавливается на внешнем действии «путешествовать» [1].

Обращает внимание Козловский и на то, что такая русская безличная конструкция находит полное соответствие и в переводе на немецкий язык:

Небось весело	Ist nun Wohl zu Muth
Глядеть батюшке	meinem Väterchen
На житье мое	mein verkümmertes
Горемычное.	Leben anzusehen.

Главным же различительным признаком этих сочетаний *(путешествовать приятно* и *приятно путешествовать)* Козловский считает порядок слов в предложении. Если в предложении на первом месте стоит сказуемое (имя прилагательное в среднем роде), то неопределенное наклонение здесь будет дополнительным словом, а такое предложение *(приятно путешествовать)* всегда (например, при переводе его на иностранные языки) сохраняет характер безличного предложения. Напротив, неопределенное наклонение, стоящее в начале предложения, служит подлежащим в предложении и легко превращается в имя существительное посредством прибавления члена, а предложение тогда делается личным: *путешествовать приятно = путешествие приятно.*

На наш взгляд, отнесение этих предложений в ту или иную группу зависит от взгляда на инфинитив. Если следовать традиции и находить возможным считать инфинитив подлежащим при любом порядке слов, то в таких предложениях, как *весело кататься,* инфинитив *кататься* — подлежащее, *весело* — сказуемое, выраженное краткой формой прилагательного, сочетающееся с подлежащим-инфинитивом. Это прилагатель-

[1] П. Козловский. Мелочи из синтаксического анализа. Филолог. зап., вып. 9, Воронеж, 1897, стр. 36.

ное *весело* стоит в среднем роде, так как в языке происходит подравнивание форм, т. е. согласование, при котором сказуемое ставится в среднем роде, как менее определенном, ввиду того что подлежащее — форма неопределенная, безотносительная к лицу, числу и падежу. Однако может быть и другое решение этого вопроса, если привлечь материалы более древнего периода языка и посмотреть, что легло в основу этих конструкций. В данном случае необходимо понять, одинаковы ли по составу эти предложения теперь. На наш взгляд, конструкции *кататься весело* и *весело кататься* различны. Другие языки также показывают различие между ними.

В английском языке такие же препозитивные инфинитивные конструкции: To speak Englisch well is not difficult (говорить по-английски хорошо — нетрудно); to have found and last it ist terrible (найти и потерять — это ужасно); to dance is pleasant (танцевать приятно) — создают личную конструкцию предложения.

И как бы мы ни разбирали эти предложения, разница в сочетаниях или в предложениях *весело кататься* и *кататься весело* резко ощутима: одна конструкция субъектна, другая бессубъектна. В предложении *кататься весело* интонация расчленения как грамматическое средство четко разбивает предложение на две части — на сферу подлежащего и сферу сказуемого, т. е. господствующее и зависимое, определяемое и определяющее. Слову *кататься* приписывается пассивный признак словом *весело,* выражающим характеристику-квалификацию. Это, главным образом, и заставляет нас считать предложение субъектным.

Против данного положения возникают довольно веские соображения у некоторых ученых, которые нельзя не принять во внимание. По их мнению, в предложении *Кататься весело* психологическим и логическим субъектом может быть любой из компонентов, грамматическим подлежащим же ни тот, ни другой компонент быть не может, так как грамматическим подлежащим может быть именительный падеж существительного, или субстантивированное слово, или субстантивированное сочетание слов. Инфинитив же *кататься* и присвязочное слово *весело* к субстантивации не склонны. И тем не менее мы полагаем, что препозитивный инфинитив в сочетании с безличным предикативным словом на *-о* по многим признакам является двучленной конструкцией, а следовательно, и субъектной. Какие же признаки делают эту конструкцию субъектной?

Прежде всего эту конструкцию мы членим интонационно — в этом сомневаться нельзя. Следовательно, здесь два члена, два состава, хотя лица. как действующего агента, здесь

нет; например, в предложении «Шутить либерализмом было опасно» (Герцен) мы выделяем: *шутить либерализмом* — состав подлежащего, *было опасно* — состав сказуемого. Следовательно, *было опасно* является определяющим, предицирующим признаком подлежащего. А два состава предложения соответствуют психологически двум членам коммуникации, логически двум членам суждения,— следовательно, в них есть субъект и предикат.

Но даже отрешившись от логико-психологической соотнесенности, мы не можем, однако, не признать двучленности предложения из-за его членимости на определяемое и определяющее, из которых и получается предикативное сочетание. Признав двучленность, мы должны объяснить взаимосвязь, значение и форму этих двух членов. Если мы можем установить между ними синтагматическую связь как определяемого и определяющего, то возникает трудность в установлении грамматической связи, так как обба члена лишены форм словоизменения.

Из этого, казалось бы, противоречащего одно другому положения, нас должно вывести правильное понимание единства формы языка и мышления. Если понимать категории языка как формирование и выражение каких-то определенно выделившихся понятий, то и понятие субъекта возникло и оформилось в сознании человека в течение практической деятельности многих тысячелетий. Изменялись формы деятельности, изменялись, уточнялись категории мышления, изменялся язык. Изменение языка в грамматическом отношении выражается не только в медленном исчезновении и разрушении одних формальных категорий, но и в образовании других. Инфинитив в давнее время не мог служить формой для выражения субстанции, так как он был формой косвенного падежа, следовательно, объектом. Инфинитив не получил этой возможности и тогда, когда он стал названием глагольного признака, или глаголом в широком смысле слова [1]. Но когда этот глагольный признак, не осложненный ни формой лица, ни формой времени, стал мыслиться не как название действенного процесса, а лишь как название деятельности, которую можно представить себе оторванной от деятеля, как нечто, которому стало возможно приписывать признак или давать характери-

[1] Ф. Ф. Фортунатов («Сравнительная морфология», М., 1891—1892, стр. 81—82) писал: «Инфинитив есть глагольное слово, которое не имеет формы словоизменения и в котором признак, обозначаемый глагольной основой, обозначается в его отвлечении от субъекта... Поэтому инфинитив в отдельных индоевропейских языках вместе со спрягаемым словом и с причастием представляет то, что называется глаголом в широком смысле этого термина».

стику данного названия деятельности, тогда инфинитив в подобных предложениях стал осознаваться как нечто предицируемое другим определяющим словом, т. е. логически — как предмет суждения, грамматически — как подлежащее.

Поэтому те конструкции, которые не членятся, но имеют препозитивный инфинитив, нельзя считать субъектными предложениями, и только те конструкции, в которых вторая часть является высказыванием по поводу того, что выражено в первой части, и ей противополагается, т. е. те конструкции, которые четко делятся на два члена, можно считать субъектными; в них подлежащее и сказуемое находятся в смысловой связи[1], но с нулевыми формами связи грамматической. Эту связь нельзя даже назвать примыканием, так как она другого порядка, она обусловлена господством одного члена предложения и подчиненным положением другого, но в смысловом, а не в грамматическом аспекте.

Поэтому наряду с такими предложениями, какие мы приводили, вроде *весело кататься* (ср.: «Как горько умирать» Брюсов), где предложение цельно, монолитно и выражает ощущения и эмоции, имеются предложения, где членение на две части четко и определенно, например: «А за стариком-то жить не худо» (Радищев); «Теперь ехать приятно и прохладно» (Гоголь); «Тебе шутить легко» (Крылов); «Не жить, как ты, мне стало больно» (Лермонтов); «Напраслину-то терпеть кому же приятно?» (А. Н. Островский); «Изменять своему мужу — это безнравственно» (Чехов); «В настоящее время иметь капитал невыгодно» (он же); «Но умирать вам будет страшно» (он же); «Смотреть на вас и страшно мне, и больно» (Фет); «Пасть перед роком не менее сладко» (Брюсов); «С высоты и заметить трудно» (Ставский); «Подойти к брату было страшно» (Горький); «Жениться на мне очень трудно» (А. Н. Толстой).

Необходимо, однако, отметить, что не только порядок следования членов в предложении влияет на природу и характер предложения. Часто инфинитив стоит на первом месте, однако членить предложение нельзя, например: «Ажно вспомнить страшно» (Карпов); «Глядеть любо» (Чехов), ввиду того, что здесь особая интонация, не выделяющая двух членов.

Но такие предложения мало употребительны. Обычно же препозитивно поставленный перед безлично-предикативным

[1] Нам представляется очень ценным и верным следующее высказывание Л. В. Щербы по поводу связи таких членов: «Устанавливается между двумя констатированиями некая логическая связь, но не временная и не причинная, а связь логических подлежащего и сказуемого» (Л. В. Щерба. Фонетика французского языка, Учпедгиз, 1937, стр. 118).

членом инфинитив образует предложения, которые четко членятся интонационно, тем самым обнаруживая двусоставность.

Безличные предложения, образованные из безлично-предикативного слова и примыкающего к нему инфинитива, очень распространены и употребительны. Семантически эти предложения довольно узки, так как могут иметь только одиночно-модальное значение. С инфинитивами сочетаются только такие безлично-предикативные слова, которые выражают эмоционально-этические действия или оценку физического состояния при действии, обозначенном в инфинитиве, например: *неудобно ругаться, необходимо ехать на целину* или *холодно сидеть на улице.* На первый взгляд эти безлично-предикативные слова близки к наречиям, потому что они служат определяющими инфинитив — форму глагола. Но войдя в сочетание с инфинитивом, они образуют нечто целое, которое все вместе выражает состояние: *стыдно говорить, неудобно просить, позорно отступать.* И главное значение заключено не в инфинитиве, а в безлично-предикативном члене, вследствие чего можно инфинитив отбросить, но значение состояния будет выражено одним предикативным членом, только без указания на то, при наличии какого действия возникало такое состояние: *стыдно..., неудобно..., позорно...* и т. д.

Было бы ошибочным полагать, что всякое безлично-предикативное слово способно сочетаться с инфинитивом и способно образовывать такую конструкцию. Инфинитив сочетается только с такими безлично-предикативными словами на *-о,* которые выражают состояние живого существа при его действии. Например, слово *красиво* не может сочетаться с инфинитивом как безлично-предикативная часть, а может только характеризовать инфинитив как наречие. Можно «красиво одеваться», «красиво писать», но построить безличное предложение, в котором *красиво* или *пестро* было бы безлично-предикативным словом, выражающим состояние, невозможно, и в изучаемых материалах таких предложений нам не встретилось.

С другой стороны, необходимо отметить, что не всякое наречие на *-о* может выступать безлично-предикативным членом. Есть ряд наречий, которые не могут ни в какой позиции выражать сказуемое, а поэтому и не могуть образовывать двучленного предложения; например, *бежать быстро* нельзя расчленить так, как можно членить *курить — вредно.*

Другая часть слов подобного значения не может выступать сказуемым в составе сложноподчиненного предложения, в то время как некоторые слова выступают в той и в другой функции. Так, например, слова *интересно, прекрасно, удобно, хорошо, странно, понятно* и др. выступают сказуемым в глав-

ном предложении, подлежащим к которому служит придаточное предложение, например: *Мерзко, что она бьет ребенка; Нелепо, что он едет с нами; Прекрасно, что ты знаешь об этом; Удобно, что наши комнаты рядом;* Ср: «Очевидно было, что Савельич предо мной был прав» (Пушкин); «Известно, что сочинители иногда под видом требования советов ищут благосклонного слушателя» (он же); «Понятно, что здесь уже нельзя было отделаться более или менее блестящими репликами» (Добролюбов); «На дворе даже заметно было, что метель разыгралась еще сильнее» (Л. Н. Толстой).

Слова, выражающие состояние природы, среды, обстановки или выражающие временные и пространственные отношения, к таким конструкциям не способны; нельзя сказать: *холодно, что...; далеко, что...; уютно, что...*

Таким образом, безлично-предикативные слова, или категория состояния, всегда выступающая сказуемым, способны образовать такие синтаксические конструкции: 1) *мне грустно;* 2) *грустно думать о былой молодости;* 3) *грустно, что молодость уходит;* 4) *думать о прошлом грустно.* Ср.: *нам смешно; смешно надеяться найти давно потерянное; смешно, что ты все теряешь; надеяться найти давно потерянное — смешно.*

Значит, безлично-предикативный член, или категория состояния, выступает 1) сказуемым простого безличного предложения без инфинитива, 2) с инфинитивом, 3) сказуемым главного предложения, 4) сказуемым в личном предложении при инфинитивном подлежащем [1].

По-видимому, можно и нужно различать инфинитивные конструкции с безлично-предикативным членом препозитивным и постпозитивным. Если безлично-предикативный член стоит впереди инфинитива и предложение не способно интонационно членениться (*вредно курить*), то такое предложение безлично. Предложения с обратным порядком слов и с паузой сказуемого двусоставны, и инфинитив в них является подлежащим.

[1] Нельзя считать «грустно» в четвертом случае краткой формой прилагательного, так как инфинитив, будучи способным быть подлежащим, не становится именем существительным в русском языке, вследствие чего и «грустно» не является прилагательным.

ГЛАВА XI

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ИЗ БЕЗЛИЧНО-ПРЕДИКАТИВНЫХ МОДАЛЬНЫХ СЛОВ

Как было сказано выше, под модальностью мы понимаем выражение отношения говорящего к достоверности явлений действительности. Говорящий, сообщая другим о каком-либо факте объективного мира, выражает при этом и свое отношение к нему или как действительно существующему, или как возможному, или как необходимому.

Модальное значение в языке может быть выражено разными способами: морфологически, лексически и синтаксически. Один из ярких способов выражения модальных отношений — это модальные слова.

Модальные слова, выражающие отношение к действительности, образуют безличные предложения. К таким словам относятся: *можно, нужно, должно;* в сочетании с инфинитивом: *можно найти, нужно сказать, должно видеть.*

Модальные слова в безличных предложениях служат безлично-предикативными членами, т. е. сказуемыми. Безлично-предикативные члены, образующие безличные предложения с модальным значением, делятся на четыре основные группы, в которых могут быть различные оттенки:

1) модальные слова, утверждающие тот или иной факт действительности: *действительно, верно, безусловно, очевидно, подлинно, несомненно, точно;*

2) модальные слова, утверждающие возможность или невозможность: *можно, возможно, вероятно, нельзя, невозможно;*

3) модальные слова, утверждающие необходимость и долженствование: *нужно, необходимо, должно* [1].

Предложения, образованные с названными предикативными членами, относятся к предложениям с именным сказуемым, о чем свидетельствует наличие связки в прошедшем или будущем времени; ср.; *надо было сходить, можно будет сходить*, и в настоящем времени — с нулевой связкой: *надо сходить*.

Модальные слова *нужно, должно, можно, истинно, подлинно* и др. в науке определялись по-разному. Одни лингвисты относили их к глаголам, другие считали наречиями, третьи смешивали их с частицами. Уже Востоков чувствовал иную природу этих слов и относил к безличным глаголам такие слова, как *должно*. Он писал, что безличными бывают также составные глаголы, требующие вспомогательных *есть, было, будет* и состоящие из причастий страдательных или из прилагательных среднего рода, и в числе примеров он указывал на слова *можно* и *должно* [2].

Некрасов в своей книге «О значении форм русского глагола» примкнул к востоковской концепции. После и Богородицкий уже прямо писал, что «безличные предложения именного происхождения, как *жаль, можно, нужно*, теперь являются для чутья уже глаголами или глагольными частицами» [3].

Особенно охотно присоединился к мнению Востокова Шахматов, и после Шахматова лингвистическая мысль твердо пошла по указанному пути в анализе этих слов. Пешковский слова *можно, надо, должно*, которые внешне похожи на краткие прилагательные среднего рода, относит к предикативным членам, не высказывая, однако, определенного мнения, какая же это часть речи. Бесспорно, что все подобные слова функционируют как предикативно-безличные члены и что в этом проявляется их синтаксическая функция, но важно выяснить, какую же морфологическую природу они имеют.

На примерах мы видим, что слова *должно, можно, нужно, необходимо* могут синонимически заменяться глаголами *подобает, надлежит* и др.

Эта общность с глаголами проявляется не только в лекси-

---

[1] В круг модальных безлично-предикативных слов мы включаем только слова, выражающие логическую оценку достоверности явлений, отнюдь не смешивая со словами оценки с эмоционально-экспрессивной стороны.

[2] См. А. Х. Востоков. Русская грамматика, СПб., 1839, ч. I, гл. IV, стр. 109.

[3] В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики, изд. 5-е, 1935, стр. 219.

ческом отношении. И синтаксическая функция роднит устарелые глаголы *подобает, надлежит* с указанными модальными словами: как те, так и другие являются безлично-предикативными членами составного сказуемого и сочетаются обычно с инфинитивом. Морфологически эти слова имеют с глаголами то общее, что выражают вместе со связкой или без нее временные значения: *нужно будет ехать, нужно было ехать, нужно ехать.* Но все же морфологически это не глаголы; это только еще намечающаяся категория, не успевшая приобрести морфологическо-индивидуальной определенности, хотя несомненно, что эти слова, теряя свои прежние морфологические черты, начинают приобретать новые в силу новой синтаксической функции.

Если они были прежде связаны с именами прилагательными (ср.: *нужно* и *нужный, должно* и *должный*), то теперь уже эта соотносительность у некоторых из этих слов теряется. Так, например, *надо, надобно, можно,* уже не имеют форм полного образования. Следовательно, эти слова оторвались от прилагательных, но, конечно, они не стали наречиями, как полагают многие. Этими словами и выражается значение модальности: действительности, возможности, необходимости и долженствования.

Следовательно, эта вновь осознанная категория (сравнительно недавно) пока еще не имеет особых, ярких морфологических признаков.

Синтаксическая функция у них одна: все эти слова в сочетании с инфинитивом всегда выражают безлично-предикативный член, т. е. служат сказуемым в безличном предложении, например, *нужно пойти, можно сказать, нельзя шуметь, невозможно усидеть, надо учиться, должно спасти;* иногда они употребляются одиночно: *надо, можно, должно, верно* и т. д. И только некоторые слова, например, *возможно,* употребляются и в функции «вводного слова», которое, по всей вероятности, является осколком целого вводного предложения — *возможно думать, возможно предположить* и т. д.

Итак, эта группа слов в сочетании с инфинитивом выражает интеллектуально-волевые проявления человеческой психики, и связка при них выражает формы времени, что и сближает все речения подобного рода с глагольными формами императивно-желательного наклонения. Сближает с функцией глагола эти слова и то, что конструкции, построенные со сказуемым из этих слов, могут быть более субъектными (в логическом плане) при наличии дательного субъекта и более объектными, если дательного субъекта нет. Ср.: *мне нужно читать* и *нужно читать,* т. е. вообще читать. В языке бытуют и те и другие формы.

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Модальные безличные предложения, выражающие отношение к действительности, обычно облекаются в форму утвердительных односоставных предложений, являющихся ответом в диалогической речи на поставленный вопрос или подтверждением сказанного. Например: «Я надеюсь, государи мои, что вы были учтивы против иностранных господ? — Конечно! — отвечали они со смехом» (Карамзин, «Письма русского путешественника»). «Насильно мил не будешь».— «Конечно» (Чехов).

«Ты ее не любишь»,— тихо сказал он. «Верно!» — насмешливо согласился Сердюков» (Горький).

Однако эти слова не всегда являются словами-предложениями, выражающими отношение субъекта к объективной действительности. Они могут быть вводно-модальными словами, не являющимися предложениями. Не входя в самую структуру предложения, они являются только выразителями отношения к высказанной мысли.

Безличные предложения, выражающие отношение к действительности, могут быть категорически утвердительными (со словами *конечно, верно*), с оттенком вероятности (со словом *вероятно*). Например: *Конечно, сегодня холодно. Завтра, вероятно, будет еще холоднее.*

Отличительной чертой этих модальных слов является невозможность их сочетаться с инфинитивом, а также с какой-либо связкой [1]. Их смысловой характер как предложений близок к утвердительному *да,* которое лишено лексической характеристики и служит простым утверждением любого содержания речи.

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ЗНАЧЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Под категорию возможности подводят те отношения, которые еще не действительны, но могут стать действительными. Поэтому модальная категория возможности может быть двух видов: категорией гипотетической, основанной только на предположении, на вероятности, и категорией возможности, основанной на уверенности, что эта возможность станет действительной. Указанные значения и выражаются словами *можно, возможно.*

---

[1] Эти модальные слова, являясь целым предложением, не способны распространяться другими словами.

Обычно безличные предложения образуются из этих модальных слов и нулевой или наличной связки и примыкающего инфинитива. Таким образом, сказуемое в них выражено не глагольной формой, а именной, хотя имя здесь своеобразного характера: оно является именем только по происхождению. Следовательно, такие предложения можно отнести, как и предложения с безлично-предикативными словами состояния, к предложениям с именным типом сказуемого. Связка в этих предложениях выражает обычную функцию показателя временных значений. Инфинитив выражает содержание того процесса, который и окрашивается в модальный оттенок словами *можно* и *возможно*.

По характеру модальных слов, употребленных в предложении, эти предложения распадаются на три группы:

а) безличные предложения, выражающие прямую возможность того действия, которое выражено в инфинитиве;

б) безличные предложения, выражающие вероятную, проблематическую возможность того действия, которое обозначено в инфинитиве;

в) безличные предложения, отрицающие возможность действия, указанного в инфинитиве.

Первая группа предложений, утверждающая возможность, строится с модальными словами *можно, возможно,* архаическим *льзя,* например: «По камням, образующим над нею высокий свод, *можно ходить* без всякой опасности» (Карамзин); «*Делить* со всяким *можно* смех» (Грибоедов); «*Быть можно* дельным человеком и думать о красе ногтей» (Пушкин); «*Можно было пройти* по всему дому насквозь и не встретить ни души» (Гончаров); «Мы знаем заране, что обо всем *можно спорить* до бесконечности, и потому не спорим» (Лермонтов); «Дорога вся была заметена, и *можно было знать,* что не сбился, только по вешкам» (Л. Н. Толстой); «По его истомленному виду, по неверной походке, по запыленной одежде *можно было бы предполагать,* что он успел обежать пол-Москвы» (Тургенев); «О, если, б без слова *сказаться* душой *можно было!*» (Фет); «На дворе накрапывал дождь, было очень темно, и только по хриплому кашлю Пантелеймона *можно было угадать,* где лошади» (Чехов); «Такими руками *можно делать* все» (Горький).

Вторая группа безличных предложений, выражающих предполагаемую возможность, строится с теми же модальными словами, но осложняется вопросительной интонацией и вопросительными частицами, например: «Ночь целую с кем *можно* так *провесть?*» (Грибоедов); «*Можно ли* ему *верить?*» (Пушкин); «Как *можно быть здоровой?*» (Л. Н. Толстой); «Твою соломенную шляпу *можно надеть?*» (Чехов).

Некоторые предложения, помимо модального значения предполагаемой возможности, выражают и оттенки неуверенности, сомнения, недоверия и др. Однако такие предложения по структуре остаются теми же, а добавочные оттенки выражаются или интонацией, или добавочными средствами — частицами *ли, едва ли, неужели, ведь* и др.; например: «Мне кажется, никто еще не описал верно любви и *едва ли можно описать* это нежное, радостное, мучительное чувство» (Чехов).

Вопросительные предложения, построенные с модальным словом *возможно,* в современном русском языке почти уже не встречаются, хотя в XVIII и начале XIX века эта форма преобладала, например: «Возможно ль быть тому?» (Ломоносов, Тамира и Селим).

В языке более поздних писателей модальное слово *возможно* употребляется чаще в книжной речи, например:

«Однако же речь о крестьянке
Затеяли мы, чтоб сказать,
Что тип величавой славянки
Возможно и ныне *сыскать*»

(Некрасов).

В современном русском языке слово *возможно* выполняет функцию вводного слова.

Безличные предложения, выражающие невозможность действия посредством модальных слов *нельзя, невозможно* и др., могут быть и утвердительными, и вопросительными. Отрицание возможности действия, названного в инфинитиве, наиболее часто выражается модальным словом *нельзя,* например: «...О ком ни *написать,* ни *рассказать нельзя* красиво» (Державин); «Тебе *нельзя быть* моим мужем» (Карамзин); «Мне *нельзя не верить* словам твоим» (он же); «*Скрывать* лицо под маской душной *нельзя* девице молодой» (Баратынский); «*Потешить* нас *нельзя ли?*» (он же); «*Нельзя не пожалеть,* что с этаким умом... *Нельзя ли пожалеть* о ком-нибудь другом...» (Грибоедов); «Ей *нравиться* долго *нельзя...*» (Лермонтов); «*Нельзя* этому *быть-с,* по расчету не выходит-с» (А. Н. Островский); «О путешествии *нельзя было* и *думать*» (Достоевский); «Ты больна, и тебе *нельзя* после заката солнца *быть* на воздухе» (Чехов); «Тебе *нельзя спать* где попало» (Горький); «*Нельзя уйти* от этих воспоминаний, они всегда настороже» (А. Н. Толстой).

Отрицание возможности, как показывают материалы, чаще выражается словом *нельзя.* Однако встречаются предложения и со словом *невозможно,* например: «Вокруг стоял уже такой густой туман, что дальше вытянутой руки ничего *различить было невозможно*» (Адамов).

В языке писателей XVIII и начала XIX века встречается модальное слово *можно* с отрицательной частицей *не,* например: «От тебя *неможно отлюбиться*» (Дневник поручика Васильева); «Ах, *неможно* сердцу *пробыть* без печали!» (Тредьяковский); «*Не можно* ли нам их, сестра, к себе *причислить?*» (Державин); «Теперь на улицу *неможно показаться*» (Хемницер); «Лисе *идти неможно*» (И. Дмитриев); «В мои года *не можно сметь* свое суждение иметь» (Грибоедов).

Однако уже у Пушкина и других писателей мы видим употребление модального *нельзя* или *невозможно;* последнее употребляется больше в книжной речи, например: «Как будто нам уж *невозможно писать* поэмы о другом» (Пушкин); «*Невозможно было ехать*» (он же); «*Понять невозможно* ее, зато не любить невозможно» (Лермонтов); «Не зная планов Термосесова, *объяснить* себе этого *невозможно*» (Лесков).

В современном языке *можно, нельзя* стали употребляться без инфинитива, приняв на себя силу предикации, например: *Я пойду с тобой... можно? — Можно, можно* [1].

Слово *льзя* в положительном значении без отрицательной частицы *не* теперь употребляется только в говорах, в то время как в XVIII веке и даже в самом начале XIX века *льзя* встречалось в языке крупнейших русских писателей, например: «*Льзя ли было ожидать* сей хитрости в Прилепе?» (Державин).

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ЗНАЧЕНИЕ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ И НЕОБХОДИМОСТИ

Безличные предложения, выражающие необходимость, долженствование, конструируются со словами *нужно, надо, необходимо, должно* и др., которыми, собственно, и выражается модально-волевое значение; в примыкающем к ним инфинитиве только лексически выражается содержание того, что нужно делать.

Предложения, выражающие необходимость, нужно отличать от предложений, выражающих долженствование, так как они имеют различный смысл. Как было уже сказано выше, необходимость может быть субъективной, осознанной с точки зрения субъекта, и объективной, обусловленной внутренней закономерностью совершающегося действия или явления в действительности. Только объективная необходимость рождает понятие долженствования (долга). В языке понятия необходимости и долженствования часто смешиваются, и слова

[1] Пример заимствован нами из книги В. В. Виноградова «Русский язык».

нужно и *должно* иногда не дифференцируются. Однако различие этих слов настолько существенно, что способность к сочетанию с другими компонентами предложений у них разная: *нужно, надо, необходимо* сочетаются не только с инфинитивом, модализируя его, но и с родительным падежом в положительной или отрицательной конструкции, например: «Не нужно золота ему» (Крылов); «надо муки», «надо хлеба» и т. п. (просторечие).

Слово же *должно* сочетается только с инфинитивом. В настоящее время *должно* в предложениях употребляется гораздо реже, нежели в языке XVIII и первой половины XIX века, когда безличные предложения со значением долженствования строились не с глаголами *следует, полагается,* как это наблюдаем теперь, а со словом *должно,* например: «*Должно* к этому *прибавить,* что ей трудно день пробавить без хмельного питьеца» («Трутень»); «Чему *должно* больше *подражать?*» («Живописец»); «Не так ли, как во всем красавице *быть должно?*» (Державин); «Другой дорогой *идти* нам *должно*» (Баратынский); «Мне *должно* после долгой речи и *погулять* и *отдохнуть*» (Пушкин); «В эту тихую, лунную ночь созерцанию *должно предаться*» (Некрасов).

В более позднее время безличные предложения с модальным словом *должно* встречаются очень редко, чаще в поэтической, стилизованной речи, например: «Мне *должно* хоть сутки одни *поговеть* и богу грехи *исповедать*» (Брюсов).

Модальные слова *надо, нужно* в современном языке чаще сочетаются с инфинитивом, выражая необходимость осуществления того действия, которое названо в инфинитиве, например: «Мне *надо ехать* к коменданту» (Лермонтов); «— Вправо *ехать надо,*— сказал он решительно» (Л. Н. Толстой); «Чтобы хорошо узнать свойства жизни растения, *надо изучать* его на той почве, на которой оно растет» (Добролюбов); «Да ведь *нужно платить* рабочим» (Чехов); «*Надо будет* его *содержать,* пожалуй, захочет поселиться у меня» (А. Н. Островский); «*Уехать* тебе *надо* отсюда» (Горький).

В художественной литературе последнего времени слово *надобно* почти не употребляется, в то время как в XVIII в. и в первой половине XIX в. оно часто употреблялось, например: «За это *надобно* на него *закричать* по первому и по второму пункту» («Жизнь Гаврилы Добрынина»); «*Надобно* самому *пожить*» («Трутень»); «Мне *не надобно* лишнего» (Карамзин); «*Надобно* тебя *послушаться*» (он же); «*Надобно поспешить*» (Пушкин); «А *надобно заснуть*...» (Лермонтов); «Сверх того, *не надобно забывать,* что я тогда был совершенно увлечен политическими мечтами» (Герцен); «*Расказнить* его *надобно* на части» (А. Н. Островский).

В произведениях современных писателей *надобно* встречается довольно часто только у Горького, например: «Мне прибираться *надобно*» («Рождение человека»); «Мне *надобно* идти» («Страсти-мордасти»).

В современном русском языке для выражения значения необходимости употребляется также модальное слово *необходимо*. Это слово, видимо, не столь давнего образования, так как оно начинает встречаться только в 60—70-х годах XIX в. в художественной литературе в значении модального слова.

В «Материалах для словаря древнерусского языка» у Срезневского этого слова не указано ни в одном значении. В «Материалах для словаря и грамматики» Востокова указано слово *необходимо*. В «Словаре церковнославянского и русского языка» II отд. Акад. наук (1847 г.) во 2-м изд. 1867 г. мы встречаем *необходимо* с пометкой «наречие» и с примером: «Для соблюдения здоровья необходимо нужны движения и воздержание».

Приведем литературные примеры: «Ловят карасей по преимуществу сетью или неводом, но чтобы ловля была удача, *необходимо иметь сноровку*» (Салтыков-Щедрин); «И доктору Старцеву... тоже говорили, что ему, как интеллигентному человеку, *необходимо познакомиться* с Туркиным» (Чехов); «Мне *необходимо поговорить* с вами, я должен объясниться» (он же).

Кроме главных конструктивных частей этого типа предложений, определяющих предложения как модальные по характеру и безличные по структуре, т. е. кроме модальных слов *нужно, должно, необходимо, можно, невозможно, нельзя* и примыкающего к ним инфинитива, в этих предложениях могут быть и другие члены предложения. Эти члены предложения, употребляемые в таких предложениях, могут уточнять, раскрывать, определять другие стороны явлений действительности.

Так, например, введение дополнения указывает, зачем, кому нужно и для кого возможно то действие, которое обозначено в инфинитиве: «Мне необходимо поговорить с вами...» (Чехов).

При дательном субъекта, употребленном в предложении, необходимость действия становится субъективной, хотя эта субъективная необходимость может быть в конечном результате и объективной необходимостью.

Характер инфинитива, его лексическое значение и значение переходности обусловливают наличие или отсутствие дополнения к инфинитиву, например: «Надо будет и ему дать какую-нибудь часть» (А. Н. Островский); «Врагам-то прощать надо, сударь» (он же).

Введение второстепенных обстоятельственных слов раскрывает место, время, цель и причину, образ действия, например: «Уходить надо отсюда мне...» (Горький).

Однако вводимые в предложение второстепенные члены не могут поколебать основного характера предложений ни по значению, ни по структуре.

В народном языке, как в диалектах, а также в народно-поэтическом языке мы встречаем те же средства выражения модальных значений.

В народно-поэтической речи *надобно* встречается в функции несогласованного сказуемого или в функции безличного сказуемого в особых конструкциях, например: «Мне-ка надобно своя-то родна матушка»; «А мне эта твоя рученька не надобно»; «Мне надобно на сем свете слава сосьветная» (Васильев, О языке беломорских былин).

Наряду с *надобно* встречается в языке северных былин сокращенная форма *наб*: «Наб нам поставить буйны головы» (Гильфердинг, Онежские былины).

Однако чаще в былинах употребляется или *нужно,* или *надо:* «Нужно взять неродная скотинная кость» (Колосов, Заметки о языке и народной письменности); «Пойти надо в сыру мать-землю церьвам на стоцение» (Песни русского народа, запис. Истоминым).

Эти конструкции часто встречаются в диалектах северно-русского говора.

В языке сказок, былин, пословиц и поговорок модальные слова *надо, нужно, можно, нельзя* и *льзя* также являются основным конструктивным элементом при создании модальных безличных предложений. Модальные слова *невозможно* и *надобно* встречаются очень редко. В северных говорах встречается модальное слово *надоть* и сокращенно *нать,* например: «Мне спасти-то теперь надоть душа грешная» (Макаров, Беломорские былины); «Написать-то ведь нать нам скоро грамотка» (там же).

Но обычно в народной поэтической речи употребляются те же самые модальные слова, что и в литературном языке, например: «А нам нужно попасть через реку» (Коргуев, Беломорские сказки); «Теперь нам нужно кому-нибудь спуститься и убить его там» (там же); «Нужно силу сгонять» (там же); «Нет, тянуть его все-таки надо» (там же); «Мне больше ничего не надо» (там же); «На Русь Ивану Сосновичу лететь далеко, надо большие запасы иметь» (там же); «А лететь надо целое море» (там же). «Андрею надо отдыхать и идти утром на работу» (там же) [1].

[1] Русские сказки, т. I, изд. АН СССР.

В диалектах предложения необходимости выражаются такой же конструкцией, например: «Надо мука сеять»; «Надо репа сеять» (Н. Гринкова, К диалектолог. Ленингр. губ.); «Половина надо гор'ушка на радость положить» (Частушки, зап. Н. Гринковой); «Надо заплата накропать» (Диалект. сборн. под ред. Ягодинского); «Косить трава надо» (там же); «Нужно утка»; «Нужно грамматика знать»; «Скоро надоть каша тебе хлебать»; «Наить ноцка спать перва»; «Учить нать жона»; «Нужно ему ошшо бутылка купить»; «Надо было новая простыня принести»; «Надо лошадка прокормить»; «Трава косить нужно»; «Вам нужно карта снять»; «Надоть ехать пашня пахать» (Мансикка, О говоре Шенкурского уезда, Архан. губ.).

В диалектах и в языке фольклора мы часто встречаем конструкцию безличных модальных предложений, образованную из модального слова, примыкающего инфинитива и имени существительного именительного падежа женского рода на *-а*, указанного выше типа: *надо репа сеять,* или с пропущенным инфинитивом: *нам надо работница.*

Нельзя обойти молчанием этот оригинальный оборот: инфинитив + именительный женского рода. Это очень характерная форма, которая до настоящего времени бытует в северных русских говорах и, являясь специфической его чертой, была очень распространена и в древнерусском языке, но в особых стилях — приказных или в языке произведений юридического характера: законодательных актов, судебников, официальных донесений и др.

В наше время в говорах этот именительный по форме, а по значению винительный падеж образует вместе с инфинитивом безличное предложение, выражающее модальное значение: *надо баня топить.* Эта конструкция в говорах распространена довольно широко.

В. В. Владимиров, изучая материалы, относящиеся к северновеликорусским говорам, отмечает, что этот оборот свойственен именно северновеликорусскому наречию. Он приводит многочисленные примеры таких сочетаний из этих материалов: «Келия здати»; «Утвердити рука ему»; «Улица проходити»; «Чем бы ей кукушке зима прожить» [1].

Шевырев во время своей поездки в Кирилло-Белозерский монастырь также наблюдает эти формы вроде: «Кунья шуба шити», «баня топити» и др. [2].

---

[1] В. В. Владимиров. Несколько данных для изучения северновеликорусских нар. говоров XVI—XVII вв. по рукописи Соловецкой библиотеки, стр. 109.

[2] Шевырев. Поездка в Кир.-Белозер. монастырь, ч. II, стр. 109.

А. М. Селищев отмечает: «В употреблении на северо-востоке Европейской России сочетание именительного при инфинитиве преимущественно. Такие синтаксические сочетания употребляются в случаях выражения необходимости, повеления. В некоторых говорах только в этих случаях и употребляется именительный при инфинитиве. Выражения повеления, необходимости были первоначальными условиями, в которых развились эти конструкции, например: «Нужно косить трава»; «Севодни можна баня топить, али нет?» (Шенкурск. уезд); «Надо земля подбаранивать» или «Надо взять шуба»; «Береза срубить»; «Мне надо кожа»; «Куда девать девицья красота?»; «Надо взять одна елка и береза»; «Надо та шуба починить» (Камышл. уезд) [1].

Н. П. Гринкова в исследовании говоров Ленинградской обл. встречала те же формы именительного вместо винительного при инфинитиве [2].

С. А. Копорский также указывает на эту синтаксическую черту не только в случаях выражения необходимости и повеления, но вообще при инфинитиве и даже при изъявительной форме глагола, например: «Надо подвода сдать»; «Неделя ходить надь»; «Надэ голова заживлять»; «С тебя бутылка надэ»; «Дорогому мойому надэ благородная»; «Рыба много ли привезено?»; «Из-за десна тащить зуп» и др. [3].

Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров [4] также указывают на бытование данной формы в Ветлужских говорах. В Горьковском крае, в районах Красно-Бакинском, Семеновском, мы сами также наблюдали именительный при инфинитиве вместо винительного. Указывает на это же явление и Еремин в описании Уломского говора, например: «Надо вся связь»; «Топить баня»; «Носить вода»; «Надеть шуба»; «Косить трава»; «Срубить береза» и т. д. [5].

Еремин при составлении карты распространения этой конструкции отметил очень широкое поле, где бытует этот оборот, а именно: Архангельскую, Вологодскую, Новгородскую, Тверскую, Ярославскую, Иркутскую, Акмолинскую области.

Из ответов на диалектологическую программу Академии

---

[1] А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири, стр. 262—263.

[2] Н. Гринкова. Очерки по русской диалектологии. Изв. Акад. наук, Отд. русск. яз. и слов., т. XXX, 1925.

[3] С. А. Копорский. О говоре севера Пошехонско-Володарского уезда, Ярославской губ., 1929, стр. 56—57.

[4] Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Говоры Верхнего Поветлужья, Н.-Новгород, 1931.

[5] С. А. Еремин. Описание Уломского и Ваучского говора Череповецкого уезда, Новгород., губ., Сб. Отд. русск. яз. и слов. Росс. Акад. наук, XCIX, № 5, СПб., 1902.

наук можно также заключить о широком распространении этого оборота [1].

Народный поэтический язык также имеет этот оборот. Очень много таких оборотов в пословицах русского народа и в былинах, но северного происхождения, т. е. образованных и сложенных на территории северных говоров, например: «Под старость надо душа спасти»; «Водить свинья, накормить семья»; «Прудить река, не будет греха»; «Рука приложить и душа положить»; «Без денег — вода пить»; «Дать ссуда — на век остуда»; «Воришка убить — не душа погубить»; «Варить брага, потерять и фляга»; «Животина водить, не разиня рот ходить»; «Лучше вода пить в радости, нежели мед в кручине»; «Нет ли горшечка попарить кишечка?» (П. Симони, Старинный сборник русских пословиц XVII—XIX вв.).

В древних былинах этот оборот также имеет место, например: «Потерять тебе будет буйна голова» (Русские былины, изд. Тихонравова и Мюллера); «Не подобает мне-ка взять девка неверная»; «Истопить-то теплая парная баенка»; «А кому у нас держати Рязань старая... А боярину конюшему держать Рязань старая...» (Песни, собр. Джемсом); «Где бы Ермаку зима зимовать?» [2].

Приводит эти формы и Колосов в своей работе «Заметки о языке народной поэзии», например: «Мне-ко приклонить было да буйна головушка». Ср. также: «Для того я еду в Киев град, что надо расчистить дорожка прямоезжая» (Рыбников, Былины); «И мне быть своя заповедь нарушить» (там же); «Мне спасти-то теперь надоть душа грешная» (А. Марков, Беломорские былины); «Еще надо тому шуточка отшучивать» (там же).

Но почему же употребляется при инфинитиве именительный падеж?

Я. А. Спринчак [3] дает сжатый очерк исследования вопроса об именительном падеже существительного женского рода с инфинитивом. Изложив точки зрения на этот вопрос Буслаева, Востокова, Лавровского, Попова, Соболевского, Шахматова, Обнорского и др., Я. А. Спринчак заключает, что восьмидесятилетние исследования этого типа конструкций не увенчались успехом вследствие неправильных методологических позиций исследователей. Мы полагаем, что надо было указать на неправильность точки зрения Буслаева, который считает слова на *-а* женского рода заменой винительного падежа

[1] См. об этом в статье Ф. П. Филина в «Бюллетене Диалектологического сектора», № 1, Изд-во АН СССР.

[2] Древнерусские стихотворения, собр. Киршей Даниловым, стр. 114.

[3] Я. А. Спринчак. Конструкция «инфинитив с именительным падежом существительных женского рода» в истории русского языка, Днепропетров. гос. ун-т, Сб. работ филолог. ф-та, т. XXIX, вып. III.

именительным. Нельзя не отметить и неправильного, противоречивого толкования этой формы Ф. Миклошичем, который, считая эту форму подлежащим в предложении, указывает, что это м н и м ы й винительный падеж. Никакой мнимой «винительности» в этом падеже нет, по отношению к современному языку здесь выступает винительный падеж, а не именительный; ср.: *без денег воду пить*.

Только в трудах Потебни, Попова и Шахматова мы находим освещение и объяснение конструкции «именительный + + инфинитив», близкое к истине.

Не приводя мнений и решений отдельных ученых о происхождении этого оборота, мы попытаемся определить его смысловые функции. В современном русском литературном языке этих оборотов нет. Но в диалектах инфинитив + именительный является живой конструкцией. По диалектным материалам мы наблюдаем, что наиболее часто такая инфинитивная конструкция включает и модальные слова *надо, нужно, можно* и модальные безличные глаголы (книжные) *надлежит, следует* или глаголы *досталось, пришлось*. Этот факт свидетельствует о том, что как в современном народном языке, так и в древнерусском этот оборот употреблялся при выражении необходимости или долженствования, о чем писал и Шахматов; начало дано, по-видимому, предложениями с *надо* и другими подобными словами, где при *надо* именительный падеж (типа: *мне надо коса*) мог сопровождаться дополнительным глагольным членом — инфинитивом; ср.: «Нам надо истопить байна» (Белоз., Сокол. 79); «Мне надо собака с собой взять» (Сев., Онч. 15); «Шуба мне починить надо, да все недосуг» (Соликам., Славцов); «Нать река переплыть» (Кем., Цейтлин).

Следовательно, значение этих типов конструкций очень определенно: они выражают необходимость, долженствование, которое и выражается или лексически — *надо, должно, нужно,* или инфинитивной конструкцией с интонацией категорического побуждения. Грамматическая природа этого оборота в настоящее время трудно объяснима, так как с современной языковой точки зрения в нем не должно быть именительного, а должен быть винительный падеж. Шахматов в своем «Синтаксисе» считает этот оборот неразложимым словосочетанием, как *пять мальчиков,* но необходимо исторически объяснить образование этого сочетания.

Большинство лингвистов считает, что именительный при инфинитиве и есть действительно именительный, выполняющий функцию подлежащего, сказуемое к которому — *есть,* а инфинитив является дополнением. Так смотрели на грамматическую природу этого оборота Миклошич, Соболевский,

Шахматов, отчасти и Булаховский, т. е. они полагали: *вода есть пити* = «вода есть для питья».

Потебня на примере «Такова правда узяти Русину» (Смол. гр. 1229 г.) показывает историю изменения личного предложения с подлежащим *правда* в безличное, при котором *правда* заменяется винительным падежом или же, оставаясь в форме именительного, начинает осознаваться как винительный падеж. А. В. Попов в своих «Синтаксических изысканиях» обратил также внимание на эту конструкцию и дает ей такое объяснение: «Сущность этого рода оборотов заключается в том, что при неопределенном действительного залога, которое бывает сказуемым или дополнением к сказуемому, подлежащим является именительный, на месте которого с современной точки зрения скорее следовало бы ожидать винительного... Происхождение этого рода оборотов вполне ясно. Место сказуемого с древнейших времен занимали нередко отглагольные существительные в косвенных падежах... Так как неопределенное наклонение первоначально есть тоже косвенный падеж отглагольного существительного, то оно... естественно также употреблялось на месте сказуемого. Такое сказуемое означает возможность, способность или долженствование» [1].

Такие обороты, по свидетельству Попова, сохранились во всех почти индоевропейских языках. Это очень характерная форма, которая бытовала с давних пор и существует до настоящего времени в северных русских говорах, являясь специфической их чертой. Эта черта очень распространена и в древнерусском языке, но в особых стилях или в произведениях нормативно-императивного характера, например, в Домострое.

Я. А. Спринчак в своей диссертации «Синтаксические конструкции судебника Ивана Грозного» [2] пишет, что в книжно-приказной язык эта конструкция попала из севернорусских говоров, так как язык северного боярства наложил известный отпечаток на книжно-приказной язык. Но потом, когда Москва становится политическим и хозяйственным центром страны и начинается усиление руководящей роли средне- и южнорусского дворянства, приблизительно с XVII в., северные диалектные черты стали вытесняться, а в начале XVIII в. они окончательно исчезли из книжно-канцелярского языка, сохранившись только в поэтическо-народных произведениях и отдельных севернорусских говорах [3]. Но возможно, что эта конструкция бытовала и в московском говоре.

---

[1] А. В. Попов. Сравнительный синтаксис.., Филолог. зап., вып. IV, 1879, стр. 46—47.

[2] Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та им. Герцена, т. XX, 1940.

[3] См. «Материалы» в упомянутой работе Я. А. Спринчака, стр. 12 и след.

Относительно происхождения данного оборота догадки Я. А. Спринчака кажутся довольно вероятными (если мы отбросим его стадиальные объяснения, что в русском языке конструкция «инфинитив + именительный» является пережитком прошлых стадий в развитии языка и мышления). Видимо, так же можно объяснить и конструкции с модальными словами *надо, нужно* при инфинитиве + именительный падеж: *надо баня топить.*

Но наиболее обоснованным нам кажется мнение Т. П. Ломтева, который в своей статье «Учение Потебни о субъектном и объектном употреблении инфинитива и вопрос о конструкции типа *вода пить*» [1] эти обороты, вслед за Потебней, считает личными, признавая в форме на *-а* слов женского рода единственного числа именительный падеж, а не винительный, а в инфинитиве *пить* — сказуемое при личном подлежащем, выраженном именительным падежом.

Несомненно, рассматриваемые обороты должны быть еще более детально изучены для того, чтобы понять соотношение и различие образовавшихся когда-то оборотов типа «Луче бы ми видети нога своя в лычницы, нежели в черлене сапозе» («Словно Даниила Заточника») и современные обороты *баню топить, песню петь* и т. д.

---

[1] См. «Доклады и сообщения филологич. факультета МГУ», кн. 8, 1949.

ГЛАВА XII

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ОБРАЗОВАННЫЕ ИЗ СОЧЕТАНИЯ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО И ИНФИНИТИВА, ВЫРАЖАЮЩИЕ МОДАЛЬНУЮ ОЦЕНКУ ДЕЙСТВИЯ

В современном русском языке существуют безличные предложения, выражающие оценку действия, которое обозначено инфинитивом. Сама же оценка выражается именем существительным в именительном падеже, например: «А нынче *грех* и вымолвить» (Снегирев). По своему значению предложения такой конструкции не одинаковы, они распадаются на следующие подгруппы:

1) предложения, выражающие модально-этическую оценку действия;

2) предложения, выражающие модально-эмоциональную характеристику действия человека;

3) предложения, выражающие модальные оттенки долженствования в отношении времени совершения действия;

4) предложения, выражающие модально-волевые импульсы поведения человека;

5) предложения, выражающие модальное значение долженствования или запрета.

По своему морфологическому составу все эти предложения одинаковы, различаясь только лексическим значением как инфинитива, так и именительного падежа существительного. Лишь четвертая группа может иметь другую структуру составных частей.

По синтаксической связи структурные части первых трех групп безличных предложений построены путем примыкания, т. е. особого смыслового присоединения одного слова к другому без изменения формы слов.

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ МОДАЛЬНО-ЭТИЧЕСКУЮ ОЦЕНКУ ДЕЙСТВИЯ

Безличные предложения первой группы, выражающие модально-этическую оценку поступков человека, включают в себя глаголы, лексическое значение которых неизменно относится к сфере деятельности человека или антропоморфизированных существ, наделяемых волею и чувством. Имена существительные, дающие ту или иную оценку обозначаемых этими глаголами поступков и действий, очень немногочисленны, например: *грех, стыд, срам, досада, смех, мука, страдание, каторга, жуть, страх, ужас, позор* и др. Эти слова, как полагает Потебня, входили в состав личных предложений в качестве их субъекта: *грех был* (или: *грех есть*) *пойти.* Затем глагол *есть* стал опускаться, как он стал опускаться в формах именного составного сказуемого, и получалась фраза *грех пойти, стыд сказать.*

Однако вряд ли прав Потебня, полагая, что дальнейший путь переосмысления и грамматической трансформации этих номинативов шел таким образом: «Прежде чем в этих выражениях именительные стали чувствоваться лишь как определения безличного сказуемого, как наречия, они должны были еще чувствоваться как подлежащие» [1].

Раньше Потебня высказывался еще более определенно: «Относительно оборотов с существительным следует заметить, что их именительные (*неволя*) суть теперь уже не подлежащие, а предикативные атрибуты и что они в той же мере безличны, как немецкое «es ist schade».

Но вряд ли можно сопоставлять и сравнивать эти формы с существительными *страх, страсть, ужас* в таких предложениях, как: *Я же смерть не люблю в коляске ездить,* где *смерть* действительно является наречием [2].

Слова *смех, грех, досада* в безличных предложениях не являются наречиями и не определяют глагола, а выражают состояние. Нам представляется, что процесс развития шел иначе.

Слова *грех, срам, стыд* и другие подобные им, входившие первоначально в состав личных предложений: *срам был, грех есть* с примыкающим к ним инфинитивом, позднее, при преобразовании этих предложений, стали выражать состояние.

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. III, стр. 464.

[2] О возникновении таких наречий см. в моей книге «Наречие в русском языке», 1938, стр. 31.

Эта новая функция выражения состояния не нуждалась в глагольном сказуемом как обозначении действия, и глагол стал терять согласование с подлежащим, которое перестало быть носителем признака и уже не связывалось с этим признаком. Получалась новая конструкция: не *стыд был смотреть,* а *стыд было смотреть;* ср.: *грех было ругать.* Примыкающий инфинитив, лишенный всяких определителей, т. е. не имеющий форм лица, числа, влиял на глагол *был,* делал его более неопределенным и служебным (форма среднего рода). Таким путем получилось безличное предложение, выражающее состояние. А существительные, бывшие прежде подлежащими личного предложения, стали выражать этическо-модальную оценку состояния. Верность данного положения доказывают нам другие слова, на наших глазах переходящие из номинативов в слова-характеристики состояния: *мука, каторга, страх, досада, ужас* и другие.

Необходимо отметить, что подобные выражения очень недавнего образования. Так, например, в «Материалах» Срезневского[1] в «Словаре Академии Российской» 1789—1794 гг. слова *срам, стыд, страх* в соединении с инфинитивом для выражения состояния не указаны, так же как не указаны они и в ранних грамматиках.

Чаще всего подобные предложения встречаются в пословицах и поговорках, например: «Грех воровать, да нельзя миновать» (Снегирев); «Стыдно сказать, а грех утаить» (он же); «Грех куском макать в солонку» (он же); «Ему после этого срам и в люди показаться» (он же); «Старику не грех и отдохнуть» («Толковый словарь» под ред. Д. Н. Ушакова).

Употребляются подобные словосочетания и в языке художественной литературы, например: «У отца я стащу золотые часы — на это дело не грех и стащить» (Пришвин); «Тьфу, чтобы тебе... Сегодня напустился — срам слушать» (Гончаров); «Беда не раскаянным встать под копьем» (Брюсов).

Встречаются предложения, выражающие и другие значения эмоциональной оценки, например: «Швабрина *сказнить не беда;* а *не худо* и господина офицера *допросить* порядком: зачем изволил пожаловать» (Пушкин); «Еще и ныне *не редкость встретить* такие семейства, которые с некоторым страхом смотрят на писателя...» (Добролюбов); «Пойдем чай пить,— сказал дед... Видно — *судьба* тебе со мной *жить*» (Горький); «Для меня *каторга играть* в этой сказке» (Чехов).

---

[1] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, 1893—1902.

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ МОДАЛЬНО-ЭМОЦИОНАЛЬНУЮ ХАРАКТЕРИСТИКУ ДЕЙСТВИЯ

Безличные предложения, в которых высказывается модально-эмоциональная оценка действия, отличаются от первой группы предложений тем, что в них выражается только чувство, испытываемое при том или ином действии, или выражается чувство к чему-либо. Однако в этих предложениях сказывается не вся сложная гамма человеческих чувств, а только чувство жалости (*жаль сказать* или *жаль сына*). В современном русском языке предложения со словом *жаль* очень распространены.

Слово *жаль* по своему происхождению — имя существительное. Об этом говорит множество пословиц, в которых *жаль* сохраняет свое древнее значение имени существительного, например: «Человек *жалью* живет»; «От *жали* не плакать стали»; «*Жалью* моря не переедешь — веку не изживешь»; «Не предавайся *жали*».

Затем это имя существительное претерпевает такую же модификацию, как и слова *срам, стыд,* и становится средством выражения состояния [1] (*жаль ми есть* — личное предложение). Потом слово *жаль* делается стержнем безличного предложения, выражающего психологическое состояние, адекватное по значению с синонимическим предложением *жалко мне.* Как Потебня, так и Шахматов предполагали и здесь сначала переход существительного в наречие.

Нам такой переход кажется невозможным: ведь *жаль,* приобретая значение состояния, приближается к глагольным словам. Это вновь появившееся значение глагольности [2] позволяет слову *жаль* управлять родительным падежом и даже винительным.

В современном русском языке слово «*жаль*» в литературном языке встречается в сочетании с родительным падежом; например: «Жаль бедной» (Баратынский); «Жаль зимы-старухи» (Пушкин); «А для меня пятака жаль» (Салтыков-Щедрин); «И чего-то нам светлого жаль» (Блок); «И лжет душа, что ей не нужно всего, чего глубоко жаль» (Фет).

В народном языке эта конструкция очень распространена: «И кума жаль и браги жаль» (Снегирев); «Жаль молока — не видать кошки» (он же); «Жаль писцу бумажки, не нажить

---

[1] Недаром Востоков в своей «Русской грамматике» причисляет слова *льзя, жаль, лень* к безличным глаголам, см. стр. 109.

[2] См. А. А. Шахматов. Синтаксис, вып. I, стр. 307, где он пишет: «Происхождение его прииенное, ибо *жаль* было некогда именем существительным».

ему рубашки» (он же); «Не жаль спины, а жаль дубины» (Даль); «Жаль кулаков, да бьет дураков» (он же).

Однако встречаем безличные предложения, где *жаль* управляет винительным падежом, например: «Ведь каждую копейку, даром брошенную, жаль» (А. Н. Островский); «Жаль тятеньку, ей-богу, жаль-с» (он же).

Не менее часто встречаются конструкции, в которых слово *жаль,* выражающее состояние, сочетается с инфинитивом, например: «Я люблю, мне ее жаль пальцем тронуть» (А. Н. Островский); «Жаль его разочаровывать-то» (он же); «Ей-ей, не жаль отдать души за взгляд красотки чернобровой» (Брюсов); «Мне жаль было покинуть родные места» (Овсянико-Куликовский).

Не менее часто *жаль* как безлично-предикативный член образует главное предложение, которому подчинено придаточное предложение; например: «Жаль, что надобно солгать» («Трутень»); «А право жаль, что он дурно кончит...» (Лермонтов).

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЕ ДЕЙСТВИЯ ПО ВРЕМЕНИ

Особенно употребительна конструкция безличного предложения, выражающая долженствование действия по времени со словами *пора, время* или *досуг, недосуг.* Этими словами выражается необходимость действия в данный момент: *пора идти = нужно сейчас идти; время наступать = необходимо сейчас, в данный момент, наступать.* Например: «*Пора* тебе и о женихе *подумать*» (Карамзин); «*Пора презреть* мне ропот знатной черни и гибельный обычай уничтожить» (Пушкин); «*Пора, пора* насмешкам света *прогнать* спокойствия туман» (Лермонтов); «Вставайте же, *пора одеваться*» (Гончаров); «Солнце село, и мне *пора было идти домой*» (Тургенев); «Мне *гулять пора*» (А. Н. Островский); «*Пора* старикам *помириться, покаяться*» (Бунин); «Скоро и *вставать пора*» (Чехов); «Ну ты, брат, очухайся, *пора*» (Горький).

«Не место *объяснять* теперь и *недосуг*...» (Грибоедов); «*Досуг* мне *разбирать* твои вины» (Крылов); «Всего, что знал еще Евгений, *пересказать* мне *недосуг*» (Пушкин).

«Теперь *время обедать*» (Пушкин); «*Не время выкликать* теней» (Тютчев); «Великодушие наивно, *время поумнеть*» (Горький); «Сейчас *не время заниматься* внутренними делами» (А. Калинин).

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ МОДАЛЬНО-ВОЛЕВЫЕ ИМПУЛЬСЫ

Безличные предложения, в которых выражаются модально-волевые значения, конструируются из имен существительных *лень, охота, неохота, неволя (невмочь)* и примыкающего к ним инфинитива с любым лексическим значением, например: «*Неволя* мне *сидеть* в доме» (Невежин). «А *неволя стоять* на морозе-то!» (А. Н. Островский).

«Чтоб долго мне примеров не искать, хоть много их, я в том уверен, да *рыться лень*...» (Крылов); «И вдруг недвижны очи клонит, и *лень* ей далее *ступить*» (Пушкин); «Вы бросаетесь на землю, вы напились, но вам *лень пошевельнуться*» (Тургенев); «Как вам *лень жить!*» (Чехов).

«*Охота* смертная *прослыть* за старика» (Грибоедов); «И *охота было не слушаться,*— говорил он сердито» (Пушкин); «*Охота* вам *жить* у него...» (Островский); «*Охота* вам *помнить*» (Л. Н. Толстой); «Видно было, что ему самому смертельная *охота* что-то *сказать*» (Фурманов).

Очень часты эти обороты в сказках, например: «Али была *охота заколоть?*»; «*Охота* мне ее *замуж* отдать»; «*Охота* опять к жене своей к первой *явиться*»; «*Охота* ему так *поймать, не стрелять*» [1].

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ МОДАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ

Предложения, выражающие значение модальности долженствования, очень бедны лексически. Только несколько существительных выражает значение долженствования в безличной конструкции: *след, не след* [2], *нужда, долг* в сочетании с инфинитивом. Однако и эти предложения в современном русском языке встречаются крайне редко, так как они заменяются конструкциями иного образования, например: 1) глагольными: *следует ехать, полагается ехать, надлежит ехать;* 2) из безлично-предикативных членов с модальным значением: *нужно ехать, необходимо ехать, надо ехать* и др.

Тем не менее предложения с модальной окраской, образованные из существительных в сочетании с инфинитивом, нам встречались и в современном литературном языке, например: «У меня крайняя *нужда поговорить*» (А. Болотов);

---

[1] Все четыре примера взяты у П. Г. Стрелкова («Синтаксис пермских сказок», Пермь, 1930, стр. 19).

[2] В «Словаре Акад. Росс.» указано иное значение: «причина или приличность к чему»: *Иметь след ходить к кому.*

«И чувствую я, что *не след* ей *разговаривать*, а запретить ей не могу» (Тургенев).

Наблюдения показывают, что безлично-предикативные члены типа *пора, время, досуг, жаль, досада, грех, смех* не так давно в языке были номинативными словами и употреблялись в предложении, как и обычные существительные. Ср.: «*Была* та смутная *пора*, когда Россия молодая, в бореньях силы напрягая, мужала гением Петра» (Пушкин); «Учитель-француз был отпущен, потому что сыну *пришла пора* на службу» (Гоголь); «Взглянувши вверх, он успокоился, ибо смекнул, что стенным часам *пришла охота* бить» (Гоголь).

Содержание этих имен существительных не препятствовало употреблять их в другой функции — функции обозначения состояния. С приобретением нового значения и новой функции слово получило и новую синтаксическую роль. Все вместе взятое способствовало тому, что бывшие существительные стали терять формы предметности и приобретать иные формы, свойственные значению состояния и функции сказуемого.

В связи с этим наметились иные связи с другими членами предложения: определения-прилагательные не сочетаются уже с этими безличными предикатами, к ним начинает примыкать инфинитив, и все словосочетание, не имея соотносительности с глаголом, становится модальным и безличным.

В народном языке эти предложения также употребительны: «С сука на сук — а *ходить недосуг*» (народная поговорка); «*Пора* тебе и *честь знать*» (Даль); «Полно браниться, *пора помириться*» (народная поговорка); «*Не пора ли* нам, ребята, свое пиво *пити?*» (из народной песни).

В силу эллипсиса конструкция инфинитива с существительным часто нарушается пропуском инфинитива; чаще такое явление наблюдается в просторечно-разговорном языке или в произведениях народных поэтов; например: «Да неохота было» (Л. Н. Толстой).

Встречаются в литературном языке конструкции безличных предложений, в которых имя существительное стоит не в именительном падеже, а в косвенных падежах с предлогами, превращаясь в наречие; это наречие перемещается в разряд слов, выражающих состояние, например: *не в пору, не ко времени, невмочь, не впрок, не в толк, не в пользу* (народн. *не в сутерпь*) и др. Например:

«*Не под силу* нам *стоять*,
Не с горохом воевать»

(народная сказка);

«Мне, подружки, *невдогад*,
Принес милый виноград»

(народная частушка);

«*Невдогад* по малину, так хоть по еловы шишки» (Даль).

Одни наречия в силу новой своей функции выражать состояние перестают быть наречиями и теряют возможность примыкать к глаголам, выражающим процесс. Такие наречия уже перешли в категорию состояния, способную только сочетаться со связкой, например:

«Ах, родимая ты матушка,
Невдомек да *невдогад было*
Отогнать те того сокола
От окошечка косящатъва».
(Свадебные песни, Кимр. р-на,
дер. Андрейцево.)

Другие наречия хотя и вступили на путь активного перемещения в категорию состояния, однако не потеряли и своей прежней функции — определять глагол-процесс, вследствие чего они и не перестали быть наречиями, например: *не под силу работал; не в пору пришла.*

В тех случаях, когда такие формы сочетаются с инфинитивом, они образуют безличные предложения, выражающие состояние: *невмочь свыкнуться, не под силу терпеть, невдогад сходить, не время отступать, время бежать.*

Однако безличность проявляется только тогда, когда инфинитив постпозитивный, а предложение интонационно не членится. В тех же случаях, когда инфинитив препозитивный а безлично-предикативный член дает ему характеристику и предложение членится на две сферы — определяемого и определяющего, такие предложения можно считать субъектными, в которых инфинитив и выполняет функцию подлежащего, например: «Над старостью смеяться грех» (Грибоедов); «Скрытничать перед ней было бы грех» (Тургенев); «...Но отступать было не время» (Лермонтов); «Ах, заснуть мне невмочь в эту душную ночь» (народная песня).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопрос о безличных предложениях одинаково интересен как для лингвистов, так и для философов и психологов, так как он касается не только языка, но и мышления.

Нельзя решить вопроса о сущности безличных предложений, не решив того, какая форма мысли облекается в форму безличного предложения.

Можно предполагать, что безличные предложения заключают в себе суждение, в котором субъект лексически не выражен. Субъект суждения неясен, неопределенен, а в некоторых случаях и неопределим, хотя предмет суждения несомненно имеется.

Безличные предложения по соотношению с суждением не одинаковы. В таких предложениях, как *горит; меня душит; жжет в горле,* подлежащее не названо в силу неопределенности, неизвестности. Однако, несмотря на то, что в этих предложениях подлежащего нет, предмет суждения мыслится, как неопределенное «что-то». В силу этой неопределенности, неизвестности предмет суждения не назван, поэтому нет логического субъекта и нет грамматического подлежащего. В таком предложении выражено неразвернутое логическое суждение.

Но в речи имеется и такой вид бесподлежащных односоставных предложений, в которых не только нет ни субъекта, ни подлежащего, но и предмет суждения не представляется ясным. *Смеркается, светает, нездоровится* — в таких предложениях субъект словесно не выражен, да он и не мыслится как «что-то». Мы не знаем причины, источника процесса, обозначенного сказуемым-глаголом, мы и не ставим вопроса о том, что или кто «смеркается». Субъект не только не определен, но и не определим.

В основе таких безличных предложений лежат особые специфические суждения[1], сущность и причину образования которых следует выяснить логикам.

Главным же отличительным признаком безличного предложения является то, что в нем нет грамматического подлежащего, выраженного формой существительного в именительном падеже, в форме же глагола не выражено значения лица и по форме связи его нельзя и выявить. Строй безличных предложений отступает от строя двучленных суждений, и в нем нет соответствия членов предложения членам суждения: подлежащего — субъекту, сказуемого — предикату. Потебня наличие таких предложений объясняет остатками первичных, нерасчлененных форм мышления в далеком прошлом человечества.

В безличных предложениях сообщается о каком-либо действии, явлении, процессе, а чаще о состоянии, которое независимо от производителя или от носителя действия и проявляется само по себе, вследствие чего в безличных предложениях нет словесно выраженного подлежащего-субъекта, а в форме сказуемого нет указания на связь с лицом-деятелем, который не обозначен в форме подлежащего.

Центральным организующим стержнем безличных предложений является сказуемое, выраженное как глагольными, так и именными формами, с которыми связываются различные второстепенные члены предложения, выраженные родительным падежом при глаголах бытия с отрицанием, дательным падежом при глагольном сказуемом, инфинитивом при словах категории состояния и др.

Эта тесная, своеобразная связь второстепенных членов предложения с той или иной формой сказуемого заставляет видеть в них особый конструктивный элемент при выражении безличности предложений.

Безличные предложения в нашем исследовании расположены по способу выражения сказуемости: 1) а) безличными глаголами, б) личными глаголами, но употребленными в значении безличном, 2) безличными возвратными глаголами, 3) формой глаголов, бытия с *не* и родительным падежом, 4) формой инфинитива, 5) формами страдательных причастий, 6) безлично-предикативными членами разной формы.

Безличные предложения в русском языке соотносительны с личными. Но личные предложения наиболее типичны, так как они могут выражать все многообразие мысли, чувств и воли. Поэтому личные предложения — основная, общеприня-

[1] П. С. Попов называет их одночленными. См. его статью «Суждение и предложение», «Философские записки», 1956, № 3.

тая в разных жанрах и стилях форма высказывания, типическая структурная форма предложения, соотносительная с формой суждения.

Безличные предложения, как видно из представленного материала, различны как по содержанию, так и по структуре. Поэтому объяснить их возникновение и развитие одной причиной нельзя. Различные потребности в целях общения обусловили различие содержания и значения этих предложений, что в свою очередь обусловило и различие структуры безличных предложений.

Безличные предложения свойственны не только русскому языку, но и другим языкам, в которых типы безличных предложений, совпадая по значению, разнятся по структуре (ср. *дождит* — es regnet). Данное обстоятельство свидетельствует о различии внутренних законов развития каждого языка. Однако в родственных языках не только одинаково содержание, но очень близка и форма. Наличие одинаковых по смыслу безличных предложений в других индоевропейских языках свидетельствует об общности мышления людей, а близость форм безличных предложений говорит о родственности языков.

Какая же причина послужила тому, что в языке появились безличные и личные предложения? И какие из них более ранние, какие более поздние? Исследуя материал языка в его истории и сравнивая различные языки, можно предположить, что в древнейший период были как личные, так и безличные конструкции. Если действие воспринималось человеком как исходящее из какого-то источника и если потребность в общении заставляла фиксировать внимание как на деятеле, так и на действии, то деятель-субъект обозначался словом так же, как и действие-предикат. В таком случае образовывались двусоставные, личные конструкции. Если нужно было сосредоточить внимание только на процессе или состоянии, то субъект-деятель не назывался и предложение получалось односоставное, безличное и бесподлежащное. Если же этот субъект-деятель не только не назывался, но и не имел определенного, ясного представления, то предложение было бессубъектным. Таким образом, безличные предложения появлялись:

1) при нечетком восприятии и дифференциации деятеля и действия, в результате суммарного впечатления от действия и деятеля: *брезжит, смеркается;*

2) в том случае, когда сам деятель представлялся орудием какой-то непознанной силы: *пахнуло ветром, сожгло огнем;*

3) в том случае, когда вместо деятеля обстановка, ситуация досказывала то, что не выражалось в речи: *горит, дымит,* а предмет не назывался, так как происходила замена слова жестом, мимикой.

4) Развитие понятия необходимости, долженствования порождало безличные предложения, направленные ко всем лицам или к каждому лицу: *надо пойти, следует помогать, должно работать.*

5) Появившаяся нужда в оценке внутренних психологических состояний породила новый вид безличных предложений и новую часть речи: *мне весело, вам грустно, ему смешно* и т. д.

Как же образовывались безличные предложения? Субъект не обозначался словом в силу разных причин: 1) в силу мифологического мышления, когда люди не называли деятеля, 2) в силу нечеткого выделения деятеля, 3) в силу незнания причины действия, 4) в силу того, что не было потребности называть деятеля. Могли образовываться безличные предложения и по другим причинам, чисто конструктивно-языковым.

1) Некоторые виды безличных предложений образовывались в результате эллипсиса. При эллипсисе придаточного образуется однословное безличное предложение.

2) В предложении *Мне это было неудобно* слово *это* — подлежащее, *неудобно* — сказуемое из краткой формы прилагательного. Слово *это,* как лексически неполновесное, может опускаться: *Мне было неудобно.* Если подлежащее выражается формальным словом-местоимением, то оно легко опускается и предложение становится безличным. Ср. также: *Это было печально — Было очень печально.*

В предложении *Все было так странно и непонятно* слово *все* — обобщающее местоимение — может быть опущено, глагол бытия переходит в связку, краткая форма прилагательного начинает выражать не признак понятия «все», а состояние, и предложение становится безличным: *Было так странно и непонятно.* Таким же образом образовывались и безличные предложения *Было видно, Было сказано.*

2) Появлялись безличные предложения и в силу потери согласования кратких форм прилагательных и перехода их в категорию состояния: *Ум — хорошо, а два лучше.*

3) Переход имени существительного в категорию состояния также являлись причиной появления безличных предложений: *Стыд был красть — Стыд было красть; Грех был смеяться — Грех было смеяться.*

4) Появились безличные предложения и при отвлеченных глаголах *стало было* и др., которые становились связками при переходе имени существительного в категорию состояния: *было жаль, стало жаль* и др. Однако образование безличных предложений особая проблема.

В итоге наших исследований мы осмеливаемся надеяться, что нам удалось:

1) разграничить личные и безличные предложения, исходя из значения и формы предложения;

2) разграничить понятия о безличных глаголах и безличных предложениях, показав движение личных глаголов в безличные в зависимости от новых семантико-синтаксических функций;

3) выяснить богатство семантических оттенков в безличных предложениях в разнообразных их оформлениях и дать более широкую и полную классификацию безличных конструкций, чем это было сделано раньше:

4) выявить с несомненностью все усиливающийся процесс развития безличных предложений в языке;

5) наметить соотношение безличных предложений с особой формой суждения.

БИБЛИОТЕКА
Института
Языкознания
А.Н. СССР

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3
Глава I. К вопросу о соотношении суждения и предложения, их единстве и различии с материалистических позиций 5
Понятие суждения 5
Понятие предложения 21
Суждение и предложение 29

Глава II. К истории вопроса о безличных предложениях 40
Безличные предложения в западноевропейской науке 40
Безличные предложения в трудах славянских ученых . 56
Безличные предложения в работах русских лингвистов 59

Глава III. Отграничение других типов предложений, неправильно включаемых в безличные предложения . . . 96

Глава IV. Значение и формы безличных предложений в современном русском языке. Общая классификация безличных предложений 122

Глава V. Безличные предложения со сказуемым из безличных глаголов 3-го лица невозвратной формы . . . 129
Безличные предложения со сказуемым, выраженным собственно-безличным глаголом 129
Безличные предложения, выражающие физические и атмосферно-метеорологические явления 129
Безличные предложения, выражающие психофизическое состояние живых существ 131
Безличные предложения, выражающие модальное значение долженствования 132
Безличные предложения со сказуемым, выраженным личным глаголом в безличном употреблении 134
Безличные предложения, выражающие понятия о времени и метеорологическо-атмосферных явлениях . . 135
Безличные предложения, выражающие состояния и процессы в природе и в окружающей среде как проявления стихийной силы 138
Безличные предложения, выражающие действия мифической, нереальной силы 141
Безличные предложения, выражающие физическое состояние живых существ 142
Безличные предложения выражающие психическое состояние человека 145
Безличные предложения, выражающие действие неизвестной силы посредством какого-либо орудия . . 146

Глава VI. Безличные предложения со сказуемым, выраженным безличным возвратным глаголом 152
Безличные предложения, выражающие природно-временные явления 155
Безличные предложения, выражающие атмосферно-метеорологические явления 157
Безличные предложения, выражающие различные процессы и явления в природе и в окружающей среде . 159
Безличные предложения, выражающие самостоятельно возникшие процессы, не обусловленные волей деятеля или какой-либо причиной 161
Безличные предложения, выражающие физическое или психическое состояние человека 165
Безличные предложения, выражающие предрасположенность к физическим действиям и состояниям . . . 167
Безличные предложения, выражающие предрасположенность к психическим действиям и состояниям . . 172
Безличные предложения, выражающие действия неизвестной силы или недостоверное восприятие действительности 175
Безличные предложения, выражающие пассивное действие объекта на субъект 180

Глава VII. Безличные предложения со сказуемым, выраженным глаголом бытия, существования 183
Экзистенциальные предложения утвердительного характера 183
Безличные предложения с глаголами, выражающими значение полноты и достатка 189
Экзистенциальные безличные предложения отрицательного характера 191

Глава VIII. Безличные инфинитивные предложения . . . 200
Грамматическая природа и синтаксические функции инфинитива 200
Модальные значения, выражаемые инфинитивными предложениями 208
Инфинитивные предложения, выражающие модальные значения 212
Безлично-инфинитивные предложения, выражающие возможность и невозможность действия 212
Безлично-инфинитивные вопросительные предложения, выражающие гипотетическую возможность с различными модальными оттенками 219
Безлично-инфинитивные предложения, выражающие значение необходимости 222
Безличные предложения со значением необходимости, выраженные инфинитивом с частицей *бы* 224
Безлично-инфинитивные предложения, выражающие значение желания, стремления 227
Безлично-инфинитивные предложения, выражающие значение долженствования с оттенками побуждения, приказа 229
Безлично-инфинитивные предложения, выражающие волеизъявление 234
Безлично-инфинитивные предложения, выражающие условие, уступление, сравнение и другие оттенки значения в сложных предложениях 236

Безлично-инфинитивные предложения, синонимичные другим типам предложений 238
Безличные предложения со сказуемым из инфинитивных фразеологических сращений 239
Инфинитивные отрицательные предложения со сказуемым из инфинитива и отрицательных местоимений и наречий 241

Глава IX. Безличные предложения, образованные из краткой формы причастий страдательного залога 246

Глава X. Безличные предложения со сказуемым из безлично-предикативных слов на *-о* 266
Грамматические признаки безлично-предикативных слов на *-о* как особой части речи 267
Безличные предложения со сказуемым из безлично-предикативных слов на *-о*, не осложненных инфинитивом 281
Безличные предложения со сказуемым из безлично-предикативных слов на *-о* в сочетании с инфинитивом . 288
К вопросу об инфинитивных конструкциях с препозитивным и постпозитивным употреблением безлично-предикативного члена 290

Глава XI. Безличные предложения из безлично-предикативных модальных слов 301
Безличные предложения, выражающие отношение к действительности 304
Безличные предложения, выражающие значение возможности 304
Безличные предложения, выражающие значение долженствования и необходимости 307

Глава XII. Безличные предложения, образованные из сочетания имени существительного и инфинитива, выражающие модальную оценку действия 317
Безличные предложения, выражающие модально-этическую оценку действия 318
Безличные предложения, выражающие модально-эмоциональную характеристику действия 320
Безличные предложения, выражающие долженствование действия по времени 321
Безличные предложения, выражающие модально-волевые импульсы 322
Безличные предложения, выражающие модальное значение долженствования 322
Заключение 325

Евдокия Михайловна Галкина-Федорук
БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Редактор **Д. Э. Розенталь.** Редактор издательства **Ж. В. Ганиев.**
Технич. редактор **М. С. Ермаков.**

Сдано в набор 10/V 1957 г. Подписано в печать 20/I 1958 г.
Л-44263. Изд. № 454. Формат бумаги 60 × 92/16. Печ. л. 20,75.
Бум. л. 10,5. Уч.-издат л. 21,43. Тираж 14 000. Заказ 895. Цена 13 р. 85 к.

Издательство Московского университета. Москва, Ленинские горы.
Административный корпус.

Типография Издательства МГУ. Москва, Моховая, 9.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
19	2 снизу	предмет, который ставится	предмет", который ....ставится
43	16 сверху	в е щ е в о й	в е щ н ы й
48	4 снизу	Zöwen	Löwen
51	2 сверху	объединить	объяснить
60	14 сверху	*леть, есть, оуншекстъ, явъ есть*	*леть есть, оуне есть, яве есть*
	17 сверху	благочéсть ѡ	благочéстн ѡ
	21 сверху	смиреня	смиренія
	9 снизу	трêjу	трêтjу
68	1 сноска	стр. 102	стр. 142

13 р. 85к